Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 3(52)
Июль – сентябрь
2019

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Т. А.

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (зам. главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Тепляшин П. В., кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Данилова И. Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2019

Адрес редакции:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е
Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется
по подписке.
Подписной индекс 90961
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Электронная версия
номера журнала
размещена
на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-25060,
выданное
Роскомнадзором
21.07.2006

Тираж 1000 экз. Заказ 35.
Дата выхода в свет
27.09.2019.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ
ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

BULLETIN
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

No. 3(52)
July– september
2019

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk T. A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogaty'ryov V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavcev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhajlova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharskij D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Teplyashin P. V., PhD (Law), Associate Professor (Krasnoyarsk)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Danilova I. B. (Executive Secretary)

© VLI of the FPS of Russia, 2019

Address
of Editorial Office:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed by
subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060
issued by the Federal
Supervision Agency for
Information Technologies
and Communications
(Roskomnadzor)
21.07.2006

Circulation 1000 copies
Order 35. Free price.
Date of publication
27.09.2019.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Бабурин С. В. — 9 — **Baburin S. V.**
Правовые и психолого-педагогические механизмы управления конфликтными ситуациями в служебных коллективах сотрудников уголовно-исполнительной системы
Legal and Psychological-pedagogical Mechanisms for Managing Conflict Situations in the Service Teams of Employees of the Penal System

Ворощук В. Б., Кимачев А. Н., Горбань Д. В. — 12 — **Voroshhuk V. B., Kimachev A. N., Gorban' D. V.**
Актуальные правовые и организационные проблемы функционирования колоний-поселений на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы
Current Legal and Organizational Problems of Functioning of Colonies-settlements at the Present Stage of Development of the Penal System

Карпов Э. С. — 18 — **Karpov E'. S.**
Проблемы правоприменительной практики по предоставлению единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам учреждений и органов ФСИН России
Problems of Law Enforcement of Representation of One-time Social Payment for Purchase or Construction of Residential Premises for the Employees of the Penal System

Кимачев А. Н., Котляр В. Н. — 23 — **Kimachev A. N., Kotlyar V. N.,**
Современное состояние правового регулирования отдельных аспектов применения мер безопасности сотрудниками уголовно-исполнительной системы
Current State of Legal Regulation of Separate Aspects of Application of Security Measures by the Staff of Penal System

Кисляков А. В. — 29 — **Kislyakov A. V.**
Объективная оценка поведения осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, сотрудниками исправительных учреждений: значение и меры по повышению эффективности (по материалам одного криминологического исследования)
Objective Assessment of the Behavior of Convicts with Mental Disorders, not Excluding Sanity, by Correctional Officers: the Importance and Measures to Improve Efficiency (Based on the Materials of one Criminological Study)

Ковалёв С. Д.,Полуянова Е. В. — 38 — **Kovalyov S. D., Poluyanova E. V.**
Проблемы правового регулирования применения специальных технических средств оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы
Problems of Legal Regulation of the Use of Special Technical Means by Operational Units of the Penal System

Попова Т. В.,Черняев А. М. — 42 — **Popova T. V., Chernyaev A. M.**
Государственная поддержка развития производственного сектора уголовно-исполнительной системы и оценка ее эффективности
State Support for the Development of the Production Sector of the Penal System and Evaluation of Its Effectiveness

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Аблятипова Н. А., Девятова Н. В. — 49 — **Ablyatipova N. A., Devyatova N. V.**
Некоторые проблемы действия презумпции отцовства по законодательству Российской Федерации
Some Problems of Action of the Presumption of the Paternity under the Legislation of the Russian Federation

Васеловская А. В. 54 **Vaselovskaya A. V.**
Некоторые проблемные вопросы исполнения принудительных мер медицинского характера / *Some Problematic Issues of Execution of Compulsory Medical Measures*

Жестеров П. В. 59 **Zhesterov P. V.**
Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих кредитную организацию: актуальные вопросы / *Vicarious Liability for Persons Controlling a Credit Organization: Topical Issues*

Захаров Д. Е. 64 **Zakharov D. E.**
Состав правонарушения как основание гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства / *The Offense as a Basis of Civil Liability for Non-performance or Improper Performance of a Contractual Obligation*

Комаров И. М. 68 **Komarov I. M.,**
Правовые и организационные криминалистические основы обеспечения предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы / *Legal and Organizational Bases of Criminalistic Prevention of Crimes Committed by Convicted Persons to Imprisonment*

Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В. 74 **Kudryavcev A. V., Zujkova N. V.**
Отдельные аспекты оперативно-розыскной характеристики коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления / *Certain Aspects of the Operational-search Characteristics of Corruption Crimes of Local Government Officials*

Курысев К. Н. 78 **Kury'sev K. N.**
Проблемы создания экспертной системы по проведению и оформлению оперативно-розыскных мероприятий / *Problems of the Creation of an Expert System for the Administration and Execution of Operational Search Activities*

Маркова Н. А., Курганова А. С. 81 **Markova N. A., Kurganova A. S.**
Некоторые аспекты регулирования юридической ответственности за распространение фейковой информации в Интернете и средствах массовой информации: российский и зарубежный опыт / *Some Aspects of the Regulation of Legal Responsibility for the Dissemination of Fake Information on the Internet and Mass Media: Russian and Foreign Experience*

Мишина Ю. В. 86 **Mishina Yu. V.**
Проблемы реализации полномочий сотрудников полиции по установлению состояния опьянения у лиц, совершающих административные правонарушения / *Problems of Realization of Powers of Police Officers on Establishment of State of Intoxication at the Persons Committing Administrative Offences*

Ращупкина Л. В., Солоухина С. В. 91 **Rashhupkina L. V., Soloukhina S. V.**
Содержание права частной собственности лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы / *The Content of the Right of Private Property of the Persons Convicted to Deprivation of Liberty*

Серопян Э. М. 94 **Seropyan E'. M.**
Функции уголовного процесса и его участников: проблемные вопросы содержания и классификации / *Functions of the Criminal Process and Its Participants: Problematic Issues of Content and Classification*

Тараканов И. А., Пичугин С. А. 101 **Tarakanov I. A., Pichugin S. A.**
Ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства: новый подход и перспективы применения / *Liability for Arousal of Hatred or Enmity, as Well as the Humiliation of Human Dignity: a New Approach and Prospects of Development*

Ткачук Т. А., Бодяков В. Н. 106 **Tkachuk T. A., Bodyakov V. N.**
Должностные преступления: некоторые вопросы профилактики и особенности их решения — *Collar Crime: Some Issues of Prevention and Peculiarities of Their Solutions*

Толстова М. В., Лаврик Т. М. 110 **Tolstova M. V., Lavrik T. M.**
Деловая репутация как критерий оценки субъектов предпринимательской деятельности в сфере закупок — *Business Reputation as a Criterion of Evaluation of Business Entities in Procurement*

Чуркин А. В. 115 **Churkin A. V.**
Некоторые коллизии и разные аспекты правоприменения одних и тех же правоотношений в сфере оперативно-розыскной деятельности — *Some Collisions and Different Aspects of the Legal Enforcement of the Same Relationships in the Operational Investigative Activities Field*

Щепетков В. В. 119 **Shhepetkov V. V.**
Проблемы организации деятельности органов прокуратуры по надзору за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан — *Problems of the Organization of the Activity of Prosecutor's Office Bodies for Supervision of Observance of the Housing Rights of Socially Vulnerable Categories of Citizens*

Щетнёв Л. Е., Томилин С. М., Антонов И. Ю. 124 **Shhetnyov L. E., Tomilin S. M., Antonov I. Yu.**
Современные вопросы, возникающие в правоприменительной практике оперативных подразделений при проведении ряда оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина — *Modern Issues Arising in the Law Enforcement Practice of Operational Units during a Number of Operational Investigative Measures Limiting the Constitutional Rights of a Man and a Citizen*

Яковлев А. А. 128 **Yakovlev A. A.**
Вопросы совершенствования системы уголовно-правовых мер профилактики социально значимых заболеваний — *Issues of Improving the System of Criminal Law Measures for the Prevention of Socially Significant Diseases*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА — ***THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW***

Агарков А. В., Королёв Ю. Ф. 135 **Agarkov A. V., Korolyov Yu. F.**
Генезис методов оперативно-розыскной деятельности в пенитенциарной системе Российской империи — *The Genesis of Operational Investigative Methods in the Penitentiary System of the Russian Empire*

Басов В. А. 139 **Basov V. A.**
Понятие и сущность ограничений в праве — *Concept and Essence of Restriction Limits in Law*

Головкин Р. Б., Цыганова О. А. 143 **Golovkin R. B., Cy'ganova O. A.**
Правовые аспекты цифровой идентификационной маркировки некоторых объектов и субъектов правоотношений — *Legal Aspects of Digital Identification Marking of Some Objects and Subjects of Legal Relations*

Гудкова А. В. 148 **Gudkova A. V.**
Некоторые особенности становления правовой культуры российского общества дореволюционного периода — *The Some Features of Formation of Legal Culture of Russian Society of the Pre-revolutionary Period*

Зяблова Т. Е., Комарова Я. Б., Мамчун В. В. 152 **Zyablova T. E., Komarova Ya. B., Mamchun V. V.**
Некоторые аспекты понимания дисфункции права — *Some Aspects of the Concept of Dysfunction of Law*

Калюжная О. В. 162 **Kalyuzhnaya O. V.**
Процесс создания нового государственного календаря и внедрения советской обрядности во Владимирской губернии в 20-е гг. XX в. (по материалам прессы)
The Process of Creating a New State Calendar and Implementi27ng the Soviet Ritualism in the Vladimir Province in Twenties of the XX Century (in Local Periodicals)

Каляшин А. В., Зарипов Р. Р. 167 **Kalyashin A. V., Zaripov R. R.**
Знаки отличия за окончание образовательных организаций высшего образования: историко-правовое исследование
Records of Achievement for Graduation from Organizations of Higher Education: Historical and Legal Research

Мун В. А. 171 **Mun V. A.**
Организационно-правовые основы деятельности фабричной инспекции в сфере охраны материнства и детства в России в середине XIX – начале XX в.
The Legal Framework of the Factory Inspection in the Field of Protection of Motherhood and Childhood in Russia in the Middle of the XIX – Early XX Centuries

Потапова Е. П., Кайдашова А. К. 177 **Potapova E. P., Kajdashova A. K.**
Формирование навыков противодействия коррупции у государственных служащих: трансдисциплинарный подход к генерированию антикоррупционной культуры в процессе магистерского обучения
Formation of Public Employees' Counteraction of Corruption Skills: a Transdisciplinary Approach to Generation of Anti-corruption Culture in the Process of Master Training

Румянцев С. А. 184 **Rumyancev S. A.**
Необходимая оборона как средство самозащиты: некоторые проблемы законодательства и правоприменительной практики
Necessary Defense as a Remedy of Self-defense: Some Issues of Legislation and Law Enforcement Practice

Третьякова О. Д., Петрова И. Л. 188 **Tret'yakova O. D., Petrova I. L.**
Противоправные поликодовые тексты как фактор юридической конвергенции
Illegal Policode Texts as a Factor of Legal Convergence

Якушев П. А. 195 **Yakushev P. A.**
Ценности в системе социальных нормативных регуляторов семейных отношений
Values in the System of Social Normative Regulators of Family Relations

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ***POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES***

Шокин С. Е., Андронова В. А. 201 **Shokin Sergej E., Andronova V. A.**
Суицид или убийство? (о противоречивости законодательства об эвтаназии в зарубежных странах)
Suicide or Murder? (on ontrast of legislation on euthanasia in foreign countries)

РЕЦЕНЗИИ ***REVIEWS***

Зуева П. А. 208 **Zueva P. A.**
Гражданская самозащита, конституция, демократия (рецензия на кандидатскую диссертацию А. А. Газаевой «Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика»)
Civil Self-defense, Constitution, Democracy (Review of the Dissertation by A. A. Gazaevoj «The Constitutional Right to Self-defense in the Russian Federation: Theory and Practice»)

Краткие правила опубликования статей 212 **The Basic Guidelines for Article Submission**

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 343.83:316.48

Бабурин Сергей Витальевич,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат психологических наук, доцент
E-mail: vui@vui.vladinfo.ru

Baburin Sergej V.,
Head of VLI of the FPS of Russia
PhD (Psychology), Associate Professor

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫМИ СИТУАЦИЯМИ В СЛУЖЕБНЫХ КОЛЛЕКТИВАХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Legal and Psychological-pedagogical Mechanisms for Managing Conflict Situations in the Service Teams of Employees of the Penal System

Аннотация. В статье рассматриваются причины и предпосылки развития конфликтов среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, анализируются результаты исследования преобладающих стратегий поведения в конфликте и отношения сотрудников к ним. На основе результатов исследования предлагаются рекомендации по управлению конфликтами в служебных коллективах сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; сотрудники; конфликт; конфликтная ситуация; управление конфликтами.

Abstract. The article discusses the causes and prerequisites for the development of conflicts among the employees of the penal system, analyzes the results of a study of the prevailing strategies for behavior in a conflict and the attitude of employees to conflicts. Based on the results of the study, recommendations on conflict management in the staff of the penal system are proposed.

Key words: the penal system; employees; conflict; conflict situation; conflict management.

Эффективность реализации институтов власти обеспечивает общественный порядок и верховенство права в целом, безопасность государства и его граждан, порядок государственного управления и конституционного строя России. Особая ответственность в этом случае ложится на сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), чья деятельность заключается в профилактике и предотвращении любых преступлений во время исполнения уголовных наказаний.

Конфликты – это важная составляющая деятельности любой организации, в том числе учреждений и органов УИС. Конфликты проявляют себя в условиях и ситуациях, связанных с противоречиями между сотрудниками. Источниками возникающих противоречий могут выступать различные факторы: разногласия в знаниях, умениях и навыках сотрудников, неоднозначное понимание функций управления, напряженность во взаимоотношениях, особенности личностных качеств, мотивации, индивидуальных потребностей, поставленных целей, убеждений, мнений, отношений и оценок.

Любой служебный коллектив характеризуется особенностями процесса профессионального общения, в рамках которого нередко возникают противоречия, носящие как положительную, так и отрицательную направленность, что может препятствовать успешному взаимодействию как отдельных сотрудников, так и целых служб и отделов в учреждениях и органах УИС.

Структура конфликта такова, что, находясь внутри конфликтной ситуации, сотрудники не имеют возможности предвосхищать действия оппонентов и, соответственно, четко планировать свои действия, что формирует ситуацию неопределенности. При этом важно понимать, что успешность профессиональной деятельности оценивается наличием в организации определенного процента конструктивных конфликтов, позволяющих выявлять все разнообразие точек зрения сотрудников, находить альтернативные подходы к решению тех или иных проблем.

Понимание причин возникновения конфликтов позволяет правильно выстраивать процесс управления ими. Однако чаще всего причины конфликтов сводят к столкновению личностных качеств сотрудников, снижая значимость правовых и социальных факторов, влияющих на развитие конфликтов в учреждениях и органах УИС.

Все многообразие факторов и причин развития конфликтных ситуаций можно условно разделить на две большие группы: объективные и субъективные.

Психологические особенности личности сотрудников определяют субъективные причины возникновения конфликтов, которые сводятся к следующим моментам:

– отрицательная психологическая установка, не позволяющая увидеть отдельные положительные проявления при общих низких показателях работы сотрудника или подразделения;

– низкий уровень саморегуляции психических состояний сотрудника, связанный с высоким уровнем ответственности;

– предубеждение и недоверие к подчиненным, стремление всю ответственность брать на себя;

– негибкость в выборе тактики поведения в рамках изменяющейся ситуации;

– сложности адаптации к новым условиям.

К объективным причинам конфликтов в служебных коллективах сотрудников УИС можно

© Бабурин С. В., 2019

отнести небрежное исполнение служебных обязанностей, проступки, несправедливое распределение материальных ценностей, нерациональное использование рабочего времени, нарушение служебной дисциплины. Как правило, конфликты, развивающиеся вследствие объективных причин, приводят к негативным последствиям, которые регулируются правовыми нормами, и их профилактика непосредственно связана с повышением уровня правовой культуры сотрудников. Последствия могут выразиться в дисциплинарной или уголовной ответственности сотрудника, что регламентируется статьями Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» (ст. 49–53) и Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст. 285–286) соответственно.

Для эффективного разрешения конфликта необходимо оценить объем противоречия, его сущность (деловую или личную), причины, содержание и вероятные последствия, стадию и форму проявления конфликта, структуру и позиции конфликтующих сторон, методы, используемые для противодействия, а также мотивы поведения.

Во избежание затяжного характера конфликта необходимо с самого начала управлять им, направляя его развитие в конструктивное русло. Процесс управления конфликтными ситуациями представляет собой осознанную и целенаправленную деятельность субъектов по отношению к конфликту, реализуемую на всех стадиях его развития непосредственно конфликтующими сторонами или же третьей стороной с целью изменения естественной динамики конфликта [1].

Профилактика конфликтов основана в первую очередь на определении и последующем блокировании источников конфликта. Можно выделить следующие направления профилактики конфликтных ситуаций в служебных коллективах сотрудников УИС:

– мониторинг уровня удовлетворенности потребностей сотрудников УИС;

– подбор и расстановка сотрудников в структурных подразделениях служебного коллектива с учетом их психологических особенностей;

– соблюдение принципа социальной справедливости в ситуациях взаимодействия в коллективе сотрудников;

– повышение правовой и социально-психологической культуры сотрудников, формирование позитивных форм профессионального общения.

Разрешение конфликта может быть полным и неполным (частичным). Полное разрешение конфликта возможно при устранении причин конфликтной ситуации. Частичное разрешение конфликта наблюдается при неполном устранении причин, вызвавших конфликтную ситуацию. При этом выделяют следующие способы разрешения конфликта: административный (увольнение, перевод на другую работу и т. п.) и педагогический (беседа, убеждение, просьба, разъяснение и т. п.) [2].

С целью изучения уровня знаний природы конфликта, преобладающих стратегий поведения в конфликтной ситуации и особенностей отношения к конфликтам сотрудников УИС было проведено исследование, в котором приняли участие 68 сотрудников, обучающихся на заочном отделении юридического факультета ВЮИ ФСИН России. Выборку составили представители всех служб и подразделений учреждений и органов УИС. Были получены следующие результаты. Профессиональное общение в служебном коллективе, по мнению 29 сотрудников (42,6 %), можно оценить как уважительное и доброжелательное. 19 респондентов (27,9 %) отмечают исключительно деловой и официальный характер профессионального общения в учреждении, 12 человек (17,7 %) считают отношения в коллективе конфликтными, а 8 сотрудников (11,8 %) указывают на наличие враждебных отношений.

К причинам конфликтов сотрудники относят следующие:

– нарушение требований служебной дисциплины – 20,6 % от общего числа ответов;

– неправильное восприятие и несогласованность действий сотрудников – 16,2 %;

– взаимная неприязнь – 11,8 %;

– низкая профессиональная подготовка некоторых сотрудников – 10,3 %;

– напряженные условия службы – 10,3 %;

– нарушение принципа социальной справедливости при распределении материальных и моральных поощрений среди сотрудников – 8,7 %;

– нарушение профессиональной этики и служебного этикета – 7,3 %;

– низкий уровень ответственности при выполнении служебных задач – 5,9 %;

– авторитарный стиль руководства – 5,9 %;

– религиозные разногласия – 1,5 %;

– вспыльчивость и несдержанность сотрудников – 1,5 %.

Возможность конструктивного разрешения возникающих противоречий в коллективе сотрудников отмечают лишь 8 человек (11,8 %), обращение к руководителю характерно для 10 сотрудников (14,7 %), обращение к штатному психологу – для 5 сотрудников (7,3 %). Остальные сотрудники (45 человек, что составляет 66,2 %) считают, что перевод возникшего конфликта в конструктивное русло невозможен.

Оценка умения сотрудников выделять предпосылки развития конфликтной ситуации показала, что в целом ими четко дифференцируются признаки назревающих конфликтов. Среди них были названы такие, как:

– усиление эмоциональной напряженности, рост агрессивных проявлений в поведении сотрудников;

– неисполнение или частичное исполнение приказов руководства;

– рост критических высказываний и замечаний (часто необоснованных);

– усиление циркуляции слухов в коллективе;

– деструктивное неформальное общение.

Затруднились назвать предпосылки развития конфликтных ситуаций лишь 4 сотрудника (5,9 %).

С помощью методики К. Томаса были исследованы преобладающие стратегии поведения сотрудников УИС в конфликтных ситуациях. Анализ полученных результатов показал, что сотрудники в своей деятельности используют все стратегии поведения в конфликтной ситуации. Наблюдается общая тенденция к склонности использовать компромисс, что позволяет поддерживать необходимый уровень взаимопонимания сотрудников при решении служебных вопросов.

На втором месте по значимости находится стиль уклонения (избегания), что связано с желанием остаться в стороне от конфликтной ситуации, сохранить нейтралитет, избежать взаимодействия с другими сотрудниками. Чаще всего такая стратегия провоцирует затягивание конфликта и перевод его в скрытую форму.

Третье место занимает стиль сотрудничества. Он характеризуется высоким уровнем личной вовлеченности сотрудника в конфликтную ситуацию и направленностью на объединение усилий всех сторон на разрешение конфликтной ситуации. Сотрудники рассматривают конфликт как естественное явление в жизни коллектива и стараются извлечь из него положительные результаты, позволяющие успешно решить возникшую проблему.

Четвертое место разделили стили соперничества и уступки. Стиль соперничества так же, как и стиль сотрудничества, характеризуется высокой личной вовлеченностью в конфликт, но при этом мнения, интересы оппонента не учитываются. Реализация данного стиля возможна при наличии у сотрудника властных ресурсов: должностных полномочий, выраженных волевых качеств, владения информацией, высокого уровня профессионализма. Стиль уступки может быть использован как тактика, направленная на выстраивание позитивных взаимоотношений с людьми, а также в случаях, когда предмет конфликта незначителен для одной из сторон.

Опрос о тактических приемах разрешения конфликтных ситуаций среди сотрудников выявил следующую картину. Наиболее конструктивными тактиками разрешения конфликтных ситуаций в служебных коллективах сотрудники считают следующие:

– достижение согласия между конфликтующими сторонами;

– проведение индивидуальных профилактических бесед с провокаторами конфликта;

– своевременное предоставление информации с целью предотвращения возникновения и распространения слухов;

– опора на неформальных лидеров, лояльно настроенных по отношению к руководству;

– применение мер дисциплинарного воздействия;

– работа штатных психологов по профилактике конфликтных ситуаций.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно выделить следующие направления управления конфликтами в служебных коллективах сотрудников УИС:

– проведение всестороннего анализа возникающих конфликтных ситуаций, своевременное определение предмета конфликта, его причин, мотивов, ограничение числа участников;

– формирование у сотрудников с помощью занятий в рамках служебно-боевой подготовки, социально-психологических тренингов правовой и социально-психологической культуры, включающей в себя знание нормативных правовых актов, регулирующих конфликтное взаимодействие сотрудников УИС, природы конфликта, причин и этапов его формирования, диагностику собственного стиля поведения в конкретной конфликтной ситуации и прогнозирование его последствий, осознание неэффективности паттернов собственного поведения, регуляцию эмоционального состояния;

– укрепление атмосферы сотрудничества в служебных коллективах с помощью гибкого стиля управления, дифференцированного подхода к служебной деятельности и личностным качествам сотрудников, моральной и материальной поддержки сотрудников со стороны руководства структурного подразделения.

Несомненно, без детального анализа причин возникновения конфликтных ситуаций в служебных коллективах сложно понять динамику конфликтов и выстроить процесс управления ими. Эффективное управление конфликтами в служебных коллективах сотрудников заключается в постоянной профилактической деятельности, связанной с ликвидацией условий и причин, вызывающих противоречия в коллективах сотрудников УИС и активном конструктивном разрешении уже возникших конфликтных ситуаций.

Библиографический список

1. *Агафонова М. С.* Концептуальная модель управления конфликтами в организации / М. С. Агафонова, А. А. Палёха // Концепт. – 2018. – № 8. – С. 165–172.

2. Конфликтология в социальной работе : курс лекций / сост. Э. В. Лихачева. – Балашиха : [б. и.], 2011. – 198 с.

References

1. *Agafonova M. S., Palyokha A. A.* The Conceptual Model of Conflict Management in the Organization. *Concept.* 2018. No. 8. P. 165–172.

2. Conflictology in Social Work. Compl. E'.V. Likhacheva. Balashikha, s. n., 2011. 198 p.

Библиографическое описание статьи

Бабурин С. В. Правовые и психолого-педагогические механизмы управления конфликтными ситуациями в служебных колективах сотрудников уголовно-исполнительной системы / С. В. Бабурин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 9–11.

УДК 343.819.1

Ворощук Владимир Богданович,
старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС Академии права и управления ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: vbogdanovich62@mail.ru

Кимачев Андрей Николаевич,
доцент кафедры организации режима и надзора в УИС Академии права и управления ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: kimachevandrei@mail.ru

Горбань Дмитрий Владимирович,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии права и управления ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: dimas8807@mail.ru

Voroshhuk Vladimir B.,
Senior Lecturer of Supervision and Prison Regime Organization Department of Academy of Law and Management of the FPS of Russia PhD (Law)

Kimachev Andrej N.,
Assistant Professor of Supervision and Prison Regime Organization Department of Academy of Law and Management of the FPS of Russia PhD (Law)

Gorban' Dmitrij V.,
Senior Research of Research Department of Academy of Law and Management of the FPS of Russia PhD (Law)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Current Legal and Organizational Problems of Functioning of Colonies-settlements at the Present Stage of Development of the Penal System

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда актуальных вопросов правового и организационного характера, вызывающих определенные трудности на практике и требующих дополнительного изучения в рамках функционирования современных колоний-поселений. Авторами предложены определенные меры, позволяющие найти оптимальные пути решения проблемных аспектов деятельности рассматриваемых исправительных учреждений.

Ключевые слова: колонии-поселения; правовое регулирование; функционирование; проблемы; уголовно-исполнительная система.

Abstract. The article is devoted to the analysis of a number of topical issues of legal and organizational character causing certain difficulties in practice and demanding additional studying within functioning of modern colonies-settlements. The authors proposed certain measures allowing to find optimum solutions of problem aspects of activity of the considered correctional institutions.

Key words: colonies-settlements; legal regulation; functioning; problems; penal system.

В отечественной уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) основную массу учреждений, исполняющих такое уголовное наказание, как лишение свободы, составляют исправительные колонии различных видов режима. Данное обстоятельство подтверждает тот факт, что по состоянию на 1 июня 2019 г. в 705 исправительных колониях отбывало наказание 443 721 осужденный (– 17 202 чел. к 1 января 2019 г.) от 546 473 чел. (– 16 693 чел. к 1 января 2019 г.), составляющих общее количество лиц, содержащихся в учреждениях УИС [10].

В системе исправительных учреждений особое место занимают колонии-поселения, являющиеся разновидностью исправительных колоний. По состоянию на 1 июня 2019 г. в 123 колониях-поселениях отбывало наказание 32 978 осужденных (– 931 чел. к 1 января 2019 г.) [Там же]. Хотя формально исполняемое в них наказание является лишением свободы, его характеризуют следующие отличительные черты: минимальная изоляция от общества; отсутствие охраны; ношение гражданской одежды; возможность пользоваться деньгами без ограничений. С разрешения администрации колоний-поселений осужденные могут проживать с семьями на территории колонии или за ее пределами. Перечисленные, а также многие другие признаки существенно отличают колонию-поселение от исправительных колоний закрытого типа. Главная идея создания института колоний-поселений заключается в образовании некоей системы, которая смягчала бы контраст перехода гражданина, совершившего преступление, от строгой изоляции от общества к условиям, приближенным к свободе. В связи с этим колонии-поселения занимают особую нишу в системе исправительных учреждений.

В последнее время все чаще внимание законодателя, руководства Минюста России и ФСИН России уделяется вопросам совершенствования правово-

© Ворощук В. Б., Кимачев А. Н., Горбань Д. В., 2019

го регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказания в исправительных учреждениях. Вместе с тем следует отметить, что самостоятельного нормативного правового акта, регламентирующего функционирование колоний-поселений (равно как и отдельных направлений деятельности таковых), на современном этапе не существует.

Отсутствие специального нормативного правового акта, регулирующего вопросы деятельности колоний-поселений, в УИС отчасти компенсируется централизованным распространением и внедрением положительного передового опыта в деятельность рассматриваемых учреждений на уровне территориальных органов ФСИН России. Однако, как показывает практика, подобное организационно-методическое сопровождение указанных вопросов не всегда является достаточным. В связи с этим в практической деятельности колоний-поселений возникает ряд проблем прикладного характера, требующих своего скорейшего решения. Рассмотрим их подробнее.

Одним из вопросов, представляющихся, на наш взгляд, проблемным, является организация надзора в отношении лиц, которые отбывают наказания в колониях-поселениях и которым предоставлено право проживания со своей семьей на арендованной либо собственной жилой площади. Указанная проблема имеет комплексный характер и связана с проведением режимных, в том числе обыскных, мероприятий в местах проживания данных осужденных, особенно в тех, которые расположены за пределами территорий учреждений.

Согласно п. «б» ч. 1 ст. 129 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) представители администрации колонии-поселения в любое время могут посещать жилые помещения осужденных-поселенцев, которым предоставлено право проживания со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади в пределах исправительного учреждения рассматриваемого вида или муниципального образования, на территории которого оно расположено. Аналогичное положение находит свое закрепление в п. 183 гл. XXVI Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 (далее: ПВР ИУ).

Согласно ст. 7 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» границы, прилегающие к исправительным учреждениям, в том числе к колониям-поселениям, определяются территориальными органами ФСИН России по согласованию с органами местного самоуправления (муниципальных районов либо городских округов). В расчет принимаются местонахождение колонии, а также характер выполняемых осужденными работ. О границах колоний администрация уведомляет вновь прибывших осужденных под расписку, приобщаемую к их личным делам. Следует отметить, что территория муниципального образования представляет собой городское или сельское поселение. В состав городского поселения не может входить более одного города.

Возникает ряд вопросов: будет ли правомерным посещение в любое время представителями администрации учреждения жилых помещений, где разрешено проживание осужденным вместе со своими семьями как на территории колонии-поселения, так и за ее пределами? Будут ли нарушены в этом случае права граждан, проживающих вместе с осужденным, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну? Вправе ли представители администрации колонии-поселения во время посещений осужденного проводить обыск таких помещений, особенно находящихся за пределами исправительных учреждений и их «режимных» территорий?

Обратимся к значению слова «посетить». Согласно словарю русского языка одним из его значений является следующее: прийти к кому-нибудь, куда-нибудь на некоторое время, побывать у кого-нибудь, где-нибудь [11, с. 567]. По всей видимости, именно такой смысл вкладывали разработчики УИК РФ в предполагаемую суть посещений жилых помещений осужденных, проживающих со своими семьями, судя по тексту приведенного ими комментария к п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, называя такие визиты необходимыми «для осуществления надзора за отбывающими наказание». При этом законодателем допускалось, что «такая мера затрагивает интересы не только самих осужденных, но и членов их семей», в связи с чем о предстоящих посещениях и те, и другие «ставятся в известность» [9, с. 281].

Поскольку законом предусмотрена возможность посещения сотрудниками колонии-поселения данной категории осужденных, указанные полномочия не подлежат сомнению. Однако подобные действия, на наш взгляд, должны становиться возможными только в определенный временной отрезок (например, дневное время) либо отдельно оговариваться в случае возникновения такой необходимости. Полагаем, что внезапные посещения могут иметь место только с письменного разрешения начальника учреждения и не должны носить систематически повторяющийся характер.

Сама процедура посещения жилых помещений, где осужденные проживают со своими семьями, где бы они не находились, как представляется, заключается в осуществлении визуального надзора и контроля осужденных и их поведения в интересах обеспечения установленного порядка отбывания наказания. Сопровождение посещений жилых помещений проведением режимных мероприятий, в частности, обысков и досмотров, направленных на обнаружение и изъятие запрещенных осужденным предметов, по-прежнему вызывает много споров.

Если говорить о помещениях, расположенных на территориях рассматриваемых нами учреждений, а также на прилегающих к ним участках местности, на которые распространяются ре-

жимные требования, то ч. 5–6 ст. 82 УИК РФ предусматривают такую возможность. Напротив, эти же положения УИК РФ не позволяют совершать подобные действия в отношении осужденных и членов их семей, проживающих на жилых площадях, находящихся за пределами так называемых режимных территорий колоний-поселений.

Создается впечатление, что законодателем не разграничиваются статусы специально предназначенных для спецконтингента общежитий, находящихся на территориях колоний-поселений помещений для проживания осужденных со своими семьями и аналогичных им по своему целевому назначению жилых площадей, расположенных за пределами учреждений. Во всяком случае из текста п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ этого явно не следует, хотя определенные пояснения по этому поводу могли бы иметь место. Очевидно, что вопрос производства обысков и досмотров в местах проживания осужденных, которым назначено отбывание наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях, нуждается в дополнительной законотворческой проработке.

Между тем проведение обыскных мероприятий в помещениях, приобретенных или арендованных осужденными для проживания со своими семьями, где бы перечисленные жилые площади не находились (на территориях колоний-поселений или за их пределами), даже при условии своего буквального соответствия уголовно-исполнительному законодательству Российской Федерации, на наш взгляд, противоречит его логике, заложенной в основополагающих целях и задачах. Так, вовлечение осужденных в социальное взаимодействие, направленное на решение задачи оказания им помощи в социальной адаптации и, в конечном счете, закладывающее фундамент исправления таких лиц, может быть эффективно реализовано не иначе как посредством их обременения максимально возможным доверием, сводящим к минимуму все элементы контроля, сопровождающие процесс отбывания лишения свободы. В условиях колоний-поселений, практикующих и без того достаточно лояльные, в сравнении с иными видами исправительных учреждений, процедуры контроля спецконтингента, по нашему мнению, возможен полный отказ от некоторых из них, в частности, от проведения обыскных мероприятий в жилых помещениях, предназначенных для проживания осужденных со своими семьями.

Такой подход, кроме того, оправдан и с точки зрения недопустимости нарушения прав членов семьи осужденных, проживающих вместе с ними в одном жилом помещении. На практике это может выражаться в изъятии у супруги (супруга) осужденного личных вещей, которые согласно ПВР ИУ являются для спецконтингента запрещенными.

В связи с этим возникает еще один вопрос: должен ли распространять свое действие перечень запрещенных осужденным вещей и предметов, продуктов питания, которые они не могут иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, на осужденных, проживающих со своими семьями?

В данном аспекте представляет интерес положение ч. 6 ст. 122 УИК Республики Беларусь, где приведен конкретный перечень того, что запрещается приобретать, хранить и использовать осужденным, проживающим с семьями на территории исправительной колонии-поселения и вне ее пределов. Если бы подобное положение получило свое закрепление в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве, то оно, безусловно, смогло бы внести требуемую ясность в решение достаточно острой проблемы, касающейся процедурной стороны реализации права проживания со своими семьями осужденными к лишению свободы в колониях-поселениях.

Заслуживает особого внимания вопрос относительно применения такой специфической меры дисциплинарного взыскания к осужденным колоний-поселений, как отмена права проживания вне общежития, предусмотренной ч. 2 ст. 115 УИК РФ. Данная правовая норма, к сожалению, лишена достаточной определенности, позволяющей уверенно понимать категории осужденных, отбывающих уголовное наказание в колониях-поселениях, к которым она может быть применима. Однако, учитывая то обстоятельство, что проживание спецконтингента колоний-поселений вне общежитий возможно только на арендованной или собственной жилой площади, вероятнее всего, что реализация данной меры взыскания заключается именно в отмене права проживания осужденного со своей семьей.

Рассматриваемая мера взыскания, как представляется, может применяться только за нарушение установленного порядка отбывания наказания, выразившееся в действиях, способных вызвать утрату доверия к указанной категории осужденных. В то же время какого-либо упоминания о событиях, выступающих основаниями наступления негативных правовых последствий, влекущих анализируемую утрату, в нормативных правовых актах не содержится вообще. Кроме того, отсутствует и нормативно определенный механизм реализации отмены права проживания осужденного вне общежития со своей семьей, который в первую очередь должен выражаться в документально оформленном решении того или иного должностного лица, компетентного в его принятии. Как нам представляется, процедура его отмены может происходить по аналогии с отменой права передвижения без конвоя или сопровождения – на основании постановления начальника колонии-поселения [4, с. 113–114].

Мы считаем, что подобный пробел законодательства можно восполнить следующим образом: в случае признания такого осужденного, проживающего со своей семьей, злостным нарушителем, указанное право отменяется совсем, а в случае однократного нарушения режима, не являющегося злостным, отмену проживания будет достаточным установить на один или два месяца. Это позволит стимулировать правопослушное поведение осу-

жденного, давая ему понять, что если он будет продолжать в дальнейшем вести себя, нарушая установленный порядок отбывания наказания, то он может быть лишен этого права окончательно.

Следующим проблемным аспектом деятельности колоний-поселений является вопрос: как обеспечить изоляцию тех осужденных, кто признан злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания?

Изолировать данную категорию от основной массы осужденных, как это происходит в других исправительных колониях в запираемых помещениях, помещениях камерного типа, камерах, не представляется возможным, поскольку согласно ч. 2 ст. 128 УИК РФ осужденные отбывают наказания в колониях-поселениях в одних и тех же условиях, проживая, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях. Таким образом, действительная изоляция злостных нарушителей в условиях колоний-поселений достигается сегодня только при их этапировании в исправительную колонию общего или строгого режимов. Однако именно этот вопрос является особенно проблемным в связи с тем, что занимает достаточно продолжительный отрезок времени – с момента признания такого осужденного злостным нарушителем и направления в судебную инстанцию материалов для изменения ему вида исправительного учреждения до вступления в законную силу решения суда об этом.

В целях урегулирования указанного вопроса предлагается использовать в соответствии с ч. 2 ст. 115 УИК РФ такой вид изоляции данной категории осужденных, как запрещение выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней, являющейся специфической мерой взыскания, применяемой только в отношении осужденных, отбывающих наказания в рассматриваемых учреждениях. Если указанное взыскание применяется к осужденным, не занятым общественно полезным трудом, то согласно ч. 5 ст. 129 УИК РФ им предоставляется право на ежедневную прогулку продолжительностью не менее двух часов. Больше каких-либо пояснений по этому поводу не имеется.

Для реализации подобной меры рекомендуется решать вопрос с созданием (оборудованием) соответствующих помещений. В этих целях на территории участка колонии-поселения при ФКУ ИК-9 ГУФСИН России по Пермскому краю в рамках пилотного проекта было создано указанное помещение для содержания злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания. Однако Пермской прокуратурой по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях была дана резко негативная оценка оборудованию такого рода помещений. По мнению надзорного органа, содержание осужденных указанной категории в отдельных общежитиях ущемляет их права. В настоящее время вопрос об оборудовании таких помещений до конца не проработан [3, с. 67].

В качестве положительного примера приведем реализацию подобной меры взыскания в ФКУ КП-8 УФСИН России по Республике Мордовия. Указанная мера применяется в отношении осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и систематически допускающих нарушения режима. Осужденные после наложения на них дисциплинарного взыскания, отменяющего выход за пределы общежития в свободное от работы время, переводятся в отдельное помещение. В таком помещении проживают только осужденные, привлеченные к дисциплинарному взысканию в виде запрещения выхода за пределы общежития. Общежитие оборудовано всеми необходимыми коммунально-бытовыми условиями и помещениями (спальная секция, комната для приема пищи, комната для хранения личных вещей, санузел, раздевалка, комната для проведения воспитательной работы). Главным отличием указанного общежития от обычного является то, что выход из него оборудован локальным участком, который блокируется запорным устройством, что позволяет запретить бесконтрольный выход спецконтингента за его пределы.

Во всех помещениях общежития установлены камеры видеонаблюдения с выводом изображения на пост видеоконтроля. Оконные проемы заблокированы вибрационными датчиками «Шорох». Выход из локального участка оборудован также системой видеонаблюдения и датчиком контроля движения. Находящиеся в общежитии помещения функционируют согласно утвержденным графикам. В не установленное графиком время все двери закрыты на замок, за исключением спальной секции и санузла. Осужденные проживают в данном общежитии на общих основаниях, какие-либо ограничения (кроме выхода за пределы общежития) на них не распространяются. Содержание осужденных в подобном общежитии обеспечивает их проживание отдельно от осужденных, добросовестно относящихся к труду и учебе, а также не допускающих нарушений установленного порядка отбывания наказания. За нарушения режима, допущенные осужденными уже в период нахождения в общежитии с запрещением выхода за его пределы, к ним, кроме выговора, может применяться взыскание в виде водворения в штрафной изолятор. При этом срок содержания осужденных в штрафном изоляторе в таком случае засчитывается в срок отбывания рассматриваемой меры взыскания.

Анализ рассмотренного положительного опыта обнаруживает достаточно смелый подход к решению проблемного вопроса изоляции злостных нарушителей от основной массы осужденных в пределах одного учреждения. Да, действительно, в этом случае речь не идет о размещении осужденных в специальных общежитиях, в которых для них созданы более строгие условия отбывания наказания. Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что осужденные, отбывающие наказания в колониях-поселениях, должны иметь возможность пользоваться правом свободного передви-

жения в пределах учреждения в часы от подъема до отбоя (п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ), среди исследователей есть авторы, усматривающие в сущности данного взыскания (запрещение выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней) некоторое ограничение правового статуса спецконтингента, не получившее достаточного юридического обоснования [7, с. 48].

Закрепление создания и функционирования подобных помещений могло бы способствовать более рациональному распределению сил и средств, обеспечивающих надзор за осужденными в колониях-поселениях. Наряду с этим, вполне обоснованной представляется идея создания различных условий отбывания наказания в колониях-поселениях, однако до тех пор, пока подобные изменения не будут внесены в уголовно-исполнительное законодательство и ведомственные нормативные правовые акты, их реализация будет противоречить духу закона.

Последним вопросом, вызывающим определенные трудности, который мы предлагаем рассмотреть, является возможность осуществления электронного мониторинга за осужденными, отбывающими наказания в колониях-поселениях. Использование систем (средств) электронного мониторинга, в частности электронных браслетов, положительно зарекомендовало себя в отношении осужденных к ограничению свободы, исполнять наказание в отношении которых возложено на подразделения уголовно-исполнительных инспекций. Данная практика способствовала снижению уровня и динамики рецидивной преступности подконтрольных лиц.

Наряду с этим, применить электронный браслет к осужденному, отбывающему наказание в колонии-поселении, возможно только в рамках того или иного эксперимента. К большому сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время перечень электронных средств контроля и надзора за осужденными исправительных учреждений, равно как и порядок их использования, не нашли своего отражения ни в одном нормативном правовом акте Российской Федерации; в этой связи не может являться достаточным, казалось бы, имеющееся в качестве правового основания содержание ч. 1 ст. 83 УИК РФ (о несовершенстве данной нормы уже упоминалось нами, а также в работах других авторов [5, с. 49–50; 6, с. 17–18]), регламентирующей применение в исправительных учреждениях, а следовательно, и колониях-поселениях технических средств надзора и контроля, в том числе обладающих аудиовизуальной и электронной составляющей.

И все же следует отметить, что применение в отношении осужденных колоний-поселений электронных браслетов прошло успешную экспериментальную апробацию в ряде регионов России, среди которых, например, Кемеровская и Московская области. В эксперименте участвовали осужденные, которые были трудоустроены на выводных производственных объектах либо проходили лечение в муниципальных учреждениях здравоохранения. Результаты эксперимента получили положительную оценку, поскольку в учреждениях, в нем участвовавших, побегов из-под надзора осужденными допущено не было.

Важно отметить, что использование подобных средств (в порядке эксперимента) позволяет отслеживать маршруты движения осужденных и их местонахождение в режиме реального времени, существенно снижая риск совершения ими побега либо уклонения от отбывания наказания. На это указывали в своих публикациях авторы, исследовавшие вопрос использования электронных браслетов в отношении осужденных, отбывающих наказания в колониях-поселениях [1, с. 38; 2; 8, с. 101]. Нельзя не учитывать тот факт, что применение электронного браслета, кроме надзорной функции (контроля), оказывает на подсознание спецконтингента психологическое воздействие, удерживающее от совершения каких-либо правонарушений, не нарушая при этом прав и законных интересов лица, в отношении которого используется такое средство.

По нашему мнению, юридически обоснованное введение средств электронного мониторинга в повседневную практику колоний-поселений сможет продемонстрировать свою особенную эффективность, например, при осуществлении надзора за спецконтингентом в медицинских организациях муниципальной системы здравоохранения, а также на выводных производственных объектах. Представляется очевидным, что электронный мониторинг можно и необходимо применять и в отношении осужденных, которым предоставлено право проживания со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади.

Подводя итог, следует отметить, что нами был проанализирован лишь ряд актуальных проблемных вопросов организационно-правового характера, затрагивающих деятельность колоний-поселений, решение которых, как представляется, в современных условиях просто необходимо. Полагаем, что регулярный анализ имеющихся пробелов в нормативно-правовом регулировании функционирования колоний-поселений позволит своевременно решать вопрос о необходимости внесения соответствующих коррективов, повысив эффективность деятельности рассматриваемых учреждений.

Библиографический список

1. *Антонкин К. Г.* Проблемы обеспечения надзора за осужденными в колониях-поселениях и на участках колоний-поселений / К. Г. Антонкин // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 4(21). – С. 36–42.

References

1. *Antonkin K. G.* Problems of Ensuring Supervision of Convicts in Colonies-settlements and on Sites of Colonies-settlements. *Vestnik Kuzbasskogo Instituta.* 2014. No 4(21). P. 36–42.

2. *Ворощук В. Б.* Возможности использования систем электронного мониторинга в отношении осужденных колоний-поселений (участков колоний-поселений) при организации надзора за ними / В. Б. Ворощук // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников : в 8 т. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. – Т. 7. – ISBN 978-5-7743-0900-9, 978-5-7743-0908-5 (т. 7). – С. 235–238.

3. *Ворощук В. Б.* Вопросы обеспечения режима в рамках функционирования колоний-поселений в условиях развития УИС / В. Б. Ворощук // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж : Науч. кн., 2018. – ISBN 978-5-4446-1163-0. – С. 66–68.

4. *Горбань Д. В.* Правовое регулирование проживания осужденных за пределами исправительных учреждений : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Горбань Дмитрий Владимирович ; Академия ФСИН России. – Рязань, 2014. – 225 с.

5. *Епифанов С. С.* Пути совершенствования уголовно-исполнительного законодательства по вопросу применения технических средств в предупреждении правонарушений в условиях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года / С. С. Епифанов // Уголовно-исполнительное право. – 2012. – № 1(13). – С. 47–51.

6. *Кимачев А. Н.* Организационные и правовые основы обеспечения режима в исправительных учреждениях, предназначенных для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте : специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Кимачев Андрей Николаевич ; Академия ФСИН России. – Рязань, 2013. – 24 с. – Место защиты : Акад. ФСИН России.

7. *Кириллов М. А.* Место и роль колоний-поселений в уголовно-исполнительной политике: анализ законодательства / М. А. Кириллов // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4(33). – С. 46–50.

8. *Кириллов М. А.* Побеги осужденных как один из проблемных аспектов при организации надзора за ними в колониях-поселениях и на участках колоний-поселений / М. А. Кириллов // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 4(37). – С. 98–102.

9. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. П. Г. Мищенкова ; науч. ред. А. С. Михлин, И. В. Шмаров. – Москва : Вердикт-1М, 1997. – 432 с. – ISBN 5-87143-013-9.

10. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. – URL: http:// фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 12.06.2019).

11. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 7-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с. – ISBN 5-8928-500-3, 5-8928-500-3-X.

2. *Voroshhuk V. B.* Possibilities of Use of Systems of Electronic Monitoring in Respect of the Condemned Colonies-settlements (Sites of Colonies-settlements) at the Organization of Supervision of Them. *III International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» (on the 20th Anniversary of the Entry into Force of the Penal Code of the Russian Federation)*. In 8 vol. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2017. Vol. 7. ISBN 978-5-7743-0900-9, 978-5-7743-0908-5 (vol. 7). P. 235–238.

3. *Voroshhuk V. B.* Questions of Providing the Mode Within Functioning of Colonies-settlements in Conditions of Development of the Penal System. *Equipment and Safety of Objects of the Penal System*. Voronezh, Nauchnaja Kniga, 2018. ISBN 978-5-4446-1163-0. P. 66–68.

4. *Gorban' D. V.* Legal Regulation of Accommodation of Convicts outside Correctional Facilities. Ryazan', 2014. 225 p.

5. *Epifanov S. S.* Ways of Improvement of the Penal Legislation Concerning Use of Technical Means in Prevention of Offenses in the Conditions of Implementation of the Concept of Development of Penal System of the Russian Federation Till 2020. *Ugolovno-ispolnitel'noe Pravo.* 2012. No. 1(13). P. 47–51.

6. *Kimachev A. N.* Organizational and Legal Bases of Providing the Mode in the Correctional Facilities Intended for Keeping of the Persons who Committed Crimes at Minor Age. Ryazan', 2013. 24 p.

7. *Kirillov M. A.* The Place and the Role of Colonies-settlements in the Penal Policy: the Analysis of the Legislation. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2014. No. 4(33). P. 46–50.

8. *Kirillov M. A.* Escapes of Convicts as a Problem Aspect in Organization of Supervision of Them in Colonies-settlements and on Sites of Colonies-settlements. *Prikladnaya Yuridicheskaya Psikhologiya*. 2016. No. 4(37). P. 98–102.

9. Commentary on the Penal Code of the Russian Federation. Ed. by P.G. Mishhenkov. Sci. ed. A. S. Mikhlin, I. V. Shmarov. Moscow, Verdikt-1M, 1997. 432 p. ISBN 5-87143-013-9.

10. Brief characteristics of the penal system. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (date of the application: 12.06.2019).

11. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. 7th ed., enl. Moscow, Azbukovnik, 1999. 944 p. ISBN 5-8928-500-3, 5-8928-500-3-X.

Библиографическое описание статьи

Ворощук В. Б. Актуальные правовые и организационные проблемы функционирования колоний-поселений на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы / В. Б. Ворощук, А. Н. Кимачев, Д. В. Горбань // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 12–17.

УДК 365.264

Карпов Эдуард Сергеевич,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: esr33@mail.ru

Karpov E'duard S.,
Head of Civil and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ЕДИНОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ВЫПЛАТЫ ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ СОТРУДНИКАМ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ ФСИН РОССИИ

Problems of Law Enforcement of Representation of One-time Social Payment for Purchase or Construction of Residential Premises for the Employees of the Penal System

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Автор анализирует проблемные вопросы намеренного ухудшения жилищных условий сотрудником, предоставления уточняющих документов при получении единовременной социальной выплаты.

Ключевые слова: единовременная социальная выплата; право на жилье; ухудшение жилищных условий; постановка на учет.

Abstract. The article investigates the problems of legal regulation of providing of one-time social payment for purchase or construction of residential premises for the employees of the penal system. The author analyzes the problematic issues of intentional deterioration of housing conditions of the employee, providing clarifying documents when receiving a one-time social payment.

Key words: one-time social payment; the right to housing; deterioration of living conditions; registration.

Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее: Федеральный закон № 283-ФЗ) ввел неизвестную ранее социальную гарантию сотрудникам уголовно-исполнительной системы – предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее: ЕСВ). В целях определения порядка и условий предоставления ЕСВ принято постановление Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. № 369 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации» (далее: Постановление № 369). В силу того, что ЕСВ в деятельности учреждений и органов ФСИН России начала предоставляться только после вступления в действие Федерального закона № 283-ФЗ (ранее в уголовно-исполнительной системе аналогичные механизмы обеспечения сотрудников жильем отсутствовали), в деятельности комиссий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы ЕСВ (далее: комиссии) возник целый ряд проблем, связанных в том числе и с имеющимися пробелами в правовом регулировании предоставления ЕСВ, что нашло отражение в целом ряде научных публикаций [1–4; 6]. Анализу некоторых из вышеуказанных проблем посвящена настоящая статья.

В соответствии с ч. 8 ст. 4 Федерального закона № 283-ФЗ сотрудник, который с намерением приобретения права состоять на учете в качестве имеющего право на получение ЕСВ совершил действия, повлекшие ухудшение жилищных условий, и (или) члены семьи которого с намерением приобретения права сотрудником состоять на учете в качестве имеющего право на получение ЕСВ совершили действия, повлекшие ухудшение жилищных условий сотрудника, принимается на учет в качестве имеющего право на получение ЕСВ не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий. Помимо прочих, к намеренным действиям, повлекшим ухудшение жилищных условий, относятся действия по отчуждению жилых помещений или их частей (п. 5 ч. 8 ст. 4 Федерального закона № 283-ФЗ). При применении данной нормы часто возникает следующая ситуация.

Сотрудник состоит на учете на получение ЕСВ и собирается вступать в брак. У будущей супруги имеется жилое помещение, площадь которого более 15 квадратных метров на одного члена семьи, включая будущего супруга. В этом случае после вступления в брак сотрудник утратит право на получение ЕСВ, так как его жилищные условия более не соответствуют условиям, указанным в п. 2 ч. 3 ст. 4 Федерального закона № 283-ФЗ. Прогнозируя такое развитие событий, с целью остаться на учете для получения ЕСВ будущая супруга продает либо иным образом отчуждает имеющееся у нее жилое помещение до заключения брака. Перед членами комиссии встает вопрос: являются

© Карпов Э. С., 2019

ли эти действия намеренными действиями, повлекшими ухудшение жилищных условий, при совершении которых сотрудник имеет право быть принятым на учет в качестве имеющего право на получение ЕСВ не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных действий?

Полагаем, в данной ситуации намеренного ухудшения жилищных условий сотрудника не происходит, поскольку указанные действия совершаются не самим сотрудником и не членом его семьи, в то время как в ч. 8 ст. 4 Федерального закона № 283-ФЗ говорится исключительно о сотруднике или о членах его семьи. Будущая супруга членом семьи сотрудника не является.

Судебная практика по подобной ситуации имеется в отношении сотрудников органов внутренних дел, у которых механизм предоставления ЕСВ практически аналогичный установленному Федеральным законом № 283-ФЗ. Апелляционным определением Новосибирского областного суда от 13 января 2015 г. по делу № 33-56/2015 суд согласился с выводом суда первой инстанции о том, что если супруга сотрудника продала квартиру до вступления в брак, то эти действия не могут признаваться ухудшением жилищных условий. Аналогичные выводы содержатся в апелляционном определении Свердловского областного суда от 5 июня 2015 г. по делу № 33-8657/2015: «На момент регистрации перехода права собственности на квартиру по адресу: …к Закрятиной Т. А., Сбоева (Закрятина) С. В. еще не являлась членом семьи истца, поскольку в силу ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ "О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" к членам семьи сотрудника федеральной противопожарной службы относится супруг (супруга), состоящие в зарегистрированном браке. Принимая во внимание факт отсутствия семейных отношений между Сбоевым М. В. и Закрятиной С. В. на 29.07.2013, суд верно указал, что факт отчуждения квартиры Закрятиной С. В. жилищных условий самого Сбоева М. В. не ухудшил, площадь данного жилого помещения не может учитываться при определении нуждаемости истца в получении единовременной социальной выплаты», – говорится в решении суда.

Еще одна проблемная ситуация возможна в следующем случае. Сотрудник встал на учет для получения ЕСВ и уволился из уголовно-исполнительной системы. Что делать членам комиссии, если вдруг очередь сотрудника на получение ЕСВ подошла, а он отказывается предоставить уточняющие документы либо с ним вовсе не удается связаться?

Указанные проблемы вызваны в том числе и тем, что в Федеральном законе № 283-ФЗ и Постановлении № 369 отсутствуют какие-либо указания на то, что стоящий на учете сотрудник обязан предоставлять комиссии какие-либо сведения. Согласно п. 24 Правил, утвержденных Постановлением № 369, для перечисления ЕСВ сотрудник представляет в учреждения и органы уголовно-исполнительной системы заявление о перечислении средств с указанием реквизитов открытого ему банковского счета. Именно поэтому, несмотря на отсутствие уточняющих документов, ЕСВ сотруднику должна быть предоставлена. Более того, Федеральный закон № 283-ФЗ и Постановление № 369 не содержат полномочий комиссий по проверке предоставленных сотрудником документов. В приказе ФСИН России от 16 октября 2014 г. № 550 «Об утверждении Порядка формирования и работы комиссий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, членам их семей и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения» функция комиссий обозначена как «принятие документов для получения ЕСВ и их проверка на предмет соответствия перечню, определенному в Правилах, а также установленному порядку их оформления».

То есть в строгом соответствии с действующими нормативными правовыми актами комиссии обязаны принять документы от сотрудника при постановке его на учет, проверить их на предмет соответствия перечню и установленному порядку оформления и на основании принятых документов выплатить ЕСВ в порядке очередности.

Несколько иначе решается вопрос для сотрудников органов внутренних дел. Согласно п. 23 Правил, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» (далее: Постановление № 1223), в случае изменения жилищных условий, на основании которых сотрудник принимался на учет для получения единовременной выплаты, он представляет в комиссию документы, подтверждающие такие изменения. Однако если сотрудник не сообщил об этом, снять его с очереди на получение ЕСВ нельзя. Можно только привлечь его к дисциплинарной ответственности. Кроме того, Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее: Федеральный закон № 247-ФЗ) и Постановление № 1223 не содержат обязанностей сотрудника предоставлять уточняющие документы при получении ЕСВ. Однако согласно п. 26 Правил, утвержденных Постановлением № 1223, в целях проверки сведений, содержащихся в базе данных, МВД России и органы могут направлять запросы в федеральные государственные органы, а также государственные органы субъектов Российской Федерации для получения информации, необходимой для предоставления ЕСВ.

В отношении федеральных государственных гражданских служащих ситуация другая. В п. 6.1 Правил, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 января 2009 г. № 63 «О предоставлении федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения» (далее: Постановление № 63), устанавливается, что в случае изменения сведений, которые должны содержаться в документах, представляемых гражданским служащим в соответствии с п. 6 настоящих Правил, а также в случае изменения условий, на основании которых гражданский служащий имеет право на получение единовременной выплаты, он в 15-дневный срок информирует об этом комиссию (территориальную подкомиссию) и представляет обновленные документы, подтверждающие произошедшие изменения, в течение 30 рабочих дней с даты, когда произошли соответствующие изменения. Согласно подп. «ж» п. 19 Правил, утвержденных Постановлением № 63, гражданский служащий снимается с учета для получения единовременной выплаты в случае выявления изменений, указанных в п. 6.1 настоящих Правил, о которых гражданский служащий в установленные сроки без уважительной причины не проинформировал комиссию (территориальную подкомиссию) (не представил документы, подтверждающие произошедшие изменения). При этом согласно Методическим рекомендациям по предоставлению федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения гражданский служащий, который в сроки, установленные в п. 6.1 Правил, без уважительной причины не проинформировал комиссию (территориальную подкомиссию) об изменении сведений, содержащихся в документах, представленных им в соответствии с п. 6 данных Правил, или условий, на основании которых гражданский служащий имеет право на получение единовременной выплаты, снимается комиссией (территориальной подкомиссией) с учета для предоставления единовременной выплаты, несмотря на то, что в результате произошедших изменений им не утрачено основание состоять на учете для предоставления единовременной выплаты [5].

В случае наличия у гражданского служащего основания для постановки на учет для получения единовременной выплаты, он может быть вновь поставлен комиссией (территориальной подкомиссией) на учет в общем порядке, предусмотренном Правилами.

В целях урегулирования данной ситуации предлагаем дополнить Правила, утвержденные Постановлением № 369:

– пунктом 7(1), изложив его в следующей редакции: «7(1). В случае изменения сведений, которые должны содержаться в документах, представляемых сотрудником в соответствии с пунктом 5 настоящих Правил, а также в случае изменения условий, на основании которых сотрудник имеет право на получение единовременной социальной выплаты, он в 15-дневный срок информирует об этом комиссию (территориальную подкомиссию) и представляет обновленные документы, подтверждающие произошедшие изменения, в течение 30 рабочих дней с даты, когда произошли соответствующие изменения»;

– подпунктом «ж» п. 15, изложив его в следующей редакции: «ж) сотрудник снимается с учета для получения единовременной социальной выплаты в случае выявления изменений, указанных в пункте 7(1) настоящих Правил, о которых сотрудник в установленные сроки без уважительной причины не проинформировал комиссию (территориальную подкомиссию) (не представил документы, подтверждающие произошедшие изменения)».

Необходимо отметить также и тот факт, что в Федеральном законе № 283-ФЗ и Постановлении № 369 отсутствует такое основание снятия сотрудника с учета для получения ЕСВ, как совершение неправомерных действий должностных лиц при решении вопроса о принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, что может быть выявлено как раз при предоставлении уточняющих документов. Ситуация осложняется тем, что с момент постановки сотрудника на учет и до получения им ЕСВ, как правило, проходит достаточно большой отрезок времени, и члены комиссии, совершившие неправомерные действия, уже могут быть из уголовно-исполнительной системы уволены либо проходить службу в других местах, а сроки давности привлечения их к дисциплинарной ответственности будут пропущены. Конечно, всегда есть возможность снять сотрудника с очереди и предоставить ему возможность обжаловать данное решение в суде. Однако, на наш взгляд, целесообразно п. 15 Правил, утвержденных Постановлением № 369, дополнить основанием снятия сотрудника с учета в случае совершения неправомерных действий должностных лиц при решении вопроса о принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях.

Согласно п. 9 Правил, утвержденных Постановлением № 369, при увольнении сотрудников со службы из учреждений и органов, подведомственных одному федеральному органу исполнительной власти, и принятии на службу в учреждения и органы, подведомственные другому федеральному органу исполнительной власти, постановка указанных сотрудников на учет для получения ЕСВ осуществляется исходя из даты их принятия на такой учет по предыдущему месту прохождения службы, если между принятием таких сотрудников на службу в учреждения и органы, подведомственные другому федеральному органу исполнительной власти, и днем исключения из списков сотрудников по предыдущему месту службы прошло не более 30 календарных дней. Однако в абз. 2 п. 3 Правил, утвержденных Постановлением № 369, говорится, что к федеральным органам исполнительной власти в целях настоящих Правил относятся МЧС России, ФСИН России и ФТС России. Из списка оказались исключенны-

ми МВД России, Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации. Между тем как раз из органов внутренних дел сотрудники на службу в учреждения и органы ФСИН России приходят достаточно часто.

Позиция законодателя здесь предельно ясна. Федеральный закон № 283-ФЗ распространяется на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы и на таможенные органы Российской Федерации. В связи с этим при перемещении сотрудника между указанными органами возможно сохранение очереди на получение ЕСВ. Если сотрудник приходит на службу после увольнения из других федеральных органов исполнительной власти, то однозначно возможна только новая его постановка на учет для получения ЕСВ.

Надо отметить, что для других общественных отношений действуют иные правила, установленные постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2013 г. № 303 «Об определении периодов, подлежащих включению в общую продолжительность службы, и порядка исчисления общей продолжительности службы для выплаты сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов Российской Федерации единовременного пособия при увольнении, выплаты оклада по специальному званию гражданам, уволенным со службы в указанных учреждениях и органах без права на пенсию и имеющим общую продолжительность службы в них менее 20 лет, а также для предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения». Согласно п. 1 данного постановления при определении периодов, подлежащих включению в общую продолжительность службы, для предоставления сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов Российской Федерации ЕСВ применяется соответствующий порядок исчисления выслуги лет для назначения пенсий лицам, проходившим службу в указанных учреждениях и органах, устанавливаемый Правительством Российской Федерации.

То есть в общую продолжительность службы, которая влияет на вопрос о предоставлении ЕСВ, включается все, что должно быть включено в выслугу лет для назначения пенсии в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» (далее: Постановление № 941). А это и военная служба (в том числе по призыву), служба в милиции (полиции), в органах налоговой полиции и др.

Почему же не может быть осуществлена постановка бывшего сотрудника полиции на учет для получения ЕСВ исходя из даты его принятия на такой учет по предыдущему месту прохождения службы, если между принятием сотрудника на службу в учреждения и органы, подведомственные другому федеральному органу исполнительной власти, и днем исключения из списков сотрудника по предыдущему месту службы прошло не более 30 календарных дней, принимая во внимание тот факт, что Постановление № 941 учитывает стаж в полиции в целях предоставления ЕСВ. На наш взгляд, данная ситуация должна быть разрешена в пользу сотрудников.

В целях устранения указанного пробела предлагаем дополнить п. 9 Правил, утвержденных Постановлением № 369, следующей фразой: «Указанное положение распространяется в случае принятия на службу в учреждения и органы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной таможенной службы бывших сотрудников органов внутренних дел, сотрудников войск национальной гвардии».

Таким образом, в правовом регулировании предоставления ЕСВ сотрудникам уголовно-исполнительной системы имеются ряд нерешенных проблемных моментов. Реализация предложенных нами изменений в правовое регулирование предоставления ЕСВ будет способствовать облегчению работы комиссий по предоставлению ЕСВ, защите прав сотрудников, установлению единообразной правоприменительной практики.

Библиографический список

1. *Борзенко Ю. М.* К вопросу о понятии «член семьи» для определения критерия нуждаемости в улучшении жилищных условий сотрудника УИС / Ю. М. Борзенко // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2(35). – С. 172–177.

References

1. *Borzenko Yu. M.* On the Concept of «Family Member» to Vetermine the Criterion of Need for Improvement of Housing Conditions of the Employee of the Penal System. *Vestnik Kuzbasskogo Instituta*. 2018. No. 2(35). P. 172–177.

2. *Иванова О. А.* Единовременная социальная выплата для приобретения жилого помещения государственным служащим: анализ практики применения законодательства / О. А. Иванова, А. С. Телегин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 59–72.3. *Каляшин А. В.* О жилищном обеспечении сотрудников уголовно-исполнительной системы / А. В. Каляшин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 1. – С. 27–30.

4. *Карпов Э. С.* Некоторые проблемы правового регулирования предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам уголовно-исполнительной системы / Э. С. Карпов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 1(50). – С. 26–30.

5. Методические рекомендации по предоставлению федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения. – URL: https://rosmintrud.ru/uploads/imperavi/ru-RU/Metodicheskie_rekomendatcii_pdf.pdf (дата обращения: 04.07.2019).

6. *Попович М. М.* 10 лет службы: жилья нет, и не будет? / М. М. Попович // Правовое регулирование в условиях модернизации государственности: национальный и международный аспекты : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 19 нояб. 2017 г. – Стерлитамак : АМИ, 2017. – ISBN 978-5-906996-55-8. – С. 138–141.

2. *Ivanova O. A., Telegin A. S.* One-time Social Payment for Acquisition of Premises to Civil Servants: Analysis of Practice of Application of the Legislation. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*. 2014. No. 3. P. 59–72.

3. *Kalyashin A. V.* On Housing of Employees of the Penal System. *Ugolovno-ispolnitel'naya Sistema: Pravo, E'konomika, Upravlenie*. 2014. No. 1. P. 27–30.

4. *Karpov E'. S.* Some Problems of Legal Regulation of Providing a One-time Social Payment for the Purchase or Construction of Residential Premises to Employees of the Penal System. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2019. No. 1(50). P. 26–30.

5. Methodical recommendation for the provision by the federal state civil servants of a one-time subsidy for the purchase of housing. URL: https://rosmintrud.ru/uploads/imperavi/ru-RU/Metodicheskie_rekomendatcii_pdf.pdf (date of the application: 04.07.2019).

6. *Popovich M. M.* 10 Years of Service: There is no Housing, and Will not Be? *Legal Regulation in the Conditions of Modernization of Statehood: National and International Aspects.* Sterlitamak, AMI, 2017. ISBN 978-5-906996-55-8. P. 138–141.

Библиографическое описание статьи

Карпов Э. С. Проблемы правоприменительной практики по предоставлению единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам учреждений и органов ФСИН России / Э. С. Карпов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 18–22.

УДК 343.8

Кимачев Андрей Николаевич,
доцент кафедры организации режима и надзора в УИС Академии права и управления ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: kimachevandrei@mail.ru

Котляр Владимир Николаевич,
доцент кафедры организации режима и надзора в УИС Академии права и управления ФСИН России кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: kotlyarrzn@mail.ru

Kimachev Andrej N.,
Assistant Professor of Organization and Supervision Regime in Prisons Department of Academy of Law and Management of the FPS of Russia PhD (Law)

Kotlyar Vladimir N.,
Assistant Professor of Organization and Supervision Regime in Prisons Department of Academy of Law and Management of the FPS of Russia PhD (Pedagogy), Associate Professor

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Current State of Legal Regulation of Separate Aspects of Application of Security Measures by the Staff of Penal System

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых правовых новелл, внесенных в Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. №5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. №503-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"» в отношении применения мер безопасности (физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия) сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Авторы приходят к выводу о преимущественно прогрессивном характере состоявшихся изменений. Вместе с тем в статье обращается внимание на ряд вопросов, представляющихся авторам проблемными и требующих дополнительного изучения.

Ключевые слова: меры безопасности; физическая сила; специальные средства; огнестрельное оружие; несовершеннолетние; уголовно-исполнительная система.

Abstract. Article is devoted to the analysis of some legal short stories introduced in the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-1 «About the institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment by» the Federal law of December 28, 2016 No. 503-FZ «On introduction of amendments to the Law of the Russian Federation "About the Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the form of Imprisonment" and the Federal law "About Detention of Suspects and the Crimes Accused of Commission"» concerning application of security measures (physical force, special means and firearms) by the staff of penal correction system. Authors come to a conclusion about mainly progressive nature of the taken place changes. At the same time in article the attention to a number of questions, presented to authors problem and demanding additional studying is paid.

Key words: security measures; physical force; special means; firearms; minors; penal system.

Невыполнение осужденными к лишению свободы и лицами, содержащимися под стражей, возложенных на них обязанностей, запретов и ограничений, а также законных требований администрации учреждений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), как правило, влечет наступление для этих лиц определенной ответственности и нередко выступает основанием для применения к нарушителям мер безопасности. Под мерами безопасности в учреждениях УИС принято понимать физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. Порядок и случаи применения сотрудниками УИС физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия законодательно урегулированы. В настоящей статье нами предпринята попытка анализа основных положений действующего законодательства по данным вопросам с учетом последних изменений и дополнений.

На настоящий момент основными нормативными правовыми актами, регламентирующими применение мер безопасности к спецконтингенту исправительных учреждений и следственных изоляторов, являются Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (ст. 86 «Меры безопасности и основания их применения») и Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 43 «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в местах содержания под стражей»). Между тем детальное регулирование на законодательном

© Кимачев А. Н., Котляр В. Н., 2019

уровне положения об общих требованиях к применению мер безопасности, его порядке, случаях, а также запретах и ограничениях, с этим связанных, получили в гл. V Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее: Закон). С вступлением в силу в декабре 2016 г. новой редакции этого документа безопасность лишения свободы и содержания под стражей в местах принудительного содержания УИС приобрела дополнительные материальные и процедурные ресурсы для своего развития.

Так, в ст. 28 Закона внесено дополнение о том, что сотрудники УИС вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие не только на территориях учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов, на прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, на охраняемых объектах УИС, но и при выполнении обязанностей по конвоированию и в иных, предусмотренных Законом, случаях. Следует заметить, что такая новелла при всей своей прогрессивности, на наш взгляд, не лишена недостатков.

С одной стороны, расширительное толкование «иных случаев» теперь позволяет охватить собой многие ситуации, возникающие в служебной деятельности, нередко сопровождающиеся применением мер безопасности. Среди них, в частности, меры, направленные на пресечение побегов далеко за пределами учреждений УИС и прилегающих к ним территорий. С другой стороны, отсутствие достаточной конкретности в данном вопросе может способствовать попыткам представить абсолютно законное применение тех или иных мер безопасности, не являющееся таковым. Двойственность сложившейся ситуации объясняется конструкцией ч. 1 ст. 28 Закона, которая, судя по всему, изначально была ориентирована на географическую определенность в ситуациях применения мер безопасности. В связи с этим состоявшееся законодательное дополнение об «иных случаях» в перспективе может быть истолковано только в неразрывной связи с уже перечисленными в рассматриваемой норме территориями.

Опасения на этот счет высказывались в научных кругах [8, с. 49; 11] еще на стадии подготовки законопроекта № 802242-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” и Федеральный закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”». Дополнительные уточнения, в буквальном смысле несколько расширяющие в Законе территории применения мер безопасности, могли бы устранить образовавшуюся противоречивость (например, «…на охраняемых объектах уголовно-исполнительной системы, *иных территориях и объектах* (здесь и далее курсив наш. – *А. К., В. К.*), при исполнении обязанностей по конвоированию *осужденных и лиц, заключенных под стражу, розыску и задержанию осужденных и лиц, заключенных под стражу, совершивших побег, и иных обязанностей* в случаях, установленных настоящим Законом» или «…на охраняемых объектах уголовно-исполнительной системы, *иных территориях и объектах* в случаях, установленных настоящим Законом»).

С целью соблюдения мер безопасности, предотвращения несчастных случаев, а также, как представляется, для исключения субъективного восприятия подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными во внешнем виде вооруженного специальными средствами сотрудника УИС определенной доли нарочитой демонстративности, Закон был дополнен положением о том, что их ношение на территориях учреждений УИС без использования соответствующего снаряжения запрещается (ч. 3 ст. 28). Для упорядочения и единообразного исполнения данной нормы ФСИН России определен перечень снаряжения для ношения специальных средств сотрудниками УИС на территориях ведомственных учреждений: ремень поясной для личного состава; чехол для специального газового средства – аэрозольного распылителя; чехол для средства ограничения подвижности – наручников; чехол для электрошокового устройства; держатель для специального средства – палки специальной. Кроме того, на поясном ремне будут размещаться чехлы для ношения радиостанции и электрического фонаря [3].

Эффективность и правомерность силового воздействия на нарушителей в УИС во многом зависят от так называемого человеческого фактора. Систематические реорганизации основных служб, определяемые, мягко говоря, неоднозначной кадровой политикой прежнего руководства ФСИН России, сопровождавшиеся массовым увольнением значительного числа наиболее опытных сотрудников [9, с. 9], оказали свое негативное воздействие. В связи с этим качество профессиональной подготовки сотрудников УИС остается предметом повышенного внимания и впредь не должно утрачивать свою значимость [5, с. 145].

В Законе по-прежнему определено, что каждый сотрудник УИС должен проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением специальных средств и оружия. На фоне этого интересным представляется тот факт, что положения новой редакции Закона больше не содержат требований к сотруднику УИС о прохождении соответствующей подготовки и проверки на предмет умения оказывать доврачебную помощь пострадавшим от применения мер безопасности лицам (ч. 5 ст. 28).

Здесь уместно вспомнить опасения представителей правозащитного сообщества, прозвучавшие, в частности, в докладе Э. А. Памфиловой [2], где обращалось внимание на значительную долю заимствования положений Федерального закона от 7 февраля 2001 г. № 3-ФЗ «О полиции» в новой редакции рассматриваемого нами Закона в период ее подготовки в части, касающей-

ся применения мер безопасности: заложенная в этих документах обязанность *проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия*, звучит идентично в отношении представителей обоих ведомств, как «полицейского», так и «пенитенциарного». Между тем сотрудник полиции обязан оказать гражданину, получившему телесные повреждения в результате применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, первую помощь, а также принять меры по предоставлению ему медицинской помощи в возможно короткий срок. При тех же обстоятельствах для сотрудника УИС будет достаточным обеспечить безотлагательное предоставление пострадавшим медицинской помощи (п. 2 ч. 1 ст. 28.1 Закона).

В новой редакции Закона уточнен порядок применения мер безопасности сотрудниками УИС. Теперь сотрудник УИС при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий противника, характера и силы оказываемого им сопротивления (ч. 5 ст. 28.1 Закона). Применение мер безопасности по возможности фиксируется переносным видеорегистратором либо другими штатными аудиовизуальными средствами фиксации, что является важным доказательством правомерности их применения (ч. 4 ст. 28.1 Закона).

Глубокой переработке и дополнению подвергнуты положения, характеризующие основания применения специальных средств, и их список. Так, согласно новой редакции Закона (ст. 30) сотрудник УИС имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять специальные средства в следующих случаях:

1) для отражения нападения на работников УИС, осужденных, лиц, заключенных под стражу, и других лиц;

2) для пресечения совершаемых преступлений;

3) для пресечения оказываемого осужденным или лицом, заключенным под стражу, физического сопротивления сотруднику УИС;

4) для пресечения противодействия законным требованиям сотрудника УИС или неповиновения, связанных с угрозой применения насилия, опасного для здоровья или жизни;

5) для пресечения массовых беспорядков в учреждении, исполняющем наказания, следственном изоляторе, на объектах, находящихся под охраной и надзором сотрудников УИС;

6) для пресечения групповых нарушений, дезорганизующих деятельность учреждения, исполняющего наказания, следственного изолятора;

7) для освобождения насильственно удерживаемых лиц, захваченных помещений, сооружений, зданий и транспортных средств;

8) при конвоировании, сопровождении или охране осужденных и лиц, заключенных под стражу, осуществлении надзора за осужденными, отбывающими наказание в колониях-поселениях, если они дают основание своим поведением полагать, что намерены совершить побег либо причинить вред окружающим или себе;

9) при попытке насильственного освобождения из-под охраны при конвоировании осужденных и лиц, заключенных под стражу;

10) для задержания осужденных, лиц, заключенных под стражу, и иных лиц при наличии достаточных оснований полагать, что они могут оказать вооруженное сопротивление;

11) для задержания совершивших побег из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания, осужденных и лиц, заключенных под стражу, также для пресечения побега;

12) для защиты охраняемых объектов УИС, блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия на территориях учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов, прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования.

Важное достижение Закона, расширяющее основания применения мер безопасности, – появление возможности применения физической силы и специальных средств для пресечения неповиновения или противодействия законным требованиям сотрудников УИС (п. 3 ч. 1 ст. 29 и п. 4 ч. 1 ст. 30 Закона). Особенность перечисленных нарушений заключается в их пассивном характере, когда совершающие их лица часто фактически не производят никаких активных действий, например, оставаясь длительное время в месте, не предусмотренном распорядком дня и для этого не предназначенном, или находясь в том или ином проходном помещении, сооружении или проеме, обеспечивающем беспрепятственное движение по территории учреждений УИС персонала и спецконтингента.

Тем не менее такая на первый взгляд безобидность таит в себе серьезные угрозы, связанные с воспрепятствованием проведению различных обязательных процедур от повседневных, направленных на реализацию внутреннего распорядка исправительных учреждений и следственных изоляторов, до специальных, вызванных необходимостью осуществления некоторых режимных мероприятий, имеющих комплексный характер и сопровождающихся тактическими действиями и перемещениями.

Сотрудник УИС имеет право применять следующие специальные средства: палки специальные; специальные газовые средства; наручники и иные средства ограничения подвижности (при их отсутствии использовать подручные средства); электрошоковые устройства (в отдельных случаях, только если применение палки специальной невозможно)[1]; светошоковые устройства; служеб-

[1] Отдельные ученые, изучавшие вопрос о правовой регламентации применения электрошоковых устройств, пришли к интересному выводу о том, что «критерии использования электрошокового оружия, способного выстреливать зарядами, должны соответствовать критериям, применимым к огнестрельному оружию» [6, с. 27].

ные собаки; световые и акустические спецсредства; средства принудительной остановки транспорта; водометы; бронемашины; средства разрушения преград.

Очевидно, что список разрешенных к применению специальных средств стал шире. Конкретизировать, какие именно специальные средства из перечисленных наименований будут состоять на вооружении учреждений и органов УИС, должен специальный перечень, который установлен Правительством Российской Федерации. Отсутствие его современной редакции, во многом вызванное появлением в списке новых наименований, особенно предназначенных для повседневного использования, таких как палки специальные, специальные газовые средства и электрошоковые устройства, еще некоторое время может вызывать определенные сложности с точки зрения обоснования правомерности вооружения ими персонала учреждений УИС.

Новым словом в пенитенциарной практике следует признать появившуюся у сотрудников УИС возможность отступать от запретов и ограничений при принятии решения о применении специальных средств в отношении отдельных категорий подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, и осужденных, лишенных свободы, в случаях участия таких лиц в массовых беспорядках (ч. 1 ст. 31.1 Закона). Из перечисленных в указанной норме категорий лиц противоправных групповых проявлений, на наш взгляд, чаще всего следует ожидать от несовершеннолетних, лишенных свободы [4, с. 3–4]. Наши выводы по этому поводу подтверждает статистическая информация.

Так, несмотря на стремительно снижающуюся в течение последних 10 лет численность спецконтингента воспитательных колоний (далее: ВК) (более чем в 6 раз: от 8 550 чел. в 2008 г. до 1 310 чел. в 2018 г.) [10], остаются стабильно устойчивыми показатели противоправной активности воспитанников рассматриваемых учреждений, направленной на дезорганизацию их деятельности и групповые эксцессы. По материалам отчетов о работе ВК за 2008 г. и последующие годы, вплоть до первого полугодия 2018 г. (форма «ВК», утверждена приказом Минюста России от 27 февраля 2006 г. № 26), на профилактический учет в 2008 г., в связи с обнаруженной склонностью к групповым эксцессам, был поставлен каждый 80 осужденный, а в 2017 г., для сравнения, немногим меньше – каждый 107 (при этом еще в 2016 г. такой предрасположенностью обладал каждый 66 воспитанник). Организации забастовок, иных групповых неповиновений, а равно активного участия в них как злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными, особенно характеризующих организаторский потенциал криминальной среды мест лишения свободы, в 2017 г. и первом полугодии 2018 г. в ВК не допущено. Между тем совсем недавно по итогам 2016 г. уровень таких нарушений превысил аналогичный показатель 2008 г. в 2,6 раза. Количество зарегистрированных на территориях ВК преступлений, предусмотренных ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»), на фоне снижения списочной численности лиц, в них содержащихся, и вовсе демонстрирует тенденцию к росту: 2008 г. – 2, 2009 г. – 5, 2010 г. – 2, 2011 г. – 0, 2012 г. – 3, 2013 г. – 3, 2014 г. – 1, 2015 г. – 2, 2016 г. – 1, 2017 г. – 2.

В период действия прежней редакции Закона, принципиальный запрет на применение специальных средств и газового оружия в отношении рассматриваемой категории спецконтингента мог быть нарушен не иначе как в связи с оказанием несовершеннолетними вооруженного сопротивления, совершения ими группового или иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан, а также в случаях, когда от этого могли пострадать посторонние лица. Применение мер безопасности в отношении лиц, достигших совершеннолетия и содержащихся в ВК сверх указанного возраста (до 19 лет) по обстоятельствам, определенным законодательством, при этом не исключалось.

Минувшие два неполных десятилетия были отмечены в ряде ВК чередой ситуаций, сопровождавшихся групповыми неповиновениями и массовыми беспорядками. По официальным данным Следственного комитета Российской Федерации [7] и Генеральной прокуратуры Российской Федерации [1], такие события имели место по меньшей мере: в июле 2003 г. в Колосовской ВК (Калининградской область), в марте 2006 г. в Костромской ВК (Костромская область), в октябре 2007 г. в Улан-Удэнской ВК (Республика Бурятия) и Кировоградской ВК (Свердловская область), в ноябре 2007 г. в Жигулевской ВК (Самарская область), в июле 2009 г. в Котельничской ВК (Кировская область), в августе 2009 г. в Краснотурьинской ВК (Свердловская область), в апреле 2010 г. в Юргамышской ВК (Курганская область), в сентябре 2010 г. и июле 2011 г. в Белореченской ВК (Краснодарский край), в сентябре 2011 г. в Алексинской ВК (Тульская область), в марте 2015 г. в Ангарской ВК (Иркутская область), в августе 2015 г. в Бобровской ВК (Воронежская область), в феврале 2016 г. в Можайской ВК (Московская область).

И без того чрезвычайный характер рассмотренных происшествий в процессе их ликвидации существенным образом был осложнен необходимостью своеобразного категорирования осужденных на взрослых и детей, для исключения применения мер безопасности к последним. Нужно ли говорить о том, что данное обстоятельство снижало скорость принимаемых решений, способствовало нарушителям установленного порядка, отдавая в их руки стратегическую инициативу? В этих условиях персонал учреждений УИС, опасаясь ответственности, нередко отказывался от применения каких бы то ни было мер, предпочитая бездействовать, что в итоге нередко приводило к еще более тяжким последствиям.

Похожая тенденция наблюдается в ВК и по поводу применения оружия караулами, наряжаемы-

ми от отделов охраны этих учреждений, в обстоятельствах пресечения побегов из-под охраны. Объективное отсутствие возможности в условиях ночного времени или плохой видимости визуально определить возраст правонарушителя, пытающегося осуществить побег, заставляет должностных лиц выбирать в соответствующих ситуациях алгоритм действий, исключающий в принципе применение огнестрельного оружия как такового. При аналогичных обстоятельствах в июле 2014 г. был совершен побег двух несовершеннолетних, содержавшихся под стражей в ФКУ СИЗО-4 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, рассмотренный в письме ФСИН России от 3 марта 2015 г. № исх-6-10057 «Об основных результатах оперативно-служебной деятельности следственных изоляторов и тюрем ФСИН России в 2014 году».

Таким образом, дозволение о применении специальных средств ко всем без исключения участникам массовых беспорядков, вне зависимости от их возраста, должно способствовать решительной ликвидации подобных ситуаций. При этом правовым механизмом, исключающим произвольное применение специальных средств даже при чрезвычайных обстоятельствах, теперь выступают ограничения, не допускающие нанесения человеку ударов палкой специальной по голове, шее, ключичной области, животу, половым органам, в область проекции сердца, а также применения электрошоковых устройств в область головы, шеи, солнечного сплетения, половых органов, проекции сердца (ч. 2 ст. 31.1 Закона).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что изменения и дополнения, внесенные в Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» по поводу применения мер безопасности сотрудниками УИС, в большинстве своем являются ожидаемыми и необходимыми. В то же время сформированные на основе рассмотренных правовых новелл процедуры, касающиеся общих требований к применению мер безопасности, его порядка, случаев, а также запретов и ограничений, с этим связанных, нуждаются в своем регулярном мониторинге и анализе. Это позволит оценить эффективность достигаемых при практической реализации новых правил и порядка результатов, своевременно изучить вопрос о необходимости соответствующих корректив.

Библиографический список

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://genproc.gov.ru (дата обращения: 05.06.2019).

2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. – 2016. – 24 марта.

3. *Караваев И. В.* Новые аспекты российского законодательства, регламентирующего применение специальных средств сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / И. В. Караваев, С. А. Холоднов, В. В. Прокудин // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 9(112). – С. 232–234.

4. *Кимачев А. Н.* Организационные и правовые основы обеспечения режима в исправительных учреждениях, предназначенных для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте : специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Кимачев Андрей Николаевич. – Рязань, 2013. – 24 с. – Место защиты: Акад. права и упр. Федер. службы исполн. наказаний.

5. *Котляр В. Н.* Вопросы совершенствования охраны в уголовно-исполнительной системе в целях укрепления правопорядка и законности / В. Н. Котляр // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2016. – Т. 2. – ISBN 978-5-77430-770-8, 978-5-77430-772-2. – С. 142–146.

6. *Кутаков Н. Н.* Профилактика применения насилия осужденными в отношении персонала исправительных учреждений / Н. Н. Кутаков,

References

1. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Website. URL: https://genproc.gov.ru (date of the application: 05.06.2019).

2. Report of Human Rights Ombudsman in the Russian Federation for 2015. *Rossijskaya Gazeta*. 2016. March 24.

3. *Karavaev I. V., Kholodnov S. A., Prokudin V. V.* New Aspects of the Russian Legislation Regulating Application of Special Means by the Staff of Institutions and Bodies of Penal System. *Evrazijskij Yuridicheskij Zhurnal.* 2017. No. 9(112). P. 232–234.

4. *Kimachev A. N.* Organizational and Legal Bases of Providing the Mode in the Correctional Facilities Intended for Keeping of the Persons who Committed Crimes at Minor Age. Ryazan', 2013. 24 p.

5. *Kotlyar V. N.* Questions of Improvement of Protection in Penal Correction System for Strengthening of Law and Order and Legality. *Criminal and Executive Policy and Questions of Execution of Criminal Penalties.* In 2 vol. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2016. Vol. 2. ISBN 978-5-77430-770-8, 978-5-77430-772-2. P. 142–146.

6. *Kutakov N. N., Strelkov D. O.* Prevention of Use of Violence by Convicts to Personnel of Correctional Facilities. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2017. No. 4(45). P. 25–29.

7. Investigative Committee of the Russian Federation. Website. URL: https://sledcom.ru (date of the application: 05.06.2019).

8. *Useev R. Z.* Implementation of Measures of Safety in Penal System and New Rules of Their Application: Comparative and Legal Analysis, Problems and Prospects. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2015. No. 4(37). P. 47–52.

9. *Utkin V. A.* About Criminal Means of Ensuring of Law and Order in Correctional Facilities. *Vestnik Kuzbasskogo Instituta.* 2013. No. 1(14). P. 7–13.

Д. О. Стрелков // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 4(45). – С. 25–29.

7. Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://sledcom.ru (дата обращения: 05.06.2019).

8. *Усеев Р. З.* Реализация мер безопасности в уголовно-исполнительной системе и новые правила их применения: сравнительно-правовой анализ, проблемы и перспективы / Р. З. Усеев // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 4(37). – С. 47–52.

9. *Уткин В. А.* Об уголовно-правовых средствах обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях / В. А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 1(14). – С. 7–13.

10. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. – URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK (дата обращения: 05.06.2019).

11. *Холоднов С. А.* Организационно-правовые аспекты применения специальных средств сотрудниками исправительных учреждений: проблемы и перспективы развития / С. А. Холоднов, Н. Н. Кутаков // Юридическая наука. – 2016. – № 5. – С. 128–132.

10. Characteristic of the persons which are contained in educational colonies for minors. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK (date of the application: 05.06.2019).

11. *Kholodnov S. A., Kutakov N. N.* Organizational and Legal Aspects of Application of Special Means by the Staff of Correctional Facilities: Problems and Prospects of Development. *Yuridicheskaja Nauka.* 2016. No. 5. P. 128–132.

Библиографическое описание статьи

Кимачев А. Н. Современное состояние правового регулирования отдельных аспектов применения мер безопасности сотрудниками уголовно-исполнительной системы / А. Н. Кимачев, В. Н. Котляр // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 23–28.

УДК 343.825

Кисляков Антон Валерьевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: antonval77@mail.ru

Kislyakov Anton V.,
Assistant Professor of Criminal and Law Studies Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Senior Lecturer of Penal Law Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

ОБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМИ ВМЕНЯЕМОСТИ, СОТРУДНИКАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ЗНАЧЕНИЕ И МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ (по материалам одного криминологического исследования)

Objective Assessment of the Behavior of Convicts with Mental Disorders, not Excluding Sanity, by Correctional Officers: the Importance and Measures to Improve Efficiency (Based on the Materials of one Criminological Study)

Аннотация. Статья посвящена проблемам выявления и учета в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Приводятся данные конкретного криминологического исследования, полученные автором в ходе анкетирования отдельных категорий сотрудников исправительного учреждения по вопросам оценки состояния психического здоровья осужденного в период исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. На основе комплексного и системного анализа эмпирических данных автором предлагаются меры по эффективному выявлению, оценке и учету в исправительных учреждениях осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

Ключевые слова: исправительное учреждение; осужденный; психические расстройства, не исключающие вменяемости; сотрудник исправительного учреждения; режим и надзор в исправительном учреждении.

Abstract. The article deals with the issues of relevance and register of convicts with mental disorders not excluding sanity in correctional institutions of the penal system, The data of a specific criminological study obtained by the author in the course of questioning certain categories of employees of a correctional institution on the assessment of mental health of a convicted person during the execution and serving of a sentence of imprisonment are given. On the basis of a comprehensive and systematic analysis of empirical data, the author proposes measures for the effective identification, evaluation and registration of convicts with mental disorders, not excluding sanity in correctional institutions.

Key words: correctional institution; convicted person; mental disorders, not excluding sanity; employee of a correctional institution; regime and supervision in a correctional institution.

В течение последних десятилетий результаты научных исследований свидетельствуют о значительном удельном весе лиц, совершивших преступления и имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости [2, с. 13; 4, с. 125; 6, с. 129; 9, с. 25]. Актуальность этой проблемы подчеркивается в научных трудах таких известных ученых-криминологов, психиатров, пенитенциаристов, психологов и других специалистов, как: Ю. М. Антонян, Ю. Н. Аргунова, С. В. Бородин, Л. И. Глухарева, Н. Г. Иванов, Г. Б. Калманов, Я. М. Калашник, А. Ф. Кистяковский, В. Г. Козюля, Е. К. Краснушкин, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Д. Р. Лунц, Р. И. Михеев, Г. В. Назаренко, Т. П. Печерникова, Г. В. Рейтц, В. Я. Семке, О. Д. Ситковская, Б. А. Спасенников, Ю. К. Сущенко, В. С. Трахтеров, Н. И. Фелинская, А. М. Халецкий, Е. И. Цыбал, С. Н. Шишков и др. В руководящих документах реформирования уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) этой проблеме также уделяется повышенное внимание. Например, в распоряжении Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)”» и постановлении Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе “Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)”» указывается, что «большинство подозреваемых, обвиняемых и осужденных относятся к социально уязвимым группам населения, а также страдают различными заболеваниями, прежде всего социально значимыми. Многие из них до помещения под стражу находились вне поля зрения общественного здравоохранения и социальных служб».

К социально значимым заболеваниям, перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих», относят в том числе психические расстрой-

© Кисляков А. В., 2019

ства и расстройства поведения, предусмотренные кодами F00–F 99 Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (10-й пересмотр) (далее: МКБ-10).

Сегодня в деятельности исправительных учреждений (далее: ИУ) регистрируются многочисленные факты нарушений и злостных нарушений, совершенных осужденными в состоянии повышенной агрессивности и возбудимости. В ИУ наблюдается рост количества лиц с деструктивными формами поведения. Осужденные, страдающие психическими расстройствами, отличаются повышенной агрессивностью (в том числе уровня «ауто»), возбудимостью, проявляют склонность к различного рода деструктивному поведению, включая членовредительство и суицидальное поведение [3, с. 22]. В процессе исполнения наказания персонал ИУ нередко сталкивается с отклоняющимся от нормы поведением осужденных, обусловленным трудностями адаптации и приспособления к порядку и условиям отбывания наказания, влиянием уголовной субкультуры, выполнением специфических обязанностей, предусмотренных Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее: УИК РФ) и ведомственными нормативными правовыми актами.

Актуальность рассматриваемых вопросов предопределили необходимость выделить проблему профессиональной оценки состояния психического здоровья осужденных к лишению свободы сотрудниками ИУ. Это важно прежде всего с практической точки зрения, поскольку позволяет: во-первых, объективно оценить способность персонала ИУ идентифицировать психопатологию лица в определенной ситуации, во-вторых, определить уровень важности понимания персоналом сущности и практического значения проблемы влияния психических отклонений осужденного на его поведение в период отбывания наказания, в-третьих, выделить проблемные аспекты эффективности применяемых к осужденным с психическими отклонениями, основных средств исправления, в-четвертых, предложить науке и практике эффективные меры выявления, оценки и учета психических расстройств осужденных в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

С появлением в Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 22 стало очевидным, что законодатель пытается максимально реализовать принцип справедливости в отношении тех субъектов преступлений, которые совершают преступления в состоянии, не позволяющем в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ограниченная вменяемость). Однако психическое расстройство, не исключающее вменяемости, получает уголовно-правовую оценку и учитывается судом при назначении наказания только тогда, когда расстройство проявило себя в момент совершения преступления, т. е. повлияло на осознанно-волевую сферу преступника. Факт такого влияния должен быть установлен проводимой в рамках расследования уголовного дела или судебного разбирательства судебно-психиатрической экспертизой (далее: СПЭ), по результатам которой, в числе прочих выводов, можно рекомендовать применение к виновному принудительных мер медицинского характера (далее: ПММХ). Напротив, если в ходе СПЭ будет установлен факт имеющегося у обвиняемого (подсудимого) психического расстройства, не находящегося в какой-либо связи с совершенным противоправным деянием, суд назначит виновному уголовное наказание без учета особенностей его психического здоровья. Однако количество лиц, у которых по результатам СПЭ выявляются какие-либо психические отклонения и которые впоследствии осуждены к уголовным наказаниям, составляет более 70 % [4, с. 125].

Таким образом, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, имеет правовое значение только в связи с совершаемым деянием, что учитывается при назначении наказания и ПММХ. Если такой связи нет, то психопатология подсудимого, а в последующем и осужденного не будет учитываться ни при назначении и, главное, при исполнении уголовного наказания, что может привести (и приводит) к созданию для осужденного и персонала ИУ трудностей уже с первых дней поступления осужденного в ИУ. В лучшем случае осужденный самостоятельно может обратиться за помощью к психиатру с целью получения квалифицированной медицинской помощи. Более того, если будет установлено, что осужденный, в том числе к лишению свободы, страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, которое связано с опасностью для себя или других лиц, то к такому лицу судом могут быть применены ПММХ. Однако пенитенциарная практика, несмотря на распространенный характер серьезных психических расстройств среди осужденных, недостаточно использует возможности СПЭ, по результатам которых и устанавливается факт наличия или отсутствия опасности больного осужденного причинить вред себе или другим лицам. Причинами могут служить как отсутствие сведений объективного анамнеза осужденного в его медицинской карте, так и нежелание (равнодушное отношение) персонала акцентировать свое внимание и правильно реагировать на состояние психического здоровья лица даже в период его острой (взрывной) психопатологии.

В течение последних нескольких лет статистика ФСИН России (форма ПС-1) фиксирует почти 60 % осужденных, имеющих те или иные формы деструктивного (аномального) поведения, выявляемые психологами ИУ. Большая часть таких осужденных имеют психические расстройства, не исключающие вменяемости (расстройство личности (психопатия), олигофрения в степени легкой дебильности, остаточные явления черепно-мозговых травм, органические заболевания центральной нервной системы, сосудистые заболевания головного мозга с когнитивными изменениями, шизофрения в степени стойкой ремиссии, эпи-

лепсия, алкоголизм, наркомания и иные болезненные состояния психики, такие как: психопатии, неврозы, расстройство сексуального предпочтения (педофилия) и др.). Вместе с тем следует отметить, что в число указанных лиц не включены осужденные, стоящие в ИУ на учете у врача-психиатра как лица, имеющие психическое расстройство и расстройство поведения. Данная категория учитывается в статистике ФСИН России отдельно как лица, больные социально значимыми заболеваниями. Количество осужденных, больных психическими расстройствами и расстройствами поведения и содержащихся в ИУ, в течение последних нескольких лет остается на достаточно высоком уровне. Так, в абсолютных цифрах эти показатели составили: в 2015 г. – 53 143 осужденных, в 2016 г. – 51 456, в 2017 г. – 49 895, в 2018 г. – 45 885. На фоне наблюдаемого в период с 2015 по 2018 г. постепенного снижения числа осужденных, содержащихся в ИУ (в 2015 г. – 526 421, в 2018 г. – 462 233) [11], удельный вес осужденных, официально состоящих на учете у психиатра в связи с психическим заболеванием, остается высоким. Подчеркнем, что представленные сведения отражают исключительно медицинские показатели о распространенности психических расстройств и расстройств поведения среди осужденных, состоящих на учете у врача-психиатра и больных различными видами психических заболеваний, диагноз которых определяется кодами F01–F99 МКБ-10 и в отношении которых проводится специализированное лечение. На особом медицинском контроле в медицинской части ИУ состоят осужденные, страдающие хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, не позволяющими заболевшему осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (коды F01; F06; F20–F22; F73 МКБ-10). Указанные заболевания у осужденных в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» препятствуют дальнейшему отбыванию ими наказания, т. е. такие лица подлежат освобождению.

Таким образом, сегодня в ИУ сосредоточена значительная часть контингента, психическое состояние которого требует не только учета в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, но и повышенного внимания со стороны сотрудников ИУ, начиная с момента поступления осужденного в карантинное отделение ИУ и до его освобождения от отбывания наказания. Именно в карантином отделении ИУ, по нашему мнению, должна строиться работа по качественной диагностике как соматического, так и психического состояния здоровья осужденного. При этом в обязательном порядке должны привлекаться медицинский персонал и специалисты в области психологии и (или) психотерапии. Результаты диагностики осужденного должны быть оформлены в виде соответствующего документа (справка, заключение), который включается в общую характеристику личности отбывающего наказание и подлежит внимательному изучению сотрудниками, чьи функции непосредственно связаны с работой со спецконтингентом.

В процессе исполнения наказания в виде лишения свободы личность и поведение осужденного оцениваются и анализируются широким кругом сотрудников ИУ. Состояние психического здоровья анализируется главным образом работниками медицинской части и отдела (группой) социально-психологической работы, которые обладают специальными знаниями в области особенностей болезненного состояния психопатологии и патопсихологии лиц, отбывающих лишение свободы.

В условиях конкретной ситуации (например, в ходе реализации конкретных режимных мероприятий или проведения индивидуальной воспитательной работы) понять, отклоняется ли поведение осужденного от нормативного в связи с его состоянием здоровья (соматического или психического) и является ли оно деструктивным (аномальным), наряду с психологами и медперсоналом, могут и работники, имеющие значительный практический опыт со спецконтингентом. В связи с этим персонал ИУ условно можно разделить на две группы: 1) сотрудники, осуществляющие работу непосредственно с осужденными (отдел безопасности, отдел по воспитательной работе с осужденными, оперативный отдел, центр трудовой адаптации осужденных и др.); 2) сотрудники, прямо не задействованные в работе со спецконтингентом (отдел кадров, канцелярия, организационно-аналитический отдел, служба вооружения, отдел инженерно-технических средств охраны, бухгалтерия и некоторые другие). Компетентность оценки отклоняющегося (деструктивного) поведения осужденного со стороны указанных в обеих группах сотрудников будет зависеть от того, насколько часто в выполнении своих служебных обязанностей сотрудник ИУ будет сталкиваться с необходимостью лично контактировать с рассматриваемой категорией отбывающих наказания. Безусловно, что одного практического опыта непосредственной работы с контингентом, имеющегося у сотрудника, недостаточно. Вся работа с осужденными к лишению свободы подчинена целям наказания и принципам уголовно-исполнительного законодательства, которые сегодня требуют от сотрудников практически всех структурных подразделений специальных знаний в области психологии и социальной работы.

Не случайно в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (далее: Концепция), зафиксировано, что одной из основных целей является сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказания в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности со-

циальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведения в ИУ мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества. Таким образом, на концептуальном уровне декларируется, что проведение эффективной социальной и психологической работы с осужденными в условиях ИУ способствует успешной адаптации освобождающихся лиц в обществе, а также предупреждению преступной деятельности с их стороны в будущем.

Современные условия развития УИС объективно не позволяют дать утвердительный ответ о том, что указанная цель Концепции, как и цели наказания, могут быть достигнуты. Сегодня не создано необходимых условий для реализации принципа индивидуализации исполнения наказания посредством применения в полном объеме инструментов социального и психологического обеспечения осужденных к лишению свободы, что влияет на эффективность социализации освобождающихся из ИУ осужденных, а также постпенитенциарную безопасность [1, с. 12–16].

Преодолевание непростой ситуации рассогласования концептуальных основ развития УИС и со сложившейся практикой необходимо начать с понимания важности роли изучения многогранной личности осужденного, наделенного не только формальными характеристиками (социально-демографической, уголовно-правовой, криминологической, психологической и пр.), но и индивидуальными сознательно-волевыми свойствами, обусловленными социальными и биологическими факторами. При этом следует изучать не только вопросы влияния указанных факторов на момент совершения лицом преступного деяния, но и в целом на понимание процесса формирования личности в детском и юношеском возрастах, исследование условий приобретения ею криминального опыта, наличие детерминирующих признаков, раскрывающих сущность субъективных свойств человека, выстраивание прогноза поведения таких лиц в будущем и пр.

Являясь коренной проблемой изучения личности преступника, соотношение социального и биологического находится в центре внимания не только ученых, проводящих отдельные научные исследования в разных научных сферах (криминология, психология, социология, психиатрия и др.), но и практических работников, уполномоченных бороться и противодействовать преступности, выполняя важную предупредительную функцию. Персонал УИС не является исключением, поскольку согласно УИК РФ его деятельность направлена на решение задач по регулированию порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определению средств исправления осужденных, охране их прав, свобод и законных интересов, а также оказанию осужденным помощи в социальной адаптации. Решение указанных задач обеспечивает исправление осужденных и предупреждение совершения с их стороны новых преступлений (ст. 1 УИК РФ).

Известно, что для достижения целей уголовного наказания, в том числе в виде лишения свободы, персонал ИУ руководствуется перечнем основных средств исправления, закрепленных в ст. 9 УИК РФ. Их применение, с учетом провозглашенных принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, осуществляется с учетом интеллектуальных, эмоциональных и волевых качеств личности осужденного.

При этом к интеллектуальным свойствам относятся: уровень умственного развития, объем знаний, жизненный опыт, широта или узость взглядов. Эмоциональные свойства личности составляют сила, уравновешенность и подвижность нервных процессов: динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, сила и темп реакции на различные раздражители и ситуации, постоянство или изменчивость переживаний. Волевые свойства личности характеризуют умение сознательно регулировать свою деятельность, способность принимать и осуществлять решения, добиваться намеченной цели. Это проявляется в таких качествах, как: целеустремленность, последовательность, инициативность, активность, стойкость, выдержка, самообладание [10, с. 234].

В процессе работы с интеллектуальными, эмоциональными и волевыми качествами осужденного персонал ИУ, хотя и обладает собственным профессиональным опытом работы с осужденными к лишению свободы, тем не менее в своей работе ориентируется на специалистов в области психологии, психотерапии, психиатрии и др. Указанные специалисты способны не только выявить (при определенных условиях) личностные особенности психического здоровья осужденного в течение срока отбывания наказания, но и предложить средства и методы лечения, коррекции и реабилитации таких лиц.

Однако положения ст. 9 УИК РФ не раскрывают социальную и психологическую работу с осужденными как основные средства исправления, что, во-первых, не согласуется с целями Концепции, во-вторых, не позволяет персоналу ИУ в процессе проводимых с осужденными мероприятий (режимных, воспитательных, трудовых и пр.), фокусировать свое особое внимание на организации качественной психологической и социальной работы, в-третьих, приводит к выполнению психологами и социальными работниками ИУ шаблонных (трафаретных) функций по оформлению в отношении осужденных отдельных документов (справки, отчеты, запросы, характеристики и пр.). Между тем приговоры судов, вынесенные в отношении осужденных с психическими расстройствами, не связанными с механизмом преступного поведения, которых признали вменяемыми, как правило, содержат информацию о конкретном диагнозе и медицинском учреждении, где лицо проходило лечение или психиатрическое освидетельствование, в том числе СПЭ. Направление специального запроса о получении дополнительных сведений о болезненном состоянии психики осужденного, имеющемся у него в период до совершения пре-

ступления, позволяет более качественно оценить степень участия персонала ИУ в работе с ним по применению средств исправления.

Следует признать, что каждый осужденный – это личность человека, обязанная возвратиться в общество минимум социально здоровым, максимум социально полезным. В связи с этим государство в лице персонала ИУ несет бремя обеспечения выполнения этой обязанности по отношению к осужденному путем оказания последнему профессиональной помощи. Дело спасения «утопающего» осужденного не должно быть связано только с усилиями самого «утопающего», который весьма часто просто не понимает необходимости вернуться в общество социально неопасным человеком. Усилия именно государственных структур и институтов гражданского общества в целом служат тем «спасательным кругом», с помощью которого осужденный должен постараться исправиться и социализироваться. При этом работники ИУ должны не просто хаотично обрушить на осужденного весь арсенал имеющихся средств исправления, но обязаны научить его правильно использовать эти средства в целях своей успешной социальной реабилитации и естественной адаптации в системе общественных отношений. В противном случае осужденный может «захлебнуться» от слишком большого попечения о его личности государственных структур, формально исполняющих важную социальную функцию – исправление осужденного.

Итак, невозможно повысить эффективность социальной и психологической работы в местах лишения свободы, а также обеспечить качественный уровень адаптации осужденных после освобождения из ИУ, если не обратиться к начальному этапу процесса исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, а именно моменту всестороннего изучения личности осужденного при его поступлении в ИУ. Типовые характеристики лиц, отбывающих наказания в ИУ, дают возможность персоналу УИС, выступающему в роли своеобразного эксперта, оценить положительные и негативные свойства личности с учетом различных факторов (вид уголовного деяния, размер наказания, возраст, семейное положение, состояние физического и психического здоровья, наличие судимости и пр.) и предварительно оценить перспективность исправления осужденного под влиянием требований режима, воспитательных мероприятий, трудового устройства и других элементов исправительного воздействия.

Среди типовых характеристик, встречающихся в криминологической литературе, особое место занимает классификация преступников по мотиву совершения преступления [8, с. 73]. Исследование мотива как внутреннего побуждения лица к избираемому им варианту именно преступного поведения дает возможность работнику ИУ составить не только его психологический портрет, но и в определенной степени оценить уровень социальной запущенности осужденного, деформации его осознанно-волевой сферы, «градус» отклонения от нормы поведения, распространенного в ИУ. Кроме того, при изучении личности преступника, важное значение имеет потребностно-мотивационная сфера, раскрывающая ценностно-нормативные характеристики сознания личности [5, с. 59].

Рассмотрим некоторые результаты проведенного нами анкетирования сотрудников ИУ, занимающих должности начальствующего состава, предусмотренные приказом Минюста России от 17 марта 2008 г. № 154 «Об утверждении примерных структур и расчетов штатной численности начальствующего состава, рабочих и служащих исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и методических рекомендаций по разработке их штатных расписаний». Цель исследования состояла в том, чтобы выяснить, насколько сотрудники ИУ различных видов, участвуя в непосредственной работе со спецконтингентом, способны оценить отклоняющееся от нормы поведение в отдельных эпизодах жизнедеятельности осужденного. В качестве респондентов выступили 570 сотрудников отделов безопасности (режима) ИУ.

Перед нами стояла задача доказать предположение о том, что сотрудник отдела безопасности (режима) способен правильно идентифицировать и учитывать в своей работе деструктивное поведение осужденного, связанного с болезненным состоянием психического здоровья, лишь в том случае, если значительная часть его рабочего времени тратится на непосредственную работу со спецконтингентом. Результаты настоящего исследования помогут выработать необходимые организационно-правовые меры, направленные на совершенствование применения к осужденным, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, режима как основного средства исправления, предусмотренного ч. 2 ст. 9 УИК РФ.

Поскольку каждое научное исследование преследует цель получить достоверный результат и приблизиться к истине как к ключу решения важной проблемы, для нас было важным выбрать из однородной (по характеру выполняемой работы) группы респондентов тех, кто имеет больший практический опыт работы в ИУ, чтобы этот опыт был связан с изучением личных дел осужденных, участием в решении бытовых, трудовых, социальных и иных вопросов осужденных, проведением личных бесед с осужденными. Предварительная выборка сотрудников, подтвердивших, что фактор прямого контакта с осужденным является в их работе доминирующим, составили первую группу респондентов в количестве 90 чел., или 16 % от общего числа опрошенных (далее: группа 1). В группу 1 вошли сотрудники, работающие в должностях начальствующего состава: инспектор и старший инспектор отдела безопасности исправительной колонии (далее: ИК); заместитель дежурного помощника начальника следственного изолятора (далее: СИЗО), заместитель начальника дневной смены, заместитель начальника отдела режима, старший инспектор отдела режима, инспектор

отдела режима, а также персонал надзора ИК: помощник оперативного дежурного, инспектор-дежурный по жилой зоне, инспекторы-дежурные по производственной зоне.

Вторую группу составили лица (70 чел., или 12 %), заявившие о том, что в течение рабочего дня им приходится оформлять документы в виде отчетной, статистической и иной информации, а также выполнять отдельные поручения руководителей различных уровней, принимать участие в совещаниях, собраниях и тому подобных мероприятиях (далее: группа 2). Группа 2 представлена сотрудниками, замещающими должности начальствующего состава: начальник отдела безопасности, оперативный дежурный, начальник отдела режима, дежурный помощник начальника СИЗО, начальник дневной смены, старший дежурной смены.

Самую многочисленную группу (410 чел., или 72 %) составили респонденты, у которых подавляющее количество рабочего времени занимает участие в отдельных режимных мероприятиях (обыски жилых и производственных помещений, личный обыск осужденных, досмотр личных вещей осужденных и иных лиц, а также посылок, передач и бандеролей, приходящих на имя осужденных, технические обследования помещений, расположенных на территориях жилой и производственной зоны, организация вывода и съема осужденных с работы, сопровождение осужденных к медицинским работникам и пр.) (далее: группа 3).

В группу 3 вошли сотрудники, замещающие должности младшего начальствующего состава: младший инспектор группы надзора 1-й и 2-й категории, младший инспектор дежурной смены, младший инспектор дневной смены.

Следует отметить, что представители всех трех групп в силу характера выполняемых надзорных и режимных функций, организуют и принимают участие в мероприятиях, направленных на соблюдение императивных требований режима как основы порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. В работе каждого ИУ на регулярной основе проводятся так называемые повальные обыскные мероприятия жилых помещений и мест трудоустройства осужденных, для участия в которых привлекается значительное число персонала ИУ, в том числе и те сотрудники, кто проводит воспитательную, социально-психологическую, оперативную и другую деятельность.

Респондентам всех трех групп были предложены одинаковые вопросы, касающиеся оценки состояния психического здоровья осужденных к лишению свободы при осуществлении своих должностных обязанностей. При анализе ответов учитывались особенности доминирующего характера выполняемой респондентами работы. Дополнительным признаком, указывающим на квалификацию и компетентность сотрудника отвечать на представленные в анкете вопросы, являлся опыт работы в ИУ.

По первому и наиболее значимому вопросу, указывающему, насколько респондент понимает особенности поведения осужденного, нуждающегося в оказании специализированной психиатрической помощи, ответы распределились следующим образом (табл. 1).Из представленных данных следует, что наибольшее количество сотрудников, способных с учетом личного профессионального опыта достоверно оценить психопатологию осужденного к лишению свободы, состоят в группе 1 (44 %). Напротив, в группе 3 наблюдается наименьшее число респондентов (10 %), полагающих, что достоверно могут определить отклоняющееся поведение осужденного. В то же время 42 % респондентов из группы 3 посчитали себя способными при оценке поведения осужденного примерно определить болезненное состояние его психики. Наибольшее количество респондентов (37 %), считающих, что все осужденные в той или иной степени нуждаются в оказании психиатрической помощи, сосредоточились в группе 3, а наименьшее (13 %) – в группе 2.

С целью выявления частоты проявлений отклоняющегося (неадекватного) поведения осужденных к лишению свободы, респондентам был задан вопрос: «Вам приходилось сталкиваться с проявлением непонятного (отклоняющегося, неадекватного) поведения осужденных к лишению свободы?». При ответе на этот вопрос 56 % респондентов из группы 1 указали на регулярный (частый) характер встречающихся в служебной деятельности деструктивных проявлений со стороны осужденных в виде отклоняющегося поведения. В группе 2 подобный ответ дали 43 %, в группе 3 – 45 % опрошенных. Вместе с тем на редкий характер встречи с отклоняющимся (неадекватным) поведением осужденных к лишению свободы в группе 1 указали 44 %, в группе 2 – 57 %, в группе 3 – 48 %. Никогда не сталкивались с подобными проявлениями в поведении осужденных только 7 % сотрудников из группы 3.

Наибольший научно-практический интерес в проведенном анкетировании представляют данные, полученные при ответе респондентов на следующий вопрос: «Какое поведение осужденного может свидетельствовать о наличии у него отклонений в психике?». При этом опрашиваемым

Таблица 1

Ответ	Кол-во респондентов, %		
	группа 1	группа 2	группа 3
Могу определить достоверно	44	32	10
Могу определить примерно	28	18	42
Определить не могу, так как не имею специальных знаний	11	35	11
Считаю, что все осужденные в той или иной степени нуждаются в оказании указанной помощи	17	13	37
Иное	–	2	–

предлагалось выбрать, по желанию, несколько вариантов ответов. Результаты ответов распределились следующим образом (табл. 2).

Анализ полученных данных о признаках отклоняющегося поведения позволяет составить обобщенный портрет личности осужденного, поведение которого может свидетельствовать о болезненном состоянии психики. Итак, значительное число респондентов отметили, что для таких осужденных характерно агрессивное и аутоагрессивное (аутодеструктивное) поведение, суицидальные высказывания (без реальных намерений «уйти» из жизни), провоцирующий и конфликтный характер поведения. Респондентами из группы 1 и группы 3 дополнительно отмечается безразличный характер поведения таких осужденных к внешним факторам процесса исполнения и отбывания наказания (режиму, воспитательной работе, труду). Полученные результаты подтверждаются исследованиями, проводимыми психологической службой ФСИН России в более ранние периоды [7, с. 3].

Небезынтересно было узнать мнение респондентов по вопросу о том, должен ли сотрудник ИУ, непосредственно работающий с осужденным, знать о состоянии его психического здоровья. Ответы распределились следующим образом (табл. 3).

Таким образом, подавляющее число респондентов из всех трех групп, указывают на обязательность получения сотрудником ИУ сведений о состоянии пси-хического здоровья как информации, характеризующей личность осужденного, вне зависимости от поведения такого лица в период отбывания наказания.

Поскольку характер выполняемых респондентами функций являлся однородным (сфера режима и надзора), интересными с практической точки зрения представляются данные о возможности применения к осужденным с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, особых режимных требований (особого надзора) в период отбывания наказания. Ответы на данный вопрос распределились следующим образом (табл. 4).

Таблица 2

Вариант ответа	Кол-во респондентов, %		
	группа 1	группа 2	группа 3
Агрессивное поведение (в отношении других лиц)	28	50	55
Аутоагрессивное и аутодеструктивное поведение (в отношении себя) – членовредительство	36	42	31
Суицидальные действия	10	7	10
Суицидальные высказывания	29	21	30
Поведение носит провоцирующий и конфликтный характер	28	21	24
Поведение носит безразличный к внешним факторам (режим, воспитательная работа, труд) характер	33	14	24
Отсутствие элементарных общих знаний (снижение интеллекта)	22	14	10
Повышенная внушаемость осужденного со стороны общей массы осужденных и неформальных лидеров уголовной субкультуры	11	21	10
Поведение осужденного не отражает отклонения в его психике	22	7	4
Иное	5	3	2

Таблица 3

Ответ	Кол-во респондентов, %		
	группа 1	группа 2	группа 3
Должен знать во всех случаях, независимо от поведения осужденного, как информацию, характеризующую личность	100	82	79
Должен знать только в случае, если об этом свидетельствует поведение осужденного (отклоняющееся от нормы, неадекватное состояние), с целью обеспечения контроля его лечения и предупреждения совершения им правонарушений	–	14	16
Должен знать только из официальных письменных источников (история болезни, приговор суда, заключение врача-психиатра, характеристика психолога и другие документы)	–	4	5

Таблица 4

Ответ	Кол-во респондентов, %		
	группа 1	группа 2	группа 3
Режимные требования должны быть для всех осужденных одинаковыми	23	21	16
Надзор за данной категорией осужденных должен быть усилен	39	64	56
Необходимо смягчать требования режима отбывания наказания	–	–	1
Особенность режимных требований зависит от вида психической аномалии (психического расстройства) осужденного	50	14	23

Анализируя представленные в табл. 4 данные, отметим, что за усиление надзора за данной категорией осужденных высказались 64 % респондентов в группе 2, 56 % – в группе 3 и 39 % – в группе 1. Заслуживает внимания, на наш взгляд, мнение 50 % анкетируемых из группы 1, которые указали на то, что особенность режимных требований будет зависеть от вида психической аномалии (психического расстройства) осужденного. Представляется, что желание дифференцировать карательную составляющую режима исполнения и отбывания наказания в отношении осужденных с психопатологией у респондентов группы 1 связано с наличием знаний о видах психических расстройств и особенностей их патогенеза в условиях изоляции от общества. Опыт непосредственной работы с осужденными респондентов из группы 1 свидетельствует о необходимости применения режимных требований через призму именно вида психического расстройства осужденного.

Таким образом, результаты исследования, которые выборочно отражены в настоящей статье, позволяют сделать ряд важных выводов.

1. В настоящее время в ИУ УИС России отбывает наказание в виде лишения свободы (содержится под стражей) значительное число лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

2. Сотрудники структурных подразделений ИУ, участвующие в обеспечении и соблюдении режимных требований, не всегда способны выявить отклоняющееся от нормы поведение осужденного, обусловленное болезненным состоянием психики. Расстройства психической деятельности осужденных отражаются в основном в агрессивном, аутоагрессивном (аутодеструктивном) или провоцирующем (конфликтном) характере поведения осужденного, а также в употреблении такими лицами суицидальных высказываний.

3. Наиболее компетентными сотрудниками, способными достоверно определять особенности поведения осужденного, нуждающегося в оказании ему психиатрической помощи, являются начальствующий состав, замещающий должности: инспектора отдела безопасности ИК, старшего инспектора отдела безопасности ИК, помощника оперативного дежурного ИК, инспектора-дежурного по жилой зоне ИК, инспектора-дежурного по производственной зоне ИК, заместителя дежурного помощника начальника СИЗО, заместителя начальника дневной смены СИЗО, заместителя начальника отдела режима СИЗО, старшего инспектора отдела режима СИЗО, инспектора отдела режима СИЗО.

Значительную часть рабочего времени указанных категорий сотрудников занимает непосредственная работа со спецконтингентом (установка личного контакта и участие в решении бытовых, трудовых, социальных и иных личных вопросов осужденных, в том числе связанных с режимом отбывания наказания или содержанием под стражей).

4. Сотрудники ИУ, осуществляющие функции режима и надзора, независимо от выявленного или не выявленного психиатром/психологом/иным лицом характера (вида) отклоняющегося поведения осужденного, должны знать о состоянии его психического здоровья, поскольку эти сведения являются информацией, характеризующей личность отбывающего наказание в виде лишения свободы.

5. Мерами, способствующими эффективному выявлению, оценке и учету осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, а также применению к ним основных средств исправления, являются:

– своевременная диагностика психического заболевания в период нахождения вновь прибывшего осужденного в карантинном отделении ИУ. Участие в диагностике должны принимать специалисты в области психиатрии, психологии и психотерапии;

– направление в отношении конкретного осужденного запросов в учреждения здравоохранения по месту его регистрации (пребывания) в случае, если в материалах личного дела имеется информация о болезненном состоянии психики осужденного в период до совершения преступления;

– разработка для лиц начальствующего состава, осуществляющих в ИУ функции режима и надзора, информационных материалов (памяток, листовок, брошюр), раскрывающих особенности выявления первичных признаков психических отклонений осужденных, а также алгоритмов действий персонала по нейтрализации наступления негативных последствий в острый период (всплеска) психической патологии;

– более широкое использование возможностей назначения и проведения по инициативе администрации ИУ амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы в отношении осужденных, у которых были выявлены в период исполнения и отбывания наказания психические расстройства, не исключающие вменяемости.

Библиографический список

1. *Абатуров А. И.* К вопросу о постпенитенциарной безопасности в Российской Федерации / А. И. Абатуров // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 26–27 окт. 2017 г. – Киров : Киров. ИПКР ФСИН России, 2017. – ISBN 978-5-9906999-7-7. – С. 12–16.

References

1. *Abaturov A. I.* On the Issue of Post-penitentiary Security in the Russian Federation. *Institute of Resocialization of Convicts: State, Problems and Prospects of Development.* Kirov, Kirovskij IPKP FSIN Rossii, 2017. ISBN 978-5-9906999-7-7. P. 12–16.

2. *Antonyan Yu. M., Borodin S. V.* Crime and Mental Abnormalities. Moscow, Nauka, 1987. 208 p.

2. *Антонян Ю. М.* Преступность и психические аномалии / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин. – Москва : Наука, 1987. – 208 с.

3. *Дебольский М. Г.* Суицид как психологический кризис личности / М. Г. Дебольский // Преступление и наказание. – 2008. – № 2. – С. 20–22.

4. *Иванов Н. Г.* Аномальный субъект преступления / Н. Г. Иванов. – Москва : Закон и право : ЮНИТИ, 1998. – 224 с. – ISBN 5-85171-045-4.

5. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2005. – 912 с. – ISBN 5-89123-931-0.

6. Личность преступника и профилактика преступлений : монография / под ред. Ю. М. Антоняна. – Москва : Проспект, 2017. – 224 с. – ISBN 978-5-392-21096-1.

7. Методические рекомендации по работе с осужденными «группы риска», имеющими психические аномалии / М. П. Чернышкова, О. Ю. Котомина, Н. Ю. Суворина [и др.]. – Москва : НИИ ИиПТ ФСИН России, 2005. – 36 с.

8. Причины преступности в местах лишения свободы : учеб. пособие / под общ. ред. Е. А. Антонян. – Москва : Проспект, 2017. – 128 с. – ISBN 978-5-392-21821-9.

9. *Спасенников Б. А.* Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России / Б. А. Спасенников, С. Б. Спасенников. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 102 с. – ISBN 978-5-43960-025-0.

10. *Терещенко Г. Т.* Учет криминологических особенностей структуры личности преступника при организации исправительного процесса в исправительных учреждениях / Г. Т. Терещенко // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников, г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г. : в 8 т. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. – Т. 3. – ISBN 978-5-7743-0900-9, 978-5-7743-0903-0 (т. 3). – С. 232–235.

11. Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. – URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/ (дата обращения: 07.06.2019).

3. *Debol'skij M. G.* Suicide as a Psychological Crisis of Personality. *Prestuplenie i Nakazanie*. 2008. No. 2. P. 20–22.

4. *Ivanov N. G.* Abnormal Offender. Moscow, Zakon i Pravo, YuNITI, 1998. 224 p. ISBN 5-85171-045-4.

5. Criminology. Ed. by A. I. Dolgova. 3th ed., rev. and enl. Moscow, Norma, 2005. 912 p. ISBN 5-89123-931-0.

6. The Identity of the Offender and Prevention of Crimes. Ed. by Yu. M. Antonyan. Moscow, Prospekt, 2017. 224 p. ISBN 978-5-392-21096-1.

7. *Cherny'shkova M. P., Kotomina O. Yu., Suvorina N. Yu., Shakova M. Kh., Mel'kova A. A.* Methodical Recommendations for Work with Offenders of a «Risk Group» with Mental Abnormalities. Moscow, NII IiPT FSIN Rossii, 2005. 36 p.

8. Crime Causes in Places of Detention. Ed. by E. A. Antonyan. Moscow, Prospekt, 2017. 218 p. ISBN 978-5-392-21821-9.

9. *Spasennikov B. A., Spasennikov S. B.* Compulsory Medical Measures in the Criminal Law of Russia. Moscow, Yurlitinform, 2012. 102 p. ISBN 978-5-43960-025-0.

10. *Tereshhenko G. T.* Consideration of Criminological Features of the Structure of the Offender's Personality in the Organization of the Correctional Process in Correctional Institutions. *International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» (on the 20th Anniversary of the Entry into Force of the Criminal Executive Code of the Russian Federation)*. In 8 vol. Vol. 3. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2017. ISBN 978-5-7743-0900-9, 978-5-7743-0903-0 (vol. 3). P. 232–235.

11. Federal Penitentiary Service. Website. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/ (date of application: 07.06.2019).

Библиографическое описание статьи

Кисляков А. В. Объективная оценка поведения осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, сотрудниками исправительных учреждений: значение и меры по повышению эффективности (по материалам одного криминологического исследования) / А. В. Кисляков // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 29-37.

УДК 343.98

Ковалёв Сергей Дмитриевич,
доцент кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: Sdr-ecxe@rambler.ru

Kovalyov Sergej D.,
Assistant Professor of Department of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

Полуянова Елена Владимировна,
доцент кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: elenapoluyanova66@yandex.ru

Poluyanova Elena V.,
Assistant Professor of Department of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Problems of Legal Regulation of the Use of Special Technical Means by Operational Units of the Penal System

Аннотация. Рассмотрен актуальный вопрос оценки целостной системы правового регулирования применения специальных технических средств в сфере оперативно-розыскной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Основное внимание уделено формированию предложений по решению выявленных проблем и формулировке практических рекомендаций.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; исправительные учреждения; специальные технические средства; правовое регулирование; зеркальный фотоаппарат.

Abstract. The article deals with the topical issue of assessing the integral system of legal regulation of the use of special technical means in the field of operational and investigative activities of institutions of the penal system. The main attention is paid to the formation of proposals for solving the identified problems and formulation of practical recommendations.

Key words: crime detection; operational search actions; correctional institutions; special technical means; legal regulation; the SLR camera.

Специальные технические средства (далее: СТС) занимают важное место в системе средств и методов оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД). Успех применения технических средств оперативными подразделениями правоохранительных органов, в том числе и в уголовно-исполнительной системе, во многом обусловлен уровнем разработки проблемы правового регулирования их использования.

На наш взгляд, структура правового регулирования применения СТС в ОРД на современном этапе представлена двумя уровнями: нормы закона и подзаконные акты (ведомственные приказы и распоряжения). Законодательные акты и подзаконное нормативное регулирование в совокупности образуют целостную систему правового регулирования применения СТС в сфере ОРД.

Однако ученые справедливо подвергали критике действующее законодательство в области регламентации применения СТС. Нельзя не согласиться с тем, что несовершенство законодательства не позволяет правоохранительным органам полностью реализовывать современные достижения науки и техники в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства [2, с. 29].

В свою очередь мы считаем, что глубина первого уровня законодательного регулирования применения СТС в сфере ОРД вполне достаточна. Так, видный ученый-криминалист Р. С. Белкин отмечал, что «…закон не может содержать исчерпывающего перечня технико-криминалистических средств и тактических приемов собирания и исследования доказательств» [1, с. 29]. Развивая мысль Р. С. Белкина, можно сказать, что закон должен дать только принципиальное право применять технические средства при осуществлении ОРД, но не должен содержать инструкций и предписаний применения СТС, давая субъекту право выбора технических средств и тактических приемов их применения.

В целях более объективной оценки состояния второго уровня законодательного регулирования мы провели исследование результатов анкетирования сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), проходивших обучение в 2018 г. по программе повышения квалификации

© Ковалёв С. Д., Полуянова Е. В., 2019

на факультете профессионального обучения и дополнительного профессионального образования ВЮИ ФСИН России. В ходе проведенного опроса респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся оценки уровня обеспеченности СТС и уровня правового регулирования применения СТС в ОРД. Были проанализированы анкетные листы 212 оперативных сотрудников из 41 территориального органа. Такой значительный охват территориальных органов, безусловно, отражает преобладающее мнение относительно второго уровня правового регулирования применения СТС в сфере ОРД. Большая часть респондентов (178 чел., или 84 %) не удовлетворена ни качеством, ни количеством подзаконных актов, регламентирующих применение СТС в ОРД.

Одну из причин этого мы видим в том, что оперативные работники испытывают затруднения в применении современных СТС в практической деятельности, так как существующие рекомендации 1970 – 80-х гг. безнадежно устарели.

Наше предположение подтверждает сложившаяся ситуация в учреждениях и органах УИС. Так, в соответствии с приказом ФСИН России от 22 декабря 2018 г. № 1231 (прил. № 2) Главным оперативным управлением ФСИН России формируются комплекты для фото- и видеосъемки при проведении оперативно-розыскных мероприятий с портативным компьютером «Плутон» и специальный комплект для осуществления розыска «Беркут», которые направляются в оперативные подразделения исправительных учреждений (рис. 1).

Рис.1. Комплект «Беркут» (слева) и «Плутон» (справа)

В состав комплектов входят современные СТС, такие как: цифровой прибор ночного видения, цифровой бинокль с видеорекордером, автомобильный навигатор, цифровые радиостанции, цифровая зеркальная фотокамера, цифровой диктофон. В соответствии с указанным выше приказом ФСИН России для нужд оперативных подразделений УИС предполагается формирование еще четырех комплектов: специальное оборудование для досмотра посылок и личных вещей осужденных; специальное оборудование для персонального досмотра человека; комплект для выявления и индентификации наркотических средств; досмотровый переносной прибор для обнаружения наркотических средств.

Таким образом, складывается проблемная ситуация, обусловленная наличием в оперативных подразделениях современных СТС и отсутствием методических рекомендаций по их применению в условиях исправительных учреждений. Ее решение видится нам в принятии ведомственного нормативного правового акта, где бы нашли отражение методические рекомендации по тактически грамотному применению СТС при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Такой нормативный правовой акт должен содержать правовую основу, раскрывать тактические и технические особенности использования современных образцов СТС и мог бы называться «Практические рекомендации по применению специальных технических средств оперативными подразделениями исправительных учреждений».

Предлагаемые практические рекомендации могут включать следующие разделы:

1. Общие положения.
2. Применение технических средств фиксации аудиоинформации.
3. Применение технических средств фото- и видеосъемки.
4. Применение технических средств ведения оперативного наблюдения.
5. Применение поисковых приборов.
6. Применение специальных химических веществ.
7. Приложение.

В качестве примера предлагаем фрагмент раздела «Применение технических средств фото- и видеосъемки» с рекомендациями по применению зеркальных фотокамер на примере фотокамеры Canon, входящей в состав комплекта «Плутон».

Современный цифровой фотоаппарат – сложное техническое устройство, которое сочетает в себе последние достижения в области оптики и цифровых технологий. Фотоаппарат не только способен оцифровать и сохранить оптическое изображение в виде цифрового файла, но и благодаря мощному процессору предоставляет на выбор пользователю несколько режимов работы.

Для получения фотоснимка хорошего качества необходимо правильно выбрать экспозицию, т. е. то количество света, которое получает светочувствительный элемент. Для цифрового фотоаппарата это количество света, попадающего на матрицу.

На экспозицию влияют три основных параметра: светочувствительность, выдержка и диафрагма.

Современные зеркальные фотоаппараты предоставляют пользователю несколько вариантов решения задачи правильного выбора экспозиции, с помощью диска выбора режимов работы (рис. 2).

Рис. 2. Диск выбора режима работы зеркального фотоаппарата Canon

Управление экспозицией может осуществляться как вручную, так и автоматически.

Основная информация о режимах фотосъемки цифрового фотоаппарата в кратком виде представлена в таблице.

Объект фотосъемки в реальных условиях исправительного учреждения может быть статичен или находиться в движении, в условиях естественной или искусственной освещенности различной интенсивности.

При этом надо помнить, чем выше светочувствительность ISO, тем больше «шумов» на снимке, больше зернистость снимка. Может использоваться автоматический режим **A** (Aperture priority) или **Av** (Aperture value) режим приоритета диафрагмы [3].

Для фотосъемки в условиях плохой освещенности в помещении рекомендуется установить диафрагму f/1,4 или f/2,8 и выдержку до 2 с, при значении ISO от 100 до 400 единиц. При выдерж-

Режимы фотосъемки цифрового фотоаппарата

Режим работы фотоаппарата		Действия фотоаппарата	Действия пользователя
M			Все установки делает сам
Av		Устанавливает выдержку	Устанавливает чувствительность и диафрагму
Tv		Устанавливает диафрагму	Устанавливает чувствительность и выдержку
P		Устанавливает выдержку и диафрагму	Устанавливает чувствительность и фокусировку
Auto		Все установки делает сам	
Набор сюжетных режимов	портрет	Фон и объект фотосъемки в «мягком» фокусе	
	пейзаж	Равномерное отражение всех деталей кадра	
	спорт	«Замораживает» движение объекта фотосъемки	
	ночной портрет	Объект фотосъемки на слабо освещенном фоне	
	макро	Фотоснимок мелких объектов с малого расстояния	
	ребенок	Ярко передаются цвета и фоновые детали	

Когда объект съемки находится в движении, фотосъемку рекомендуется осуществлять с короткой выдержкой 1/250 (бегущий человек) или 1/125 (шагающий человек), при умеренно закрытой диафрагме f/11, чтобы получить максимальную глубину резкости, с выделением одного главного объекта. Значение светочувствительности ISO выставляется в диапазоне от 100 до 400 единиц, чтобы избежать сильного цифрового «шума». Может использоваться полуавтоматический **Tv** (Time value) или **S** (Shutter priority) режим приоритета выдержки.

Когда объект съемки неподвижен, необходимо использовать следующие параметры экспозиции: выдержку 1/30, диафрагму f/8. При этом рекомендуемые значения светочувствительности ISO должны быть следующие:

– яркое солнце – ISO от 50 до 200 единиц;
– облачное небо – ISO от 200 до 800 единиц;
– в помещении – ISO от 400 единиц и выше.

ке 2 с фотокамеру старайтесь держать неподвижно, жестко зафиксировав ее в руках. В условиях низкой освещенности автоматическая фокусировка может не срабатывать. Рекомендуется использовать ручную фокусировку. Количество попадаемого на матрицу света можно скорректировать выдержкой.

Фотокамера для сохранения файла с фотоснимком предлагает на выбор три формата файлов: JPEG, TIFF и RAW. Рекомендуемый формат сохраняемого файла – JPEG.

В заключение еще раз отметим, что правовой фактор играет важную роль в придании динамизма и целенаправленности процессу технического оснащения оперативных аппаратов учреждений и органов УИС. Однако если своевременно не решать вопросы совершенствования правовой базы применения СТС в исправительных учреждениях, то все меры, направленные на оснащение оперативных отделов современной техникой, будут малоэффективны.

Библиографический список

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р. С. Белкин. – Москва : Юрид. лит., 1988. – 304 с. – ISBN 5-7260-0018-8.

2. *Гирийчук В. В.* К вопросу о понятии специальных технических средств, используемых уголовным судопроизводством и в оперативно-розыскной деятельности // Следователь. – 2009. – № 7(135). – С. 29–35.

References

1. *Belkin R. S.* Criminalistics: Problems, Trends, Prospects. From Theory to Practice. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1988. 304 p. ISBN 5-7260-0018-8.

2. *Girijchuk V. V.* To the Issue about the Concept of Special Technical Means Used in Criminal Proceedings and Investigative Work. *Sledovatel'.* 2009. No. 7(135). P. 29–35.

3. Основы фотографии. Главные фотографические термины и понятия. – URL: http://lightroom.ru/photomaster/1850-osnovy-fotografii.html (дата обращения: 15.07.2019).

3. Basics of photography. Main photographic terms and concepts. URL: http://www.lightroom.ru/photomaster/1850-osnovy-fotografii.html (date of the application: 15.07.2019).

Библиографическое описание статьи

Ковалёв С. Д. Проблемы правового регулирования применения специальных технических средств оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы / С. Д. Ковалёв, Е. В. Полуянова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 38–41.

УДК 343.8

Попова Тамара Владимировна,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: aroma.79@mail.ru

Черняев Алексей Михайлович,
начальник отделения маркетинга
отдела трудовой адаптации осужденных
УФСИН России по Владимирской области
E-mail: mark366284@yandex.ru

Popova Tamara V.,
Assistant Professor of Humane,
Social and Economic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
PhD (Economy), Associate Professor

Chernyaev Aleksej M.,
Head of Marketing Department
of Labor Adaptation of Convicts Department
of the FPS of Russia for Vladimir Region

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ОЦЕНКА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

State Support for the Development of the Production Sector of the Penal System and Evaluation of Its Effectiveness

Аннотация. В статье обоснована необходимость государственной поддержки производственного сектора уголовно-исполнительной системы и рассмотрены действующие механизмы в сфере налогового, бюджетного законодательства и законодательства о государственных закупках. Выявлены ограничения, препятствующие развитию собственной производственной деятельности исправительных учреждений и реализации требований уголовно-исполнительного законодательства в части привлечения осужденных к труду, и сформулированы рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: учреждения уголовно-исполнительной системы; собственная производственная деятельность; государственная поддержка; эффективность.

Abstract. The article substantiates the need for state support of the production sector of the penal system and considers the existing mechanisms in the field of tax, budget legislation and legislation on public procurement. Restrictions hindering the development of own production activities of correctional institutions and the implementation of the requirements of the criminal Executive legislation in terms of bringing convicts to work are identified, and recommendations for their elimination are formulated.

Key words: institutions of the penal system; own production activities; state support; efficiency.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации общественно полезный труд является одним из основных средств исправления осужденных. В связи с этим основными задачами учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) в данном направлении являются организация трудового воспитания осужденных путем привлечения их к общественно полезному оплачиваемому труду; создание условий для моральной и материальной заинтересованности осужденных в его результатах; восстановление и закрепление профессиональных и трудовых навыков осужденных, необходимых им для последующей скорейшей адаптации в обществе. Осужденные к лишению свободы привлекаются к оплачиваемому труду:

– в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских учреждений, исполняющих наказания (далее: ЦТАО и ПМ), которые представляют собой инициативную самостоятельную производственную деятельность (собственную производственную деятельность) исправительного учреждения;

– на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы;

– на объектах организаций любых организационно-правовых форм;

– по хозяйственному обслуживанию учреждений, исполняющих наказания.

По состоянию на 1 августа 2019 г. в состав УИС входят 31 федеральное государственное унитарное предприятие, находящееся в ведении ФСИН России, 584 ЦТАО и 72 ПМ [3]. При этом функционирование рабочих мест по хозяйственному обслуживанию учреждений и выплата заработной платы осужденным осуществляются в пределах выделяемых из федерального бюджета средств, а функционирование рабочих мест в ЦТАО и ПМ происходит за счет приносящей доход деятельности исправительного учреждения, а предприятий УИС – за счет собственных средств. Таким образом, существующий механизм привлечения осужденных к труду не предусматривает прямого финансирования из федерального бюджета и требует полной самоокупаемости собственной производственной деятельности.

Анализ статистических данных за последние пять лет показывает колеблющуюся динамику по показателям привлечения осужденных к труду в пределах от 37 до 41 % [2; 5]. По итогам девяти месяцев 2018 г. в УИС было привлечено к труду около 170 тыс. осужденных, или 37 % от их среднесписочной численности, подлежащих выводу

© Попова Т. В., Черняев А. М., 2019

на работы с учетом состояния здоровья и других объективных обстоятельств [8]. При этом около 140 тыс. осужденных заняты на рабочих местах, созданных в ЦТАО и ПМ. Не вовлечено в трудовые процессы 254 тыс. чел. [7]. Таким образом, наибольшая часть осужденных к лишению свободы осуществляет трудовую деятельность в производственном секторе УИС, и их численность непосредственно зависит от наличия заказов.

Поиск заказов на производство товаров (работ, услуг) с целью привлечения осужденных к труду осуществляется учреждениями и органами УИС самостоятельно. В 2018 г. сократился объем производства товаров, выполненных работ и оказанных услуг, по сравнению с 2017 г. на 11 %, как по приносящей доход деятельности ЦТАО и ПМ, так и по федеральным государственным унитарным предприятиям. При этом снизился объем производства товаров (работ, услуг) для государственных нужд, в том числе для нужд УИС и государственных нужд сторонних потребителей, и уменьшилась его доля в общем объеме производства с 51 до 47 %.

Из опыта прошлого следует, что традиционно результаты производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС зависят от наличия длительных прямых производственных связей исправительных учреждений с крупными промышленными предприятиями. В настоящих экономических условиях лишь немногие исправительные учреждения осуществляют долгосрочное сотрудничество с ведущими национальными и региональными предприятиями. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в условиях действия неблагоприятных факторов внутренней и внешней среды исправительные учреждения испытывают определенные трудности в реализации требований уголовно-исполнительного законодательства в части привлечения осужденных к труду. Работа большинства исправительных учреждений строится на нерегулярных заказах, под которые создаются практически любые производства, где представляется возможность занять осужденных каким-либо трудом. Этим объясняется неустойчивость развития производства отдельных исправительных учреждений и производственного комплекса УИС в целом [6]. Исправительные учреждения не в состоянии самостоятельно обеспечивать устойчивые удовлетворительные результаты привлечения осужденных к труду. Указанная проблема является системной, решение которой без государственной поддержки невозможно.

Определенные механизмы государственной поддержки развития производственного сектора УИС закреплены в российском законодательстве, но реализуются недостаточно эффективно и нуждаются в совершенствовании.

В соответствии с налоговым законодательством Российской Федерации предприятиям и учреждениям УИС предоставлены налоговые льготы. Учреждения и предприятия УИС освобождаются от налогообложения земельным налогом и налогом на имущество организаций (ст. 395 и 381 Налогового кодекса Российской Федерации (далее: НК РФ) в отношении земельных участков и имущества, используемых для осуществления возложенных на них функций. Не подлежат налогообложению транспортным налогом транспортные средства, зарегистрированные на учреждения УИС (подп. 6 п. 2 ст. 358 НК РФ). Определенные налоговые льготы имеют исправительные учреждения в связи с осуществлением приносящей доход деятельности по налогу на добавленную стоимость и налогу на прибыль организаций. Не являются объектом налогообложения по налогу на добавленную стоимость услуги по производству товаров из давальческого сырья (подп. 4.1 п. 2 ст. 146 НК РФ), от налогообложения освобождена внутрисистемная реализация товаров (работ, услуг), а также реализация товаров (работ, услуг) лечебно-производственных мастерских лечебных исправительных учреждений (подп. 2 и 11 п. 3 ст. 149 НК РФ). При определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций не учитываются доходы в виде средств, полученных казенными учреждениями от оказания услуг и выполнения работ (подп. 33.1 п. 1 ст. 251 НК РФ). Однако проблемные вопросы по налогообложению налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль организаций, не учитывающие специфические особенности производственного сектора УИС и сдерживающие его развитие, существуют и требуют совершенствования законодательства [1].

В соответствии с п. 10 ст. 241 Бюджетного кодекса Российской Федерации установлено, что доходы, полученные от приносящей доход деятельности учреждениями, исполняющими наказания, в результате осуществления ими собственной производственной деятельности, в том числе остатки средств федерального бюджета на начало текущего финансового года, образовавшиеся в связи с неиспользованием указанных доходов в отчетном году, в полном объеме зачисляются в федеральный бюджет, отражаются на их лицевых счетах и направляются на финансовое обеспечение учреждений сверх бюджетных ассигнований. Однако ФСИН России и ее территориальные органы не наделены полномочиями по перераспределению доходов, превышающих расходы от приносящей доход деятельности, между подведомственными исправительными учреждениями в целях эффективного развития производственного сектора. Данная проблема была обозначена на парламентских слушаниях на тему «Обеспечение государственными и муниципальными заказами учреждений уголовно-исполнительной системы», состоявшихся в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 25 марта 2019 г., по итогам которых было рекомендовано ФСИН России совместно с Министерством финансов Российской Федерации проработать данный вопрос [7].

Статьей 10 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» для создания условий,

обеспечивающих привлечение осужденных к труду, установлена обязанность Правительства Российской Федерации размещать заказы на определенные виды продукции (работ, услуг) для удовлетворения государственных потребностей на федеральных государственных унитарных предприятиях УИС и собственном производстве учреждений, исполняющих наказания, однако перечень продукции (работ, услуг) не определен. Данная норма законодательства реализуется частично через систему государственных закупок. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1292 утвержден перечень товаров (работ, услуг), производимых учреждениями и предприятиями УИС, закупка которых может, но не обязана осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя). По результатам парламентских слушаний в Совете Федерации 25 марта 2019 г. было рекомендовано Правительству Российский Федерации определить учреждения УИС единственными поставщиками по отдельным видам вещевого имущества и специального обмундирования для федеральных органов исполнительной власти и государственных корпораций [7].

В целях модернизации и перспективного развития производственного сектора УИС реализуется федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420. Средства из федерального бюджета в объеме 2,25 млрд руб. будут направлены на приобретение (модернизацию) оборудования для нужд производственного сектора УИС и создание дополнительно 17 тыс. рабочих мест, что позволит трудоустроить около 32 тыс. осужденных. В 2018 г. приобретено 102 единицы деревообрабатывающего оборудования и лесозаготовительной техники. Однако предусмотренные объемы финансирования и направления их использования в разрезе территориальных органов ФСИН России не позволяют удовлетворить существующие производственные потребности. Например, в 2021 г. УФСИН России по Владимирской области предусмотрено финансирование из средств федерального бюджета в объеме чуть более 6 млн руб. на приобретение сельскохозяйственного оборудования. Однако исправительные учреждения Владимирской области нуждаются в модернизации иных видов машин и оборудования, например, металлообрабатывающих и деревообрабатывающих станков. Аналогичная ситуация характерна и для других регионов.

Значительные преимущества российским законодательством о закупках предоставлены учреждениям и предприятиям УИС, выступающим не только государственными заказчиками, но и поставщиками товаров (работ, услуг).

В соответствии с п. 2 ст. 28 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее: Закон о контрактной системе) при определении поставщиков заказчик обязан предоставлять учреждениям и предприятиям УИС преимущества в отношении предлагаемых ими цены контракта, суммы цен единиц товара, работы, услуги в размере до 15 % в установленном постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2014 г. № 649 «О порядке предоставления учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы преимуществ в отношении предлагаемой ими цены контракта» порядке и в соответствии с утвержденным перечнем товаров, работ, услуг.

В соответствии с подп. 12 п. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе учреждения, исполняющие наказания, закупку сырья, материалов и комплектующих изделий для производства товаров (работ, услуг) в целях трудоустройства осужденных на основании договоров, заключенных с юридическими лицами, могут осуществлять у единственного поставщика. Однако для исполнения договора (контракта) учреждения нуждаются не только в сырье и материалах, но и в горюче-смазочных материалах, запасных частях к машинам и оборудовании, оснастке, средствах механизации, выполнении работ по ремонту и наладке производственного оборудования, транспортных услугах и прочих товарах, работах и услугах, закупка которых осуществляется при использовании конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). В этих условиях крайне сложно обеспечить бесперебойность производственного процесса, выполнение заказов и занятость осужденных. Соответствующие изменения в ст. 93 подготовлены ФСИН России.

Вместе с тем главное преимущество, которое направлено на обеспечение исправительных учреждений государственными и муниципальными заказами, определено в подп. 11 п. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе. Закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) может происходить заказчиком в случаях, если производство товара (работы, услуги) осуществляется учреждением и предприятием УИС в соответствии с перечнем товаров (работ, услуг), утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1292 «Об утверждении перечня товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) учреждениями и предприятиями уголовно-исполнительной системы, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя)». Однако возможности, предоставленные Законом о контрактной системе, используются не в полном объеме. Основная причина, по нашему мнению, заключается в отсутствии доступной конкретной информации о производимых учреждениями УИС товаров (работ, услуг), их качественных характеристик и цене. Предлагается сформировать отдельный реестр исправительных учреждений с каталогом производимых ими товаров (работ, услуг) и разместить его в Единой информационной системе в сфере закупок.

Рекомендовать федеральным органам исполнительной власти и государственным органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации довести информацию до находящихся в их ведении организаций о возможности выбора учреждений УИС как единственного поставщика.

Для более эффективного применения указанных выше норм законодательства (п. 2 ст. 28 и подп. 11 п. 1 ст. 93) следует расширить перечни товаров (работ, услуг) с учетом производственных возможностей исправительных учреждений или исключить данное ограничение из Закона о контрактной системе.

ФСИН России обсуждает предложения по внесению изменений в ст. 28 Закона о контрактной системе, предусматривающие предоставление учреждениям УИС аналогичных, что и для субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций, преимуществ в части установления обязанности заказчиков осуществлять закупки товаров (работ, услуг) в учреждениях УИС в объеме не менее чем 15 % совокупного годового объема закупок. По нашему мнению, данное предложение является дискуссионным. С одной стороны, это могло бы значительно увеличить объем заказов и загрузить производственные мощности исправительных учреждений, но с другой стороны, данные требования могут оказаться невыполнимыми со стороны государственных заказчиков. Во-первых, исправительные учреждения производят продукцию широкой номенклатуры отраслей металлообработки, деревообработки, легкой и пищевой промышленности, но не могут в полном мере удовлетворить иные потребности государственных заказчиков, в особенности выполняющих специфические государственные функции, например учреждений здравоохранения. Во-вторых, возникает вопрос: при одновременной готовности поставки товаров (работ, услуг) субъектами малого предпринимательства и учреждениями УИС, кто из них будет иметь преимущество? По нашему мнению, целесообразнее рассмотреть вопрос об установлении обязанности заказчиков осуществлять закупки товаров (работ, услуг) в учреждениях УИС в процентном отношении не к совокупному годовому объему закупок, а к объему закупок по определенным видам товаров (работ, услуг), производимых исправительными учреждениями.

Практика применения законодательства о закупках выявила и ряд иных ограничений для осуществления собственной производственной деятельности исправительных учреждений.

В соответствии с положениями п. 1 и 2 ст. 96 Закона о контрактной системе исправительные учреждения при осуществлении закупок сырья и материалов для осуществления производственной деятельности на основании п. 12 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе должны устанавливать требование обеспечения исполнения контракта в размере от 5 до 30 % цены контракта. Выполнение указанного требования затрудняет поиск поставщиков и повышает риск несвоевременного исполнения заключенных государственных контрактов (договоров) на поставку готовой продукции. По нашему мнению, следует обязанность исправительных учреждений как заказчиков заменить правом устанавливать требование обеспечения исполнения контракта и внести соответствующие изменения в п. 2 ст. 96 Закона о контрактной системе.

В завершение следует подчеркнуть значимость развития производственного сектора на современном этапе функционирования УИС Российской Федерации как важнейшего фактора процесса ресоциализации осужденных. Существующие нормативно-правовые механизмы государственной поддержки производственного сектора УИС реализуются недостаточно эффективно. Часть из обозначенных проблемных вопросов является предметом обсуждения на государственном уровне, а следовательно, появляется возможность их решения. При этом следует учитывать, что совершенствование законодательства в сфере закупок, направленное на поддержку развития собственной производственной деятельности учреждений УИС и обеспечение трудовой занятости осужденных, не должно создавать ограничения в выполнении функций государственными заказчиками, которыми являются и сами органы и учреждения УИС.

Библиографический список

1. *Зарипов Р. Р.* Особенности льготного налогообложения учреждений уголовно-исполнительной системы / Р. Р. Зарипов, Т. В. Попова // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 1(46). – С. 34–38.

2. Информация о достигнутых результатах. – URL: ttp://fsin.su/ budget/info.php (дата обращения: 01.08.2019).

3. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2014–2016 гг. (форма ФСИН-1). Документ опубликован не был. Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

4. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2017–2018 гг. (форма ФСИН-1). Документ опубликован не был. Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

References

1. *Zaripov R. R., Popova T. V.* Features of Preferential Taxation of Institutions of the Penal System. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2018. No. 1(46). P. 34–38.

2. Information on the results achieved. URL: http://fsin.su/budget/info.php (date of the application: 01.08.2019).

3. Results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal system for 2014–2016 (form FSIN-1). The Document was not published. Access from automated information system «Statistics TO UIS».

4. Results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal system for 2017–2018 (form FSIN-1). The Document was not published. Access from automated information system «Statistics TO UIS».

5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. – URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 01.08.2019).

6. *Попова Т. В.* Финансово-правовые особенности функционирования производственного комплекса уголовно-исполнительной системы / Т. В. Попова, Р. Р. Зарипов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 1(78). – С. 781–785.

7. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Обеспечение государственными и муниципальными заказами учреждений уголовно-исполнительной системы». – URL: http://council.gov.ru/media/files/j8QUpWrr1cYAsk41WrAMLC1oahEE7prU.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

8. *Шатилов В.* Труд как средство исправления / В. Шатилов // Преступление и наказание. – 2019. – № 1. – С. 16–17.

5. Brief description of the penal system. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (date of the application: 01.08.2019).

6. *Popova T. V., Zaripov R. R.* Financial and Legal Features of the Functioning of the Production Complex of the Penal System. *E'konomika i Predprinimatel'stvo*. 2017. No. 1(78). P. 781–785.

7. Transcript of Parliamentary Hearings on the theme «Provision of State and Municipal Orders of the Penal System Institutions». URL: http://council.gov.ru/media/files/j8QUpWrr1cYAsk41WrAMLC1oahEE7prU.pdf (date of the application: 01.08.2019).

8. *Shatilov V.* Labor as a Means of Correction. *Prestuplenie i Nakazanie.* 2019. No. 1. P. 16–17.

Библиографическое описание статьи

Попова Т. В. Государственная поддержка развития производственного сектора уголовно-исполнительной системы и оценка ее эффективности / Т. В. Попова, А. М. Черняев // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 42–46.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 347.631

Аблятипова Наталья Айдеровна,
доцент кафедры гражданского права
Крымского филиала Российского государственного
университета правосудия
кандидат юридических наук, доцент
заслуженный юрист Республики Крым
E-mail: ve_na2014@mail.ru

Ablyatipova Natal'ya A.,
Assistant Professor of Civil Law Department
of Crimean Branch
of Russian State University of Justice
PhD (Law), Associate Professor
Honored Lawyer of the Republic of Crimea

Девятова Нина Викторовна,
магистрант Крымского филиала Российского
государственного университета правосудия
E-mail: ninadevyatova@mail.ru

Devyatova Nina V.,
Graduate Student of Crimean Branch
of Russian State University of Justice

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИЯ ПРЕЗУМПЦИИ ОТЦОВСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Some Problems of Action of the Presumption of the Paternity under the Legislation of the Russian Federation

Аннотация. Целью настоящей статьи авторы определили исследование судебной практики и выявление проблем, связанных с применением презумпции отцовства, поскольку последняя может негативно повлиять не только на личные неимущественные права субъектов отношений, но и на имущественные. Авторами рассмотрена проблема оспаривания отцовства как внутри брака, так и за его пределами. Сформулированы выводы по вышеуказанным проблемам, основанные на проанализированной судебной практике, определены особенности механизма применения норм семейного законодательства, выявлены основные позиции судов по данной проблеме, знание которых позволяет осуществить эффективную защиту прав и законных интересов ребенка, его матери и отца.

Ключевые слова: презумпция отцовства; ребенок; происхождение детей; оспаривание отцовства; мать; отец; брак; супруги (бывшие супруги); судебная практика.

Abstract. The purpose of the article – to investigate judicial practice and identify problems associated with the application of the presumption of paternity, since the presumption of paternity can adversely affect not only the personal non-property rights of the subjects of the relationship, but also the property. The authors addressed the problem of challenging paternity both within and outside of marriage. Conclusions on the above issues are formulated, based on the analyzed judicial practice, the features of the mechanism for applying family law on this issue are identified, the main positions of the courts on this issue are identified, knowledge of which allows effective protection of the rights and legitimate interests of the child, his mother and father.

Key words: presumption of paternity; child; the origin of children; challenging paternity; mother; father; marriage; spouses (former spouses); judicial practice.

Россия традиционно считалась патриархальным государством, поскольку роль отца в семье была очень сильной. Однако в современном обществе наметилась тенденция к ослаблению роли отца в семье. Это обусловлено возникшей коллизией двух понятий: социальное и биологическое отцовство. Под биологическим понимается отцовство, возникшее вследствие передачи ребенку мужчиной своего генетического материала, под социальным – процесс воспитания и содержания ребенка на добровольной основе. Это результат трансформации внутрисемейных отношений, роста числа рожденных вне брака детей, формирования внебрачных связей. Такие изменения в семейных отношениях негативно повлияли на отношение общества к институту семьи. Как следствие, биологическое отцовство в современной России не тождественно социальному отцовству, равно как и социальное отцовство не подразумевает биологического отцовства. Такой конфликт фактически возникает между нормой презумпции отцовства супруга матери ребенка и нормой, позволяющей добровольно установить отцовство при рождении ребенка у лиц, не состоящих в браке между собой. В правоприменительной практике прерогатива – у презумпции отцовства.

Никто не может лишать мужчину права быть отцом, а также наделять правами и обязанностями мужчину, не являющегося отцом, без его воли. Установление отцовства помогает законодателю защитить права родившегося ребенка на воспитание в семье, в которой оба родителя заботятся о ребенке и воспитывают его. Возникшие родительские правоотношения предоставляют равные права и обязанности родителей на воспитание и содержание детей. Одной из основополагающих норм семейного права, порождаемых браком, является презумпция отцовства.

В Российской Федерации презумпция отцовства закреплена в ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации (далее: СК РФ), устанавливающей, что отцом ребенка, рожденного от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение

© Аблятипова Н. А., Девятова Н. В., 2019

300 дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или смерти супруга матери, признается супруг (бывший супруг) матери ребенка. Согласно закону регистрация родителей ребенка происходит в органах записи актов гражданского состояния (далее: загс), т. е. факт отцовства наступает сразу после внесения сведений об отце в актовую запись о рождении ребенка. Для этого достаточно наличие документов, удостоверяющих факт заключения брака супругами, и заявления одного из родителей на запись родителей в книге записей рождений (п. 1 ст. 51 СК РФ).

Отметим, что согласно ст. 47 СК РФ права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке, следовательно, именно в таком порядке формируются правовые отношения между отцом и ребенком.

В целом презумпция отцовства характеризуется положительно в вопросах защиты интересов детей и в оценке процедуры регистрации родительских прав, которая проходит в наиболее благоприятном режиме у родителей, состоящих в браке между собой. Существующая норма облегчает процедуру, сокращает время регистрации детей, освобождает родителей от доказывания отцовства и его признания. Важна также функциональность презумпции в случае смерти супруга и рождения ребенка в течение 300 дней после его смерти.

Тем не менее биологическим отцом не всегда является муж женщины, родившей ребенка. Отсутствие биологического родства между ребенком и отцом может являться следствием различных объективных и субъективных факторов (фактическое прекращение семейных отношений, раздельное проживание, измена, психологический кризис в семье и т. п.), и вопросы происхождения детей, рожденных в браках, нередко ставятся под сомнение, порождая многочисленные судебные споры.

Следовательно, существуют и негативные последствия действия презумпции отцовства. Судебная практика показывает, что в рамках современного правового пространства классическая презумпция, которая предполагает, что муж матери является отцом ребенка, приводит к коллизии интересов матери, супруга матери и ее ребенка. Анализ существующих в судебной практике споров, возникших в случаях применения презумпции отцовства, и разработка путей решения возникающих конфликтов являются целью настоящего исследования.

Рассмотрим основные проблемы, возникающие вследствие действия презумпции отцовства. Одним из самых спорных обстоятельств применения презумпции отцовства является то, что в качестве отца может быть зарегистрирован только супруг матери. Такая особенность реализации презумпции отцовства в российском законодательстве заключается в отсутствии нормы права, позволяющей матери либо обоим супругам, состоящим на момент рождения ребенка в браке либо в промежутке 300 дней с момента расторжения брака, подать заявление о том, что супруг матери не является отцом ребенка. Тем самым исключается возможность признать отцом ребенка лицо, которое желает заявить об этом. Поскольку в российском законодательстве право родителей новорожденного внести в свидетельство о рождении данные лица, признающего себя отцом ребенка, а не супруга матери, не отображено, защитить интересы ребенка, его матери и биологического отца возможно только в процессе оспаривания отцовства в судебном порядке (п. 1 ст. 52 СК РФ).

Анализ судебной практики (например, решение Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 сентября 2018 г. по делу № 2-1926/2018; Анапского городского суда от 24 сентября 2018 г. по делу № 2-1926/2018; Лаганского районного суда Республики Калмыкия от 19 ноября 2018 г. по делу № 2-3617/2018) показывает, что для удовлетворения исковых требований об оспаривании отцовства и исключении сведений об отце из записи акта является согласие двух сторон: матери ребенка и супруга матери, который фактически не является биологическим отцом ребенка. Только при наличии данного условия сохраняются интересы ребенка, матери ребенка, супруга матери и биологического отца. Следовательно, при рождении ребенка в браке отсутствие согласия мужа не позволит матери и биологическому отцу установить кровное происхождение ребенка.

Кроме того, видится определенный пробел в защите прав ребенка. Так, при оспаривании отцовства исключаются сведения о муже матери ребенка как о его отце. Однако при этом ребенок остается формально «без отца», что не может соответствовать его интересам в целом. Возможно в дальнейшем совершенствование данной проблемы должно решаться путем запрета подачи матерью заявления об оспаривании отцовства, если иное лицо (биологический отец) не изъявит желание установления правовой связи с данным ребенком.

Между тем данная проблема может распространиться и за пределы брака. Практика применения презумпции отцовства отрицательно отражается в случае, если ребенка родила мать, которая заключила новый брак или вступила в отношения с другим мужчиной в течение 300 календарных дней после окончания предыдущего брака.

Отметим, что определенные законом временные границы действия презумпции соответствуют сроку физиологической беременности – от момента зачатия до даты родов. Законодатель в данном случае основополагающим считает момент зачатия ребенка, а не дату его рождения, поэтому при регистрации новорожденного ребенка устанавливают отцовство бывшего супруга, тем самым считая приоритетным установление юридического отцовства бывшего супруга, а не биологического, что приводит к процедуре опровержения презумпции в судебном порядке. Так, как указывает Т. В. Краснова, «процедура не меняется даже в случае отсутствия спора между сторонами, поскольку обусловлена требованиями гражданского законодательства к оспариванию актов записи граждан-

ского состояния, частным случаем которого является оспаривание отцовства» [1].

Соответственно, если женщина родила ребенка в пределах 300 дней после расторжения брака, автоматически отцом ребенка является бывший муж. Судебная практика по таким делам довольна обширна (например, решения Центрального районного суда г. Читы от 30 октября 2018 г. по делу № 2-5311/2018; Трусовского районного суда г. Астрахани от 29 октября 2018 г. по делу № 2-2017/2018; Раменского городского суда Московской области от 24 октября 2018 г. по делу № 2-6207/2018; Козловского районного суда Чувашской Республики от 12 октября 2018 г. по делу № 2-298/2018), и если в ходе разбирательства установлено отсутствие факта биологического отцовства при помощи различных средств доказывания, суд такие требования удовлетворяет.

Полагаем, для защиты интересов матери ребенка и его биологического отца необходимо упростить процедуру установления отцовства в административном порядке при наличии совместного заявления матери ребенка и биологического отца, а также заявления бывшего супруга матери об отсутствии у него возражений.

Вопрос об отцовстве может быть спорным при рождении ребенка в течение 300 дней при вступлении женщины в новый брак. Напомним, муж женщины, родившей ребенка, является его отцом. Следовательно, по презумпции отцовства отцом ребенка становится новый супруг, не являющийся биологическим отцом. С социальной и психологической точек зрения для создания нормального микроклимата в семье данное положение соответствует интересам ребенка. Однако современная правоприменительная практика не дает ответа на вопрос, как разрешить спор, если бывший супруг, являющийся биологическим отцом, оспаривает отцовство нового мужа. Признание иска не должно нарушать права и законные интересы несовершеннолетнего ребенка и других лиц. Полагаем, основными критериями решения должны быть возраст ребенка, отношение ребенка к фактическому отцу и иные обстоятельства личностного характера. Судопроизводство по делам оспаривания в данном случае носит исключительный характер и не подлежит систематизации.

Презумпция отцовства может негативно повлиять не только на личные неимущественные права субъектов отношений, но и на имущественные. Отметим, что родительские правоотношения включают в себя равные права и обязанности родителей не только на воспитание, но и содержание детей. Поскольку одной из конституционных обязанностей является содержание несовершеннолетних детей, ст. 80 СК РФ закреплено, что порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно. В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на их содержание (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке. Актуальность норм о взыскании алиментов с родителя, не проживающего совместно с ребенком, с годами не утрачивается.

Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», с учетом того, что в силу ст. 47 СК РФ основанием возникновения алиментной обязанности родителей в отношении детей является происхождение детей, удостоверенное в установленном законом порядке, при обращении в суд с требованием о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка заявитель представляет доказательства, подтверждающие, что лицо, с которого подлежат взысканию алименты, является родителем ребенка.

Если ребенок рожден в рамках презумпции отцовства, то доказательством являются факты брака и рождения ребенка. Однако если жена забеременела и родила от другого мужчины, супруг матери может не знать при регистрации отцовства об отсутствии биологического родства с ребенком. Соответственно, все обязанности по воспитанию и содержанию ребенка несет супруг (бывший супруг) матери ребенка, не являющийся отцом ребенка. При этом не имеет значения характер предоставления содержания: добровольный или принудительный путем истребования алиментов в судебном порядке. Как следствие, многочисленной является судебная практика дел об оспаривании отцовства. Согласно п. 1 ст. 52 СК РФ право на оспаривание произведенной записи об отце ребенка в судебном порядке не ограничено каким-либо сроком. Выплаты алиментов бывшим супругом, не являющимся отцом ребенка, осуществляются до вступления в законную силу судебного решения, которым был удовлетворен иск об оспаривании отцовства.

Для примера проанализируем решение Беловского городского суда Кемеровской области от 21 апреля 2016 г. по делу № 2-1324/2016. У ответчицы родился ребенок, и поскольку истец с ответчицей состояли в зарегистрированном браке, запись о его отцовстве в книге загс была сделана в соответствии с п. 1 ст. 51 СК РФ. Позже брак между ним и ответчицей был расторгнут. Мать ребенка воспользовалась своим правом взыскать алименты на его содержания. Проведенная медицинская экспертиза подтвердила сомнения истца о его отцовстве, однако бывшая супруга на просьбы отозвать исполнительный лист о взыскании алиментов отвечала отказом. Истец оспорил отцовство, и после вступления в силу решения обратился с требованием о взыскании неосновательного обогащения, настаивая на том, что бывшая супруга знала о том, кто действительно является отцом ребенка, но скрыла этот факт от истца.

Рассматривая такие дела из судебной практики, можно признать, что целью наделения супруга матери ребенка отцовскими правами и обязанностями на незаконном основании является неосновательное обогащение матери за счет супруга или бывшего супруга, не являющегося отцом ребенка.

Именно поэтому в качестве примера привели данный судебный акт, в котором истец утверждал, что в действиях бывшей супруги имела место недобросовестность, и просил суд удовлетворить иск о неосновательном обогащении в результате взыскания алиментов ответчицей. Тем не менее суд отказал в удовлетворении требования, ссылаясь на то, что алименты были получены ответчиком на основании судебного приказа, вступившего в законную силу и ставшего обязательным, подлежащим неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Следовательно, полученная сумма алиментов не является неосновательным обогащением. Однако такие случаи применения презумпции отцовства, с одной стороны, направлены на защиту детей, с другой – нарушают интересы лица, состоявшего в браке с матерью ребенка.

Рассмотрим схожее решение Беловского городского суда Кемеровской области от 21 июня 2012 г. по делу № 2-1606/2012. Истец обратился в суд с целью возмещения материального и морального ущерба, указывая на неосновательное обогащение ответчицы, которая знала, что истец не является биологическим отцом ребенка. Суд в удовлетворении иска отказал, учитывая следующие обстоятельства: 1) согласно п.1 ст. 51 СК РФ отец и мать, состоящие в браке между собой, записываются родителями ребенка в книге записи рождений по заявлению любого из них; 2) до вступления в законную силу судебного решения, которым был удовлетворен иск об оспаривании отцовства, отцовство супруга матери ребенка является действительным; 3) в силу ст.116 СК РФ выплаченные суммы алиментов не могут быть истребованы обратно. Данное дело является показательным для существующей судебной практики.

Изучив судебную практику, выделим общую позицию судов в делах об оспаривании: если установлено желание заинтересованных лиц, закрепленных законом, а также отсутствие кровного родства между ребенком и лицом, записанным отцом, такие требования удовлетворяются. Однако ситуация может быть диаметрально противоположной в случаях, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка. Соглашаясь с данной нормой, отметим основную ее направленность именно на защиту прав и законных интересов ребенка.

Еще одним спорным обстоятельством действия презумпции отцовства можно считать срок действия презумпции отцовства и в случаях применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее: ВРТ), когда ребенок рождается позднее 300 дней со дня смерти супруга. Установление происхождения детей и записи умершего в качестве родителя ребенка, рожденного в результате посмертного использования ВРТ, требует в случае посмертного зачатия согласия умершего на посмертное использование его генетического материала и письменного согласия, заверенного нотариально, быть родителем такого ребенка [2].

В Российской Федерации порядок проведения ВРТ регламентируется приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», согласно которому решение о последующих этапах (криоконсервация, утилизация или донорство) принимает лицо, которому принадлежат данные клетки или эмбрионы. Согласие на донорство, криопротокол (криоконсервация и криоперенос) или утилизацию оформляется письменно с указанием сроков. В российском правовом поле нет законодательно урегулированного порядка установления и разрешения посмертной репродукции, в том числе нет указаний и на судебный порядок ее проведения.

Вышеперечисленные отрицательные последствия применения презумпции отцовства приводят к неприятному, обременительному, энергоемкому процессу оспаривания отцовства в судебном порядке согласно нормам гражданского процессуального и семейного законодательства Российской Федерации. Оспаривание действия презумпции отцовства в судебном порядке имеет важное значение, поскольку на основании решения суда органами загса производится запись в книгу регистрации актов гражданского состояния, вносятся изменения в запись акта о рождении ребенка, выдается новое свидетельство о рождении, в результате чего возникают взаимные права и обязанности между отцом, матерью и ребенком. В целях обеспечения интересов ребенка, его матери и супруга матери считаем важным усовершенствовать российское семейное законодательство в вопросах реализации презумпции отцовства.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) необходимо разработать законодательное закрепление упрощенной процедуры регистрации биологического отца ребенка, рожденного женщиной, находящейся в зарегистрированном браке с другим мужчиной, при наличии заявления матери и супруга матери об отсутствии противоречий в процессе установления отцовства;

2) предоставить возможность установления отцовства биологического отца ребенка в течение 300 календарных дней после окончания предыдущего брака при подаче в орган загса заявления матери и ее бывшего супруга о том, что отцом ребенка является не ее бывший супруг;

3) в условиях динамично развивающейся репродуктивной медицины необходимо разработать форму письменного согласия лица, предоставившего биоматериал, но умершего ранее зачатия ребенка, на осуществление процедур ВРТ и последующее установление происхождения ребенка от данного лица.

Для защиты прав ребенка и его родителей государству необходимо регулировать правовые отношения между родителями и ребенком в соответствии с реальными потребностями общества, пересмотрев доминантное значение социального

отцовства, базирующегося на браке, перед положением, когда биологический отец в добровольном порядке готов воспитывать ребенка. Учитывая приоритет презумпции отцовства, законодателю следует установить исключительные обстоятельства для ее опровержения и установления отцовства мужчины, не являющегося супругом матери или бывшим супругом матери в течение 300 дней после расторжения зарегистрированного брака с матерью ребенка, в облегченном административном порядке, сохраняя право ребенка знать о своем происхождении и реализовывая заботу государства о детстве, материнстве и отцовстве.

Библиографический список

1. *Краснова Т. В.* Влияние регистрации брака на осуществление прав и исполнение обязанностей родителей / Т. В. Краснова // Lex Russica. – 2016. – № 10(119). – С. 77–87.

2. *Шелютто М. Л.* Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права / М. Л. Шелютто // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 4(59). – С. 91–98.

References

1. *Krasnova T. V.* The Impact of Marriage Registration on the Exercise of Rights and the Performance of Parents' Duties. *Lex Russica*. 2016. No. 10(119). P. 77–87.

2. *Shelyutto M. L.* Children Conceived after the Death of a Parent: Identification of Origin and Inheritance Rights. *Zhurnal Zarubezhnogo Zakonodatel'stva i Sravnitel'nogo Pravovedeniya*. 2016. No. 4(59). P. 91–98.

Библиографическое описание статьи

Аблятипова Н. А. Некоторые проблемы действия презумпции отцовства по законодательству Российской Федерации / Н. А. Аблятипова, Н. В. Девятова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 49–53.

УДК 343.268

Васеловская Александра Викторовна,
аспирант кафедры уголовного права
Юридического института
Национального исследовательского
Томского государственного университета
E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

Vaselovskaya Aleksandra V.,
Post-graduate Student of Criminal Law Department
of National Research Tomsk State University

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Some Problematic Issues of Execution of Compulsory Medical Measures

Аннотация. Статья посвящена проблеме правовой регламентации порядка исполнения принудительных мер медицинского характера. На основе проведенного исследования автором сделан вывод, согласно которому исполнительные аспекты принудительного лечения должны предопределяться правовой природой указанных мер. С учетом предложенного подхода обосновывается положение о том, что порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, соединенных с наказанием, должен быть отнесен к сфере уголовно-исполнительного регулирования. Исполнение же принудительного лечения как самостоятельной меры должно быть регламентировано специальным федеральным законом.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; уголовная ответственность; исполнение принудительных мер медицинского характера; совершенствование уголовного закона.

Abstract. The article is devoted to the problem of legal regulation of the enforcement of compulsory medical measures. Based on the study, the author concluded that the executive aspects of compulsory treatment should be predetermined by the legal nature of these measures. Taking into account the proposed approach, the author notes that the procedure for the execution of compulsory medical measures connected with punishment should be referred to the sphere of criminal enforcement regulation. The execution of compulsory treatment, as an independent measure, should be regulated by a special federal law.

Key words: compulsory medical measures; criminal liability; execution of compulsory medical measures; improvement of criminal law.

Рубеж XX–XXI вв. был отмечен существенным возрастанием количества лиц, страдающих психическими расстройствами. Значительный рост психических заболеваний продолжает сохраняться и в настоящее время. По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2020 г. психические и нервные расстройства войдут в первую пятерку заболеваний, ведущих к потере трудоспособности, и займут второе место по распространенности после сердечно-сосудистых заболеваний [14].

Учтенная распространенность психических расстройств в Российской Федерации по данным на 2018 г. составляет более 4 млн чел., или 2 951 чел. на 100 000 чел. населения [7]. Все больше усиливается влияние социальных факторов, оказывающих психотравмирующее воздействие на человека (экономический кризис, военные конфликты, пропаганда насилия, деятельность деструктивных религиозных сект и т. д.). Возникающие в результате такого воздействия отклонения в психике человека нередко служат благоприятным фоном для формирования криминогенной мотивации [6, с. 121]. Преступность становится все более психопатизированной.

Растет и количество случаев совершения общественно опасных деяний лицами в состоянии невменяемости. По своему характеру общественно опасные действия психически больных отличаются от преступлений психически здоровых лиц в основном большой долей наиболее тяжких деяний, связанных с физической агрессией, что во многом определяет их социальное значение [2; 4].

Вышеизложенное свидетельствует об особой актуальности проблем, связанных с применением принудительных мер медицинского характера.

Уголовно-правовые аспекты принудительного лечения (основания, цели, виды принудительных мер медицинского характера) регламентированы гл. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ). Порядок назначения рассматриваемых мер, в том числе уголовно-процессуальные аспекты судебного разбирательства при производстве о применении принудительных мер медицинского характера, порядок дальнейшего продления, изменения, прекращения принудительного лечения установлены в гл. 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вопросы же исполнения принудительных мер медицинского характера до настоящего времени находятся в статусе «правового пробела», что существенно осложняет реализацию указанных мер на практике.

Следует отметить, что до вступления в силу УК РФ отдельные вопросы, связанные с исполнением принудительных мер медицинского характера, были урегулированы подзаконным нормативным правовым актом – межведомственной Временной инструкцией о порядке применения принудитель-

© Васеловская А. В., 2019

ных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния (далее: Временная инструкция), утвержденной приказом Минздрава СССР от 21 марта 1988 г. № 225 и согласованной с Верховным Судом СССР, Прокуратурой СССР, Министерством юстиции СССР, Министерством внутренних дел СССР.

С принятием УК РФ многие положения Временной инструкции оказались «морально устаревшими» [10, с. 47] и фактически не применимыми, так как содержали в себе терминологию УК РСФСР 1960 г.

В 1999 г. в связи с нарастающими сложностями в практике применения принудительного лечения Минздравом России была предпринята попытка урегулировать данный вопрос посредством принятия ненормативного правового акта – методического письма Минздрава России от 23 июля 1999 г. № 2510/8236-99-32 «О порядке применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния». Однако в 2001 г. указанное письмо по требованию Минюста России было отменено ввиду того, что, не являясь нормативным правовым актом, фактически содержало в себе нормы права.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ), несмотря на отсылку к нему в ч. 3 ст. 97 УК РФ, не содержит в себе положений, регламентирующих порядок исполнения принудительных мер медицинского характера.

Отсутствие в УИК РФ раздела о порядке исполнения принудительного лечения объясняется по-разному. Так, многие юристы смотрят на исполнение принудительного лечения как на сугубо медицинскую деятельность. Если же какие-то аспекты названной деятельности требуют законодательного регулирования, то это, по мнению сторонников рассматриваемой точки зрения, должно быть урегулировано медицинским законодательством [13, с. 69].

Согласно другой позиции при определении нормативного правового акта, положениями которого должен быть урегулирован порядок исполнения принудительного лечения, необходимо исходить из правовой природы рассматриваемых мер. При этом мнения сторонников данного подхода разделяются.

Так, Е. В. Шпынова отмечает, что поскольку институт принудительных мер медицинского характера по своей природе является уголовно-правовым, соответственно, его исполнение должно осуществляться преимущественно в рамках уголовно-исполнительного права [Там же].

Другие ученые (В. А. Уткин, Ю. К. Якимович), напротив, указывают на то, что принудительные меры, хотя и предусмотрены уголовным законодательством, по своей природе не являются уголовно-правовыми; их применение не направлено на достижение целей уголовного закона [3; 8; 9].

В частности, по мнению В. А. Уткина, принудительные меры медицинского характера не являются карой, не носят возмездного характера, не содержат в себе осуждения, порицания виновного. Они не являются мерами уголовной ответственности [8]. Принудительные меры медицинского характера, согласно позиции данного автора, являются по своей правовой природе не «иными мерами уголовно-правового характера», которые применяются за совершение преступлений, а «иными мерами, предусмотренными уголовным законом» [9, с. 12–13]. В этой связи порядок исполнения принудительных мер медицинского характера должен быть регламентирован не нормами УИК РФ, а иным федеральным законом.

Полагаем, что в качестве концептуального подхода к определению отрасли законодательства и конкретного нормативного правового акта, которым должны быть урегулированы вопросы исполнения принудительного лечения, должен быть воспринят представленный выше подход, исходящий из правовой природы рассматриваемых мер. Именно правовая природа принудительных мер медицинского характера должна предопределять и исполнительные аспекты их реализации.

Не вдаваясь в подробности относительно дискуссии по вопросу выявления правовой природы принудительных мер медицинского характера, отметим, что принудительные меры медицинского характера не однородны по своей правовой природе [5, с. 265].

В частности, действующий УК РФ позволяют сделать вывод о том, что принудительные меры медицинского характера могут быть разделены на две категории:

1) применяемые в качестве основной и единственной (самостоятельной) меры;

2) применяемые в качестве дополнительной меры, наряду с наказанием, к лицам, совершившим преступления в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости.

Принудительное лечение, применяемое в отношении невменяемых в качестве самостоятельной (единственной) меры, не является формой реализации уголовной ответственности и в целом может быть поименовано как «иные меры, предусмотренные уголовным законом». Принудительное лечение, применяемое наряду с наказанием, напротив, выступает в качестве формы реализации уголовной ответственности, поскольку лицо, которому назначается такое лечение, признается субъектом преступления, а его преступное деяние получает официально выраженную негативную оценку со стороны государства [11].

Подобное уяснение правовой природы принудительных мер медицинского характера и разграничение их на этой основе на две группы, сущностно отличающиеся друг от друга, позволяют внести ясность в дискуссионный вопрос о правовой регламентации исполнения принудительного лечения.

В том случае, когда принудительное лечение применяется в качестве самостоятельной меры

к невменяемым лицам и в этой связи не является формой реализации уголовной ответственности, правовая регламентация исполнения такого рода принудительного лечения должна осуществляться посредством специального федерального закона. Включение положений о деятельности психиатрических стационаров и диспансеров по исполнению ими принудительного лечения, не являющегося по своей правовой природе мерой уголовно-правового характера, в УИК РФ привело бы к необоснованному расширению предмета уголовно-исполнительного права за счет включения в него общественных отношений, не связанных с реализацией уголовной ответственности и в этой связи не обладающих признаком однородности с иными отношениями, входящими в предмет указанной отрасли.

В свою очередь, применение принудительных мер медицинского характера, наряду с наказанием, как было отмечено выше, выступает в качестве некарательной формы реализации уголовной ответственности, в связи с чем исполнение таких мер должно быть отнесено к сфере исполнительно-правового регулирования.

Данный подход частично реализован законодателем в УИК РФ. Так, ст. 18 УИК РФ регламентирует отдельные аспекты применения к осужденным, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, принудительных мер медицинского характера.

Вместе с тем данной правовой регламентации сегодня явно недостаточно, поскольку указанная статья не затрагивает вопросы непосредственного исполнения указанных мер. Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, назначаемых невменяемым, оказался и вовсе не только без законодательного регулирования, но и, более того, без какого-либо правового регулирования вообще со всеми неизбежно вытекающими отсюда крайне отрицательными последствиями для правоприменительной практики.

Все вышеизложенное указывает на объективную и острую необходимость устранения указанного правового пробела и принятия на федеральном уровне закона, регламентирующего порядок исполнения принудительных мер медицинского характера.

На необходимость принятия специального федерального закона о порядке исполнения принудительного лечения указывают многие ученые, среди них: В. П. Котов, М. М. Мальцева, С. В. Полубинская, С. Н. Шишков, Е. В. Шпынова [1; 12; 13].

Как справедливо отмечают В. П. Котов, М. М. Мальцева, С. В. Полубинская, специфической особенностью такого закона должно стать совмещение принципов законодательства о здравоохранении, в частности Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», направленных на соблюдение требований гуманности и защиту прав лиц, страдающих психическими расстройствами, с положениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленными на обеспечение общественной безопасности и предусматривающими ограничение прав и личной свободы правонарушителей [1, с. 32].

Таким образом, с учетом общей тенденции к росту числа лиц, страдающих психическими расстройствами, а также увеличения количества общественно опасных деяний, совершаемых такими лицами, полагаем, что имеющийся в настоящее время правовой пробел в области нормативной регламентации порядка исполнения принудительных мер медицинского характера должен быть устранен как можно быстрее.

Считаем, что законодательному закреплению должны подлежать порядок и пределы ограничения прав граждан, находящихся на принудительном лечении, правовой статус медицинских организаций, оказывающих специализированную психиатрическую помощь и осуществляющих исполнение принудительного лечения, основы деятельности врачебных комиссий, порядок привлечения к труду (применения методов трудовой терапии).

Должны получить правовую регламентацию такие злободневные сегодня вопросы правоприменительной практики, как доставка больных в психиатрические больницы для исполнения в отношении них принудительного лечения; порядок перемещения больных при изменении вида принудительных мер медицинского характера; обеспечение безопасности и охраны психиатрических стационаров; порядок действий (полномочия соответствующих органов и учреждений) при уклонении лиц от принудительного лечения или совершения ими побега. Нуждается в конкретизации и вопрос о правовом статусе лица, сбежавшего из психиатрического стационара, в котором в отношении него исполнялось принудительное лечение. С одной стороны, такое лицо не должно учитываться в общем количестве пациентов, поскольку оно фактически выбыло из стационара. С другой стороны, у медицинского учреждения отсутствуют правовые основания для выписки сбежавшего пациента, поскольку прекращение принудительных мер медицинского характера возможно только по решению суда.

Указанный спектр проблемных вопросов составляет лишь небольшую часть тех трудностей, которые возникают в практике психиатрических лечебных учреждений в связи с отсутствием законодательного акта, регламентирующего порядок исполнения принудительных мер медицинского характера.

При этом следует отметить, что не все из указанных вопросов должны быть регламентированы именно законодательным нормативным актом. Ряд вопросов может быть отнесен на уровень подзаконных нормативных актов, в том числе межведомственного характера. Однако в законе целесообразно закрепить те вопросы, которые могут быть и должны быть урегулированы подзаконными нормативными правовыми актами.

Библиографический список

1. *Котов В. П.* Правовые проблемы исполнения принудительных мер медицинского характера / В. П. Котов, М. М. Мальцева, С. В. Полубинская // Российский психиатрический журнал. – 2012. – № 5. – С. 31–35.

2. *Котов В. П.* Предупреждение опасных действий лиц с психической патологией / В. П. Котов, М. М. Мальцева // Руководство по судебной психиатрии : учеб. пособие / под ред. А. А. Ткаченко. – Москва : Юрайт, 2013. – ISBN 978-5-9916-2521-0. – С. 676–815.

3. *Ленский А. В.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера / А. В. Ленский, Ю. К. Якимович. – Москва : Юристъ, 1999. – 48 с. – ISBN 5-7975-0198-8.

4. *Макушкина О. А.* Повторные общественно опасные действия лиц, страдающих психическими расстройствами: проблемы профилактики / О. А. Макушкина, Л. А. Яхимович // Российский психиатрический журнал. – 2014. – № 2. – С. 4–11.

5. *Непомнящая Т. В.* Меры уголовно-правового характера / Т. В. Непомнящая // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3(16). – С. 261–267.

6. *Прозументов Л. М.* Криминология (Общая часть) : учеб. пособие / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер. – Томск : Изд. дом Томского гос. ун-та, 2017. – 284 с. – ISBN 978-5-94621-638-8.

7. Рекомендации «круглого стола» Комитета Государственной Думы по охране здоровья на тему: «Законодательное регулирование охраны психического здоровья населения Российской Федерации». – URL: https://psychiatr.ru/download/3771?view=1&name=%D0%A0%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8+%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B0+%D0%93%D0%94.pdf (дата обращения: 19.08.2019).

8. *Уткин В. А.* О правовой природе воспитательных мер, примененных к осужденным за преступления / В. А. Уткин // Актуальные проблемы государства и права в современный период. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. – С. 188–189.

9. *Уткин В. А.* Проблемы Концепции развития уголовно-исполнительной системы в контексте уголовной политики / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительная система в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 т. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2013. – Т. 1. – ISBN 978-5-7743-0566-7, 978-5-7743-0567-4 (т. 1). – С. 8–13.

10. *Федорова Е. А.* Принудительные меры медицинского характера по российскому уголовному законодательству : учеб. пособие / Е. А. Федорова. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2008. – 84 с.

11. *Шеслер А. В.* Уголовная ответственность: понятие и формы реализации / А. В. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 3(48). – С. 116–121.

References

1. *Kotov V. P., Mal'ceva M. M., Polubinskaya S. V.* Legal Problems of the Execution of Compulsory Medical Measures. *Rossijskij Psikhiatricheskij Zhurnal*. 2012. No. 5. P. 31–35.

2. *Kotov V. P., Mal'ceva M. M.* Prevention of Dangerous Actions of Persons with Mental Pathology. *Manual of Forensic Psychiatry*. Ed. by A. A. Tkachenko. Moscow, Yurajt, 2013. ISBN 978-5-9916-2521-0. P. 676–815.

3. *Lenskij A. V., Yakimovich Yu. K.* Proceedings for the Application of Compulsory Medical Measures. Moscow, Yurist", 1999. 48 p. ISBN 5-7975-0198-8.

4. *Makushkina O. A., Yakhimovich L. A.* Repeated Socially Dangerous Actions of Persons Suffering from Mental Disorders: Problems of Prevention. *Rossijskij Psikhiatricheskij Zhurnal*. 2014. No. 2. P. 4–11.

5. *Nepomnyashhaya T. V.* Criminal Law Measures. *Vestnik Tomskogo Universiteta.* 2008. No. 3(16). P. 261–267.

6. *Prozumentov L. M., Shesler A. V.* Criminology (General Part). Tomsk, Izdatel'skij Dom Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2017. 284 p. ISBN 978-5-94621-638-8.

7. Recommendations of the «round table» of the State Duma Committee on health protection on the topic: «Legislative Regulation of the Protection of Mental Health of the Population of the Russian Federation». URL: https://psychiatr.ru/download/3771?view=1&name=%D0%A0%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8+%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B0+%D0%93%D0%94.pdf (date of the application: 19.08.2019).

8. *Utkin V. A.* On the Legal Nature of Educational Measures Applied to Convicts for Crimes. *Actual Problems of State and Law in the Modern Period.* Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo Universiteta, 1981. P. 188–189.

9. *Utkin V. A.* Problems of the Concept of Development of the Penal System in the Context of Criminal Policy. *The Penal System in the Conditions of Modernization: Current State and Prospects of Development.* In 4 vol. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2013. Vol. 1. ISBN 978-5-7743-0566-7, 978-5-7743-0567-4 (vol. 1). P. 8–13.

10. *Fedorova E. A.* Compulsory Medical Measures under the Russian Criminal Law. Krasnoyarsk, SibYuI MVD Rossii, 2008. 84 p.

11. *Shesler A. V.* Criminal Responsibility: the Concept and Forms of Implementation. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2018. No. 3(48). P. 116–121.

12. *Shishkov S. N., Polubinskaya S. V.* Legislative Problems of Compulsory Medical Measures. *Lex Russica.* 2019. No. 6(151). P. 161–172.

13. *Shpy'nova E. V.* Compulsory Medical Measures: Theoretical and Enforcement Problems. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava.* 2015. No. 4(53). P. 65–72.

12. *Шишков С. Н.* Законодательные проблемы принудительных мер медицинского характера / С. Н. Шишков, С. В. Полубинская // Lex Russica. – 2019. – № 6(151). – С. 161–172.

13. *Шпынова Е. В.* Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы / Е. В. Шпынова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4(53). – С. 65–72.

14. Mental health atlas 2017 // World Health Organization. – URL: https://www.who.int/mental_health/evidence/atlas/mental_health_atlas_2017/en/ (дата обращения: 19.08.2019).

14. Mental health atlas 2017. *World Health Organization.* URL: https://www.who.int/mental_health/evidence/atlas/mental_health_atlas_2017/en/ (date of the application: 19.08.2019).

Библиографическое описание статьи

Васеловская А. В. Некоторые проблемные вопросы исполнения принудительных мер медицинского характера / А. В. Васеловская // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 54–58.

УДК 347.413

Жестеров Павел Валерьевич,
старший преподаватель кафедры отправления правосудия в судах общей юрисдикции Российского государственного социального университета
кандидат юридических наук
E-mail: zhesterov@mail.ru

Zhesterov Pavel V.,
Senior Lecturer of Administration of Justice in the Courts of General Jurisdiction Department of Russian State Social University
PhD (Law)

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, КОНТРОЛИРУЮЩИХ КРЕДИТНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Vicarious Liability for Persons Controlling a Credit Organization: Topical Issues

Аннотация. Цель исследования – выявить общие закономерности привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию. Автором были изучены процессуальные правила принятия обеспечительных мер в случае привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию; рассмотрена судебная практика за прошедшие два года с момента вступления в силу законодательных изменений; сформулированы практические рекомендации, наряду с правовыми режимами защиты прав заявителей в таких случаях, которые позволят не только сделать более эффективной процедуру банкротства банка, но и развить механизмы корпоративного управления в банковском секторе в направлении повышения личной ответственности лиц, принимающих управленческие решения, и лиц, контролирующих кредитную организацию.

Ключевые слова: банковская политика; банковская неплатежеспособность; банкротство банка; субсидиарная ответственность; применение судебного запрета; ограничительные меры; защита кредиторов; арбитражная практика; юридические лица.

Abstract. The purpose of the work is to reveal the general regularities of attraction to subsidiary responsibility of the persons controlling credit institution. We examine procedural rules of acceptance of interim measures (adoption of interlocutory injunction) in case of attraction to subsidiary responsibility of the persons controlling credit institutions. This publication based on judicial practice for last two years from coming into force of legislative changes. Practical advice is given, along with routines of the applicants'rights protection in such cases. All this will allow not only to increase efficiency of procedures of bankruptcy of bank, but also to develop mechanisms of corporate management in the banking sector towards increase in personal responsibility of the persons making management decisions, and the persons controlling credit institution.

Key words: banking policy; bank insolvency; banking failure; vicarious liability; injunction application; interim measures; protection of creditors; arbitration practice; entities.

В конце второго десятилетия XXI в. наша страна продолжает укреплять свое присутствие в ключевых сферах мировой экономики и политики в силу объективной необходимости и во имя общенациональных интересов. К национальным интересам в полной мере можно отнести восстановление и утверждение лидирующих позиций в мировой банковской сфере. Современная банковская система является ключевым элементом российской экономики, обеспечивающим ее сбалансированное и инновационное развитие. Деятельность кредитных организаций затрагивает все процессы, происходящие в экономической жизни общества и государства, среди которых и денежный оборот, и банковские операции с бюджетными средствами.

В последние годы мы наблюдаем некоторые тенденции в банковском секторе отечественной экономики: во-первых, финансовый регулятор (Банк России) планомерно усложняет требования к кредитным организациям, несоблюдение которых неизбежно влечет отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций; во-вторых, участились случаи банкротств банков вследствие невозможности выполнить свои обязательства по отчислениям в Агентство по страхованию вкладов (далее: АСВ) либо в результате умышленных противоправных действий (бездействия) собственников, руководителя и органов управления кредитной организации.

По данным Банка России, в течение 2018 г. Банк России отозвал лицензии у 57 банков, что составило 11 % от общего количества кредитных организаций, зарегистрированных на территории нашей страны. Этот показатель выше, чем в 2017 г., когда были отозваны лицензии у 47 кредитных организаций, но меньше, чем пять лет назад [5], когда регулятор начал принимать комплексные меры по повышению надежности кредитных учреждений и обеспечению финансовой безопасности клиентов банков. Как отмечается в научной литературе, сокращение количества кредитных организаций связано с «оздоровлением банковской системы и закрытием кредитных организаций, ведущих противоправную деятельность» [4].

В соответствии с действующим законодательством кредитная организация, у которой отозвана

© Жестеров П. В., 2019

(аннулирована) лицензия на осуществление банковских операций, должна быть ликвидирована. При этом возможны три варианта прекращения деятельности банка, потерявшего лицензию: добровольная ликвидация, принудительная ликвидация, банкротство [5].

Банкротство банка неизбежно вызывает экстраординарное вмешательство – административное (деятельность банковского регулятора) или судебное (в рамках арбитражного судопроизводства). По данным АСВ, по состоянию на 1 июля 2019 г. в России завершена процедура банкротства в отношении 319 банков, а 364 банка находятся в процессе ликвидации [1].

В случае банкротства кредитной организации остро встает вопрос о полном удовлетворении требований всех кредиторов, чьи денежные средства были размещены в кредитной организации на момент отзыва у нее лицензии. В настоящее время для защиты прав кредиторов в случае банкротства банка возможно привлечение к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию. При этом эффективность защиты интересов кредиторов зависит от своевременности принятых обеспечительных мер в отношении имущества лиц, контролирующих кредитную организацию. По действующему порядку заявление о принятии обеспечительных мер подается в рамках обособленного спора в деле о банкротстве банка [2].

По общему правилу, установленному нормой п. 2 ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ), в хозяйственном обороте юридические лица несут самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам перед кредиторами. В полной мере это правило относится и к деятельности банков. Субсидиарная ответственность по обязательствам кредитной организации представляет собой отступление от этого общего правила.

Несмотря на целый ряд специальных работ, посвященных субсидиарной ответственности [3; 7; 8; 9], данный институт права до настоящего времени не до конца изучен. Большая часть исследований банкротств кредитных организаций в нашей стране сфокусирована на материальных нормах, составляющих правовое регулирование [6]. Гораздо меньше внимания в специальной литературе уделено процедурным проблемам, с которыми сталкиваются стороны во время судебного рассмотрения анализируемой категории споров. В частности, недостаточно исследованы изменения, внесенные в российское законодательство о банкротствах Федеральным законом от 29 июня 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», которые уточнили порядок и правила привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию, в случае недостаточности собственных средств кредитной организации для удовлетворения требований всех кредиторов. Считаем необходимым остановиться подробнее и на спорных моментах применения обеспечительных мер при решении судом вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию.

Правовую основу рассмотрения дела о привлечении к субсидиарной ответственности должностных лиц, контролирующих кредитную организацию, составляет федеральное законодательство: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее: Закон о банкротстве), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: АПК РФ) и ГК РФ.

Расположение норм о субсидиарной ответственности в разных источниках неизбежно приводит к правовым коллизиям, вызывает много вопросов как теоретического, так и практического свойства. Кроме того, применение норм общего характера без учета специфики банковской деятельности приводит к снижению качества осуществления правосудия по рассматриваемой категории дел. Например, отсутствие специальных правовых норм привело к тому, что суды чаще всего отказывают конкурсным управляющим в удовлетворении их заявлений о наложении ареста на денежные средства и иное имущество ответчиков при рассмотрении данной категории арбитражных споров. Отсутствуют разъяснения высшей судебной инстанции по порядку принятия обеспечительных мер по делам о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию. Единственным актом судебного толкования рассматриваемой процедуры является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015. В нем отменены оспариваемые решения, принятые по делу ранее Арбитражным судом г. Москвы, Девятым арбитражным апелляционным судом и Арбитражным судом Московского округа, а само дело направлено на новое рассмотрение, так как высшей судебной инстанцией было признано, что «отсутствие в заявлении конкурсного управляющего указания на конкретное имущество бывшего руководителя должника не является достаточным основанием для отказа в принятии обеспечительных мер».

Следует констатировать, что основные убытки при прекращении деятельности кредитной организации вследствие отзыва у нее лицензии на осуществление банковских операций несут ее вкладчики. В настоящее время для защиты их имущественных интересов функционирует государственная система страхования вкладов. Для выплаты возмещений вкладчикам АСВ использует страховой фонд, который в сложившихся условиях имеет тенденцию к истощению.

Если в ходе проверки обстоятельств банкротства банка конкурсный управляющий (функции которого выполняет АСВ) приходит к выводу о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, то он обращается в арбитражный суд с заявлением о привлечении лиц, контролирующих кредитную организацию, к субсидиар-

ной ответственности. Правом подачи такого заявления наделены и другие лица, перечисленные в ст. 61.14 Закона о банкротстве.

Арбитражный суд рассматривает обособленный спор о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию, в рамках общего дела о банкротстве банка. По результатам слушаний арбитражный суд выносит определение об удовлетворении (полностью или в части) требований заявителя или об отказе в их удовлетворении.

Как показывает арбитражная практика, в подавляющем большинстве случаев реальное исполнение судебного решения об удовлетворении требований о привлечении к субсидиарной ответственности оказывается невозможным. Причиной этого является сокрытие лицами, контролирующими банк, своих денежных средств и иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, от органов правосудия и судебных приставов-исполнителей, в том числе за границей. Такому состоянию дел также способствуют: длительные сроки рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию; многосубъектный состав участников арбитражного судопроизводства; законодательные требования о предоставлении большого объема доказательственной базы.

Тем самым судебный акт, перспектива исполнения которого заведомо невелика, по существу представляет собой лишь фикцию судебной защиты. Следовательно, судебное разбирательство, в ходе которого недобросовестный ответчик имеет возможность скрыть свое имущество и избежать обращения взыскания на него, а истец не имеет реальных правовых средств противодействия такому поведению ответчика, не отвечает целям правосудия. Эффективность судебной защиты проявляется в максимальной степени только при фактическом восстановлении нарушенных прав кредиторов, что в данном случае выражается в возврате им вложенных в банк денежных средств, на которые они обоснованно рассчитывают.

Для реализации этой цели суды располагают действенным процессуальным механизмом в виде института обеспечительных мер, своевременное и разумное применение которых устраняет препятствия к исполнению судебного решения в будущем. В соответствии со ст. 90 АПК РФ обеспечительные меры допускаются на любой стадии арбитражного судопроизводства, если непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, а также в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю.

Следует помнить, что суд вправе отказать в удовлетворении ходатайства заявителя о принятии обеспечительных мер. Условия для отказа заявителю следующие: во-первых, если заявитель не обосновал причины для обращения с таким ходатайством конкретными обстоятельствами, подтверждающими необходимость принятия обеспечительных мер; во-вторых, если заявитель не представил доказательства, подтверждающие его доводы (п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие АПК РФ»).

При разрешении вопроса о принятии обеспечительных мер суд должен удостовериться в том, что в случае удовлетворения требования непринятие именно этой меры затруднит или сделает невозможным исполнение судебного акта. Затруднительный характер исполнения судебного акта либо невозможность его исполнения могут быть связаны с отсутствием имущества у ответчика и его активными действиями, направленными на уменьшение объема его имущества.

Как показывает практика, разъяснения высшей судебной инстанции, изложенные выше, в действительности приобрели непреодолимый характер для заявителя, который обычно не имеет возможности представить суду бесспорные доказательства, с достоверностью подтверждающие противоправные действия собственников банка или членов органов управления, направленные на сокрытие имеющегося у них имущества. Вместе с тем есть предпосылки для изменения ситуации. Показательно в этом плане рассмотрение дела о банкротстве «ИпоТекБанк», когда при рассмотрении кассационной жалобы конкурсного управляющего Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в своем определении от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015 поддержала позицию АСВ о необоснованности отказа нижестоящих судов в принятии обеспечительных мер.

Исходя из положений ч. 2 ст. 90 АПК РФ основаниями для принятия обеспечительных мер по делам о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию, могут служить: значительный размер субсидиарной ответственности; возможность заинтересованных лиц принять меры к уменьшению своего имущества; вероятность причинения банку и его кредиторам значительного ущерба.

При этом обеспечительные меры суда по своей природе являются ускоренным и предварительным средством защиты. В этой связи правила доказывания оснований для принятия обеспечительных мер не должны быть аналогичны тем, которые применяются при доказывании обстоятельств по существу судебного спора, когда от стороны требуется представить ясные и убедительные доказательства обстоятельств дела либо доказательства, преобладающие над доказательствами процессуального противника.

Представляется, что для применения обеспечительных мер достаточно подтвердить разумные подозрения наличия оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 90 АПК РФ. На данное обстоятельство обратила внимание высшая судебная инстанция в уже приведенном нами определении. Доказательства разумных подозрений в намерении контролирующих лиц скрыть имущество (в целях избежать исполнения требований кредиторов) могут быть получены конкурсным управляющим. В соответ-

ствии с п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве он имеет право направлять запросы в следующие органы:

– Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (с просьбой о предоставлении выписки о правах лица на имеющиеся (имевшиеся) у него объекты недвижимого имущества);

– Федеральная налоговая служба (с просьбой о предоставлении сведений об открытых (закрытых) счетах в кредитных организациях);

– кредитные организации (с просьбой о предоставлении выписок по расчетным счетам, открытым на имя ответчика).

Указанную информацию целесообразно запрашивать, начиная с даты, когда произошло существенное ухудшение финансового состояния банка, и до даты подготовки заявления о принятии обеспечительных мер.

В то же время, если в распоряжении конкурсного управляющего отсутствует информация об имуществе ответчика, то данное обстоятельство, по нашему мнению, не может служить безусловным основанием для отказа в принятии обеспечительных мер. В такой ситуации заявитель может просить суд принять обеспечительные меры, установив общую стоимость имущества, подлежащего аресту. Конкретный состав имущества, подлежащего аресту, может быть в дальнейшем определен судебным приставом-исполнителем в соответствии с требованиями исполнительного законодательства.

При рассмотрении дел о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию, судам необходимо, на наш взгляд, принимать во внимание обычно складывающуюся практику сокрытия недобросовестными руководителями своего имущества при привлечении их к субсидиарной ответственности по обязательствам банка-банкрота. Именно поэтому утверждения конкурсного управляющего о принимаемых ответчиками мерах по сокрытию имущества не могут быть проигнорированы судом при принятии процессуального решения по вопросу об обеспечительных мерах. Напомним, что согласно ч. 2 ст. 4 АПК РФ объяснения участвующих в деле лиц относятся к средствам доказывания в арбитражном процессе. В этой связи суд при принятии процессуального решения должен дать им надлежащую оценку и изложить мотивы, по которым утверждения конкурсного управляющего были отвергнуты в случае вынесения определения об отказе в принятии обеспечительных мер.

Следует подчеркнуть, что оперативность решения вопроса о применении обеспечительных мер при невысоком стандарте доказывания соответствующих обстоятельств не нарушает права субсидиарного должника, поскольку, помимо требования о судебной проверке обоснованности и соразмерности этих мер, законодательством установлены и иные гарантии соблюдения его интересов. Так, в частности, по ходатайству ответчика обеспечительная мера может быть заменена на другую (ст. 95 АПК РФ) или в короткий срок отменена тем же судом (ст. 97 АПК РФ). Кроме того, ответчики не ограничиваются в праве пользования имуществом, в отношении которого приняты обеспечительные меры, если только об обратном не попросит конкурсный управляющий в своем заявлении. Поскольку лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, не являются хозяйствующими субъектами и их имущество не используется в процессе осуществления предпринимательской деятельности, то накладываемые судом ограничения не могут причинить им имущественного ущерба.

Далее, при решении вопроса о принятии обеспечительных мер по делам о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию, следует принимать во внимание установленную п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве презумпцию вины контролирующих лиц в банкротстве кредитной организации и невозможности полного погашения требований кредиторов. В этой связи обеспечительные меры являются адекватным и соразмерным средством защиты имущественных интересов кредитной организации и ее кредиторов. При этом опровержение доказательственной презумпции о виновном поведении предполагаемых нарушителей прав кредитной организации и ее кредиторов лежит на самих ответчиках, которые для этого вправе пользоваться всеми процессуальными средствами доказывания, предусмотренными АПК РФ.

Подводя итоги исследования, отметим, что банкротство банков и иных кредитных организаций возникает вследствие их неспособности выполнить требования финансового регулятора, которые усложняются с каждым годом. Нередки случаи, когда банкротство кредитной организации спровоцировано противоправными действиями (бездействием) ее собственников и членов органов управления. И если материальные нормы достаточно полно регулируют вопросы, возникающие в процессе банкротства кредитной организации, то процессуальные аспекты нуждаются в своем уточнении.

В целях обеспечения более полной защиты интересов вкладчиков обанкротившихся банков мы предлагаем ряд мер, в частности, внести изменения в содержание п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», которые позволят арбитражным судам различного уровня единообразно применять нормы права об обеспечительных мерах, учитывая при этом специфику дел о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника – кредитную организацию. Представляется, что вышеуказанные разъяснения повысят эффективность и качество отправления правосудия и исполнения судебных актов по делам о привлечении к субсидиарной ответственности ответчиков вообще и лиц, контролирующих кредитные организации, в частности. Так, мы считаем необходимым:

1) отразить в тексте п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» следующее положение: для применения обеспечительных мер достаточно подтвердить разумные подозрения наличия оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 90 АПК РФ;

2) считать отсутствие информации о составе имущества лица, контролирующего должника, не безусловным основанием для отказа в принятии обеспечительных мер. Суд имеет достаточно полномочий для принятия обеспечительных мер, установив общую стоимость имущества, подлежащего аресту. При этом конкретный состав «замороженного» имущества, его наличие и стоимость могут быть уточнены в порядке исполнительного производства. Перечень имущества, подлежащего аресту, в дальнейшем определит судебный пристав-исполнитель;

3) при решении вопроса о принятии обеспечительных мер по делам о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, принимать во внимание установленную п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве презумпцию вины ответчика в банкротстве должника и невозможности полного погашения требований кредиторов. При этом опровержение доказательственной презумпции о виновном поведении предполагаемых нарушителей прав должника лежит на самих контролирующих лицах, которые для этого вправе пользоваться всеми средствами доказывания, предусмотренными АПК РФ.

Библиографический список

1.Агентство по страхованию вкладов: ликвидация банков. – URL: https://www.asv.org.ru/liquidation/ (дата обращения: 14.07.2019)

2. *Волкова М. А.* Процессуальные особенности претензионного порядка урегулирования споров: теория и практика / М. А. Волкова, К. А. Краснова // Адвокатская практика. – 2018. – № 3. – С. 35–41.

3. *Гутников О. В.* Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа / О. В. Гутников // Право. – 2018. – № 1. – С. 45–77.

4. *Исаева Е. А.* Развитие инновационных методов предотвращения банкротства кредитных организаций в России / Е. А. Исаева, Ю. А. Шарамок // Науковедение. – 2016. – Т. 8, № 5. – С. 27.

5. Прекращение деятельности кредитных организаций : информ.-аналит. материал за 2018 г. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/72231/pub_2018.pdf (дата обращения 14.07.2019).

6. *Сюбарева И. Ф.* Тенденция сокращения кредитных организаций: защита прав вкладчиков, правовые проблемы банковского надзора и юридическая ответственность Банка России / И. Ф. Сюбарева // Банковское право. – 2017. – № 5. – С. 46–52.

7. *Шибанова Т. Б.* Субсидиарная ответственность контролирующего лица как дополнительный фактор риска в деятельности сельскохозяйственных организаций / Т. Б. Шибанова, А. С. Васильева // Известия Международной академии аграрного образования. – 2018. – № 39. – С. 175–177.

8. *Яровой Д. О.* Субсидиарная ответственность как инструмент совершенствования корпоративного управления / Д. О. Яровой // Управленческие науки в современном мире. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 513–517.

9. *Burova I. L.* Actual Problems of Application of the Legislation of the Russian Federation on Vicarious Liability of Persons Controlling a Credit Organization / I. L. Burova, P. V. Zhesterov // Economic and Social Development. – Moscow : Russian Social State University, 2018. – P. 685–690.

References

1. Deposit Insurance Agency: Banks' liquidation. URL: https://www.asv.org.ru/liquidation/ (date of the application: 14.07.2019).

2. *Volkova M. A., Krasnova K. A.* Procedural Features of a Claim Order of Settlement of Disputes: Theory and Practice. *Advokatskaya Praktika.* 2018. No. 3. P. 35–41.

3. *Gutnikov O. V.* Subsidiary Responsibility in the Legislation on Legal Entities: Issues of Legal Regulation and Legal Nature. *Pravo.* 2018. No. 1. P. 45–77.

4. *Isaeva E. A., Sharamok Yu. A.* The Development of Innovative Methods to Prevent Bankruptcy of Credit Institutions in Russia. *Naukovedenie.* 2016. Vol. 8. No. 5. P. 27.

5. Termination of activity of credit institutions: Information and analytical material for 2018. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/72231/pub_2018.pdf (date of the application: 14.07.2019).

6. *Syubareva I. F.* The Tendency to Reduce Credit Institutions: Protection of Depositors' Rights, Legal Problems of Banking Supervision and Legal Responsibility of the Bank of Russia. *Bankovskoe Pravo.* 2017. No. 5. P. 46–52.

7. *Shibanova T. B., Vasil'eva A. S.* Subsidiary Responsibility of the Controlling Entity as an Additional Risk Factor in the Activities of Agricultural Organizations. *Izvestiya Mezhdunarodnoj Akademii Agrarnogo Obrazovaniya.* 2018. No. 39. P. 175–177.

8. *Yarovoj D. O.* Subsidiary Responsibility as an Instrument for Improving Corporate Governance. *Upravlencheskie Nauki v Sovremennom Mire.* Vol. 1. No. 1. P. 513–517.

9. *Burova I. L., Zhesterov P. V.* Application of the Legislation of the Russian Federation on Vicarious Liability of Persons Controlling a Credit Organization. *Economic and Social Development.* Moscow, Russian Social State University, 2018. P. 685–690.

Библиографическое описание статьи

Жестеров П. В. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих кредитную организацию: актуальные вопросы / П. В. Жестеров // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 59–63.

УДК 347.44

Захаров Дмитрий Евгеньевич,
доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета кандидат юридических наук
E-mail: zakhaROVZDE@mail.ru

Zakharov Dmitrij E.,
Assistant Professor of Civil Law Department of Ural State Law University PhD (Law)

СОСТАВ ПРАВОНАРУШЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

The Offense as a Basis of Civil Liability for Non-performance or Improper Performance of a Contractual Obligation

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать основание гражданско-правовой ответственности за нарушение договора. Автор делает вывод об отсутствии теоретического обоснования исключения отдельных элементов состава правонарушения в качестве основания ответственности за нарушение договора.

Ключевые слова: условие ответственности; противоправность; нарушение договора; неисполнение; ненадлежащее исполнение обязательства; состав правонарушения; гражданско-правовая ответственность.

Abstract. The article attempts to analyze the basis of civil liability for breach of contract. The author notes that there is no theoretical justification for the exclusion of certain elements of the offense as a basis for liability for breach of contract.

Key words: the condition of responsibility; wrongfulness; breach of contract; non-performance; improper performance of obligations; the offense; civil liability.

Ответственность за нарушение договорного обязательства не может возникнуть для правонарушителя сама по себе. Для того чтобы возложить эту ответственность на него, необходимо наличие условий, совокупность которых дает основание применить к правонарушителю меры гражданско-правовой ответственности. К спорным вопросам теории права относится самоопределение основания гражданско-правовой ответственности. Понятие «основание» следует рассматривать, с одной стороны, как основание чего, а с другой – как то, за что лицо может нести ответственность [6, с. 71–72]. Отечественная правовая наука уделяет особое внимание основаниям гражданско-правовой ответственности ввиду их теоретической значимости и важного прикладного значения для правоприменительной практики. В юридической литературе отсутствует единство мнений относительно определения основания гражданско-правовой ответственности. Неоднозначность вопроса об основании ответственности в гражданском праве обусловливает повышенное внимание к данной проблеме.

Согласно точке зрения Г. К. Матвеева основанием гражданско-правовой ответственности выступают состав и все элементы гражданского правонарушения [4, с. 5]. Отдельные ученые в качестве основания ответственности признают совокупность объективных и субъективных признаков, необходимых для квалификации совершенного деяния правонарушением, а лица виновным в его совершении [3, с. 13]. По мнению других авторов, к основаниям юридической ответственности следует относить фактическое, материальное, процессуальное, психологическое и духовное основание [8, с. 52].

Применительно к тематике рассматриваемого вопроса небезынтересной представляется позиция М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, которые считают, что единственным и общим основанием гражданско-правовой ответственности является нарушение субъективных гражданских прав [1, с. 569]. Их поддерживает В. А. Хохлов, полагающий, что правонарушение составляет основание ответственности, и ее возникновение не требует каких-либо условий [9, с. 7]. В правовой литературе отстаивается позиция, согласно которой основанием гражданско-правовой ответственности выступает исключительно нарушение субъективного гражданского права, и конструкция «состав гражданского правонарушения» является ненужным цивилистическим понятием [10, с. 79]. Оригинальную идею выдвигает С. А. Параскевова, признающая «состав гражданского правонарушения» категорией, характеризующей не гражданское правонарушение, а гражданско-правовой конфликт, при этом правонарушение образует лишь один из его элементов [5, с. 17].

Вряд ли можно согласиться с вышеприведенными взглядами авторов, поскольку исключительно состав гражданского правонарушения выступает юридической конструкцией, служащей основанием гражданско-правовой ответственности[1]. При вступлении в договорные отношения его участ-

© Захаров Д. Е., 2019

[1] Несмотря на то обстоятельство, что категория «состав гражданского правонарушения» является научным термином, и судебные органы апеллируют к понятиям «вина», «причинно-следственная связь», «убытки», в судебных актах встречается прямое указание на состав. Так, в постановлении ФАС Уральского округа от 26 июля 2013 г. № Ф09-6966/13 по делу А60-42103/2012 сказано: «…для взыскания убытков необходимо наличие состава правонарушения».

ники заинтересованы в надлежащем исполнении обязанностей, иначе говоря, в правомерном поведении другой стороны. Гражданско-правовая ответственность выступает результатом неправомерности поведения одной из сторон договорного отношения, и привлечение к мерам ответственности без учета всех элементов состава гражданского правонарушения не может считаться обоснованным. Порочное несоблюдение установленных законом и договором обязанностей или их «дефектное» исполнение влекут отрицательную динамику регулятивного правоотношения и выступают сигналом юридической необходимости установления неразрывной генетической связи ответственности между правонарушителем и пострадавшим. Нарушение договора есть поведение одного или двоих участников договора, которое не соответствует или отклоняется от норм закона и (или) положений заключенного договора, внешне выражающееся в неподобающем поведении, соответственно, его следует отнести к недозволенным юридическим действиям (бездействию), образующим основу состава правонарушения.

Нарушение договора означает отсутствие надлежащего исполнения обязанностей, что в свою очередь нарушает субъективные права кредитора. Однако не каждое нарушение субъективного гражданского права влечет за собой применение мер гражданско-правовой ответственности, и отсутствие одного из необходимых и достаточных элементов состава правонарушения не вызовет тех последствий, которые должны наступить при наличии полного содержания состава гражданского правонарушения. Следует иметь в виду, что именно правонарушение выступает отправной точкой гражданско-правовой ответственности и само по себе нарушение права, а именно, действие (передача товара ненадлежащего качества) или бездействие (неисполнение обязанности по оплате вещи) являются первопричиной гражданско-правовой ответственности за нарушение договора. Именно неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности должника перед кредитором выступает юридическим фактом, влекущим возникновение охранительного правоотношения, в рамках которого ответственность находит свое воплощение. Состав гражданского правонарушения выполняет двоякую функцию, с одной стороны, аккумулирует необходимые условия (убытки, причинную связь, противоправность, вину), а с другой – позволяет рассматривать противоправное поведение должника при неисполнении или ненадлежащем исполнении им обязанностей в качестве единого акта, образующим юридико-фактическое основание гражданско-правовой ответственности за нарушение договора.

Состав гражданского правонарушения выступает теоретической универсальной конструкцией, подобием образца совокупности фактических и юридических элементов, определенной законом (скорректированной сторонами договора, например, в случае устранения вины как обязательного элемента состава), и лишь соответствие этой модели обстоятельств конкретного нарушения договора позволяет в действительности вести речь о возникновении и привлечении к гражданско-правовой ответственности. Именно состав правонарушения выступает связующим звеном между юридической (статически-нормативной) и юридико-фактической (динамической) ответственностью.

По мнению В. В. Витрянского, противоправность рассматривается как обязательный признак поведения правонарушителя [1, с. 571–572]. М. С. Синявская полагает, что применительно к ответственности за нарушение договора возможно отказаться от использования понятия «противоправность» [7, с. 133]. Представляется, что нарушение субъективного гражданского права для признания его правонарушением должно обладать качеством противоправности. Как было верно отмечено П. А. Варулом, «если противоправность характеризует качество определенного поведения, является свойством поведения против права, то правонарушение – это само поведение» [2, с. 51]. Для ответственности необходимо не просто нарушение субъективного гражданского права, а противоправное поведение должника. Важно отметить, что не каждое нарушение субъективного гражданского права характеризуется противоправностью и влечет гражданско-правовую ответственность.

Признание в качестве единственного основания ответственности нарушение одним лицом прав другого лица лишает ответственность квалификации в качестве ответной социальной реакции на виновное, противоправное и повлекшее неблагоприятные последствия поведение деликтоспособного субъекта. Привлечение к гражданско-правовой ответственности допустимо в случае наличия условий, предусмотренных законом и (или) договором. Категория «состав гражданского правонарушения» есть гносеологический продукт, включающий в себя теоретико-абстрактные объекты. Взятые сами по себе, вне связи друг с другом и конкретной ситуацией, элементы состава правонарушения не имеют значения правовой «аргументации» гражданско-правовой ответственности. Основанием гражданско-правовой ответственности за нарушение договора является совершение одним из его участников деяния, содержащего все признаки состава гражданского правонарушения. С учетом вышеизложенного можно констатировать, что «основание возложения гражданско-правовой ответственности» – понятие собирательное, состоящее из нескольких компонентов (нормативное, правосубъектное, юридическое, фактическое), полная совокупность которых и позволяет говорить о юридической возможности подвергнуть правонарушителя ответственности. К условиям же гражданско-правовой ответственности следует отнести элементы, характеризующие правонарушение. Традиционно к ним относятся: наличие убытков, причинно-следственная связь, противоправность, вина.

Гражданско-правовая ответственность как разновидность юридической ответственности основывается на законе, а ее наступление и реализация предопределяются ее нормативностью. Одним из оснований гражданско-правовой ответственности выступает ее **нормативность**, означающая, что ее существование как правового явления определено нормами права. Применительно к нарушению договора такое основание следует именовать нормативно-договорным ввиду особого значения самого договора при возникновении ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Договор – прежде всего основание возникновения обязанностей, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых ведет к привлечению должника к ответственности, но соглашение может выступать и в качестве акта, регламентирующего отношения сторон договора в случае его нарушения при наличии в нем соответствующих положений. Заключение договора лишь субстантивирует договорное регулирование отношений ответственности, нарушение обязательства приводит к юридическому раскрытию потенциала договора как средства индивидуального правового регулирования отношений между пострадавшим и правонарушителем. Являясь самостоятельным основанием возникновения регулятивного правоотношения, заключенный договор, при условии наличия в нем соответствующих установлений, выступает организационным звеном в становлении охранительного правоотношения, возникшего в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства. Кроме того, диспозитивность как отличительная черта метода гражданско-правового регулирования общественных отношений нашла отражение не только в возможности установления сторонами в договоре конкретных мер гражданско-правовой ответственности за его нарушение, но и дает возможность сторонам определять условия и размер ответственности.

Другим основанием договорной ответственности выступает **правосубъектное** основание, означающее наличие деликтоспособности у лица, привлекаемого к ответственности. Значение данного основания заключается в необходимости осознания субъектом и опосредованности его действий (бездействия), приводящих к правонарушению. Не отрицая значения правосубъектности как основания возложения гражданско-правовой ответственности за нарушение договора, видится обоснованным расширить границы этого основания в том смысле, что его содержание не должно исчерпываться исключительно деликтоспособностью лица, а также должно включать в себя и сделкоспособность лица.

Иным необходимым компонентом возложения ответственности за нарушение договора выступает **юридико-фактическое основание**, которое позволяет квалифицировать акт поведения участника договорных отношений как вредоносный, виновный и противоправный.

Состав гражданского правонарушения как юридико-фактическое основание, наряду с нормативным и правосубъектным основанием, выступает элементом триединого основания гражданско-правовой ответственности. Возложение гражданско-правовой ответственности обусловлено наполнением юридического состава содержанием. Иными словами, претерпевание правонарушителем конкретных мер ответственности вызвано последовательным объединением в составе правонарушения всех требуемых законом или установленных договором составных элементов (вина, убытки, причинная связь, противоправность). Конструкция состава гражданского правонарушения имеет свои особенности, отличающие его от схожих теоретических построений в иных отраслях российского права, что в конечном итоге и обусловливает не только специфику самих оснований и условий гражданско-правовой ответственности, но и оказывает влияние на порядок, меры и размер возлагаемой ответственности.

Библиографический список

1. *Брагинский М. И.* Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 1998. – 682 с.

2. *Варул П. А.* Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности / П. А. Варул. – Таллин : Ээсти раамат, 1986. – 152 с.

3. *Лиховидов К. С.* Актуальные проблемы теории юридической ответственности / К. С. Лиховидов // Юрист. – 2002. – № 3. – С. 10–15.

4. *Матвеев Г. К.* Основания гражданско-правовой ответственности / Г. К. Матвеев. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 312 с.

5. *Параскевова С. А.* Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения: теоретические проблемы : специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра юрид. наук / Параскевова Светлана Андреевна ; Российская академия правосудия. – Москва, 2006. – 55 с. – Место защиты: Рос. акад. правосудия.

References

1. *Braginskij M. I., Vitryanskij V. V.* Contract Law. General Provisions. Moscow, Statut, 1998. 682 p.

2. *Varul P. A.* Methodological Problems of the Study of Civil Liability. Tallin, E'e'sti Raamat, 1986. 152 p.

3. *Likhovidov K. S.* Actual Problems of the Theory of Legal Liability. *Yurist*. 2002. No. 3. P. 10–15.

4. *Matveev G. K.* Grounds for Civil Liability. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1970. 312 p.

5. *Paraskevova S. A.* The Concept and Social Essence of a Civil Offense: Theoretical Problems. Moscow, 2006. 55 p.

6. *Samoshhenko I. S., Farukshin M. Kh.* Soviet Liability. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1971. 240 p.

7. *Sinyavskaya M. S.* Breach of Contractual Obligation and Its Legal Consequences: Main Trends in the Light of Comparative Legal Analysis. Moscow, 2007. 200 p.

8. *Sorokin V. V., Kutyavina M. N.* Grounds for Legal Liability: New Approaches. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2018. No. 9. P. 51–57.

6. *Самощенко И. С.* Ответственность по советскому законодательству / И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 240 с.

7. *Синявская М. С.* Нарушение договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа : специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Синявская Мария Сергеевна ; Российская академия правосудия. – Москва, 2007. – 200 с.

8. *Сорокин В. В.* Основания юридической ответственности: новые подходы / В. В. Сорокин, М. Н. Кутявина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9. – С. 51–57.

9. *Хохлов В. А.* Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора : специальность 12.00.03 «Гражданское право, семейное право, гражданский процесс, международное частное право» : дис. на соискание учен. степ. д-ра юрид. наук / Хохлов Вадим Аркадьевич ; Самарская государственная экономическая академия. – Самара, 1998. – 349 с.

10. *Чиндяскин Н. А.* О месте понятия «состав гражданского правонарушения» в теории гражданского права / Н. А. Чиндяскин // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 4. – С. 76–79.

9. *Khokhlov V. A.* Civil Liability for Breach of Contract. Samara, 1999. 349 p.

10. *Chindyaskin N. A.* On the Place of the Concept of «Composition of a Civil Offense» in the Theory of Civil Law. *Problemy' v Rossijskom Zakonodatel'stve*. 2012. No. 4. P. 76–79.

Библиографическое описание статьи

Захаров Д. Е. Состав правонарушения как основание гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства / Д. Е. Захаров // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 64–67.

УДК 343.98

Комаров Игорь Михайлович,
профессор кафедры криминалистики
МГУ им. М. В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор
E-mail: mgu.ikomariv@mail.ru

Komarov Igor' M.,
Professor of Criminalistics Department
of MSU named after M. V. Lomonosov
Doctor of Law, Professor

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Legal and Organizational Bases of Criminalistic Prevention of Crimes Committed by Convicted Persons to Imprisonment

Аннотация. Автор исследует правовые проблемы обеспечения предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы, в связи с чем проводит анализ полномочий органов дознания в системе ФСИН России; обосновывает и дает определение понятия компетенции ФСИН России как органа дознания; раскрывает его полномочия относительно предупредительно-профилактической деятельности, а также аргументирует основные положения криминалистических организационных основ обеспечения предотвращения преступлений среди осужденных.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическое предотвращение преступлений; правовые основы предотвращения преступлений; организационно-криминалистические основы предотвращения преступлений.

Abstract. In the article the author considers the legal problems of ensuring the prevention of crimes committed by convicts to imprisonment, in this regard, the analysis of the powers of the bodies of inquiry in the system of the Federal penitentiary service of the Russian Federation, substantiates and defines the concept of the competence of the Federal penitentiary service as a body of inquiry, reveals its powers regarding preventive activities related to the Commission of crimes by convicts, also substantiates the basic provisions of the criminalistics organizational bases for the prevention of crimes by convicts.

Key words: criminalistics; the criminalistics prevention of crimes; the legal framework for the prevention of crimes; organizational and forensic basics of crime prevention.

Правовая основа предупреждения преступлений в Российской Федерации имеет сложную структуру, поскольку состоит из норм различных отраслей права. Общий анализ содержания этой структуры в аспекте исследуемой темы свидетельствует о том, что его составляют Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство, отдельные положения федеральных законов, регулирующих правоотношения в области предупреждения преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, ведомственные нормативные акты ФСИН России. В этой связи нужно обязательно назвать и международные правовые акты, к которым присоединилась Россия и которые связаны, пусть даже косвенно, с предупреждением преступлений [14, с. 366].

Очевидно, что приведенный перечень источников по понятным причинам нельзя признать исчерпывающим. Вместе с тем он в достаточной мере характеризует представление о правовых основах предупреждения преступлений способами и средствами криминалистики. Этот перечень включает основополагающие нормы, содержит исходные принципы реализации мер, способствующих предупреждению преступлений, нормы, регламентирующие деятельность должностных лиц и правоохранительных органов в указанной сфере и т. п. Правовое регулирование предупредительной деятельности становится объектом воздействия для реализующих его субъектов лишь с позиции уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики. Вследствие этого соответствующими видами законодательства не охватывается и не может охватываться весь широкий комплекс предупредительных мер. Все это можно компенсировать иными правовыми источниками. Однако это положение нисколько не умаляет роли перечисленных правовых источников предупреждения преступлений.

Правовое регулирование предупреждения преступлений посредством уголовного права реализуется на основе системы деяний, запрещенных под угрозой уголовной ответственности. Нормы этой отрасли права регламентируют порядок и условия назначения (освобождения) наказания, правовой режим для осужденных и т. п.

Фактически задача предупреждения преступлений, закрепленная в ч. 1 ст. 2 УК РФ, представляет собой двуединую задачу предупреждения совершения преступлений: 1) гражданами под воздействием угрозы наказания и 2) новых преступлений гражданами, уже совершившими какие-либо преступления, что достигается преимущественно применением к ним уголовного наказания [10, с. 25].

Однако ведущая роль в предупреждении преступлений принадлежит УПК РФ. Он нормативно ставит задачи предупредительной деятельности

© Комаров И. М., 2019

должностных лиц и правоохранительных органов, в связи с чем формулирует их задачи посредством определения назначения уголовного судопроизводства. Данная норма отражает задачу раскрытия преступлений при соблюдении прав всех участников уголовного судопроизводства, что обеспечивает неотвратимость наказания, а это, безусловно, влияет на предупреждение преступлений, так как предупреждение преступлений связано не столько с жесткостью наказания, сколько с неотвратимостью наказания.

Мы намеренно не подвергаем глубокому анализу содержание положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, связанных с их функцией общего предупреждения преступлений, так как это непосредственно не связано с предметом настоящего исследования.

Однако в связи с тем же предметом более детальной проработки требуют специальные положения отдельных федеральных законов, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, а также ведомственных нормативных актов ФСИН России, регламентирующих предупреждение преступлений лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Обратимся в первую очередь к Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В соответствии с его положениями прокуратура в лице уполномоченных сотрудников осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными службами (ФСИН России. – *И. К.*) их должностными лицами в местах принудительного содержания, а также содействует лицам, находящимся в местах принудительного содержания (ст. 26). Это означает, что в пределах ведения прокуратуры находятся все структуры ФСИН России, ее полномочия достаточно широки и охватывают своим содержанием весь спектр, отражающий порядок содержания осужденных в местах лишения свободы, в том числе связанный с предупреждением рецидивной преступности. Анализ положений данного Федерального закона свидетельствует о значении полномочий прокурора в этой области.

Совершенно очевидно, что прокурор, осуществляющий функции надзора за учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, является субъектом, в обязанности которого входит предупреждение преступлений в указанных структурах ФСИН России.

Однако прокурор не единственный субъект, определенный правовыми основами, на которого законодательно возложена эта функция уголовного судопроизводства, реализуемая посредством криминалистических способов и средств. Таковыми являются следователи и дознаватели. При этом если правовые основы деятельности следователя четко определены действующим уголовно-процессуальным законодательством, то правовой статус дознавателя в системе органов ФСИН России и правовые основы его деятельности требуют уточнения.

В п. 7 ст. 5 УПК РФ определено, что «дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом». Очевидно «ограниченное» процессуальное положение дознавателя, которое зависит от органа дознания. Определение этого процессуального понятия приводится в п. 24 ст. 5 УПК РФ.

В соответствии с УПК РФ обязанности органа дознания определены в качестве полномочий осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия.

Дознание в соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РФ представляет собой форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому предварительное следствие не обязательно. Приведенная норма свидетельствует о связи с другой формой расследования – предварительным следствием, но никак не связана с оперативно-розыскной деятельностью.

Вместе с тем, если приводить толкование процессуального определения понятия «орган дознания», то совершенно очевидно, что под понятием «другие процессуальные полномочия» можно подразумевать: возбуждение уголовного дела по преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно; производство по таким делам неотложных следственных действий; проведение розыскных и оперативно-розыскных действий по установлению лица, совершившего преступление; исполнение поручений прокурора, следователя, дознавателя о проведении оперативно-розыскных мероприятий; производство отдельных следственных действий; исполнение постановлений о задержании, а также производство иных процессуальных действий.

Государственные органы и должностные лица, которые в соответствии со ст. 40 УПК РФ относятся к органу дознания, призваны решать конкретные задачи в разнообразных сферах государственной правоохранительной деятельности.

Для органов ФСИН России главной задачей являются контроль и надзор в сфере исполнения уголовного наказания в отношении осужденных. Однако в ст. 40 УПК РФ ФСИН России непосредственно не названа, но она подразумевается в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ в собирательном понятии «иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности».

В связи с бланкетным характером данной нормы обратимся к положениям ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где право проведения оперативно-розыскной деятельности предоставлено и ФСИН России.

Оценивая приведенные законоположение, следует согласиться с мнением Б. Т. Безлепкина о том, что включение органов власти в число органов до-

знания только по признаку обладания ими полномочиями на проведение оперативно-розыскной деятельности является, во-первых, излишне упрощенным, поскольку уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность являются совершенно разными, хотя и тесно связанными сферами государственной деятельности, а во-вторых, наличие в УПК РФ отсылочных норм к иным нормативным правовым актам вряд ли можно признать положительным явлением [1, с. 62].

Представляется, что ст. 40 УПК РФ должна содержать исчерпывающий перечень государственных органов и должностных лиц, относящихся к органам дознания.

Проведенный анализ данного спектра правовых основ деятельности ФСИН России свидетельствует о том, что эта структура наделена функциями оперативно-розыскной деятельности и является органом дознания в смысле государственного учреждения и относящихся к нему должностных лиц, «уполномоченных законодателем осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, отнесенную к их компетенции» [6, с. 6].

В соответствии с задачами оперативно-розыскной деятельности оперативные подразделения ФСИН России призваны предупреждать преступления среди осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Каковы правовые основы данного вида деятельности? Очевидно, что она реализуется в условиях уголовно-процессуальной деятельности, которая, впрочем, не является основной в деятельности службы исполнения наказаний.

В связи с этим ФСИН России рассматривается в качестве органа дознания в ситуациях, когда реализуется процессуальная деятельность в сфере уголовного судопроизводства, а ее должностные лица действуют в соответствии со своей компетенцией в формах, определенных УПК РФ.

Нам достаточно хорошо известна научная дискуссия относительно понятия компетенции органов дознания [18, с. 9–12; 6, с. 14], однако предмет настоящей статьи мало связан с данной проблемой. На этом основании мы ее не рассматриваем, однако анализ содержания данной дискуссии и наши взгляды на вопрос позволяют нам дать определение понятия компетенции ФСИН России как органа дознания в системе органов дознания, определенных отечественным уголовно-процессуальным законодательством.

Компетенция ФСИН России как органа дознания представляет собой *установленные федеральным законодательством и иными нормативными правовыми актами пределы уголовно-процессуальной деятельности, которые характеризуются процессуальными полномочиями, определенной подследственностью уголовных дел и юрисдикцией указанной службы в отношении определенных субъектов и в пределах уголовного судопроизводства.*

Полномочия в этом контексте рассматриваются нами как существенный признак компетенции по причине того, что последнее понятие содержательно шире. Полномочия органа дознания – всего лишь часть его компетенции, которую также нельзя смешивать с подследственностью, как это делает, например, А. А. Чувилев [4, с. 9–14]. Однако подследственность, безусловно, определяет пределы компетенции органа дознания, но эти же пределы могут устанавливаться и совокупностью процессуальных полномочий участника уголовного судопроизводства со стороны дознания.

Уголовно-процессуальная компетенция ФСИН России как органа дознания определена рядом норм, закрепленных в гл. 32 и 53 УПК РФ, а также выражена в п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 2 ст. 40, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 148, ст. 157 УПК РФ, что является правовой основой его деятельности.

Вместе с тем ФСИН России представляет собой сложный структурный государственный орган, в связи с чем возникает вопрос: кто в нем наделен статусом органа дознания и обладают ли этим статусом оперативные подразделения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы?

Этот вопрос связан с некоторым разночтением норм действующего уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которыми ст. 40 УПК РФ (общие положения) фактически определяет ФСИН России в качестве органа дознания, а п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ (досудебное производство) регламентирует, что производство неотложных следственных действий производят начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов, иными лицами.

Разрешение проблемы требует анализа содержания уголовно-исполнительной системы, которая определена Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и УИК РФ.

Согласно указанному закону в уголовно-исполнительную систему входят учреждения, исполняющие наказания; территориальные органы уголовно-исполнительной системы и федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные в области исполнения наказания. При этом УИК РФ определяет семь видов учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, среди которых только два вида (ч. 9, 10 ст. 16 УИК РФ) подпадают под действие п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, так как имеют в своей структуре оперативные подразделения, наделенные правом оперативно-розыскной деятельности.

Буквальное толкование приведенной нормы УПК РФ уполномочивает не орган исполнительной власти (ФСИН России), а начальников этих учреждений и органов производить неотложные следственные действия как органы дознания. В этом и заключается формальное, с нашей точки зрения, малосущественное для правоприменительной практики противоречие норм процессуального закона. Вместе с тем системный анализ

рассмотренных процессуальных норм, в первую очередь ч. 2 ст. 40, ст. 145, гл. 53 УПК РФ, свидетельствует о том, что полномочия органа дознания закреплены именно за ФСИН России. При этом не следует делать различия между понятиями «орган дознания» и «начальник органа дознания». Начальник любого учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, действуя в качестве начальника органа дознания, делегирует полномочия органа дознания подчиненным сотрудникам, как правило, оперативных подразделений для реализации полномочий, определенных п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Это делегирование реализуется письменным распоряжением (обычно приказом по учреждению, органу, реже резолюцией на рапорте), что является процессуальным моментом приобретения конкретным сотрудником органа дознания статуса дознавателя.

В соответствии с изложенным можно сделать важные промежуточные выводы о том, что основным и непосредственным субъектом предупреждения преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, реализующих исполнение наказания в виде лишения свободы, является орган дознания в лице начальника соответствующего учреждения и органа. Реализация им данной предупредительной функции осуществляется на основе производства дознавателем предварительного расследования в форме дознания по преступлениям осужденных, предупредительными мероприятиями, основанными на результатах оперативно-розыскной деятельности подразделений органа дознания, а также мероприятиями воспитательного и иного превентивного характера, предусмотренными ведомственными нормативными актами, как для начальника учреждения и органа в рамках его соответствующих должностных обязанностей, так и должностных обязанностей как органа дознания.

Наряду с правовым обеспечением криминалистического предупреждения преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы ответственных за порядок содержания осужденных к лишению свободы, важное значение имеет и организация данного вида деятельности. На основании того, что оперативно-розыскная и следственная деятельность являются доминирующими в процессе выявления и предупреждения обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию преступлений, наиболее существенное значение приобретает система организации и планирования указанных видов деятельности. На это обстоятельство обращал внимание В. Ф. Зудин в 90-е гг. XX столетия, когда говорил о том, что криминалистическое предупреждение преступлений есть научно управляемая, специальная деятельность специальных субъектов, а на этом основании ее следует рассматривать как «организационно урегулированную систему, которая выступает в единстве теории и практики» [9, с. 78]. Это утверждение актуально и в настоящее время.

Попытаемся разобраться, что собой представляет деятельность по организации предупреждения преступлений криминалистическими способами и средствами в системе органов ФСИН России.

Понятие «организация» связано с социальной деятельностью человека, о чем свидетельствует и этимологический смысл этого слова – устраиваю. Вместе с тем есть и иные толкования значения данного термина: совокупность процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого; объединение людей, реализующих определенную программу; внутренняя упорядоченность, согласованность и пр. (см., например, работы Л. П. Буевой, М. С. Кагана, В. Е. Кемерова, А. Н. Леонтьева, В. Н. Сагановского, Э. Т. Юдина и др.)

Понятие «организация», в том числе и на основе его словарного толкования, исследователями первоначально в большей степени связывалось с производственной деятельностью, а поэтому рассматривалось преимущественно экономистами и специалистами в области теории управления. В частности, данный вопрос исследовался в работах: Ф. И. Бинштока, Б. П. Боголепова, В. М. Глушкова, Г. М. Доброва, С. В. Емельянова, М. В. Зарепина, В. Р. Крупенченко, А. С. Петрова, Ю. В. Руднева, Ю. В. Субоцкого, В. И. Терещенко и др.

Одним из первых глубокий анализ проблемы на основе сущности организации и управления провел Г. А. Туманов, который пришел к выводу, что организация – это деятельность по созданию структурной упорядоченности объекта [19, с. 38–45], т. е. в социальной деятельности организация «представляет собой процесс создания структуры этой деятельности» [7, с. 6].

Однако такой вывод был поддержан криминалистами не сразу, да и еще не всеми. Так, В. И. Громов связывал криминалистику с методикой организационного построения всего процесса расследования [3, с. 11]; М. П. Шаламов и А. Н. Васильев считали ее наукой об организации планового расследования [12, с. 250, 253; 21, с. 31]; Л. А. Соя-Серко видел эту функцию в качестве научной организации труда следователя [17, с. 8–9]; А. В. Дулов связывал организацию расследования с целеполаганием [5, с. 48–49].

Однако исследуя проблемы организации расследования, криминалисты преимущественно отражали эти вопросы относительно различных элементов структуры криминалистики [15, с. 59; 16, с. 42–43], не обращая внимания на их сущностное содержание.

Нельзя обойти вниманием и интересные работы методологической направленности Р. С. Белкина [2, с. 376], В. Е. Коноваловой [11, с. 56–58], С. И. Цветкова [20, с. 9–10], Н. П. Яблокова [13, с. 116] и многих других замечательных криминалистов.

Однако системный анализ научных взглядов на данную проблему первым провел В. Д. Зеленский, далее он их системно развил [7; 8]. На наш взгляд, определение понятия организации расследования преступлений, данное этим ученым, является объективным, отражающим важнейшие научно-прикладные аспекты этого вида социальной деятель-

ности. Организация расследования – это его упорядочение путем выявления основных элементов структуры, построения умственной модели предстоящей деятельности, создание условий для ее качественного производства и руководства расследованием [8, с. 52].

С учетом данного понятия и в соответствии с ранее сформированными определениями предупреждения преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы можно определить организационные основы предупредительной деятельности органов дознания указанных структур как упорядоченную систему *научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций, основанных на познании закономерностей собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений осужденными в местах лишения свободы, структурированную в соответствии с целями устранения указанных обстоятельств, предупреждения готовящихся и пресечения начавшихся преступлений на основе практической реализации модели предстоящей деятельности посредством применения криминалистических способов и средств и руководства данной деятельностью.*

В организационных основах предупреждения преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы криминалистическая модель понимается в качестве идеальной образной модели, образованной мышлением субъекта, который реализует данную правоохранительную функцию посредством оперативно-розыскной или следственной деятельности.

Структурно реализацию данной модели в практике расследования преступлений, совершенных осужденными в местах лишения свободы, можно выразить следующим алгоритмом: на основе исходной информации первоначального этапа расследования определить и дать соответствующую оценку следственной и оперативно-розыскной ситуации профилактического характера; согласно ситуациям определить соответствующие версии об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления; на основе данных ситуаций и выдвинутых версий, цели предупредительной деятельности определить задачи, подлежащие решению; спланировать данную деятельность в соответствии с оптимальными криминалистическими способами и средствами.

На практике указанная модель реализуется посредством последующей оценки данных об изменении ситуаций профилактического характера, что способствует обновлению соответствующих новых задач расследования (оперативной деятельности) до момента достижения конечной криминалистической цели – установления обстоятельств, способствующих совершению преступлений и созданию необходимых условий их предупреждения (устранения, локализации).

Библиографический список

1. *Безлепкин Б. Т.* Уголовный процесс России : учеб. пособие / Б. Т. Безлепкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : КноРус, 2006. – 487 с. – ISBN 5-85971-260-X.

2. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2 / Р. С. Белкин. – Москва : Юристъ, 1997. – 464 с. – ISBN 5-7357-0200-9.

3. *Громов В. У.* Методика расследования преступлений : руководство для органов милиции и уголовного розыска / Вл. Громов. – Москва : НКВД СССР, 1929. – 136 с.

4. Дознание в органах внутренних дел : учеб. пособие / под ред. А. А. Чувилева. – Москва : МВШМ МВД СССР, 1986. – 148 с.

5. *Дулов А. В.* Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.

6. *Есина А. С.* Дознание в органах внутренних дел : учеб. пособие / А. С. Есина, Е. Н. Арестова. – Москва : Щит-М, 2003. – 78 с. – ISBN 5-93004-144-X.

7. *Зеленский В. Д.* Организационные функции субъектов расследования преступлений : монография / В. Д. Зеленский. – Краснодар : Куб. гос. ун-т, 2005. – 192 с. – ISBN 5-94672-151-8.

8. *Зеленский В. Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений : монография / В. Д. Зеленский. – Краснодар : КубГАУ, 2011. – 156 с. – ISBN 978-5-94672-441-8.

9. *Зудин В. Ф.* Криминалистическая профилактика преступлений: концепция, принципы, средства реализации : учеб. пособие / В. Ф. Зудин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 128 с. – ISBN 5-7455-0856-6.

References

1. *Bezlepkin T. B.* Criminal Procedure of Russia. 3th ed., rev. and enl. Moscow, KnoRus, 2006. 487 p. ISBN 5-85971-260-X.

2. *Belkin R. S.* Criminalistics Course. In 3 vol. Vol. 2. Moscow, Yurist" 1997. 464 p. ISBN 5-7357-0200-9.

3. *Gromov V. U.* Methods of Investigation of Crimes. Moscow, NKVD SSSR, 1929. 136 p.

4. The Inquiry in Internal Affairs Agencies. Ed. by A. A. Chuvilev. Moscow, MVShM MVD SSSR, 1986. 148 p.

5. *Dulov A. V.* Tactical Operations in the Investigation of Crimes. Minsk, Izdatel'stvo BGU, 1979. 128 p.

6. *Esina A. S., Arestova E. N.* Inquiry in the Internal Affairs Bodies. Moscow, Shhit-M, 2003. 78 p. ISBN 5-93004-144-X.

7. *Zelenskij V. D.* Organizational Functions of Subjects of Investigation of Crimes. Krasnodar, Kubanskij Gosudarstvenny'j Universitet, 2005. 192 p. ISBN 5-94672-151-8.

8. *Zelenskij V. D.* Theoretical Questions of the Organization of Investigation of Crimes. Krasnodar, KubGAU, 2011. 156 p. ISBN 978-5-94672-441-8.

9. *Zudin V. F.* Crime Prevention: the Concept, the Principles, the Means of Implementation. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo Universiteta, 1995. 128 p. ISBN 5-7455-0856-6.

10. The Comment to the Criminal Code of the Russian Federation. Ed. by A. V. Naumov. Moscow, Yurist", 1996. 824 p. ISBN 5-7357-0074-X.

11. *Konovalova V. E.* The Organization and Psychological Bases of Activity of the Investigator. Kyev, s. n., 1973. 123 p.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. В. Наумов. – Москва : Юристъ, 1996. – 824 с. – ISBN 5-7357-0074-X.

11. *Коновалова В. Е.* Организация и психологические основы деятельности следователя / В. Е. Коновалова. – Киев : [б. и.], 1973. – 123 с.

12. Криминалистика : учебник / отв. ред. А. Н. Васильев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 564 с.

13. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Н. П. Яблоков. – Москва : БЕК, 1995. – 708 с. – ISBN 5-85639-046-6.

14. Криминология : учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – Москва : Инфра-М-НОРМА, 1997. – 779 с. – ISBN 5-89123-088-7, 5-86225-435-8.

15. *Ларин А. М.* Расследование по уголовному делу: планирование, организация / А. М. Ларин. – Москва : Юрид. лит, 1970. – 223 с.

16. *Мирский Д. Я.* Некоторые вопросы методики расследования отдельных видов преступлений в свете ленинского принципа неотвратимости наказания / Д. Я. Мирский // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – С. 38–45.

17. *Михайлов А. И.* Научная организация труда следователя / А. И. Михайлов, Л. А. Соя-Серко, А. Б. Соловьев. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 168 с.

18. Производство неотложных следственных действий оперативными аппаратами ФСИН России : учеб. пособие для вузов / О. П. Александрова, А. Т. Валеева, А. М. Лютынский, М. В. Молдавский. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 248 с. – ISBN 978-5-93295-662-5.

19. *Туманов Г. А.* Организация как функция государственного управления / Г. А. Туманов // Советское государство и право. – 1986. – № 1. – С. 38–45.

20. *Цветков С. И.* Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук : специальность 12.00.09 «Криминалистика» / Цветков Сергей Иванович ; Академия МВД СССР. – Москва, 1977. – 16 с.

21. *Шаламов М. П.* Некоторые проблемы советской криминалистики / М. П. Шаламов. – Москва : [б. и.], 1965. – 61 с.

12. Criminalistics. Ed. by A. N. Vasiliev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1971. 564 p.

13. Criminalistics. Ed. by N. P. Yablokov. Moscow, BEK, 1995. 708 p. ISBN 5-85639-046-6.

14. Criminology. Ed. by A. I. Dolgova. Moscow, Infra-M-NORMA, 1997. 779 p. ISBN 5-89123-088-7, 5-86225-435-8.

15. *Larin A. M.* Investigation of the Criminal Case: Planning, Organization. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1970. 223 p.

16. *Mirskij D. Ya.* Some Questions of Investigation of Separate Types of Crimes in the Light of Lenin's Principle of Inevitability of Punishment. *Lenin's Principle of Inevitability of Punishment and Tasks of the Soviet Criminalistics*. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Sverdlovskogo Yuridicheskogo Instituta, 1972. P. 38–45.

17. *Mikhajlov A. I., Soya-Serko L. A., Solov'ev A. B.* Scientific Organization of Labor of the Investigator. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1974. 168 p.

18. *Aleksandrova O. P., Valeev A. T., Lyuty'nskij A. M., Moldavskij M. V.* Production of Urgent Investigative Actions with the Operational Apparatus of the FPS of Russia. Moscow, Yurlitinform, 2010. 248 p. ISBN 978-5-93295-662-5.

19. *Tumanov G. A.* Organization as a Function of Public Administration. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*. 1986. No. 1. P. 38–45.

20. *Czvetkov S. I.* Status and Prospects of the Use of Management Science Data in Criminalistics. Moscow, 1977. 16 p.

21. *Shalamov M. P.* Some Problems of Soviet Criminology. Moscow, s. n., 1965. 61 p.

Библиографическое описание статьи

Комаров И. М. Правовые и организационные криминалистические основы обеспечения предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы / И. М. Комаров // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 68–73.

УДК 343.352:343.98

Кудрявцев Алексей Вадимович,
заместитель директора Владимирского филиала РАНХиГС, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности ВЮИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ доктор юридических наук, доцент
E-mail: Kudriavcev.ru@mail.ru

Kudryavcev Aleksej V.,
Deputy Director of the Vladimir Branch of the RANEPA, Professor of Crime Detection Department of VLI of the FPS of Russia, Professor of Criminal Law Studies Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU Doctor of Law, Associate Professor

Зуйкова Наталья Владимировна,
заместитель директора по правовым вопросам муниципального казенного учреждения г. Владимира «Центр управления городскими дорогами»
E-mail: Natazujko@mail.ru

Zujkova Natal'ya V.,
Deputy Director for Legal Affairs of the Municipal Public Institution of Vladimir «Center for the Management of City Roads»

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Certain Aspects of the Operational-search Characteristics of Corruption Crimes of Local Government Officials

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты оперативно-розыскной характеристики коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления. Анализируется влияние указанной характеристики на деятельность оперативных подразделений по выявлению, предупреждению и раскрытию данных преступлений, а также некоторые характеристики субъекта совершения должностных преступлений в органах местного самоуправления. Делается вывод о необходимости использования содействия лиц оперативным подразделениям в качестве специалистов при проверке первичной информации о коррупционных преступлениях.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика; коррупционные преступления; органы местного самоуправления; оперативно-розыскная деятельность; должностное лицо.

Abstract. The article discusses certain aspects of the operational-search characteristics of corruption crimes of officials of local authorities. The influence of this characteristic on the activities of operational units to identify, prevent and disclose these crimes is analyzed. Some characteristics of the subject of commission of official crimes in local government are considered. It is concluded that it is necessary to use the assistance of individuals to operational units as specialists in checking primary information about corruption crimes.

Key words: operational-search characteristic; corruption crimes; local government official; operational-search activity; official.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определил границы муниципальных полномочий, в соответствии с которыми органы местного самоуправления самостоятельно формируют собственную бюджетную политику и внутреннюю организационную структуру. Однако ряд правовых норм, регламентирующих компетенции органов местного самоуправления, сформулированы таким образом, что это позволяет им самостоятельно формировать структуру местной власти, реализовывать широкий спектр собственных инициатив, находящихся в их компетенции. Это обстоятельство способствует тому, что в сфере реализации полномочий органов местного самоуправления образуется система условий, влияющих на возможность совершения преступлений коррупционной направленности.

Данному виду преступлений, их эффективному выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию соответствующие правоохранительные органы должны уделять повышенное внимание. В связи с этим важное значение как в научном, так и практическом плане приобретает оперативно-розыскная характеристика коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами органов местного самоуправления.

Не вдаваясь в подробный анализ теоретических подходов к содержанию оперативно-розыскной характеристики преступлений, сошлемся на позицию В. Д. Ларичева, согласно которой к основным элементам оперативно-розыскной характеристики преступлений следует отнести: способ совершения преступлений; признаки преступлений, характеризующие установленные способы;

© Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В., 2019

типичный перечень документов, наиболее часто подделываемых, исправляемых, незаконно выдаваемых и т. д.; перечень предметов, оборудования, механизмов, на которых имеются следы преступления; перечень лиц, осведомленных о противоправных действиях преступника, способных указать на лиц, осведомленных о них, находящихся в близких связях с подозреваемым в совершении преступления, сведения о лицах, наиболее часто выступающих в качестве лжесвидетелей, и др.; перечень лиц, возможно причастных к преступлению, данные о них, их должностном положении, взаимоотношениях между членами преступной группы, а также с другими лицами; другие данные, характеризующие противоправные деяния [5, с. 185]. При этом верным также является вывод о целесообразности включения в содержание оперативно-розыскной характеристики только таких сведений, использование которых будет способствовать эффективному применению разведывательно-поисковых сил, средств и методов оперативных аппаратов в борьбе с преступностью [Там же].

О значимости противодействия коррупции в органах местного самоуправления свидетельствуют экспертные оценки. Так, председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, оценивая степень пораженности коррупцией органов власти, включил сотрудников органов местного самоуправления в тройку самых коррумпированных профессий в стране, при этом поставив данную профессию на второе место после сотрудников правоохранительных органов [3].

Характеризуя современное состояние преступности анализируемого вида, можно выделить наиболее распространенные среди муниципальных служащих преступления коррупционной направленности, к которым следует отнести: получение взятки должностным лицом местного самоуправления (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ).

С учетом специфики совершения данных преступлений значительную сложность представляет процесс их выявления, раскрытия и расследования, а также документирования фактов преступной деятельности.

При этом необходимо учитывать, что информация о готовящихся, совершаемых или совершенных коррупционных преступлениях, совершаемых в органах местного самоуправления, чаще всего, как свидетельствуют данные органов предварительного расследования, поступает от подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (в более чем 70 % случаев). В целях своевременного выявления преступлений данной категории и последующей проверки первичной информации существенный интерес представляет характеристика субъекта совершения преступлений данного вида.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что чаще всего субъектами совершения коррупционных преступлений в органах местного самоуправления являются главы органов местного самоуправления, депутаты муниципальных образований, должностные лица, относящиеся к руководству муниципального образования (главы местных администраций, их заместители, руководители структурных подразделений администраций), нижестоящие руководители (заместители руководителей отделов, комитетов, секторов и т. д.).

Как отмечает А. В. Воробьёв, любой служащий муниципального органа, учреждения, в подчинении у которого находятся другие сотрудники, который руководит их деятельностью, направляет и организует их работу, может являться должностным лицом в связи с наличием у него организационно-распорядительных обязанностей. В отличие от публичных должностных лиц, деятельность этих сотрудников ограничена рамками того органа, учреждения или его структурного подразделения, где они занимают соответствующие должности [4, с. 75].

Основными характеристиками личности преступников, совершающих коррупционные преступления в органах местного самоуправления согласно результатам анализа эмпирических данных и научных источников являются следующие: данные преступления совершаются, как правило, лицами мужского пола в возрасте 30–50 лет, имеющими высшее образование, не привлекавшимися ранее к уголовной ответственности, не испытывающими материальных затруднений.

Следует отметить, что знание сотрудниками оперативных подразделений правоохранительных органов потенциальных субъектов совершения коррупционных преступлений в органах местного самоуправления, а также их общие характеристики позволит более эффективно выявлять и раскрывать данные преступления. На это указали 67 % опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел[1].

Существенное значение имеет круг полномочий, которые реализуют те или иные категории муниципальных служащих, что делает возможным совершение ими коррупционных преступлений.

Так, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» наделяет органы местного самоуправления такими потенциально опасными с точки зрения возможного совершения коррупционных преступлений полномочиями по решению вопросов местного значения, как:

– утверждение и исполнение бюджета, осуществление контроля за его исполнением, утверждение отчета об исполнении бюджета;

– установление, изменение и отмена местных налогов и сборов;

[1] В рамках исследования нами были опрошены 42 сотрудника оперативных подразделений органов внутренних дел Владимирской, Ивановской, Нижегородской областей.

– владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности;

– утверждение генеральных планов муниципального образования, правил землепользования и застройки, схем территориального планирования, выдача разрешений на строительство, ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства, утверждение местных нормативов градостроительного проектирования, резервирование и изъятие земельных участков в границах муниципального образования для муниципальных нужд (ст. 14).

Как справедливо отмечают некоторые исследователи, эти полномочия наиболее уязвимы с точки зрения коррупции, поскольку закон предоставляет должностным лицам полную свободу действий для реализации собственной инициативы по любому вопросу, который входит в сферу их компетенции. Только они вправе решать тот или иной вопрос местного значения, возникающий по инициативе гражданина, в одностороннем порядке [6, с. 35].

Именно процесс принятия решений в рамках указанных полномочий требует контроля со стороны оперативных сотрудников в целях получения оперативной информации о подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлениях коррупционной направленности. Получаемая информация оперативного характера позволит выбрать в последующем соответствующую форму реагирования: оперативно-розыскная профилактика, документирование фактов преступной деятельности в процессе выявления и раскрытия данных деяний.

Еще одним полномочием, в рамках которого могут реализовываться коррупционные проявления со стороны должностных лиц органов местного самоуправления, выступает нормотворческая деятельность.

Так, на муниципальном уровне могут приниматься нормативные правовые акты, касающиеся таких вопросов, как: передача в аренду объектов собственности муниципального образования, строительство тех или иных объектов на территории муниципального образования, выделение и изъятие земельных участков и т. п.

Издание в пределах своих полномочий правовых актов, подписание и обнародование нормативных правовых актов, принятых представительным органом муниципального образования, – данные полномочия главы органа местного самоуправления закреплены в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Следует отметить, что совершение рассматриваемых преступлений сопряжено с действиями, направленными на сокрытие следов преступлений, приданием противоправным деяниям формы легитимных действий. Выявление данных преступлений также требует изучения документации по широкому спектру вопросов, а следовательно, требует привлечения специалистов, обладающих соответствующими познаниями.

На этапе выявления первичной информации или проверки уже имеющейся возникает необходимость в получении, как правило, негласном соответствующих образцов документов для последующего изучения. Основным способом получения данных образцов является использование содействия граждан оперативным подразделениям из числа сотрудников органа местного самоуправления. На это указали 72 % опрошенных нами в рамках исследования оперативных сотрудников органов внутренних дел.

В этой связи справедливым представляется мнение В. М. Антонова и В. П. Кувалдина о том, что «самым надежным средством, обеспечивающим осведомленность оперативных подразделений о деятельности преступных структур, является информация, поступающая от лиц, осуществляющих конфиденциальное содействие. Все стремления оперативного состава должны быть направлены прежде всего на совершенствование и развитие этого института, выявление при его использовании всех преступных формирований и изобличение в начальный период их деятельности» [2, с. 28].

Ф. Г. Аминев, по нашему мнению, справедливо указывает на важность привлечения специалиста при осмотре документов экономического характера. Специальные экономические знания требуются для наиболее быстрого и рационального поиска необходимых документов среди финансовых, бухгалтерских документов. Кроме того, специалист в данной области поможет в более точном описании изымаемых объектов [1, с. 71]. Это крайне важно, так как при совершении коррупционных преступлений должностные лица муниципальных органов, скрывая следы своей преступной деятельности и оказывая таким образом противодействие правоохранительным органам, вносят изменения в содержание документов, меняют предписанные им места хранения и т. д. В связи с этим перед оперативными сотрудниками стоит сложная задача выявить совершение данных действий. В качестве лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям в указанных ситуациях, могут выступить представители экспертно-криминалистических служб, специалисты в области экономики, финансов, делопроизводства, землепользования, ЖКХ, проведения электронных торгов и т. д.

Следует отметить, что оперативные сотрудники не всегда уделяют должное внимание использованию возможностей специалистов при проверке первичной информации о коррупционных преступлениях должностных лиц органов местного самоуправления, что негативно влияет на качество выявления и раскрытия данных преступлений. На это указали 39 % опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что деятельность оперативных сотрудников по выявлению и проверке первичной информации о подготавли-

ваемых, совершаемых и совершенных преступлениях коррупционной направленности в муниципальных органах сопряжена с рядом особенностей. В значительной степени они обусловлены следующими элементами оперативно-розыскной характеристики: специфика субъектов совершения данных деяний, круг их полномочий и личностные характеристики. Существенное значение имеет и проверка первичной информации о преступлениях с привлечением специалистов в различных областях. В рамках настоящей статьи мы рассмотрели лишь некоторые особенности оперативно-розыскной характеристики данной категории преступлений, в целом же она требует дальнейшего глубокого изучения в целях выработки путей повышения ее эффективности.

Библиографический список

1. *Аминев Ф. Г.* Теория и практика использования специальных знаний в расследовании преступлений : монография / Ф. Г. Аминев. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. – 166 с. – ISBN 978-5-7477-3810-2.

2. *Антонов В. М.* Противодействие организованных преступных групп и меры по его нейтрализации / В. М. Антонов, В. П. Кувалдин. – Москва : МИ МВД России, 1997. – 36 с.

3. Бастрыкин назвал самые коррумпированные профессии. – URL: https://www.km.ru/v-rossii/2017/12/08/sledstvennyi-komitet-rossii/815737-bastrykin-nazval-samye-korrumpirovannye-profe (дата обращения: 01.08.2019).

4. *Воробьёв А. В.* Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Воробьёв Александр Владимирович ; Балтийский федеральный университет им И. Канта. – Калининград, 2016. – 282 с.

5. *Ларичев В. Д.* Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики / В. Д. Ларичев // Общество и право. – 2013. – № 2(44). – С. 179–187.

6. *Сергеев А. Л.* Криминалистические основы первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершаемых в сфере деятельности органов местного самоуправления : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятель-ность» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Сергеев Артём Леонидович ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2016. – 234 с.

References

1. *Aminev F. G.* Theory and Practice of Using Special Knowledge in the Investigation of Crimes. Ufa, RIC of BashGU, 2015. 166 p. ISBN 978-5-7477-3810-2.

2. *Antonov V. M., Kuvaldin V. P.* Counteraction to Organized Criminal Groups and Measures to Neutralize It. Moscow, MI MVD Rossii, 1997. 36 p.

3. Bastrykin called the most corrupt profession. URL: https://www.km.ru/v-rossii/2017/12/08/sledstvennyi-komitet-rossii/815737-bastrykin-nazval-samye-korrumpirovannye-profe (date of the application: 10.08.2019).

4. *Vorobyov A. V.* Criminal Legal Measures to Combat Corruption Crimes against the Interests of the Service in Local Authorities. Kaliningrad, 2016. 282 p.

5. *Larichev V. D.* The Content of the Operational-search Characteristics of Crimes in the Field of Economics. *Obshhestvo i Pravo.* 2013. No. 2(44). P. 179–187.

6. *Sergeev A. L.* Forensic Principles of the Initial Stage of the Investigation of Official Crimes Committed in the Field of Activity of Local Authorities. Ufa, 2016. 234 p.

Библиографическое описание статьи

Кудрявцев А. В. Отдельные аспекты оперативно-розыскной характеристики коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления / А. В. Кудрявцев, Н. В. Зуйкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 74–77.

УДК 343.98

Курысев Константин Николаевич,
доцент кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий ВЮИ ФСИН России кандидат технических наук, доцент
E-mail: kkn124@bk.ru

Kury'sev Konstantin N.,
Assistant Professor of Public Law and Management of Customs Activities of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Assistant Professor of Special Equipment and Information Technology of VLI of the FPS of Russia PhD (Technology), Associate Professor

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ ПО ПРОВЕДЕНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Problems of the Creation of an Expert System for the Administration and Execution of Operational Search Activities

Аннотация. В статье анализируются правовые аспекты разработки экспертной системы, помогающей сотрудникам оперативных подразделений правоохранительных органов в подготовке, проведении и оформлении оперативно-розыскных мероприятий. Рассмотрены возможные предложения и проблемы создания; предложен вариант их решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; документальное оформление; экспертная система; эксперт.

Abstract. The article deals with the legal aspects of the development of an expert system that helps employees of operational units of law enforcement in preparation, conduct and design of operational investigative measures. The possible suggestions and problems of creating are examined. The variant of their solution is offered.

Key words: operational search activities; documentation; expert system; expert.

В Российской Федерации с 1995 г. действует Федеральный закон от 12 августа № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Появление данного акта стало большим шагом в деле нормативного обеспечения оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) у нас в стране. Однако практика Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что еще остается много проблем при осуществлении ОРД, особенно при соблюдении конституционных прав человека и гражданина, о чем свидетельствуют определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2010 г. № 844-О-О, от 21 октября 2008 г. № 862-О-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О, от 5 июня 1997 г. № 72-О, от 16 ноября 2006 г. № 454-О, от 17 июля 2007 г. № 597-О-О, от 13 октября 2009 г. № 1148-О-О и др.

Проведенный анализ показывает, что большинство имеющихся проблем обусловлено следующими обстоятельствами:

– неправильное получение решений судов на проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ);

– неверная трактовка того, что следует понимать под жилым и служебным помещением;

– проведение оперативной негласной аудио- и видеозаписи, в частности с помощью специальных технических средств, в общем случае;

– неправильное документальное оформление результатов ОРМ при использовании их в качестве доказательств;

– неправильное документальное оформление процедуры задержания преступников с поличным в момент совершения преступления и пр.

Данный перечень можно было бы продолжить, однако следует заметить, что большинство ответов на поставленные вопросы следует искать в ведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих проведение отдельных ОРМ каждого субъекта ОРД.

Многообразие и большой объем ведомственных инструкций, а также недостаточная их доступность для сотрудников низового звена и приводят к тому, что сотрудники оперативных подразделений совершают ошибки в ходе проведения и оформления ОРМ.

Одним из вариантов решения рассмотренных выше проблем может стать разработка или экспертной системы, или в качестве варианта справочной правовой системы «АРМ ОРМ», доступной для всех сотрудников оперативных подразделений различных министерств и ведомств или реализованной в рамках отдельных правоохранительных органов.

В самом простом варианте данная система может содержать перечень типовых ситуаций, которые могут возникнуть при оформлении и проведении каждого из ОРМ, образцов документов, составляемых перед проведением ОРМ, образцов документов, оформляемых в ходе и после проведения ОРМ.

Более расширенный вариант может быть построен на базе экспертной системы, которая позволит осуществлять самообучение путем добав-

© Курысев К. Н., 2019

ления новых ситуаций, новых вариантов документального оформления, бланков документов и, возможно, новых ОРМ.

Конечно, замена грамотного оперативного работника на экспертную систему в полном объеме невозможна. Тем не менее в последнее время возраст оперативного работника все молодеет, а опыт все уменьшается, поэтому грамотная подсказка даже начинающему сотруднику будет гораздо полезнее, чем вред от «разваленного» уголовного дела при неправильном оформлении ОРМ.

Уже сегодня и учеными, и практиками признано, что системы искусственного интеллекта достигают наилучших результатов, функционируя совместно с человеком. Ведь только человек, в отличие от искусственного интеллекта (на современной стадии их развития), умеет мыслить нестандартно и творчески, что позволяет ему развиваться и идти вперед на протяжении всей истории [1]. Особенно это касается такой области, как ОРД с ее порой неопределенными формами и методами проведения ОРМ.

В качестве примера приведем несколько существующих систем, близких по функциональному назначению.

RUBRIC – экспертная система помогает пользователю получить доступ к базам данных, содержащих неформатированные тексты. Например, когда пользователь называет какую-нибудь тему, RUBRIC автоматически разыскивает все документы, содержащие тексты, связанные с этой темой. В системе RUBRIC взаимоотношения между темами, подтемами и фразами, содержащими ключевые слова, выражены в виде правил. Правила также определяют другие варианты терминов, выражений и способов написания одной и той же темы или понятия. Пользователь может сформулировать запрос в виде правила, задающего критерий поиска, например эвристический вес, определяющий, насколько сильно образец правила указывает на наличие темы правила. В ходе поиска RUBRIC предоставляет пользователю документы, которые лежат в кластере, содержащем, по крайней мере, один документ с весом выше заданного пользователем порога. Это предотвращает ситуацию, в которой произвольно выбранный порог мог бы разделить близкие по рангу документы. Система реализована на языке FRANZ LISP, разработана компанией Advanced Information & Decision Systems и доведена до уровня исследовательского прототипа [2].

Малая экспертная система 2.0 представляет собой простую экспертную систему, использующую байесовскую систему логического вывода. Она предназначена для проведения консультации с пользователем в какой-либо прикладной области (на которую настроена загруженная база знаний) с целью определения вероятностей возможных исходов и использует для этого оценку правдоподобности некоторых предпосылок, получаемую от пользователя. Для создания новой или редактирования уже имеющейся базы знаний разработан собственный редактор, что весьма удобно для внесения новой информации в систему [Там же].

Данные примеры показывают, что создание консультативной экспертной системы для организации помощи сотрудникам оперативных подразделений возможно уже при существующих уровнях развития техники и программного обеспечения.

Однако, как и везде, здесь есть определенные трудности.

Во-первых, проблема формализации знаний экспертов, в роли которых должны выступать опытные сотрудники оперативных подразделений. Трудно создать даже временный коллектив, в состав которого войдут программисты со знанием особенностей ОРД, опытные оперативные работники.

Во-вторых, проблема извлечения знаний эксперта, поскольку нередко он принимает решения на интуитивном уровне, даже не объясняя себе, как он это делает.

В-третьих, субъективное восприятие ситуации экспертом. Он может считать свое решение правильным, а на самом деле это не так.

В-четвертых, даже правильную позицию эксперта программист может неправильно истолковать сам и, следовательно, неправильно внести в базу знаний.

В-пятых, проблема создания интуитивно понятого интерфейса пользователя. Можно разработать отличную систему, но с ней будет настолько тяжело и долго работать, что никто не захочет тратить время на получение консультации с такой экспертной системой.

В-шестых, необходимость соблюдения режима секретности.

В качестве варианта решения рассмотренных проблем можно предложить разработать такую экспертную систему на базе того института повышения квалификации, где сотрудники оперативных подразделений правоохранительных органов получают дополнительное профессиональное образование. Причем в качестве экспертов могут выступить как преподаватели, так и слушатели – практические работники, прибывшие на курсы повышения квалификации, а в качестве разработчиков – сотрудники подразделений технических средств обучения данного института, с привлечением сотрудников технических подразделений правоохранительных органов, которые самостоятельно, что называется на земле, уже создают некоторые аналоги подобной системы.

В результате работы предлагаемой системы сотрудники оперативных подразделений могут получить:

– справочную информацию о выборе конкретного ОРМ в зависимости от оперативной ситуации;

– шаблон (бланк) рапорта на проведение конкретного ОРМ;

– возможный перечень специальных технических средств (далее: СТС), которые могут быть эффективно использованы в ходе данного ОРМ;

– определение необходимости получения судебного решения на проведение ОРМ в зависимости от ситуации;

– бланк ходатайства перед судом о выдаче судебного решения на проведение ОРМ, ограничивающего конституционные права человека и гражданина;

– задание оперативно-техническому подразделению в случае его привлечения;

– пояснения по результатам работы оперативно-технического подразделения (например, разъяснения, как определяется местоположение сотового телефона при проведении ОРМ);

– шаблоны (бланки) на использование СТС и оформление результатов их применения;

– шаблоны (бланки) на задержание преступников с поличным или в ходе ОРМ;

– справочная информация об особенностях каждого ОРМ с особенностями их проведения;

– иные данные (в зависимости от особенностей правоохранительного органа и опыта экспертов, а также от поставленных перед системой задач).

Первоначальный вариант системы должен стать основой для ее развития и пополнения новыми знаниями в оперативном подразделении. Причем необходимо предусмотреть способ обобщения новой информации, а также распространения ее на все остальные подразделения. Данную задачу также может решить институт повышения квалификации, поскольку новая информация может весьма эффективно использоваться и при повышении квалификации сотрудников.

Такая система может быть реализована в открытом (несекретном) варианте, где будут представлены сведения общего характера, но тогда она будет ограничена по возможностям. В другом, секретном, варианте система будет наиболее полной по возможностям и предлагаемым документам и информации, и вестись она должна в оперативном подразделении с выполнением всех требований по защите секретной информации.

Готовая экспертная система оперативно-розыскного назначения позволит молодым (и не только) сотрудникам оперативных подразделений любого правоохранительного органа, осуществляющего ОРД, избежать многих ошибок при проведении ОРМ. Понятно, что разработка подобной системы связана с огромными трудностями, однако с чего-то нужно начинать и особенно в условиях, когда молодые кадры практически «живут» в мобильном телефоне, все шире используя возможности его как средства обработки информации.

Библиографический список

1. *Гладышев А. В.* Интеллект искусственный / А. В. Гладышев. – URL: www.russika.ru/ef.php?s=5292 (дата обращения: 15.07.2019).

2. Примеры экспертных систем // Портал искусственного интеллекта : [сайт]. – URL: http://www.aiportal.ru/articles/expert-systems/examples-expsys.html (дата обращения: 15.07.2019).

References

1. *Glady'shev A. V.* Artificial Intelligence. URL: www.russika.ru/ef.php?s=5292 (date of the application: 15.07.2019).

2. Examples of expert systems. *Artificial Intelligence Portal*. Website. URL: http://www.aiportal.ru/articles/expert-systems/examples-expsys.html (date of the application: 15.07.2019).

Библиографическое описание статьи

Курысев К. Н. Проблемы создания экспертной системы по проведению и оформлению оперативно-розыскных мероприятий / К. Н. Курысев // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 78–80.

УДК 070.16:347.51

Маркова Наталья Александровна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала РАНХиГС кандидат юридических наук
E-mail: natali.markov.2015@mail.ru

Markova Natal'ya A.,
Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of Vladimir Branch of RANEPA PhD (Law)

Курганова Алла Сергеевна,
доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала РАНХиГС, инспектор организационно-аналитического отдела УФСИН России по Владимирской области кандидат юридических наук
E-mail: kurganovaalla58@gmail.com

Kurganova Alla S.,
Assistant Professor of Contitutional and Municipal Law Department of Vladimir Branch of RANEPA, Inspector of Organizational and Analytical Department UFSIN of Russia on the Vladimir Region PhD (Law)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФЕЙКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Some Aspects of the Regulation of Legal Responsibility for the Dissemination of Fake Information on the Internet and Mass Media: Russian and Foreign Experience

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения фейковой информации в информационно-телекоммуникационных сетях и средствах массовой информации. Цель исследования заключается в анализе прогрессивности и эффективности принимаемых на законодательном уровне антифейковых мер в России и некоторых зарубежных странах. Авторы анализируют ряд проблем, связанных с практической реализацией установленных нормами права требований по защите от фейковой информации, и необходимостью выработки единой международной стратегии по борьбе со сфабрикованными новостями и дезинформацией.

Ключевые слова: фейковые новости; деанонимизация соцсетей; дезинформация; мессенджеры; интернет-сообщество; операторы связи; фейковые аккаунты; сфальсифицированные материалы; зарубежный опыт; правила интернет-регулирования; пользователи социальных сетей; верификация информации.

Abstract. The article deals with the problem of fake information dissemination in information and telecommunication networks and mass media. The aim of the study is to analyze the progressiveness and effectiveness of anti-fake measures taken at the legislative level in Russia and in some foreign countries. Also, a number of problems related to the practical implementation of the established legal requirements for protection from fake information and the need to develop a unified international strategy to combat fabricated news and misinformation.

Key words: fake news; deanonymization of social networks; misinformation; messengers; Internet community; telecommunication operators; fake accounts; falsified materials; foreign experience; rules of Internet regulation; users of social networks; verification of information.

Важной составляющей механизма правового регулирования на международном уровне является сотрудничество государств в области защиты от фейковой информации. Законы против фейковых новостей все больше и больше становятся мировым трендом, и их прогрессивность заключается прежде всего в том, что отсутствие ответственности за распространение ложной информации может повлечь серьезные последствия. К таковым, в частности, могут быть отнесены: реальная опасность жизни и здоровью граждан, массовые беспорядки, угроза государственной, общественной или экологической безопасности.

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных наказаниях» (далее: Закон № 27-ФЗ) установлена ответственность за размещение в информационно-телекоммуникационных сетях и средствах массовой информации заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений.

Теоретически понятием *«фейковые новости»* можно назвать любую информационную ложь, которая всеми возможными путями старается охватить максимально большое количество субъектов. Обязательными критериями в соответствии с Законом № 27-ФЗ являются: недостоверность, общественная значимость и распространение под видом достоверных материалов. Причем данные критерии должны быть в наличии одновременно, т. е. даже если новость лживая или без доказательств, но она не общественно значимая, то указанные нормы закона на нее не распространяются. При этом в законе отдельно оговаривается, что правонарушением является распространение заведомо ложных сведений, иными словами, должен быть доказан умысел. Следовательно, если

© Маркова Н. А., Курганова А. С., 2019

гражданин делает репост того, что ему показалось достоверным, это не будет являться нарушением, но если пользователь сознательно создает и публикует ложные сведения, то это будет содержать состав административного правонарушения. Таким образом, можно сделать вывод, что если в публикации есть то или иное утверждение, которое подкреплено доказательными аргументами, то признать его фейковым затруднительно.

В целях защиты государственных интересов в сети «Интернет» законодательно установлена возможность принятия мер по ограничению доступа к материалам, выражающим в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам России, Конституции Российской Федерации и органам власти. В данном случае интерес представляет зарубежный опыт. Так, с 2013 г. во Вьетнаме действуют жесткие правила интернет-регулирования. Они запрещают любые публикации, которые являются антиправительственными, наносят ущерб национальной безопасности, вызывают ненависть и конфликты или наносят ущерб престижу организаций и отдельных лиц. Правила также запрещают пользователям социальных сетей распространять фальшивую информацию. Недавно Вьетнам принял закон, который направлен на наложение новых юридических санкций на интернет-компании и ужесточение полицейской работы в отношении инакомыслия в Интернете. Платформам социальных сетей предписано удалять незаконный контент в течение трех часов с момента его обнаружения [3].

Важно отметить, что в России не применяется блокировка зарубежных доменов, так как это не воздействует непосредственно на производителей лживого и опасного контента. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости проведения в каждом конкретном случае экспертизы размещенных в сети «Интернет» материалов в целях защиты государственных, общественных и личных интересов.

В России также не установлен запрет на анонимные комментарии в социальных сетях и мессенджерах. В связи с этим представляет интерес Закон Республики Казахстан от 28 декабря 2017 г. № 128-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информации и коммуникаций», которым установлен запрет на анонимные комментарии в Интернете. Возможность оставить комментарий наступает только в случае прохождения каждым пользователем смс-идентификации или использования электронной цифровой подписи. Владельцы сайтов должны будут хранить данные пользователей все время, пока те обращаются к услугам сайта, а также три месяца после того, как пользователь расторгнет соглашение.

Власти Китая, в свою очередь, ввели общеобязательную идентификацию интернет-сообществами пользователей, пишущих комментарии в Интернете, путем привязки их паспортных данных к аккаунтам в целях повышения уровня научности и культуры среди комментариев, защиты интересов граждан, юридических лиц и других организаций, а также общественных интересов и государственной безопасности [5].

То есть можно с уверенностью говорить о назревшей необходимости, во-первых, введения санкций для веб-ресурсов за доступ к запрещенным сайтам, которые будут распространяться на все прокси- и VPN-сервисы, а также анонимные сети, во-вторых, отрегулирования деятельности сервисов обмена электронными сообщениями (мессенджеров).

Следует отметить, что ложные сведения могут иметь разную степень достоверности. Законом от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» полномочиями по определению указанной степени наделены Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители. Из этого следует, что органы прокуратуры должны определять данный показатель с учетом новостной повестки и характера событий, а также во взаимосвязи с возможными тяжкими последствиями. Процедура заключается в следующем: надзорные органы в случае обнаружения ложных сведений на информационном ресурсе обращаются в Роскомнадзор с требованием о принятии должных мер по ограничению или запрету доступа к данному ресурсу. По факту получения указанного требования Роскомнадзор обязан направить соответствующее обращение к руководству редакции интернет-издания. Цель указанного обращения заключается в незамедлительном добровольном удалении фальсифицированных данных с имеющегося ресурса. Вместе с тем, если собственник данного ресурса незамедлительно не удалил ложные сведения, Роскомнадзор уведомляет операторов связи. Суть данного требования заключается в обязательном и незамедлительном ограничении доступа к сетевому изданию. В случае, если собственник имеющегося ресурса удалил фейковые сведения, то в законодательстве предусмотрено требование о направлении соответствующего уведомления в органы контроля и надзора в сфере связи. После проведения проверки достоверности этого уведомления Роскомнадзор незамедлительно сообщает оператору связи о возобновлении доступа к информационному ресурсу. Следует отметить, что данным законом установлено положение, согласно которому в случае несогласия с решением надзорных органов соответствующий субъект, распространивший фейковые сведения, может оспорить решение в суде.

Законом № 27-ФЗ введены полномочия органов полиции по возбуждению подобных административных дел, наряду с Роскомнадзором. При этом предусматривается уведомление органов прокуратуры Российской Федерации обо всех случаях возбуждения дел в течение 24 ч. Размеры административных штрафов за фейковые новости, налагаемые на граждан, должностных и юридических лиц различаются в зависимости от тяжести последствий, которые наступили в результате распространения дезинформации. Предупрежде-

ние за такие нарушения вынесено быть не может, только – реальный штраф. Причем штраф должен быть вынесен не по факту нарушения, а после административного расследования с экспертизой, выяснением всех обстоятельств, проверками и допросами. На расследование отводится максимум месяц. Касательно материального аспекта, в КоАП РФ за повторное размещение запрещенных фальсифицированных материалов установлен максимальный размер административного штрафа на граждан – 300 000 руб.; на должностных лиц – 600 000 руб; на юридических лиц – 1 млн руб. (ст. 13.15).

Вместе с тем, например, по законодательству Германии социальные сети с более чем двумя миллионами пользователей обязаны удалять в течение суток недостоверный контент, направленный на разжигание ненависти, или подать жалобу в течение недели, иначе владельца портала могут оштрафовать на сумму до 56,9 млн долл. [10].

Согласно законодательству Франции запрещается размещать неточные или лживые утверждения и обвинения, которые имеют целью изменить подлинные результаты голосования за три месяца до проведения выборов. Политик или партия в этот период могут обратиться в суд и потребовать прекратить публиковать такую информацию. Социальные сети в случае размещения проплаченной политической рекламы должны давать ссылку на ее заказчика и публиковать заработанную сумму. Закон также наделяет Высший совет Франции по аудиовизуальным средствам правом блокировать на территории страны вещание иностранного телеканала или канала под влиянием иностранного государства, если тот целенаправленно занимается дезинформацией [11].

Законодательством Малайзии установлено наказание не только для авторов полностью или частично лживого контента, но и для тех, кто его репостит, причем нарушителя могут оштрафовать на 123 тыс. долл. или приговорить к заключению на срок до шести лет [7].

Власти Сингапура создали специальную комиссию, которая изучала влияние фейковых новостей на государство. Эксперты пришли к выводу, что страна является целью враждебных информационных компаний, которые могут подорвать ее социальное единство. Комиссия подготовила 22 рекомендации, где среди прочих была рекомендация разработать закон против фейковых новостей и совершенствовать навыки проверки информации у журналистов [14].

По закону, подписанному Президентом Кении, распространение фейковых новостей приравнено к преступлению. Нарушителям грозит штраф в размере 50 тыс. долл. или лишение свободы на срок до двух лет [12].

Катар принял закон о киберпреступлениях еще в 2014 г. Пользователя, который опубликует в сети «Интернет» «недостоверные новости, угрожающие безопасности страны и обществу», могут приговорить к трем годам тюрьмы или к штрафу в размере 137 тыс. долл. [13].

Интерес также представляет принятый в Египте закон, наделяющий власти страны правом блокировать аккаунты в социальных сетях и наказывать журналистов за распространение фейковых новостей. Согласно этому закону пользователи социальных сетей, у которых свыше 5 тыс. подписчиков, будут считаться отдельными средствами массовой информации, и могут быть подвергнуты преследованию за распространение ложных новостей или подстрекательство к нарушению законов. Закон запрещает создание новых сайтов без получения соответствующего разрешения от Верховного совета, который, в свою очередь, может блокировать действующие сайты или налагать штрафы на редакторов ресурсов. Согласно документу о киберпреступности сайт заблокируют, если он угрожает национальной безопасности или подрывает экономическое положение [1].

Власти еще нескольких стран, таких как Филиппины, Индия и Бразилия, также неоднократно обсуждали введение наказания за публикацию фейковых материалов. Так, в Бразилии было предложено 15 вариантов закона [15], причем отдельные проекты в качестве наказания предполагали реальные тюремные сроки. Однако в итоге ни в одной из названных стран закон так и не приняли.

Итак, принимая во внимание зарубежный опыт, возможна постановка вопроса об ужесточении в отечественном законодательстве санкции за повторное совершение лицом противоправного деяния путем размещения запрещенного фальсифицированного материала, повлекшего наступление тяжких последствий.

Важно отметить, что в соответствии с утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2018 г. № 1279 «Правилами идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» сервисами смогут пользоваться лишь те, на кого оформлен номер телефона. Ответственность за проверку информации о корректности номера будет лежать на администраторах мессенджера. Помимо этого, мобильные операторы буду хранить данные о том, в каких приложениях переписываются их клиенты. Целью в данном случае является необходимость оградить пользователей от контента, запрещенного законодательством Российской Федерации, так как фактически если идентифицировать пользователей по номеру мобильного телефона, то количество фейковых аккаунтов автоматически должно сократиться. Потенциально слабое место этой правовой нормы – угроза появления нелегального оборота зарубежных сим-карт. В то же время деанонимизация социальных сетей может заставить простых пользователей внимательно и ответственно подходить к верификации распространяемой информации. Однако реализовать деанонимизацию на практике технически сложно. Достаточно проблематично обеспечить связку сотового оператора, магазина приложений и устройства. В данном вопросе также интересен

зарубежный опыт. Так, правительство Папуа – Новой Гвинеи решило запретить Facebook на месяц с целью выявления фейковых аккаунтов и борьбы с распространением порнографии и агрессии, а также сбора информации для идентификации пользователей, которые скрываются за поддельными аккаунтами [6].

С учетом вышеизложенного в качестве негативного аспекта можно отметить, что осталась не решенной проблема, связанная с угрозой блокировки всего ресурса в ответ на игнорирование требований Роскомнадзора по причине того, что большинство социальных сетей и мессенджеров используют протокол HTTPS, не предусматривающий блокировку отдельных страниц. Это грозит большими финансовыми затратами, а также промедлением с воплощением в жизнь решения, так как за это время информация может широко распространиться и тогда блокировка потеряет смысл, и вообще встанет вопрос о целесообразности такого ответа.

Вместе с тем данные меры не всегда целесообразны и оправданы. Так, власти Ирана запретили доступ к Telegram и Instagram. Решение об их блокировке было принято по причине их неподконтрольности и в связи с превращением этого мессенджера в прибежище для деятельности международных террористических группировок, а также преступников [4]. В Кыргызстане в список экстремистских сайтов внесена социальная онлайн-платформа музыкальных треков и аудиозаписей SoundCloud в связи с якобы размещенными на ней запрещенными материалами [9]. В данном случае было введено ограничение на весь сайт, хотя достаточно было ввести ограничение только на аудиофайлы, так как сайт работает в качестве социальной сети.

В России не установлена ответственность пользователей за посещение запрещенных сайтов, исключением являются действия, повлекшие какие-либо последствия в виде приобретения товара или услуги на них. Пока же соблюдение требований закона должно контролироваться интернет-провайдерами. В связи с этим интерес представляет закон, подписанный президентом Египта, которым установлено, что за посещение ресурсов, угрожающих национальной безопасности или подрывающих экономическое положение страны, грозит штраф или тюремное заключение. Сумма штрафа предполагается до 20 тыс. египетских фунтов. Интернет-провайдеры должны будут следить за активностью пользователей и передавать информацию по требованию [8].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время все больше распространяется практика законодательных и функциональных ограничений деятельности информационно-телекоммуникационных сетей и средств массовой информации, причем в зарубежных странах одинаково актуальны правовые и неправовые меры борьбы с недостоверной информацией. Исследуемые законодательные акты направлены на то, чтобы усилить правомочия государства по контролю над деятельностью технологических компаний и повысить уровень подотчетности частных лиц в сфере распространения ложной новостной информации.

В целом требования российского законодательства нацелены на то, чтобы средства массовой информации, блоггеры и, самое главное, рядовые пользователи социальных сетей осознавали неизбежность административного наказания за распространение общественно опасных фейков, проявляли осторожность и критическое отношение к непроверенным сведениям и основательно задумывались, прежде чем их тиражировать. Вместе с тем целесообразно в качестве инструментов борьбы с распространением недостоверной информации применять как традиционные механизмы, такие как рассмотрение заявлений и удаление недостоверной информации, так и иные механизмы, например, создание информационного ресурса для проверки фактов и опровержений (фактчекинг), проведение программ повышения медиаграмотности, использование новых технологий (искусственный интеллект) для выявления недостоверной информации, изменение алгоритма формирования новостной ленты [2]. Касательно доказательств мотивов правонарушений, связанных с распространением фейковых новостей, повлекших за собой установленные законом негативные последствия, то следует рассматривать такие деяния по аналогии с призывом к терроризму, т. е. не важно, чем руководствовался человек, их публикующий, если есть сам факт нарушения, ответственность за него должна наступить в любом случае. Представляется также целесообразным детализировать и конкретизировать формулировку информации, которая попадает под категорию заведомо недостоверной общественно значимой и распространяемой под видом достоверных сообщений, с учетом мнений журналистов, представителей экспертного сообщества, деятелей искусства и других заинтересованных лиц.

Кроме того, крайне важно в рамках беспрецедентности и массовости проблем фальсификации информации, а также кризиса доверия аудитории к медиаресурсам выработать единую международную стратегию борьбы со сфабрикованными новостями и дезинформацией.

Библиографический список

1. В Египте приняли закон о блокировке аккаунтов в социальных сетях. – URL: https://www.interfax.ru/world/621447 (дата обращения: 30.05.2019).

2. Директор РАЭК принял участие в расширенном заседании на площадке Госдумы по обсуждению 2 законопроектов: о fake-news и об оскорблении сим-

References

1. In Egypt, adopted a law to block accounts in social networks. URL: https://www.interfax.ru/world/621447 (date of the application: 30.05.2019).

2. The Director of RAEC took part in an enlarged meeting at the State Duma site to discuss 2 draft laws: on fake-news and on insulting the symbols of state.

волов гос. власти. – URL: https://raec.ru/live/raec-news/10811/ (дата обращения: 30.05.2019).

3. Интернет-фильтрация во Вьетнаме. – URL: https://opennet.net/blog//update-threats-freedom-expression-online-vietnam (дата обращения: 30.05.2019).

4. Иранские власти заблокировали каналы протестующих. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/12/31_a_11592740.shtml (дата обращения: 30.05.2019).

5. Китай вводит обязательную идентификацию личности для написания комментариев в Интернете. – URL: https://tass.ru/obschestvo/4506826 (дата обращения: 30.05.2019).

6. Папуа – Новая Гвинея на месяц запретила Facebook для борьбы с фейковыми новостями. – URL: https://www.interfax.ru/world/614774 (дата обращения: 30.05.2019).

7. Правительство Малайзии предлагает наказывать тюрьмой за «фейковые новости». – URL: https://regnum.ru/news/society/2395977.html (дата обращения: 30.05.2019).

8. Президент Египта ратифицировал закон о наказаниях за посещение запрещенных сайтов. – URL: https://apnews.com/ Egypt president ratifies law imposing internet controls (дата обращения: 30.05.2019).

9. Список экстремистских материалов, запрещенных на территории Кыргызской Республики. – URL: http://minjust.gov.kg/ky/content/469 (дата обращения: 30.05.2019).

10. Штрафной удар: в Германии приняли закон об административной ответственности соцсетей за публикацию фейков. – URL: https://russian.rt.com/world/article/404675-feik-novosti-nenavist-socseti-germaniya (дата обращения: 30.05.2019).

11. Ce que contient la loi française contre les «fake news». – URL: https://www.france24.com/fr/20181121-loi-contre-fake-news-definitivement-adoptee-macron-election (дата обращения: 30.05.2019).

12. Kenya, Uganda and Tanzania in «anti-fake news campaign». – URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-44137769 (дата обращения: 30.05.2019).

13. Qatar: New cybercrimes law endangers freedom of expression. – URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/09/qatar-new-cybercrimes-law-endangers-freedom-expression (дата обращения: 30.05.2019).

14. Singapore set to tackle fake news with new law. – URL: https://asia.nikkei.com/Politics/Singapore-set-to-tackle-fake-news-with-new-law (дата обращения: 30.05.2019).

15. War on fake news: How some countries are fighting misinformation with the law. – URL: https://www.straitstimes.com/world/war-on-fake-news-how-some-countries-are-fighting-misinformation-with-the-law (дата обращения: 30.05.2019).

authorities. URL: https://raec.ru/live/raec-news/10811/ (date of the application: 30.05.2019).

3. Internet filtering in Vietnam. URL: https://opennet.net/blog//update-threats-freedom-expression-online-vietnam (date of the application: 30.05.2019).

4. Iranian authorities blocked channels of protesters. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/12/31_a_11592740.shtml (date of the application: 30.05.2019).

5. China introduces mandatory personal identification for writing comments on the Internet. URL: https://tass.ru/obschestvo/4506826 (date of the application: 30.05.2019).

6. Papua – New Guinea has banned Facebook for a month to fight fake news. URL: https://www.interfax.ru/world/614774 (date of the application: 30.05.2019).

7. Malaysian government proposes to punish prison for «fake news». URL: https://regnum.ru/news/society/2395977.html (date of the application: 30.05.2019).

8. Egyptian President ratifies the law on penalties for visiting prohibited sites. URL: https://apnews.com/Egypt-president-ratifies-law-imposing-internet-controls (date of the application: 30.05.2019).

9. List of extremist materials banned in the Kyrgyz Republic. URL: http://minjust.gov.kg/ky/content/469 (date of the application: 30.05.2019).

10. Penalty kick: Germany passed a law on the administrative responsibility of social networks for publishing fakes. URL: https://russian.rt.com/world/article/404675-feik-novosti-nenavist-socseti-germaniya (date of the application: 30.05.2019).

11. Ce que contient la loi française contre les «fake news». URL: https://www.france24.com/fr/20181121-loi-contre-fake-news-definitivement-adoptee-macron-election (date of the application: 30.05.2019).

12. Kenya, Uganda and Tanzania in «anti-fake news campaign». URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-44137769 (date of the application: 30.05.2019).

13. Qatar: New cybercrimes law endangers freedom of expression. URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/09/qatar-new-cybercrimes-law-endangers-freedom-expression (date of the application: 30.05.2019).

14. Singapore set to tackle fake news with new law. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/Singapore-set-to-tackle-fake-news-with-new-law (date of the application: 30.05.2019).

15. War on fake news: How some countries are fighting misinformation with the law. URL: https://www.straitstimes.com/world/war-on-fake-news-how-some-countries-are-fighting-misinformation-with-the-law (date of the application: 30.05.2019).

Библиографическое описание статьи

Маркова Н. А. Некоторые аспекты регулирования юридической ответственности за распространение фейковой информации в Интернете и средствах массовой информации: российский и зарубежный опыт / Н. А. Маркова, А. С. Курганова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 81–85.

УДК 342.9+343.57

Мишина Юлия Вячеславовна,
преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова
E-mail: ukkazluka@mail.ru

Mishina Yuliya V.,
Lecturer of Special Training Department of Orel Law Institute of the MIA of Russia named after V. V. Lukyanov

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ У ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Problems of Realization of Powers of Police Officers on Establishment of State of Intoxication at the Persons Committing Administrative Offences

Аннотация. В статье анализируются нормативные правовые акты, регламентирующие основания и порядок освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Исследуется судебная практика, связанная с отменой постановлений по делу об административных правонарушениях вследствие процессуальных нарушений, допущенных сотрудниками полиции при применении указанных мер. Рассматриваются причины таких нарушений. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: меры принуждения; полномочия полиции; состояние опьянения; наркотическое опьянение; медицинское освидетельствование.

Abstract. The article analyzes the legal normative acts regulating the bases and the order of survey on alcohol intoxication and the submission on medical examination on state of intoxication. The judicial practice connected with cancellation of resolutions on the case of administrative offenses owing to the procedural violations allowed by police officers at application of the specified measures is investigated. The reasons of such violations are examined. Specific measures for improving the current legislation are offered.

Key words: coercive measures; powers of police; state of intoxication; drug intoxication; medical examination.

Сотрудники полиции наделены широкими полномочиями по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Несмотря на то, что порядок и объем их реализации определен как Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (далее: КоАП РФ), так и ведомственными нормативными актами, а сама правоприменительная деятельность – часть повседневной, можно сказать, рутинной работы сотрудников, отдельные аспекты применения мер обеспечения производства вызывают вопросы при их практической реализации. Данное обстоятельство бывает обусловлено не только правовой неграмотностью отдельных сотрудников, но и нередко, как справедливо отмечает В. В. Журавлев, вызвано несовершенством правовых норм, регулирующих указанную сферу [2].

Так, действующее законодательство устанавливает возможность определения состояния алкогольного опьянения в рамках реализации одной из двух мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении: освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Первая мера применяется исключительно в отношении лиц, управляющих транспортными средствами. Вторая – в отношении всех категорий правонарушителей, имеющих признаки опьянения. По справедливому замечанию А. И. Смолякова, уже изначально «деятельность сотрудников полиции в отношении данной категории граждан в части составления процессуальных документов осложнена особенностью их состояния» [1], а установленное КоАП РФ разграничение освидетельствования на состояние опьянения на медицинское и обычное создает для них дополнительные трудности.

Так, правом проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения наделен достаточно узкий круг должностных лиц. В частности, в структуре органов внутренних дел указанные полномочия предоставлены сотрудникам Госавтоинспекции и участковым уполномоченным полиции. Однако если для первой категории механизм проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения (так называемого освидетельствования на месте) достаточно привычен и отработан, то участковые уполномоченные полиции по ряду причин указанное право фактически не реализуют. В одних случаях они ссылаются на отсутствие бланков установленного образца и несовместимость баз данных, позволяющих регистрировать и вести учет правонарушений, в других – на отсутствие необходимых для проведения освидетельствования технических средств. Это обусловлено тем, что проведение сотрудниками исследования в рамках освидетельствования на состояние алкогольного опьянения в соответствии с Правилами освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его

© Мишина Ю. В., 2019

результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 475 (далее: Правила освидетельствования лиц, управляющих транспортными средствами), законно только при применении поверенных технических средств измерения определенного типа, обеспечивающих запись результатов исследования на бумажном носителе. Сотрудники Госавтоинспекции обеспечены такими алкотестерами, а участковые уполномоченные полиции, как правило, нет. Более того, наличие алкотестера прямо не предусмотрено даже в участковом пункте полиции. В тех случаях, когда на обслуживаемом административном участке участковый уполномоченный полиции выявляет признаки опьянения у водителя, он вынужден направлять его на медицинское освидетельствование. Однако можно ли говорить о законности таких действий? В соответствии с ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ лицо, управляющее транспортным средством, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно находится в состоянии опьянения, подлежит освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения. Направление на медицинское освидетельствование без проведения освидетельствования «на месте», если водитель не отказывается пройти указанную процедуру, – процессуальное нарушение, что подтверждается судебной практикой. Так, Верховный Суд Российской Федерации своим постановлением от 10 декабря 2018 г. по делу № 58-АД18-7 отменил ранее вынесенное постановление о привлечении П. к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, поскольку было установлено, что направлению П. на медицинское освидетельствование не предшествовало предложение о прохождении освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. То есть отсутствие у сотрудника полиции необходимого для проведения освидетельствования алкотестера не может служить основанием для нарушения указанного порядка.

Однако даже при наличии необходимых технических средств уполномоченные сотрудники полиции не всегда проводят освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, ошибочно полагая, что наличие признаков наркотического опьянения – прямое основание направления водителя на освидетельствование в медицинскую организацию. Так, инспектором ДПС Ю. за отказ Л. пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения был составлен протокол об административном правонарушении по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. В судебном заседании инспектор пояснил, что у Л. имелся внешний признак только наркотического опьянения – поведение, не соответствующее обстановке. В этой связи, по его мнению, оснований предлагать водителю пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения не было. Верховный Суд Российской Федерации своим постановлением от 1 июня 2018 г. прекратил производство по делу № 58-АД18-5 об административном правонарушении, отменив ранее принятые судебные акты в связи с нарушением процедуры направления на медицинское освидетельствование. И такие ситуации не единичны.

Сотрудники Госавтоинспекции, не ощутив запах алкоголя и зная о своем праве проводить освидетельствование только на состояние алкогольного опьянения, пропускают этап освидетельствования «на месте», сразу предлагая проследовать в медицинскую организацию. Свои действия полицейские объясняют, помимо прочего, экономией времени и бессмысленностью проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Наделение сотрудников правом направлять лиц, имеющих признаки, характерные исключительно для наркотического опьянения, сразу в медицинскую организацию действительно позволило бы сократить время, затрачиваемое на процессуальное оформление этой процедуры. Однако законодательного закрепления самой возможности обойтись без освидетельствования на состояние алкогольного опьянения недостаточно. Необходимо выделить в отдельную группу признаки наркотического опьянения. Такое разделение не является новеллой и применяется в зарубежной практике. В частности, дифференциация признаков опьянения при определении состояния водителей транспортных средств на признаки алкогольного, наркотического или другого опьянения имеет место в Инструкции о порядке выявления у водителей транспортных средств признаков алкогольного, наркотического или другого опьянения или пребывания под воздействием лекарственных препаратов, снижающих внимание и скорость реакции, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Украины и Министерства здравоохранения Украины от 9 ноября 2015 г. № 1452/735 (далее: Инструкция о порядке выявления признаков опьянения (Украина). В настоящее время в рамках действующего законодательства исключить из цепочки предложение пройти освидетельствование «на месте» для водителей без наступления негативных правовых последствий невозможно.

Но только ли при выявлении признаков административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ, предложение пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения должно предшествовать направлению на медицинское освидетельствование? Ведь указанное требование применимо в отношении всех лиц, управляющих транспортными средствами соответствующего вида. Между тем лицо, управляющее велосипедом, тоже управляет транспортным средством, что прямо следует из содержания термина «велосипед», закрепленного в Правилах дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (да-

лее: ПДД). Исходя из этого, необходимость проведения освидетельствования «на месте» возникает и для установления факта опьянения у велосипедистов, нарушение ПДД которыми в состоянии опьянения влечет административную ответственность по ч. 3 ст. 12.29 КоАП РФ.

Вопрос реализации полномочий по применению рассматриваемых мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении касается и других должностных лиц органов внутренних дел, наделенных правом составлять протоколы об административных правонарушениях. Приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию» конкретизировал полномочия сотрудников полиции по составлению протоколов об административных правонарушениях, связывая объем компетенций с замещаемой должностью. Так, право составления протоколов об административных правонарушениях по ст. 12.8 КоАП РФ было предоставлено только сотрудникам Госавтоинспекции и участковым уполномоченным полиции. Отменивший указанный документ приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» не характеризуется такой детализацией, определяя только круг должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, в соответствии с ч. 1 ст. 19.26, ч. 1 ст. 20.25, ч. 1 ст. 23.3, п. 1 и 79 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ. Таким образом, прямое ограничение права на составление протокола об административном правонарушении за управление транспортным средством в состоянии опьянения, например для полицейских патрульно-постовой службы, отсутствует. Однако указанные сотрудники не могут провести освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, поскольку это право, в соответствии с п.1 Правил освидетельствования лиц, управляющих транспортными средствами, предоставлено только должностным лицам, осуществляющим государственный надзор и контроль за безопасностью движения. Направив же водителя на медицинское освидетельствование без проведения освидетельствования «на месте», полицейские нарушат закон. Таким образом, теоретическая возможность составления протокола об административном правонарушении указанными сотрудниками полиции не подкрепляется на практике полномочиями по применению необходимых мер обеспечения производства по делу.

Рассматривая вопросы направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, следует обратить внимание и на то, что критерии опьянения для водителей и для иных лиц, совершивших административные правонарушения, разные. Общими признаками для обеих категорий являются: запах алкоголя изо рта, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица. Водителю можно предложить пройти освидетельствование также при неустойчивости его позы, а другим лицам необходимо сочетать указанный признак с шаткостью походки. Иных оснований полагать, что правонарушитель (не управляющий транспортным средством) находится в состоянии опьянения, законом не предусмотрено. В этой связи возникают сложности с направлением на медицинское освидетельствование правонарушителей, употребивших наркотические средства или психотропные вещества. Вышеперечисленные признаки у лица, находящегося в состоянии наркотического опьянения, определяются далеко не всегда, а иные симптомы (в числе которых покраснение глаз, сужение или расширение зрачков) не могут служить основанием для применения указанной меры обеспечения производства. Между тем распространение синтетических наркотиков, появление новых психоактивных веществ, употребляемых в различных социальных группах, приводит к тому, что сотрудники полиции все чаще сталкиваются с появлением в общественных местах лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения и ведущих себя агрессивно и асоциально. На требование пройти медицинское освидетельствование такие граждане нередко отвечают отказом, несмотря на предусмотренную ст. 6.9 КоАП РФ административную ответственность. Ограниченность критериев, позволяющих направить правонарушителя на медицинское освидетельствование, приводит к тому, что постановления и решения по таким административным материалам оспариваются и отменяются. Так, Забайкальский краевой суд постановлением от 27 ноября 2017 г. прекратил производство по делу № 4А-531/2017 об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, в отношении С., отказавшегося выполнить требование сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования, отменив ранее вынесенное постановление о назначении административного наказания. В качестве основания для направления на медицинское освидетельствование сотрудник полиции отметил у С. такие признаки наркотического опьянения, как отсутствие реакции зрачков на световой раздражитель и сухость во рту. Однако в связи с тем, что данные признаки в п. 6 Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, утвержденного приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н (далее: Порядок проведения медицинского освидетельствования), не указаны, они были признаны недостаточными для направления С. на освидетельствование.

При решении вопроса об установлении состояния опьянения у лиц, совершивших правонарушение, следует помнить, что указанная процедура необходима не только для установления наличия состава конкретного административного правонарушения. Совершение административного правонарушения в состоянии опьянения в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ – обстоятельство,

отягчающее административную ответственность. Установление указанных обстоятельств в рамках производства по делу об административном правонарушении является прямой обязанностью сотрудников полиции. Однако освидетельствование правонарушителя возможно только на основании протокола о направлении на медицинское освидетельствование, а он составляется при наличии хотя бы одного из четырех нормативно закрепленных признаков. Ни поведение, не соответствующее обстановке, ни даже признание самого лица о потреблении наркотических средств не будут достаточным основанием для направления лица, совершившего административное правонарушение, на медицинское освидетельствование. Между тем в зарубежной практике спектр признаков, наличие которых дает основание предположить наличие опьянения у правонарушителя, более объемен. Например, в Республике Беларусь Положением о порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, утвержденное постановлением Совета министров Республики Беларусь 14 апреля 2011 г. № 497 (далее: Положение о порядке проведения освидетельствования (Республика Беларусь) к признакам опьянения также отнесены: покраснение глаз, сужение или расширение зрачков глаз, спонтанные движения глаз в горизонтальном направлении при их крайнем отведении в сторону. В Инструкции о порядке выявления признаков опьянения (Украина) этот перечень дополнен такими признаками, как: суженные или очень расширенные зрачки, не реагирующие на свет; замедленность или повышенная живость или подвижность хода языка; покраснение лица или неестественная бледность; нарушение координации движений.

Необходимость устанавливать наличие или отсутствие состояния опьянения, с одной стороны, и ограниченность критериев, позволяющих предполагать указанное состояние, с другой, приводит к тому, что в ряде случаев сотрудники полиции оказываются перед дилеммой: указать в протоколе «нужный» признак опьянения при его фактическом отсутствии или «не заметить» очевидный признак, в частности, наркотического опьянения. Оба варианта явно не способствуют укреплению законности и обеспечению правопорядка.

Еще одна причина, по которой сотрудники полиции избегают направлять граждан на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения – продолжительность проведения такого вида исследования. В частности, при определении наличия наркотиков в моче освидетельствуемого период с момента забора пробы до получения должностным лицом органов внутренних дел справки о результатах химико-токсикологических исследований в соответствии с Порядком проведения медицинского освидетельствования может достигать тринадцати рабочих дней: до десяти дней дается на доставку биоматериала в лабораторию и три – на химико-токсикологическое исследование. В этой связи составление протокола об административном правонарушении откладывается на достаточно длительный период: до установления факта употребления наркотических средств или подтверждения состояния наркотического опьянения. При этом оснований для административного задержания лица, сдавшего биологические пробы, на столь продолжительный срок у сотрудников нет. Однако к моменту получения результатов исследования установить место нахождения лица, в отношении которого ведется производство по делу, нередко не представляется возможным. Правонарушитель просто скрывается от сотрудников полиции, а рассмотрение дел об административном правонарушении по статьям, предусматривающим в качестве наказания административный арест (а санкции ст. 6.9, ч. 2 ст. 12.26, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ предусматривают такой вид наказания), в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности в силу ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ, невозможно. С учетом того, что составленный протокол об административном правонарушении передается судье немедленно, а дело об административном правонарушении в соответствии с ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ должно быть рассмотрено в день получения протокола, у сотрудников полиции в распоряжении оказывается совсем немного времени для установления места фактического нахождения правонарушителя и обеспечения его присутствия при рассмотрении дела.

Между тем в ряде случаев именно необходимость следования в медицинскую организацию в совокупности с достаточно продолжительной процедурой медицинского освидетельствования на состояние опьянения побуждает граждан отказаться от выполнения требования сотрудника полиции о прохождении такого освидетельствования. Будучи уверенными в том, что наркотических средств или психотропных веществ они не потребляли, люди подписывают процессуальные документы. И лишь спустя какое-то время, узнав о назначенном наказании, правонарушители пытаются оспаривать принятые решения, при этом нередко обвиняя сотрудников полиции в нарушении закона. Иногда такие действия провоцируют или поощряют сами сотрудники полиции. Так, мировой судья судебного участка № 2 г. Ливны Орловской области 25 апреля 2016 г. прекратил производство по делу № 5-342/2016 об административном правонарушении по ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ в отношении И. в связи с отсутствием события правонарушения. В судебном заседании было установлено, что протокол об административном правонарушении, составленный за невыполнение требований о прохождении медицинского освидетельствования, был подписан под давлением сотрудников полиции. При этом И., подписав отказ, не понимал правовых последствий своих действий, а в материалах дела сведений о наличии

критериев опьянения, из числа предусмотренных законом, не было.

Подобных ситуаций можно было бы избежать, предусмотрев для определенного круга должностных лиц право на проведение предварительного освидетельствования на состояние наркотического опьянения при помощи специальных тест-устройств, выявляющих наличие наркотиков в слюне. Такие экспресс-тесты имеются в свободной продаже в аптеках и с успехом используются в практике освидетельствования на состояние опьянения в некоторых государствах. В частности, возможность предварительного освидетельствования с помощью тест-полосок и экспресс-пластин предусмотрена Положением о порядке проведения освидетельствования (Республика Беларусь). Разумеется, при наличии положительного результата понадобится проведение химико-токсикологического исследования для определения вида и концентрации вещества. Однако законодательное закрепление возможности применения экспресс-методов сотрудниками полиции даст возможность на начальном этапе дифференцировать лиц, употребивших наркотические средства, от иных правонарушителей. Это позволит снизить количество направлений на медицинское освидетельствование и избежать длительного отклонения нарядов от закрепленных маршрутов патрулирования.

Сложившаяся на настоящий момент правоприменительная практика в сочетании с несовершенством правовых норм, регулирующих рассматриваемую сферу деятельности сотрудников полиции, приводит к увеличению количества обоснованных жалоб граждан. В совокупности с другими факторами это отрицательно сказывается на формировании имиджа полиции. Такая ситуация обусловливает необходимость поиска как путей совершенствования законодательства, так и способов совершенствования тактики применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Безусловно, для уменьшения количества жалоб на действия сотрудников полиции при реализации ими мер административного принуждения следует проводить работу по повышению уровня их правовой подготовки, обращая внимание и на существующую судебную практику. Вместе с тем для эффективного использования отдельных полномочий в рамках закона необходимо скорректировать действующее законодательство, в частности:

– более детально конкретизировать круг лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения;

– расширить перечень признаков, при выявлении которых лица, допустившие административные правонарушения, могут быть направлены на медицинское освидетельствование на состояние опьянения;

– предусмотреть возможность предварительного освидетельствования на состояние наркотического опьянения с использованием экспресс-методов.

Библиографический список

1. *Власов А. С.* Профилактика правонарушений и преступлений, совершаемых в состоянии опьянения: опыт взаимодействия полиции и органов региональной власти (на примере Ивановской области) / А. С. Власов, А. И. Смоляков // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2018. – № 4(77). – С. 38–41.

2. *Журавлев В. В.* О неурегулированных вопросах освидетельствования лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения / В. В. Журавлев // Юридическая наука. – 2019. – № 2. – С. 60–65.

References

1. *Vlasov A. S., Smolyakov A. I.* Prevention of Offenses and Crimes Committed while Intoxicated: the Experience of Interaction between the Police and Regional Authorities (on the example of the Ivanovo region). *Nauchny'j Vestnik Orlovskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova.* 2018. No. 4(77). P. 38–41.

2. *Zhuravlev V. V.* On Unresolved Issues of Examination of Persons Driving Intoxicated Vehicles. *Yuridicheskaya Nauka.* 2019. No. 2. P. 60–65.

Библиографическое описание статьи

Мишина Ю. В. Проблемы реализации полномочий сотрудников полиции по установлению состояния опьянения у лиц, совершающих административные правонарушения / Ю. В. Мишина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С.86–90.

УДК 347.2+343.8

Ращупкина Людмила Валерьевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: rashhupkina73@mail.ru

Rashhupkina Lyudmila V.,
Assistant Professor of Civil Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

Солоухина Светлана Вячеславовна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
E-mail: svsolona@mail.ru

Soloukhina Svetlana V.,
Senior Lecturer of Civil Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

The Content of the Right of Private Property of the Persons Convicted to Deprivation of Liberty

Аннотация. В статье раскрывается содержание права частной собственности лиц, находящихся в местах лишения свободы. Проводится анализ правовых норм, которые ограничивают распоряжение имуществом лицами, отбывающими наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: осужденные к лишению свободы; право частной собственности; правомочия собственника имущества; ограничения распоряжения имуществом.

Abstract. This article reveals the content of the right of private property of persons in places of deprivation of liberty. The analysis of the legal norms that limit the disposal of property of persons serving sentences in the institutions of the penal system.

Key words: sentenced to imprisonment; the right of private property; the powers of the owner of the property; restrictions on the disposal of property.

Россия как правовое государство провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью. «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», – записано в ст. 2 Основного закона страны. Права человека принадлежат каждому члену общества и составляют основу общечеловеческих ценностей, а государство, в свою очередь, обязано обеспечить их реализацию и защиту. Понятие «права человека» широко используется и в различных научных исследованиях, и в общественно-политической жизни страны, однако на настоящий момент отсутствует единое четкое определение данной категории.

Обязанностью государства также является правовая защита осужденных лиц, связанная с соблюдением основных прав человека, которые регламентированы Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. Раскрывая содержание имущественных прав лиц, отбывающих наказания, можно констатировать, что институт права частной собственности базируется на положениях гражданского, жилищного и земельного законодательства.

В соответствии со ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Таким образом, содержание права частной собственности проявляется в принадлежащих собственнику правомочиях по владению, пользованию и распоряжению, в том числе и у лиц, отбывающих наказания. Раскрывая содержание права частной собственности, полагаем необходимым дать определение каждого из принадлежащих собственнику правомочий.

Правомочие собственника на владение проявляется в возможности господства собственника над вещью. Любое владение вещью должно быть юридически законно. Правомочие пользования позволяет собственнику извлекать из вещи полезные свойства для удовлетворения своих нужд.

Правомочие распоряжения позволяет собственнику определить дальнейшую юридическую судьбу вещи путем совершения юридических действий в отношении этой вещи.

Право частной собственности у осужденных рассматривается как в отношении имущества, имеющегося у них за пределами исправительного учреждения, так и в отношении объектов собственности, находящихся в исправительном учреждении. Осужденные, отбывающие наказания в исправительных учреждениях, не лишаются установленного гражданским законодательством объема субъективных прав в отношении своей собственности, но нахождение лиц в местах лишения свободы создает для них определенные препятствия в осуществлении данных прав.

Результаты анализа нормативных правовых актов в области уголовно-исполнительного права позволяют заключить, что при реализации осужденным права частной собственности на вещи обязательно учитывается вид режима отбывания наказания. Такие нормы предусматриваются положениями ч. 8 ст. 82, ч. 7 ст. 88 УИК РФ. Перечень вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, а также перечень продуктов питания и предметов первой

© Ращупкина Л. В., Солоухина С. В., 2019

необходимости, запрещенных к продаже осужденным, и их количество устанавливаются Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295.

В отношении имущества, оставленного осужденным за пределами исправительного учреждения, следует заметить, что за осужденным сохраняется право собственности на это имущество. И в связи с этим возникает множество вопросов и проблем в части реализации данного права. Особенно сложными представляются вопросы, связанные с недвижимым имуществом. Бремя содержания такого имущества по-прежнему несут осужденные лица. Однако осужденные фактически не могут осуществить свое право частной собственности в том объеме, в котором они осуществляли его до осуждения.

Получая гарантии сохранности недвижимого имущества, владелец временно отстраняется от его использования, извлечения допустимых полезных свойств, предусмотренных назначением объекта, как то: обработка земельного участка и выращивание урожая, возведение на нем капитального строения. Осужденный к наказанию в виде лишения свободы также утрачивает возможность проживать в собственной квартире, если таковая имеется. На время нахождения в изоляции от общества данным объектом вправе пользоваться члены семьи или граждане, чье вмешательство в имущественный прецедент владельца санкционировано им лично. Таким образом, в период отбывания собственником недвижимого имущества наказания в виде лишения свободы происходит ограничение его полномочий, что ведет, помимо прочего, к нарушению жилищных прав. Примерами таких нарушений могут служить: попытки членов семьи выселить с жилой площади собственника (право на долю в квартире); споры о порядке использования помещения, возникающие между владельцами долей (пределы использования жилого помещения); споры о разделе совместно нажитого недвижимого имущества (раздел при расторжении брака). В таких случаях право на защиту вступает в силу тогда, когда в контексте субъективных или объективных обстоятельств нарушаются нормы регулятивного права, действующие в отношении граждан, живущих в обычном режиме. Соответственно, нарушение режима социального функционирования вводит в контекст существования лица режимные условия.

При рассмотрении данной проблемы ряд ученых-цивилистов (В. А. Белов, В. В. Рыбаков, Л. В. Щенникова [1; 3; 4]) пришли к выводу, что защита жилищных прав лиц, находящихся в местах лишения свободы, основана на определении субъекта правоспособности, которым является лицо, получившее запрет на свободное передвижение по территории России. В отношении его применяются иные юридические нормы, нежели для граждан, распоряжающихся местом проживания по собственному усмотрению.

Для того чтобы исключить незаконные притязания на квартиру или частный дом, принадлежащие осужденному лицу, на основании документально оформленных актов, договоров и свидетельств, которые определяются как нарушения законодательных норм, посягательство на имущественную свободу граждан, осужденные могут распоряжаться своим имуществом, находящимся за пределами учреждений, исполняющих наказания, через институт представительства.

Рассматривая институт доверительного управления с учетом положений ГК РФ, необходимо отметить, что доверительным управляющим могут быть либо индивидуальный предприниматель, либо коммерческая организация (п.1 ст.1015 ГК РФ). Пунктом 2 ст. 1015 ГК РФ предусмотрено, что доверительным управляющим по управлению недвижимым и ценным движимым имуществом может быть и гражданин, не являющийся предпринимателем, но опять же в соответствии с законом он определяется органом опеки и попечительства, что, в свою очередь, ограничивает круг субъектов (подопечных), по отношению к которым данный гражданин будет управляющим. По нашему мнению, вряд ли осужденных можно отнести к категории подопечных. В связи с этим, говоря о доверительном управлении осужденных, целесообразно употреблять понятие «лицо по доверенности». Оформление доверенности – наиболее приемлемая и доступная в местах лишения свободы сделка для лиц, отбывающих наказания. Доверенность может быть удостоверена нотариусом, или же, в соответствии с ГК РФ, начальником исправительного учреждения. В первую очередь это касается оформления доверенности на право распоряжения имуществом осужденного на время его пребывания в следственном изоляторе или в иных местах лишения свободы. Если приговор в силу еще не вступил, то заверять доверенность должен нотариус. Если подозреваемый (обвиняемый) находится в следственном изоляторе, нотариус может прийти к нему вместе с адвокатом, заранее договорившись о таком посещении. Доверенность является основополагающим документом для осуществления представительства. Статья 185 ГК РФ определяет доверенность как письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу для представительства перед третьими лицами. Исходя из общих правил представительства, доверенное лицо, заключая сделку или совершая иные правомерные действия, на которые у него имеются полномочия, действует от имени представляемого, и для представляемого наступают правовые последствия: создаются, изменяются или прекращаются гражданские права и обязанности. Таким образом, правоотношения возникают между представляемым и третьим лицом. Следовательно, осужденный посредством оформления доверенности получает возможность распоряжаться своим имуществом [2, с. 58]. Следует обратить внимание на тот факт, что доверительное управление имуществом осужденного требует немалых денежных затрат, а это в свою очередь порождает недоступность предоставленного ему права воспользоваться услугами доверенного лица. В связи с этим нередко у осужденного про-

исходит утрата собственного имущества, оставшегося за пределами исправительного учреждения. Необходимо отметить, что имущественные правоотношения осужденных в отношении имущества, оставшегося за пределами исправительного учреждения, следует отнести к числу самых уязвимых. Утрата права собственности осужденным влечет негативные последствия в первую очередь для него самого: нарушает моральное равновесие осужденного, поскольку он теряет веру в справедливость. Восстановление утраченных прав требует и материальных затрат. Все это не может положительно сказаться на ресоциализации осужденного. Отрицательным, по нашему мнению, является и предоставление права выдачи доверенности осужденному начальником исправительного учреждения, что порождает коррупционные преступления. В связи с этим требуется обратить особое внимание на защиту права частной собственности осужденных в отношении имущества, оставшегося за пределами исправительного учреждения. В целях реализации данного направления, на наш взгляд, было бы целесообразно в территориальных органах социальной защиты населения ввести должность, в полномочия которой входили бы следующие действия: мониторинг имущественного положения лица, которому по приговору суда назначено наказание в виде лишения свободы; своевременное принятие мер к защите имущественных прав осужденных лиц, а в случае их утраты – восстановление; исполнение функции доверенного лица.

Ограничение права собственности лиц, осужденных к лишению свободы, происходит в области реализации правомочий в отношении имущества, находящегося за пределами исправительного учреждения. Вместе с тем в местах лишения свободы у осужденных имеется запрет: на приобретение и владение такими объектами, как наличные деньги, ценные бумаги и др.; на совершение с другими осужденными сделок в отношении имущества личного пользования (исключение составляет лишь приобретение продуктов питания, товаров первой необходимости на территории торговой точки исправительного учреждения).

Мы солидарны с мнением В. В. Рыбакова, который считает, что необходимо признать специфический статус осужденного к лишению свободы в имущественном обороте. Он предопределяется рядом факторов правового режима имущества осужденного, которые можно отнести к двум категориям: имущество, находящееся у осужденного в исправительном учреждении, и имущество, запрещенное действующим законодательством и содержащееся на ответственном хранении или оставшееся за пределами мест лишения свободы. При этом если в отношении первой группы осужденный имеет полную возможность владеть и пользоваться, то в отношении второй группы данные правомочия не могут быть реализованы [3].

Таким образом, лица, осужденные к лишению свободы, не утрачивают право частной собственности на имущество, однако реализация своих правомочий в отношении имущества, находящегося за пределами исправительного учреждения, возможна для них исключительно с использованием института представительства. В отношении имущества, находящегося в учреждениях уголовно-исполнительной системы, реализация права частной собственности у осужденных возможна в полном объеме, но с учетом ограничений, которые устанавливаются уголовно-исполнительным законодательством.

Библиографический список

1. *Белов В. А.* Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. В 2 т. Т. 2 / В. А. Белов. – Москва : Юрайт, 2015. – 1009 с. – ISBN 978-5-9916-4400-6, 978-5-9916-4402-0.

2. *Михеева Л. Ю.* Доверительное управление имуществом / Л. Ю. Михеева / под ред. В. М. Чернова. – Москва : Юристъ, 1999. – 176 с. – ISBN 5-7975-0264-X.

3. *Рыбаков В. В.* Имущественные права лиц, осужденных к лишению свободы : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Рыбаков Валентин Вячеславович ; Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов Российской Федерации. – Москва, 2006. – 179 с.

4. *Щенникова Л. В.* Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов / Л. В. Щенникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 37. – С. 361–372.

References

1. *Belov V. A.* Civil Law. Actual Problems of Theory and Practice. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, Yurajt, 2015. 1009 p. ISBN 978-5-9916-4400-6, 978-5-9916-4402-0.

2. *Mikheeva L. Yu.* Trust Management of Property. Ed. by of V. M. Chernov. Moscow, Yurist", 1999. 176 p. ISBN 5-7975-0264-X.

3. *Ry'bakov V. V.* Property Rights of the Persons Condemned to Imprisonment. Moscow, 2006. 179 p.

4. *Shhennikova L. V.* The Concept of Real Right in the Argumentation of Russian Civilists. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki.* 2017. Iss. 37. P. 361–372.

Библиографическое описание статьи

Ращупкина Л. В. Содержание права частной собственности у лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы / Л. В. Ращупкина, С. В. Солоухина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 91–93.

УДК 343.1

Серопян Эдгар Манвелович,
руководитель следственного отдела
по г. Надыму следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по Ямало-Ненецкому автономному округу
E-mail: edulo1@mail.ru

Seropyan E'dgar M.,
Head of Investigation Department
In Nadym Investigation Department
Investigative Committee of the Russian Federation
in the Yamalo-Nenets Autonomous District

ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ЕГО УЧАСТНИКОВ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ

Functions of the Criminal Process and Its Participants: Problematic Issues of Content and Classification

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия и содержания функций уголовного процесса и функций его участников; излагается авторское мнение о классификации функций в уголовном процессе и функций участников уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; функция; следователь; прокурор; суд; защитник; расследование уголовного дела; защита; обвинение; преследование; контроль; надзор; правосудие.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept and content of the functions of the criminal process and the functions of its participants; the author's opinion on the classification of functions in criminal proceedings and the functions of participants in criminal proceedings are set out.

Key words: criminal justice; function; investigator; prosecutor; court; defense counsel; criminal investigation; defense; prosecution; pursuit; control; supervision; justice.

Проблема функций в уголовном процессе и функций участников уголовного процесса остается наиболее обсуждаемой уже на протяжении нескольких десятилетий. Можно уверенно констатировать, что единого мнения в среде ученых-процессуалистов и практиков по данному вопросу не сложилось. Попытки выработать единственно верное определение данных терминов не увенчались успехом.

Доктрина уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальное законодательство оперируют тремя видами функций: обвинение (уголовное преследование), защита от обвинения и разрешение уголовного дела. Сообразно данной классификации разделены и субъекты уголовного процесса, за исключением иных субъектов, регламентация деятельности которых содержится в гл. 8 УПК РФ. Вместе с тем уголовно-процессуальная наука располагает огромным количеством позиций ученых, существенно отличающихся от изложенной классификации.

Обобщая высказанные в юридической литературе мнения, можно сказать, что проблемы касаются двух блоков: мнения различаются по вопросу функций уголовного процесса и функций участников уголовного процесса. Термин «функция» в праве используется крайне активно, однако проблема изначально уже состоит в том, что данный термин многоаспектен. Функция (от латинского functio исполнение, осуществление) может выступать в качестве деятельности, обязанности, работы; внешнего проявления свойств какого-либо объекта в данной системе отношений; роли, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (например, функция государства, семьи и т. д. в обществе).

С точки зрения общей теории права функция – это основное направление воздействия на общественные отношения, а значит, на поведение людей. Система функций права традиционно базируется на четырех группах функций, в числе которых общеправовые функции, отраслевые функции, функции правовых институтов и функции норм права.

Служебная роль и социальное назначение функций права проявляются посредством двух функций: а) регулятивной, отвечающей за установление позитивных правил поведения, организацию общественных отношений, координацию социальных взаимосвязей, предоставление субъективных прав и возложение юридических обязанностей субъектам права; б) охранительной, призванной охранять общественные отношения, предотвращать нарушения норм права [14, с. 258–260].

Поскольку уголовно-процессуальное право – это отрасль права, то со всей очевидностью ей присущи общие свойства (черты) права, а именно, уголовный процесс также призван реализовать обе функции права – регулятивную и охранительную.

Однако остается вопрос о специфических функциях уголовного процесса. Традиционно под ними принято понимать направления деятельности, осуществляемой в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального права при производстве по делам о преступлениях [16, с. 28]. Еще раз напомним, что сегодня законодатель исходит из трех видов таких функций: обвинение (уголовное преследование), защита от обвинения и разрешение уголовного дела. Вместе с тем существуют мнения о том, что функций в уголовном процессе гораздо больше. Главным, на наш взгляд, неоспоримым аргументом подобных точек зрения является утверждение о том, что доктринальное

© Серопян Э. М., 2019

выделение трех основных функций уголовного процесса оставляет за рамками процессуальную деятельность значительного числа участников судопроизводства, например, таких как: специалист, эксперт, переводчик, свидетель, понятой и др. Действительно, все субъекты уголовно-процессуальных прав и обязанностей являются носителями определенных функций. Кроме того, есть мнения, что концепция трех уголовно-процессуальных функций, истоки которой отнесены к доктрине разделения ветвей власти и коренятся в трудах Платона, Аристотеля, Дж. Локка, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, закрепленная в уголовно-процессуальном законе, не в полной мере согласуется с конституционным принципом разделения ветвей власти, не соответствует функциям государственных структур, их полномочиям и установленной ответственности [6].

Различные ученые, наряду с названными тремя функциями, также называют уголовное преследование [18, с. 23]; процессуальное руководство расследованием, надзор, расследование уголовного дела, исследование обстоятельств дела; обеспечение участникам процесса их прав и законных интересов; предупреждение преступлений [4, с. 38; 9, с. 102–108], основные, вспомогательные, дополнительные [21, с. 61–63], побочные и др.

Как следует из вышеизложенного, ряд ученых солидаризируются во мнении, что наличие функций взаимозависимо от стадии уголовного процесса [17, с. 49–50]. Некоторые отстаивают точку зрения о необходимости упорядочить функции в зависимости от роли управомоченных субъектов на выполнение процессуальных действий, выделяя основные и вспомогательные функции.

Интересной представляется точка зрения А. С. Барабаша, который рассматривал функцию с позиции цели, положенной в деятельность [2, с. 320].

Учитывая тонкую грань разделения функций в зависимости от направлений уголовного процесса и от роли участников, взаимосвязи функций, пересечения полномочий субъектов, А. П. Рыжаков предлагает «понятие функции рассматривать в трех взаимосвязанных проявлениях: как идеальную (обязанность, назначение), как реальную (имевшее место в действительности определенное направление правоприменения) и как сущностную функции (такое направление деятельности, которое напрямую вытекает из назначения субъекта процесса и полностью соответствует имеющимся у него полномочиям, его уголовно-процессуальному статусу)» [13, с. 14].

Многоаспектный подход к исследованию функций побудил Н. Ю. Дутова обосновать предложение о выделении понятия «приоритетно-процессуальная функция», под которым данный автор предлагает понимать «ключевое, но не единственное направление процессуальной деятельности для конкретной стороны состязательного уголовного судопроизводства». По его мнению, в число приоритетно-процессуальных должны войти такие функции, как функция обвинения, защиты, предварительного расследования, а также разрешения уголовного дела [3, с. 5].

Одни ученые уголовное преследование рассматривают как синоним обвинения, как функцию исполнительной власти, другие исследователи разграничивают данные понятия. В числе первых – выдающиеся русские ученые-процессуалисты С. И. Викторский, И. Я. Фойницкий. Отождествлял функции уголовного преследования и обвинения и М. С. Строгович. К представителям второй группы относятся А. П. Гуляев, М. П. Кан, А. Б. Соловьев, А. Г. Халиулин, Н. А. Якубович. В обобщенном виде, обосновывая свои позиции, эти авторы указывали на то, что отождествление данных понятий приведет к односторонности и необъективности деятельности органов предварительного расследования, что идет вразрез с принципами состязательности и защиты прав граждан.

Существуют и другие мнения. Так, В. Ф. Крюков считает, что «обвинение как функция уголовного процесса в уголовном судопроизводстве реализуется при производстве по уголовным делам в форме проведения уголовного преследования на досудебных стадиях, а в суде – в форме поддержания государственного или частного обвинения перед судом, при необходимости – в требовании пересмотра судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядках, а также в связи с выявлением новых и вновь открывшихся обстоятельств» [7]. Из этого следует, что автор относит уголовное преследование к форме обвинения. Однако продолжая исследование феномена обвинения и уголовного преследования, В. Ф. Крюков говорит о моменте начала уголовного преследования – с момента приобретения подозреваемым или обвиняемым соответствующего процессуального статуса. При этом он отмечает, что в случае, когда уголовное дело возбуждается по факту совершенного деяния, а лицо, его совершившее, еще не выявлено, то функция уголовного преследования не возникает. Таким образом, уголовное преследование здесь уже им рассматривается как функция. В итоге В. Ф. Крюков приходит к выводу о том, что «уголовное преследование – это самостоятельная процессуальная функция субъектов стороны обвинения, которая является процессуальной формой реализации основной уголовно-процессуальной функции обвинения. В связи с этим “обвинение” является родовым понятием, и оно шире понятия “уголовное преследование”» [7].

Вопрос о функциях как таковых в уголовном процессе берет свое начало в уголовно-процессуальном законодательстве периода реформ второй половины XIX в., а именно, с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. С провозглашением состязательности доктрина уголовного процесса кардинально изменилась: с появлением защиты наполнились иным содержанием все три функции обвинения, защиты и судебного разрешения уголовных дел. При этом уголовное преследование и обвинение также воспринимались как синонимичные понятия.

В современный период действия права идеология уголовно-процессуальных отношений модифицировалась благодаря утвержденной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 Концепции судебной реформы в РСФСР и поэтапной реализации ее положений. Следствием таких законодательных шагов стало принятие УПК РФ в 2001 г., который не только объединил понятия «обвинение» и «уголовное преследование», но и представил их определения. Так, согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ, а п. 55 ст. 5 УПК РФ содержит определение уголовного преследования: это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Статья 15 УПК РФ, закрепляющая в уголовном процессе принцип состязательности сторон, в ч. 2 указывает на имеющиеся в уголовном процессе функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, и закрепляет правило о том, что данные функции отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Нам же представляется, что рассматривать функции уголовного процесса обособленно от функций реализующих их субъектов не вполне оправданно. Абстрактное существование функций невозможно. И не важно, является ли функция деятельностью или направлением деятельности, о чем спорят отдельные ученые, она должна быть реализована уполномоченными на это субъектами, в противном случае ее роль сводится к нулю. В связи с этим полагаем, что функции уголовного процесса производны от функций субъектов уголовного процесса и в свою очередь детерминируют их деятельность.

Мы разделяем мнение выдающегося ученого М. А. Чельцова о том, что в уголовном процессе есть судебная функция, реализуемая судами, функция надзора за точным применением закона, возложенная на прокуратуру, функция расследования, имманентная деятельности органов следствия и дознания, и функция защиты как обязанности государства по обеспечению юридической помощи гражданам [15, с. 9–12]. Как видно из приведенной классификации, ученый не называл в числе уголовно-процессуальных функций функцию обвинения. В его трактовке данная функция заменена на две самостоятельные функции: надзор за точным применением закона, в том числе и посредством поддержания государственного обвинения в ходе рассмотрения уголовных дел в судах, и расследование.

Рассматривая обвинение (уголовное преследование) как функцию уголовного процесса, исходя из нормативного ее определения, можно сказать, что она содержит достаточно объемный перечень процессуальных действий и документов, а также участников, ее реализующих. Однако фактически уголовное преследование есть основанные на законе действия дознавателя и следователя по изобличению лиц, совершивших преступления, и установлению события преступления, причем обеспечение соблюдения прав и законных интересов участников процесса является неотъемлемой частью уголовного преследования.

Из вышеизложенного следует, что по содержанию обвинение и уголовное преследование не идентичны. По нашему мнению, в нормативном определении функций наблюдается смешение отраслевых функций и функций участников уголовного процесса. Прокурор не осуществляет расследование. Органы следствия и дознания не поддерживают обвинение в суде, не обличают лицо перед судом, а в досудебной части производства производят расследование уголовного дела. При этом итоговый документ, завершающий производство расследования, также не является обвинением лица. Он выступает в качестве закономерного результата проведенного расследования. Этот документ (обвинительные заключение, акт, постановление) есть предположение обладающего властными специфическими полномочиями лица, производившего расследование, о наличии вины в действиях обвиняемого, причем предположение, основанное на полученных в рамках расследования доказательствах. Данное предположение вины будет исследовано судом в состязательном судебном разбирательстве, и лишь после этого вина лица будет либо подтверждена, либо опровергнута. Полагаем, что уведомление прокурора о выполнении ряда процессуальных действий и принятии решений следователем, а также санкционирование отдельных решений следователя не есть обвинение, равно как и утверждение прокурором обвинительного итогового документа по окончании расследования уголовного дела. На наш взгляд, обвинение – это деятельность прокурора, всецело направленная на доказывание виновности лица в суде, а также отказ от такового в суде при наличии к тому оснований, выявленных в ходе судебного разбирательства.

Несмотря на то, что прокурор и следователь – участники уголовно-процессуальных отношений, наделенные государственно-властными полномочиями, их задачи различны: прокурор надзирает за точным применением закона в досудебной части производства по уголовному делу, в то время как следователь, используя весь комплекс процессуальных полномочий, расследует уголовное дело. В досудебных стадиях уголовного процесса деятельности прокурора по обвинению лица еще нет. Есть расследование уголовного дела, в рамках которого осуществляется уголовное преследование лица, (предположительно) виновного в совершении преступления, и надзор за законностью производства данной деятельности. Обвинение как функция и как деятельность по обвинению лица в совершенном преступлении появляется в судебных стадиях судопроизводства по уголовному делу и осуществляется исключительно прокурором.

Мы отстаиваем ту точку зрения, согласно которой прокурор в досудебном производстве по уголовному делу выполняет функцию прокурорского надзора, а в судебной части уголовного процесса – функцию обвинения.

Следователь в уголовном процессе реализует функцию расследования уголовного дела, но не функцию уголовного преследования. Он, расследуя уголовное дело, осуществляет познавательную деятельность по изобличению лица, совершившего преступление, и установлению события преступления. На этапе проверки наличия повода и оснований для возбуждения уголовного дела не всегда известно (есть в наличии) лицо, совершившее противоправное деяние. Считаем, что применительно к данной ситуации называть деятельность следователя уголовным преследованием будет не вполне обоснованным. Уголовное преследование, как представляется, – понятие более узкое, предполагающее совокупность действий следователя, направленных на доказывание вины уже известного следствию лица и привлечение его к ответственности. Реализация следователем широкого комплекса полномочий в период от возбуждения уголовного дела до его направления прокурору для утверждения обвинительного заключения, на наш взгляд, выражает функцию расследования, которая по своим сущностным характеристикам гораздо шире уголовного преследования. Так, прекращение уголовного дела или уголовного преследования в стадии предварительного расследования, исследование оправдательных доказательств вряд ли можно назвать уголовным преследованием. Принятие мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и мер по обеспечению сохранности его имущества, ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с материалами уголовного дела также, полагаем, не имеют ничего общего с уголовным преследованием. Кроме того, следователь обязан обеспечить гарантии защиты лиц, вовлеченных в уголовный процесс, в том числе и обеспечить гарантии защиты прав, свобод и законных интересов подозреваемых или обвиняемых. Исследуя процессуальные функции следователя в состязательном уголовном процессе, Н. Ю. Дутов приходит к выводу о том, что в современный период развития процессуального законодательства специфика реализации процессуальных функций следователя обусловлена «псевдосостязательностью» досудебного процесса. Причиной данного обстоятельства автор называет многогранный характер функций, выполняемых следователем и в какой-то мере присущих различным субъектам уголовного процесса [3, с. 9].

Если использовать алгоритм, предложенный А. С. Барабашем, а именно, рассматривать функцию как цель, то целью следователя является объективное и полное расследование уголовного дела, следовательно, функция следователя – расследование уголовного дела.

Если исходить из буквального толкования отраслевой функции и функции следователя как уголовного преследования, то усматривается обвинительный уклон уголовного процесса, что вступает в противоречие с достижениями в уголовно-процессуальной парадигме в части состязательного уголовного процесса. По мнению Р. Ю. Олисова, отнесение следователя к участникам процесса со стороны обвинения представляет собой попытку сузить его полномочия, направить его деятельность исключительно в обвинительное русло, что нельзя признать оправданным [11, с. 9].

Вместе с тем В. А. Лазарева отмечает, что следователь «полно, всесторонне и объективно исследуя обстоятельства дела, осуществляет уголовное преследование» [8, с. 20–24]. С данным утверждением не согласен С. А. Шейфер, говоря о том, что «выявление двух противоположных тенденций в функции следователя – это констатация глубинного противоречия, присущего деятельности следователя во все времена» [20, с. 34–36], поскольку следователь вынужден одновременно собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства и быть исследователем, «вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением». Такое положение, по аргументированному утверждению ученого, не может благоприятно отразиться на объективном исходе доказывания.

Следователь обязан в ходе производства расследования принять во внимание не только обвинительные доказательства, но и доказательства, оправдывающие лицо, совершившее противоправное деяние, т. е. его обязанностью является выяснить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, обеспечить полноту, всесторонность и объективность расследования. Деятельность следователя как таковая не может считаться ни обвинительной [20, с. 160], ни оправдательной; ее результатом являются выдвижение и обоснование обвинительного или оправдательного вывода, сформулированного в соответствующем решении [1, с.10].

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что в уголовном процессе в качестве отраслевой существует функция расследования уголовного дела. Рассматривая функцию следователя (в данном контексте, наряду со следователем, мы подразумеваем лиц и органы, уполномоченные уголовно-процессуальным законом на расследование уголовных дел), приходим к выводу о ее тождественности отраслевой функции. Другими словами, расследование уголовного дела представляет собой как отраслевую функцию уголовного процесса, так и функцию субъекта уголовного процесса – следователя. Уголовное преследование представляет собой средство реализации функции следователя.

В научной литературе относительно функции разрешения уголовного дела также не наблюдается единство взглядов. Одни ученые указывают на наличие в уголовном процессе двух функций: разрешения уголовного дела и судебного (предварительного, последующего) контроля [19, с. 133–137; 10, с. 686]. Другие придерживаются мнения о том, что отраслевая функция разрешения уголовного дела вбирает в себя осуществление судом контроля за производством предварительного расследования, равно как и контрольные дей-

ствия суда после вынесения итогового решения по окончании рассмотрения уголовного дела [5, с. 20–21]. Есть авторы, которые отстаивают множественность функций суда.

Вновь приходится говорить о смешении понятий «отраслевые функции» и «функции участников».

Мы разделяем точку зрения профессора В. П. Божьева, по утверждению которого правосудие является единственной функцией судебной власти, при этом судебный контроль – вид ее реализации [12, с. 42], а также мнение профессора В. А. Лазаревой, рассматривающей судебную власть как «исключительное властное полномочие разрешать возникающие в обществе конфликты правового характера» и считающей единственной функцией судебной власти правосудие [8, с. 20–24]. Аналогичную позицию занимает А. С. Барабаш, с той лишь разницей, что он при наличии таких функций, как расследование, правосудие и надзор не считает необходимым выделять функцию защиты, поскольку последняя представляет собой составную часть деятельности по предварительному расследованию, надзору и осуществлению правосудия [2, с. 320].

Полагаем, что исходя из полномочий субъекта, выполняющего отраслевую функцию, следует считать верным наличие в уголовном процессе функции правосудия. При том, что весь комплекс действий суда по разрешению тех или иных вопросов, возникающих в досудебных стадиях, или в стадии исполнения приговора, так или иначе соотносится с судьбой уголовного дела, рассматриваемого судом. Именно поэтому любая контрольная деятельность суда проявляется как частные формы правосудия. Другими словами, к отраслевым уголовно-процессуальным функциям, по нашему мнению, следует относить функцию правосудия. Полагаем, что термин «правосудие» более приемлем в сочетании с термином «функция», нежели термин «функция разрешения уголовного дела», поскольку не каждое уголовное дело заканчивается судом его разрешением по существу. Например, в процессе производства следствия может возникнуть ряд вопросов, требующих урегулирования посредством вынесения судебного решения, однако это же уголовное дело в досудебной части при наличии законных оснований может быть прекращено по решению следователя. В приведенном примере суд разрешает вопросы, осуществляя правосудие (но не разрешение уголовного дела), с учетом уголовно-процессуальных принципов и требований уголовно-процессуального закона о независимости судей, законности, объективности, обоснованности, соразмерности, мотивированности, справедливости принимаемых решений. Если предположить обратное применительно к данному примеру, то неизбежен вопрос о том, какую функцию выполнял суд, если разрешения уголовного дела по существу в суде не было.

«Разрешение – это решение, принятое на основе принятой цели», – считает А. С. Барабаш и утверждает, что с этих позиций функция суда есть осуществление правосудия [2, с. 325].

Таким образом, полагаем, что одной из уголовно-процессуальных отраслевых функций является функция правосудия. Частным проявлением функции правосудия, или функциями субъекта функции правосудия (в данном случае функциями суда), в зависимости от конкретного уголовного дела, могут быть предварительный или последующий судебный контроль, разрешение уголовного дела по существу, охрана прав, свобод и законных интересов граждан, превенция правонарушений и преступлений.

Относительно такой отраслевой функции, как защита следует сказать, что данная функция наличествует в уголовном процессе, причем вне зависимости от стадий движения уголовного дела.

Как отмечалось выше, основная проблема доктринального толкования отраслевых функций уголовного процесса состоит в наличии трех функций – обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, причем не охватывающих деятельность всех участников уголовно-процессуальных отношений. В числе тех, кого невозможно отнести ни к одной из названных функций, находятся свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые. К ним, как представляется, можно отнести и секретаря судебного заседания, и психолога, и педагога. Так или иначе в обособленную группу их объединяет одно – отсутствие личного (либо профессионального) интереса в исходе разрешения уголовного дела. Без названных субъектов (по крайней мере, хотя бы одного из них) не обходится ни одно производство по уголовному делу. В этой связи бессмысленно умалять их роль в уголовном процессе, равно как и незаслуженно выводить за рамки функциональной обусловленности направлений уголовного процесса. В научной литературе существуют мнения относительно вспомогательной функции данных участников. Мы исходим из того, что если признать наличие вспомогательной функции, то следует иметь классификацию функций, соответственно разделяющую их на основные и вспомогательные. Такая условная классификация вполне допустима. Однако, если исходить из того, что закон оперирует четким названием функций, основываясь на направлениях деятельности субъектов, то, считаем, следует предположить, что указанная группа участников выполняет основную свою обязанность – оказание содействия лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, и, следовательно, отраслевая функция и функция иных участников уголовного судопроизводства совпадают по смысловой нагрузке и, очевидно, должны именоваться функцией оказания содействия осуществлению уголовного судопроизводства.

Таким образом, есть основания считать, что в уголовном процессе наличествуют такие самостоятельные функции, как надзор за точным применением законов (прокурорский надзор), расследование уголовного дела, правосудие, обвинение, защита и оказание содействия осуществлению уголовного судопроизводства. Точное определение функций уголовного процесса и участников уголов-

ного процесса необходимо для законодательного определения полномочий последних, а также для устранения противоречий в функциональной деятельности субъектов уголовного процесса.

Библиографический список

1. *Бабич А. В.* Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Бабич Андрей Владимирович ; Сарат. юрид. ин-т МВД России. – Саратов, 2012. – 28 с. – Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.

2. *Барабаш А. С.* Публичное начало российского уголовного процесса / А. С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2009. – 417 с. – ISBN 978-5-94201-511-3.

3. *Дутов Н. Ю.* Процессуальные функции следователя в состязательном уголовном процессе и особенности их реализации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Дутов Николай Юрьевич. – Воронеж, 2012. – 24 с. – Место защиты: Воронеж. гос. ун-т.

4. *Кан М. П.* Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, судопроизводство, прокурорский надзор, криминалистика» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Кан Маргарита Петровна ; Ташкент. гос. ун-т. – Ташкент, 1988. – 175 с.

5. *Ковтун Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России / Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород : Нижегород. правовая акад., 2002. – 331 с. – ISBN 5-8263-0026-4.

6. *Королёв Г. А.* Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы / Г. А. Королёв // Законность. – 2008. – № 1. – С. 6–10.

7. *Крюков В. Ф.* Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора : монография / В. Ф. Крюков. – Москва : Норма, 2010. – 479 с. – ISBN 978-5-91768-133-7.

8. *Лазарева В. А.* Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение : лекции-очерки / В. А. Лазарева. – Самара : Изд-во Самар. гуманитар. акад., 1999. – 63 с. – ISBN 5-86465-027-7.

9. *Ларин А. М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1986. – 160 с.

10. *Муратова Н. Г.* Концепция формирования системы судебного контроля в уголовном судопроизводстве / Н. Г. Муратова // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 685–694.

11. *Олисов Р. Ю.* Соотношение процессуальной самостоятельности следователя и прокурорского надзора в отечественном досудебном производстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Олисов Роман Юрьевич ; Нижегород. гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2006. – 172 с.

12. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник / под ред. В. П. Божьева. – М. : Спарк, 1996. – 286 с. – ISBN 5-88914-040-X.

References

1. *Babich A. V.* Procedural Independence and Independence of the Investigator as the Basis of His Status in Criminal Proceedings. Saratov, 2012. 28 p.

2. *Barabash A. S.* The Public Beginning of the Russian Criminal Process. Saint-Petersburg, Yuridicheskij Centr Press, 2009. 417 p. ISBN 978-5-94201-511-3.

3. *Dutov N. Yu.* Procedural Functions of the Investigator in the Adversary Criminal Process and Features of Their Implementation. Voronezh, 2012. 24 p.

4. *Kan M. P.* The Procedural Functions of the Prosecutor in the Pre-trial Stages of Criminal Proceedings. Tashkent, 1988. 175 p.

5. *Kovtun N. N.* Judicial Control in Criminal Proceedings in Russia. Nizhnij Novgorod, 2002. 331 p. ISBN 5-8263-0026-4.

6. *Korolyov G. A.* Reorganization of Pre-trial Proceedings: Problems and Prospects. *Zakonnost'*. 2008. No. 1. P 6–10.

7. *Kryukov V. F.* Criminal Prosecution in Pre-Trial Proceedings: Criminal Procedure and Supervisory Aspects of the Prosecutor's Activity. Moscow, Norma, 2010. 479 p. ISBN 978-5-91768-133-7.

8. *Lazareva V. A.* Judicial Branch. Judicial Protection. Judicial Control: the Concept and Relationship. Samara, Izdatel'stvo Samarskoj Gosudarstvennoj Akademii, 1999. 63 p. ISBN 5-86465-027-7.

9. *Larin A. M.* Criminal Case Investigation: Procedural Functions. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1986. 160 p.

10. *Muratova N. G.* The Concept of the Formation of the Judicial Control System in Criminal Proceedings. *Problems of the Theory and Practice of the Criminal Process: History and Modernity*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2006. 694 p.

11. *Olisov R. Yu.* The Ratio of Procedural Independence of the Investigator and the Prosecutor's Supervision in the Domestic Pre-trial Proceedings. Nizhny Novgorod, 2006. 172 p.

12. Law Enforcement Agencies of the Russian Federation. Ed. by V. P. Bozh'ev. Moscow, 1996. 286 p. – ISBN 5-88914-040-X.

13. *Ry'zhakov A. P.* Criminal Procedure of Russia. Saint-Petersburg and et al., Piter, 2009. 432 p. ISBN 978-5-388-00608-0.

14. Theory of State and Law. Ed. by V. K. Babaev. Moscow, Yurist", 2003. 592 p. ISBN 5-7975-0239-9.

15. Criminal Procedure. Ed. by M. A. Chel'czov. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1969. 463 p.

16. Criminal Procedure. Ed. by K. F. Gucenko. Moscow, Zerczalo-M, 2004. 677 p. ISBN 5-943730-82-6.

17. Criminal Procedure. Ed. by P. A. Lupinskaya. Moscow, Yurist", 1995. 544 p. – ISBN 5-7357-0024-3.

18. Criminal Procedure. Ed. by V. P. Bozh'ev. Moscow, Vy'sshee Obrazovanie, 2006. 524 p. ISBN 978-5-9692-0390-7.

19. Criminal Procedure. Ed. by K. F. Gucenko. Moscow, Zerczalo, 2005. 736 p.

20. *Shejfer S. A.* Evidence and Evidence in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. Moscow, Norma, 2009. 238 p. ISBN 978-5-468-00235-3.

21. *E'l'kind P. S.* The Essence of the Soviet Criminal Procedure. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1963. 172 p.

13. *Рыжаков А. П.* Уголовный процесс России : курс лекций / А. П. Рыжаков. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-388-00608-0.

14. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – Москва : Юристъ, 2003. – 592 с. – ISBN 5-7975-0239-9.

15. Уголовный процесс : учебник / под ред. М. А. Чельцова. – Москва : Юрид. лит, 1969. – 463 с.

16. Уголовный процесс : учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / под ред. К. Ф. Гуценко. – Москва : Зерцало-М, 2004. – 677 с. – ISBN 5-943730-82-6.

17. Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. П. А. Лупинской. – Москва : Юристъ, 1995. – 544 с. – ISBN 5-7357-0024-3.

18. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. – Москва : Высш. образование, 2009. – 524 с. – ISBN 978-5-9692-0390-7.

19. Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. – Москва : Зерцало, 2005. – 736 с.

20. *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – Москва : Норма, 2008. – 238 с. – ISBN 978-5-468-00235-3.

21. *Элькинд П. С.* Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 172 с.

Библиографическое описание статьи

Серопян Э. М. Функции уголовного процесса и его участников: проблемные вопросы содержания и классификации / Э. М. Серопян // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 94–100.

УДК 343.34+343.6

Тараканов Илья Александрович,
доцент кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: il8@list.ru

Tarakanov Il'ya A.,
Assistant Professor of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law), Associate Professor

Пичугин Сергей Андреевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: penalcode@yandex.ru

Pichugin Sergej A.,
Senior Lecturer of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА: НОВЫЙ ПОДХОД И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Liability for Arousal of Hatred or Enmity, as Well as the Humiliation of Human Dignity: A New Approach and Prospects of Development

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния действующего российского законодательства, предусматривающего ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ, ст. 20.3.1 КоАП РФ), и перспективам применения указанных норм.

Ключевые слова: возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства; экстремизм; УК РФ; КоАП РФ; административное правонарушение; административная преюдиция.

Abstract. T*he article analyzes the current state of the current Russian legislation providing liability for arousal of hatred or enmity, as well as the humiliation of human dignity (article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 20.3.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation) and perspectives of their using.*

Key words: arousal of hatred or enmity, as well as the humiliation of human dignity; extremism; Criminal Code of the Russian Federation; Code of Administrative Offences of the Russian Federation; administrative misdemeanor; administrative prejudice.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ были внесены изменения в ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Эти изменения направлены на совершенствование механизма привлечения к ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства как за наиболее типичные и распространенные проявления экстремизма.

Такое изменение законодательства было вызвано рядом причин социального и правового характера.

В последние годы (начиная как минимум с 2011 до 2018 г.) наблюдался ежегодный рост числа как регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, так и лиц, осужденных за их совершение [5]. Например, в 2018 г. в Российской Федерации по ст. 282 УК РФ было осуждено 518 чел., в том числе действия 505 осужденных были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ (418 чел. – по основной квалификации и 87 – по дополнительной), еще 13 – по ч. 2 ст. 282 УК РФ [3].

Очевидно, что деяние, предусмотренное ст. 282 УК РФ, до недавнего времени, т. е. до конца 2018 г., являлось наиболее распространенным преступлением экстремистской направленности (по крайней мере, среди выявляемых и регистрируемых). При этом практика применения норм об ответственности за преступления экстремистской направленности в последние годы характеризовалась преобладанием дел, связанных с публикациями в Интернете, прежде всего в социальных сетях [1].

Данное обстоятельство можно объяснить рядом причин, в первую очередь развитием и широким распространением современных информационных технологий.

По мнению Г. И. Узембаевой, использование информационно-телекоммуникационных сетей придает «данным деяниям наивысшую степень публичности, основанной на широких возможностях по сохранению, копированию и иному использованию экстремистской информации» [9, с. 8].

Однако следует признать, что изменения законодательства также оказали влияние на деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия экстремизму. Так, Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» была усилена ответственность за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, путем повы-

© Тараканов И. А., Пичугин С. А., 2019

шения максимального наказания за указанное деяние с двух до пяти лет лишения свободы. Таким образом, деяние было отнесено к категории преступлений средней тяжести (ранее оно являлось преступлением небольшой тяжести). При этом в санкции ч. 1 ст. 282 УК РФ альтернативно предусмотрено и более мягкое наказание в виде штрафа в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, что, по мнению законодателя, должно максимально обеспечить индивидуализацию наказания.

Вместе с тем в практике применения судами нормы ч. 1 ст. 282 УК РФ есть и приговоры к реальному лишению свободы.

Так, в 2015 г. Сургутский городской суд признал виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и приговорил к году лишения свободы в колонии-поселении интернет-пользователя Олега Новоженина, размещавшего на своей странице в сети «ВКонтакте» аудио- и видеозаписи, в которых, по мнению суда, пропагандировал идеи запрещенных в России организаций «Правый сектор» и Misantropic Division, а также украинского добровольческого батальона «Азов». О. Новоженин вину признал полностью [1].

Однако после усиления в 2016 г. ответственности за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ, увеличилось и количество уголовных дел, возбужденных по признакам данного преступления. При этом, как уже отмечалось выше, в большинстве случаев речь шла о публикациях в социальных сетях, которые выявлялись в результате мониторинга.

Подобная практика применения ст. 282 УК РФ правоохранительными органами, осуществляющими противодействие экстремизму, подвергалась серьезной критике в юридической литературе, политическими и общественными деятелями, в том числе членами Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [8]. Отмечались также несоразмерность предусмотренных ст. 282 УК РФ деяния и наказания за его совершение после повышения санкций в 2016 г., ставилась под сомнение обоснованность криминализации указанного деяния.

Кроме того, обращалось внимание на многочисленные уголовные дела, которые возбуждались по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и привлечение к уголовной ответственности за размещенные в социальных сетях (прежде всего «ВКонтакте») высказывания и комментарии (в блогах и на форумах), репосты ранее размещенных в Интернете материалов, признанных экстремистскими, а также изображения с соответствующими подписями, затрагивающие различные религиозные, расовые, национальные особенности.

Широкий общественный резонанс вызвало дело жительницы г. Барнаула (Алтайский край) Марии Мотузной. Органы полиции выявили, что в 2015 г. М. Мотузная использовала свою вторую страницу в социальной сети «ВКонтакте» под именем Марии Фроловой и добавила в альбом «Сохраненные» изображения, в том числе демотиваторы, в которых по заключению экспертизы содержалась «тематика неприятия к лицам негроидной расы, а также отрицательного характера священнослужителей» [4]. М. Мотузная впоследствии удалила указанные материалы со своей страницы. Тем не менее ей было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 148 (публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих), ч. 1 ст. 282 УК РФ (унижение человеческого достоинства представителей негроидной расы) [7].

Особенно остро и эмоционально критика практики применения ст. 282 УК РФ прозвучала 7 июня 2018 г. в ходе «Прямой линии» с Президентом Российской Федерации В. Путиным, где данная тема была затронута депутатом Государственной Думы С. Шаргуновым [5].

Все эти обстоятельства указывали на необходимость реформирования нормы, содержащейся в ст. 282 УК РФ.

В свою очередь, в целях решения ряда проблем правоприменительного характера, связанных с толкованием положений уголовного закона, 20 сентября 2018 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес изменения в постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В указанных изменениях разъяснялись отдельные аспекты ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а равно за унижение человеческого достоинства (например, в каких случаях следует признавать действия лица, разместившего материал в сети «Интернет», возбуждением ненависти или вражды, какие обстоятельства нужно принимать во внимание для решения вопроса о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ).

Однако данные разъяснения не решали всех вопросов, которые возникали на практике и требовали законодательного реагирования.

В связи с этим предлагались различные варианты изменений ст. 282 УК РФ. Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации неоднократно вносили законопроекты о декриминализации ст. 282 УК РФ, но эти проекты отклонялись [2]. Так, 15 ноября 2018 г. Государственная Дума отклонила законопроект № 495566-7 «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (по вопросу уточнения ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства)», предложенный депутатами Государственной Думы С. А. Шаргуновым, О. Н. Смолиным.

В итоге законодатель согласился с предложенным Президентом Российской Федерации законопроектом, положения которого во многом учиты-

вали и предложения Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, и критические замечания С. Шаргунова.

В сравнении с ранее действовавшей редакцией ч. 1 ст. 282 УК РФ, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ законодатель в качестве обязательного условия уголовной ответственности за рассматриваемое деяние дополнительно установил привлечение виновного лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, т. е. административную преюдицию за ранее совершенное аналогичное административное правонарушение.

Таким образом, повторное совершение лицом деяния, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ, в течение одного года после его привлечения к административной ответственности за указанное правонарушение является криминообразующим признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и влечет уголовную ответственность, т. е. получило более строгую правовую оценку в действующем законодательстве. В данном случае, как было отмечено выше, мы имеем дело с административной преюдицией.

Подобный прием юридической техники законодатель использовал и ранее при конструировании отдельных статей УК РФ, которые предусматривают ответственность за деяния, смежные с аналогичными административными правонарушениями по причине совпадения (схожести) охраняемого объекта. В качестве примеров таких деяний назовем ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию».

При этом, так как ранее законом не была предусмотрена административная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 521-ФЗ КоАП РФ был дополнен ст. 20.3.1 следующего содержания:

«Статья 20.3.1. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, –

влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей, или обязательные работы на срок до ста часов, или административный арест на срок до пятнадцати суток; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей».

Отметим, что одновременно с изменением ч. 1 ст. 282 УК РФ и указанием в ней на привлечение к административной ответственности за аналогичное правонарушение следовало установить и административную ответственность тем же Федеральным законом. Однако это было сделано другим Федеральным законом – законом от 27 декабря 2018 г. № 521-ФЗ. Проблемы в данном случае нет, так как оба рассматриваемых федеральных закона вступили в силу одновременно – с 8 января 2019 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель поместил ст. 20.3.1 КоАП РФ в гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», в то время как ст. 282 УК РФ находится в главе уголовного закона о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства.

Объективные стороны деяний, предусмотренных ст. 20.3.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 282 УК РФ, практически идентичны. Диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ в редакции Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ почти дословно воспроизводит диспозицию ст. 20.3.1 КоАП РФ, за исключением слов «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» (вместо них введены слова «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года»).

Полагаем, это обстоятельство указывает на то, что объекты рассматриваемых деяний также идентичны. Именно поэтому включение законодателем ст. 20.3.1 в гл. 20 КоАП РФ вызывает вопросы об обоснованности такого законодательного определения объекта указанного административного правонарушения.

Введя в диспозицию уголовно-правовой нормы дополнительное условие, являющееся обязательным, законодатель фактически усложнил привлечение к ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ. В соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение административного правонарушения со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Дела о таких административных правонарушениях, как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, предусмотренных ст. 20.3.1 КоАП РФ, возбуждаются прокурором (ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ) и подлежат рассмотрению судьями районных судов (ч. 1, абз. 3 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ).

В случаях, если после выявления рассматриваемого административного правонарушения осуществляются экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, проводится административное расследование в сроки, не превышающие один месяц с мо-

мента возбуждения дела об административном правонарушении (ч. 1, 5 ст. 28.7 КоАП РФ).

Тем самым законодателем созданы дополнительные правовые гарантии (путем включения в рассмотрение дела об административном правонарушении органов прокуратуры и суда) соблюдения прав человека от необоснованного и субъективного привлечения к ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Полагаем, что таким образом законодатель максимально ограничил те обстоятельства, которые явились поводом для серьезной критики закона и практики его применения со стороны общественности и, как следствие, привели к внесению изменений в УК РФ и КоАП РФ в декабре 2018 г.

Введение административной ответственности за деяние, ранее фактически охватывавшееся ч. 1 ст. 282 УК РФ, при сохранении ответственности в новой редакции той же части указанной статьи, т. е. в измененном виде, указывает на то, что деяние, предусмотренное ст. 282 УК РФ, частично декриминализировано [6].

Таким образом, деяние, которое до вступления в силу федеральных законов от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ и № 521-ФЗ (т. е. до 8 января 2019 г.) квалифицировалось по ч. 1 ст. 282 УК РФ, с 8 января 2019 г. должно квалифицироваться как административное правонарушение, охватываемое признаками ст. 20.3.1 КоАП РФ.

При этом за деяния, которые были совершены до 8 января 2019 г., лица не могут быть привлечены к административной ответственности на основании взаимосвязанных положений ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации и предложения второго ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, согласно которым закон, устанавливающий административную ответственность за административное правонарушение, обратной силы не имеет, а на момент совершения этих деяний административная ответственность за их совершение не была установлена.

В связи с указанным обстоятельством лица, которые до 8 января 2019 г. были осуждены за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ), и отбывали наказание, подлежат освобождению от наказания в связи с изданием уголовного закона, устраняющего преступность деяния (ч. 1 ст. 10 УК РФ). Распространяется действие Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ и на лиц, отбывших наказание, но имеющих судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ (такие лица должны считаться не имеющими судимости).

Уголовные дела, возбужденные по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, находившиеся по состоянию на 8 января 2019 г. в производстве суда или органов предварительного расследования, подлежат прекращению в связи с отсутствием в деянии состава преступления, а в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении указанных преступлений, прекращается уголовное преследование.

В сравнении с предыдущей редакцией ч. 1 ст. 282 УК РФ законодатель внес изменения в описание соотношения способов совершения данного деяния. Так, признак публичности в настоящее время (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ) охватывает собой и использование средств массовой информации, и использование информационно-телекоммуникационных сетей (ранее публичность и использование средств массовой информации рассматривали как альтернативные способы).

Часть 2 ст. 282 УК РФ также подверглась изменениям: в ее диспозицию почти дословно включена диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ, за исключением слов «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года». При этом санкции ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ законодатель не изменил.

Следует обратить внимание на границы между административно наказуемым и уголовно наказуемым деянием в виде возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства.

Как видно из текста сравниваемых нормативных актов, отличие деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ) и ст. 20.3.1 КоАП РФ (введенной Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 521-ФЗ) заключаются в наличии/отсутствии признака предшествующего привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года и отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Таким образом, в настоящее время криминообразующими признаками, позволяющими отграничить уголовно наказуемое возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) от аналогичного административного правонарушения, является совершение деяния:

1) лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года (ч. 1 ст. 282 УК РФ);

2) с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ);

3) лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ);

4) организованной группой (п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ).

При отсутствии в деянии указанных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, лицо подлежит административной ответственности за деяние, предусмотренное ст. 20.3.1 КоАП РФ.

Полагаем, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» необходимо более подробно разъяснить различные аспекты ответственности за совершение указанных преступлений, в том числе с

учетом введения административной преюдиции в ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Внесение изменений в ст. 282 УК РФ и введение в КоАП РФ ст. 20.3.1 позволят обеспечить привлечение к уголовной ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства только тех лиц, для которых оказалось недостаточным наличие административно-правового запрета и привлечение к административной ответственности за его нарушение. Надеемся, что указанные новеллы существенно повысят эффективность мер государственного принуждения по противодействию экстремизму и позволят привлекать к ответственности лишь тех лиц, чьи деяния представляют реальную общественную опасность.

Библиографический список

1. Как власти борются с экстремизмом в Сети // ГАЗЕТА. – 2016. – 7 мая. – URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2016/05/10/572ca7d09a794742dedc645c (дата обращения: 01.07.2019).

2. *Озерова М.* Уголовка за репосты в соцсетях: статистика ужаснула / М. Озерова. – URL: http://www.mk.ru/social/2018/06/26/ugolovka-za-reposty-v-socsetyakh-statistika-uzhasnula.html (дата обращения: 01.07.2019).

3. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 г. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/k3-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 01.07.2019).

4. «Ох уж этот цирк». – URL: https://www.znak.com/2018-07-30/dela_ob_ekstremizme_v_barnaule_zavodyat_po_zayavleniyam_studentok_fakulteta_ugolovnogo_prava (дата обращения: 01.07.2019).

5. *Попов Н.* Сергей Шаргунов: 282 – это зло / Н. Попов. – URL: https://dailystorm.ru/vlast/sergey-shargunov-282-ya-eto-zlo (дата обращения: 01.07.2019).

6. Принят закон Президента о частичной декриминализации ст. 282 УК РФ. – URL: http://duma.gov.ru/news/29223/ (дата обращения: 01.07.2019).

7. Суд вернул в прокуратуру дело Марии Мотузной. – URL: https://zona.media/news/2018/10/09/motuznaya-proc (дата обращения: 01.07.2019).

8. Суд в Екатеринбурге впервые закрыл дело об экстремизме после смягчения наказания за лайки и репосты в соцсетях – URL: http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/5978 (дата обращения: 01.07.2019).

9. *Узембаева Г. И.* Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Узембаева Гульфия Ишбулдовна ; Международный юридический институт. – Москва, 2016. – 25 с. – Место защиты: Российский университет дружбы народов.

References

1. As the authorities are fighting extremism in Network. Gazeta. 2016. May 7. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2016/05/10/572ca7d09a794742dedc645c (date of the application: 01.07.2019).

2. *Ozerova M.* Criminal Misdeeds for reposts in social networks: statistics has terrified. URL: http://www.mk.ru/social/2018/06/26/ugolovka-za-reposty-v-socsetyakh-statistika-uzhasnula.html (date of the application: 01.07.2019).

3. Report on the number of persons convicted of all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons in respect of whom judicial acts on criminal cases for 12 months of 2018. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/k3-svod_vse_sudy-2018.xls (date of the application: 01.07.2019).

4. «Oh, this circus». URL: https: //www.znak.com/2018-07-30/dela_ob_ekstremizme_v_barnaule_zavodyat_po_zayavleniyam_studentok_fakulteta_ugolovnogo_prava (date of the application: 01.07.2019).

5. *Popov N.* Sergei Shargunov: 282 is evil. URL: https://dailystorm.ru/vlast/sergey-shargunov-282-ya-eto-zlo (date of the application: 01.07.2019).

6. The law of the President on partial decriminalization of article 282 of the Criminal Code. URL: http://duma.gov.ru/news/29223/ (date of the application: 01.07.2019).

7. The court returned to the prosecutor's office the case of Maria Motuznaya. URL: https://zona.media/news/2018/10/09/motuznaya-proc (date of the application: 01.07.2019).

8. The court in Yekaterinburg has closed the case on extremism for the first time after easing the punishment for likes and reposts in social networks. URL: http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/5978 (date of the application: 01.07.2019).

9. *Uzembaeva G. I.* Crimes of an Extremist Nature Committed Through Media or Information and Telecommunication Networks: Criminal Law and Criminological Characteristic. Moscow, 2016. 25 p.

Библиографическое описание статьи

Тараканов И. А. Ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства: новый подход и перспективы применения / И. А. Тараканов, С. А. Пичугин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 101–105.

УДК 343.35

Ткачук Татьяна Алексеевна,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, профессор
E-mail: tatkachyk@mail.ru

Tkachuk Tat'yana A.,
Professor of Criminal Law Studies Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
Doctor of Law, Professor

Бодяков Владимир Николаевич,
начальник кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: krim33@mail.ru

Bodyakov Vladimir N.,
Head of Criminal Procedure and Forensic Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Collar Crime: Some Issues of Prevention and Peculiarities of Their Solutions

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отдельных вопросов профилактики должностных преступлений. На основе анализа юридической литературы авторы формируют понятие должностной преступности; выявляют отдельные особенности, характеризующие должностную преступность; обосновывают целесообразность использования комплекса средств и методов обеспечения профилактики должностных преступлений.

Ключевые слова: профилактика; коррупционные преступления; должностное лицо; преступления, совершаемые должностными лицами.

Abstract. The article is devoted to the consideration of certain issues prevention malfeasances. The article presents the concept of official crime on the basis of the analysis of legal literature. Certain features characterizing official crime are revealed. In the article the authors substantiate the expediency of using a set of tools and methods to ensure the prevention of malfeasance.

Key words: prevention; corruption crimes; official; the crimes committed by officials.

На современном этапе развития Российского государства одной из важных задач, стоящий перед руководством страны, выступает борьба с коррупцией как с проявлением должностной преступности. Должностные преступления наносят существенный ущерб авторитету государственной власти, снижая уровень доверия граждан к деятельности различных ее органов и структур, кроме того, подрывают авторитет России на международной арене. В этой связи борьба с коррупцией предстает одним из приоритетных направлений во внутренней политике Российской Федерации, а также в деятельности правоохранительных органов.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2018 г. уровень преступлений коррупционной направленности вырос на 3 % по сравнению с 2017 г. [4]. Вместе с тем следует учитывать, что рассматриваемая категория преступлений обладает достаточно высокой степенью латентности, которая проявляется в двух видах: естественная (когда не поступает заявлений о преступлениях) и искусственная (укрытые преступления). Исходя из этого можно предположить, что официальная статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации не может в полной мере отражать ситуацию в этой области. Кроме того, не менее важна экономическая составляющая, так как все больше коррупционных преступлений совершается в крупном и особо крупном размерах либо в результате их совершения причиняется крупный и особо крупный ущерб.

Современные проблемы борьбы с должностными преступлениями всегда находятся в поле зрения руководителей нашего государства. Так, на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 г. В. В. Путин определил, что следует и далее наращивать усилия в борьбе с коррупцией, однако необходимо использовать новые, современные, действенные подходы в выявлении и расследовании этих сложных, скрытых видов преступлений [9].

Вместе с тем, выступая 19 марта 2019 г. на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, В. В. Путин обозначил, что для снижения уровня коррупции важно совершенствовать механизмы взаимодействия всех правоохранительных органов [5].

Столь пристальное внимание к должностной преступности обусловлено прежде всего той общественной опасностью, которую она представляет.

В юридическом словаре дается следующее определение должностных преступлений: это «преступления, посягающие на нормальную деятельность государственного или муниципального аппарата, совершаемые должностными лицами с использованием своего служебного положения. Преступление признается должностным, если налицо сочетание двух обязательных признаков:

© Ткачук Т. А., Бодяков В. Н., 2019

виновный является должностным лицом, а совершенные им общественно опасные действия (бездействие) связаны с его должностным положением» [2, с. 539].

Проведенный нами анализ определений понятия «должностное преступление», имеющихся в юридической и специальной литературе, позволяет утверждать, что понимание его сущности на протяжении многих лет практически не изменилось. Из современных определений, по нашему мнению, можно выделить следующее: должностные преступления – это «деяния, посягающие на нормальную, регламентированную законом деятельность публичного управленческого аппарата, которые совершаются служащими (должностными лицами) этого аппарата с использованием служебных полномочий, а также лицами, осуществляющими функции публичного аппарата управления по специальному поручению (полномочию)» [10, гл. 16].

Можно и далее приводить многочисленные определения должностных преступлений, сформулированные в разное время разными авторами (как криминалистами, так и специалистами в области уголовного права), однако все ученые, по сути, рассматривают должностные преступления как посягательства на нормальное функционирование органов государственной власти и управления, совершенные лицами, наделенными определенными служебными полномочиями, и относят к этой категории составы преступлений, содержащиеся в гл. 30 УК РФ, следуя, тем самым, за структурой УК РФ. По нашему же мнению, отнесение ряда составов преступлений к категории должностных лишь по признаку единого объекта преступного посягательства с точки зрения науки уголовного права нецелесообразно и не отражает в полной мере содержания исследуемого явления [1].

Безусловно, для правильного понимания сути должностного преступления имеет значение правильное определение его субъекта. В преступлениях данного вида имеется специфический субъект – должностное лицо. Это приводит к необходимости изучения самого понятия должностного лица, определения составных элементов его деятельности, которые имеют значение для выявления особенностей преступной деятельности, разработки способов отражения ее содержания в различных документах [Там же].

При этом особое внимание уделяется тому факту, что должностные лица выступают как представители власти, наделенные распорядительными полномочиями, в том числе и в отношении лиц, не находящихся в их подчинении.

Несмотря на то, что видов должностных преступлений, посягающих на различные объекты, и иных противоправных деяний лиц, совершаемых с использованием служебного положения, достаточно много, в предмет нашего исследования мы включаем преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Проведенный нами анализ практики борьбы с должностными преступлениями показал, что среди отдельных видов должностных преступлений преобладают: преступления, связанные со взяточничеством (30 %); злоупотребление должностными полномочиями (20 %); превышение должностных полномочий (15 %); служебный подлог (25 %); халатность (5 %); иные виды (5 %). Уголовно-правовой и криминалистический анализ механизма подготовки, совершения и сокрытия обозначенных преступлений, по нашему убеждению, позволяет рассматривать их как наиболее яркие коррупционные проявления.

Не останавливаясь подробно на отдельных сложностях выявления и раскрытия фактов совершения должностных преступлений, необходимо отметить, что само служебное положение должностных лиц, их совершающих, представляет значительные трудности для правоохранительных органов в борьбе с коррупцией, что, в свою очередь, приводит не только к ее латентности, но и к возможности совершения преступлений в течение продолжительного периода. Не случайно в последние годы в средствах массовой информации все чаще становится достоянием гласности служебная деятельность чиновников, которые на протяжении многих лет безнаказанно получали взятки, а выявляемые факты преступной халатности практически в каждом втором случае имеют системность, т. е. продолжались не менее года.

В рассматриваемом аспекте нам представляется убедительным тот факт, что именно Совет по противодействую коррупции при Президенте Российской Федерации с участием представителей высшего руководства страны позволяет действовать достаточно быстро и эффективно. Здесь следует отметить необходимость раскрытия информации о личной заинтересованности госслужащего, юридически сформулированное правило увольнения «в связи с утратой доверия», не исключающее для лица ответственности, а реализация нового Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378, прямо предполагает неотвратимость ответственности за коррупционные преступления.

Согласно результатам проведенных социологических опросов, в целом граждане положительно оценивают проводимую на федеральном уровне работу по противодействию рассматриваемому виду преступления. Однако большинство считает ее не вполне достаточной в связи с тем, что на местах продолжают сталкиваться с коррупционными проявлениями («бытовая коррупция») [8].

Как показывает многолетний опыт борьбы с должностными преступлениями, меры специального уголовно-правового и уголовно-процессуального предупреждения, по сути, являясь карательно-репрессивными, не в состоянии поколебать позиции масштабного повсеместного взяточничества и совершения других должностных преступлений. В этой связи, по нашему мнению, в системе мер, направленных на предупреждение

должностной преступности приоритет должен отдаваться общесоциальным мерам социально-экономического (увеличение уровня заработной платы работников государственных и муниципальных организаций, учреждений и предприятий) и духовно-нравственного характера (направленных на повышение уровня духовных, нравственных и моральных ценностей как у должностных лиц, так и общества в целом).

Безусловно, сильным катализатором, без которого вся система предупредительных мер не будет работать, выступает неотвратимость уголовного наказания. В связи с этим в деятельности правоохранительных органов особое значение приобретают: выявление должностных лиц, которые могут совершить рассматриваемые преступления; создание обстановки, принуждающей к отказу от их совершения; проведение оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих пресекать противоправную деятельность должностных лиц на ранних стадиях совершения преступления, а в случаях возбуждения уголовных дел – всестороннее и объективное расследование выявленных фактов. Следует отметить, что для успешной реализации указанной деятельности объективно необходимы профессионально подготовленные специалисты, имеющие возможность не только осуществлять правоохранительные функции с учетом принадлежности к определенным структурным подразделениям, но и проводить научные исследования должностной преступности с целью прогнозирования возможных рисков и тенденций ее развития.

Помимо этого, к мерам предупреждения должностной преступности, необходимо отнести:

– дальнейшее совершенствование работы государственного аппарата, четкую правовую регламентацию специфики служебной деятельности должностных лиц [6];

– разработку и реализацию на различных уровнях целевых программ противодействия должностной преступности;

– дальнейшее совершенствование деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению фактов совершения должностных преступлений;

– совершенствование взаимодействия всех правоохранительных органов в работе по предупреждению и пресечению этих преступлений [7];

– обеспечение безопасности сотрудников (а также членов их семей), осуществляющих борьбу с должностными преступлениями;

– совершенствование механизма ротации кадров;

– совершенствование деятельности по подбору и расстановке кадров [6], увольнение с государственной службы лиц, нарушивших этические нормы поведения, связанные с осуществлением должностных полномочий;

– мониторинг за лицами, имеющими судимости за совершение тяжких должностных преступлений, уволенными в связи с утратой доверия.

Вместе с тем важнейшее значение для профилактики должностных преступлений имеют устранение негативных последствий реформ, проводимых в сфере экономики, повышение качества и уровня жизни граждан, а также обеспечение эффективной повседневной защиты прав и законных интересов как физических, так и юридических лиц [7].

Немаловажную роль в предупреждении рассматриваемых преступлений играют и выступления руководителей различных правоохранительных органов, других органов государственной власти перед населением непосредственно в коллективах и через средства массовой информации. Такие выступления, помимо формирования позитивного отношения общества к правоохранительным органам, позволят внедрить в общественное сознание идеи о необходимости участия граждан в этой работе, способствовать осуществлению виктимологической профилактики [3].

Итак, несмотря на достаточно большое многообразие мер предупредительного характера, достичь должного результата в полной мере они не позволяют. Как нам кажется, проблема профилактики должностной преступности может быть решена только посредством одновременной реализации целого комплекса мер. С одной стороны, это применение мер социально-экономического и духовного характера, которые позволят не только обеспечить достойный уровень благосостояния служащих, но и сформировать их антикоррупционное поведение. С другой стороны, повышение результативности профилактической деятельности правоохранительных органов, в рамках которой особое значение приобретает деятельность по выявлению и пресечению противоправной деятельности должностных лиц на этапе подготовки к совершению преступления, в том числе создание обстановки, принуждающей к отказу от их совершения. И, конечно, дальнейшая реализация принципа неотвратимости наказания.

Библиографический список

1. *Бодяков В. Н.* Расследование должностных преступлений в уголовно-исполнительной системе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Бодяков Владимир Николаевич ; Владимирский юридический институт. – Владимир, 2009. – 210 с.

References

1. *Bodyakov V. N.* Investigation of Malfeasance in the Penal System. Vladimir, 2009. 210 p.

2. Big Law Dictionary. Ed. by A. Ya. Sukharev, V. D. Zor'kin, V. E. Krutskikh. Moscow, Infra-M, 1997. 790 p. ISBN 5-86225-578-8.

3. *Gasparyan G.* The Main Directions of Prevention of an Official Crime among Employees of Tax Authorities. *Probely' v Rossijskom Zakonodatel'stve*. 2008. No. 2. P. 245–246.

2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – Москва : Инфра-М, 1997. – 790 с. – ISBN 5-86225-578-8.

3. *Гаспарян Г.* Основные направления предупреждения должностной преступности среди сотрудников налоговых органов / Г. Гаспарян // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 245–246.

4. Генеральной прокуратурой РФ проанализировано состояние коррупционной преступности по итогам 2018 года. – URL: http://guardinfo.online/2019/03/22/generalnoj-prokuraturoj-rf-proanalizirovano-sostoyanie-korrupcionnoj-prestupnosti-po-itogam-2018-goda/ (дата обращения: 22.07.2019).

5. Заседание коллегии Генпрокуратуры России. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60100 (дата обращения: 15.07.2019).

6. *Малков В. Д.* Должностная и коррупционная преступность, ее предупреждение / В. Д. Малков // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 1. – С. 113–122.

7. *Мусаев М.* Коррупция: коррупционная преступность и ее предупреждение / М. Мусаев // Юридические науки. – 2009. – № 6. – С. 78–81.

8. Опрос: Россияне положительно оценивают действия властей в борьбе с коррупцией. – URL: vz.ru/news/2015/10/26/774434.html (дата обращения: 15.07.2019).

9. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59913 (дата обращения: 15.07.2019).

10. Уголовное право России : учеб. для вузов : в 2 т. / А. Э. Жалинский, А. Н. Игнатов, Т. А. Костарева [и др.]. – Москва : Норма-Инфра, 1998. – Т. 2. – 795 с. – ISBN 5-89123-284-7.

4. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation analyzed the state of corruption crime at the end of 2018. URL: http://guardinfo.online/2019/03/22/generalnoj-prokuraturoj-rf-proanalizirovano-sostoyanie-korrupcionnoj-prestupnosti-po-itogam-2018-goda/ (date of the application: 22.07.2019).

5. Meeting of the board of the Prosecutor General of Russia. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60100 (date of the application: 15.07.2019).

6. *Malkov V. D.* Corrupt Officials and Crime Prevention. *Rossijskij Kriminologicheskij Vzglyad.* 2008. No. 1. P. 113–122.

7. *Musaev M.* Corruption: Corruption Crime and Its Prevention. *Yuridicheskie Nauki.* 2009. No. 6. P. 78–81.

8. Poll: Russians positively assess the actions of the authorities in the fight against corruption. URL: vz.ru/news/2015/10/26/774434.html (date of the application: 15.07.2019).

9. Extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59913 (date of the application: 15.07.2019).

10. *Zhalinskij A. E'., Ignatov A. N., Kostareva T. A. et al.* Russian Criminal Law. In 2 vol. Moscow, Norma-Infra, 1998. Vol. 2. 795 p. ISBN 5-89123-284-7.

Библиографическое описание статьи

Ткачук Т. А. Должностные преступления: некоторые вопросы профилактики и особенности их решения / Т. А. Ткачук, В. Н. Бодяков // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 106–109.

УДК 346.12

Толстова Маргарита Владимировна,
руководитель направления группы правового сопровождения хозяйственной деятельности отдела правового сопровождения энергосбытовой деятельности публичного акционерного общества «Тамбовская энергосбытовая компания»
E-mail: tolstova-tmb@mail.ru

Tolstova Margarita V.,
Head of Legal Support of Business Activities of Legal Support Department of Energy Activities of Public Joint Stock Company «Tambov Energy Retail Company»

Лаврик Татьяна Михайловна,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса Тамбовского государственного технического университета кандидат юридических наук, доцент
E-mail: lavriktan@mail.ru

Lavrik Tat'yana M.,
Head of Civil Law and Procedure Department of Tambov State Technical University PhD (Law), Associate Professor

ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Business Reputation as a Criterion of Evaluation of Business Entities in Procurement

Аннотация. В статье дается оценка важности положительной деловой репутации юридического лица в условиях рыночных отношений. Понятие «деловая репутация» рассматривается как отдельный элемент критерия «квалификация участников закупки», который может использоваться заказчиком для оценки заявок и окончательных предложений участников закупки. Анализируется практика применения заказчиками показателя, в том числе варианты его содержания, перечня подтверждающих документов, предоставляемых участником в составе заявки. Исследуются позиция ведомственных органов и судебная практика по вопросам применения критерия.

Ключевые слова: субъекты предпринимательской деятельности; юридическое лицо; деловая репутация; оценка заявок; закупки; квалификация участников закупки.

Abstract. The article assesses the importance of a positive business reputation of a legal entity in the conditions of market relations. The concept of «business reputation» is considered as a separate element of the criterion of «qualification of bidders», which can be used by the customer to evaluate bids and final bids of bidders. The practice of application of the indicator by customers, including options of its contents, the list of the confirming documents provided by the participant as a part of the application is analyzed. The position of departmental bodies and judicial practice on the application of the criterion are investigated.

Key words: business entities; legal entity; business reputation; evaluation of applications; procurements; qualification of procurement participants.

Система электронных торгов, как и система государственных закупок в целом, ставит перед собой задачу обеспечить удовлетворение потребностей государства в товарах, работах, услугах необходимого качества по оптимальной цене. Задача государства здесь заключается в определении максимально понятных и жестких рамок, минимизирующих возможность для манипуляции и искажения результатов закупок, а также обеспечивающих должный уровень конкуренции профессиональных поставщиков. Особое внимание всегда должно уделяться совершенствованию качественных и квалификационных критериев закупок.

В условиях развивающихся рыночных отношений важной частью дифференциации продукта (работы, услуги) является деловая репутация юридического лица, производящего, реализующего указанный продукт (работу, услугу). Деловая репутация служит одним из важнейших инструментов, подтверждающих добросовестность компании. Доброе имя компании является своего рода рекламой, которая в современных условиях помогает привлечь большую потребительскую аудиторию, а значит, увеличить прибыль компании. Потребители (заказчики) начинают оценивать предлагаемую продукцию (работу, услугу) не только с точки зрения получения финансовой выгоды, исходя из наименьшей стоимости продукции (работы, услуги). Потребители (заказчики) готовы нести большие расходы на продукцию (работу, услуги), предлагаемую ответственными компаниями с хорошей деловой репутацией.

Положительная деловая репутация становится объективной необходимостью для субъекта предпринимательской деятельности, имеющего своей целью занять устойчивую позицию на внутреннем рынке, а в последующем, возможно, и на мировой арене. Высокий уровень деловой репутации предоставляет компании ряд важных преимуществ, например, таких как увеличение числа инвесторов, а также дает преимущества на рынке труда как работодателя, привлекая топ-менеджеров и специалистов, обладающих высокой квалифика-

© Толстова М. В., Лаврик Т. М., 2019

цией, что делает компанию более конкурентоспособной.

Уровень доверия к компании и, как следствие, ее деловой репутации, в отличие от имиджа, который чаще всего искусственно создается самой компанией и порой не соответствует действительности, формируется в течение длительного периода и складывается из набора определенных критериев, к которым относятся:

– период экономической деятельности компании на интересующем заказчика рынке;

– качественная характеристика товаров (выполненных работ, оказанных услуг), произведенных (реализованных) за время экономической деятельности хозяйствующего субъекта;

– объем (количество) товаров (работ, услуг), произведенных (реализованных) за время экономической деятельности хозяйствующего субъекта;

– материальное обеспечение и техническое оснащение хозяйствующего субъекта;

– специалисты и руководители, обладающие необходимой квалификацией, соответствующим уровнем знаний и навыков для качественного производства продукции (выполнения работ, оказания услуг);

– рейтинг в экономическом пространстве, включающий в себя восприятие организации заказчиками и обществом в целом;

– достоверность, подразумевающая полноту и правдивость сведений, предоставленных организацией.

Большая вероятность плодотворного сотрудничества возможна с компанией, которая обладает наибольшим количеством вышеперечисленных положительных параметров. В связи с этим законодатель предусмотрел такой инструмент прогнозирования успешных отношений, как оценка опыта и деловой репутации участника закупок [4].

Перспективным видится план по реализации идеи Федеральной антимонопольной службы о формировании автоматического рейтинга деловой репутации. При этом необходимо осознавать, что качество любого рейтинга определяется обоснованностью и объективностью методики расчета, а также прозрачностью его формирования и готовностью разработчиков к диалогу с участниками рынка закупок. Если расчет составляющих рейтинга будет понятен и будет обеспечена возможность обратной связи, предложения по корректировке методики субъектов рейтингования будут рассматриваться и приниматься по понятным и прозрачным процедурам, то такой инструмент станет полезным как потребителям (заказчикам), так и поставщикам.

В настоящее же время Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее: ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ) предусмотрено понятие «квалификация участников закупки». Оно состоит из совокупности отдельных элементов, к числу которых относится и деловая репутация, характеризующая такой критерий, как оценки заявок и окончательных предложений участников закупки.

Критерий «квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых ресурсов, на праве собственности или ином законном основании оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации» (п. 4 ч. 1 ст. 32 ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ) определяется заказчиком, наряду с обязательным критерием «цена контракта», в документации о закупке. ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ предусматривает обязательное требование об указании выбранного критерия и величины его значимости в документах о закупке, предоставляемых на торги, так как только в этом случае они могут быть учтены в качестве аргументов, необходимых для получения удовлетворительной оценки по заявке (ч. 4 ст. 32).

Порядок оценки заявок, окончательных предложений участников закупки, в том числе предельные величины значимости каждого критерия, устанавливаются Правительством Российской Федерации (ч. 8 ст. 32 ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ).

В настоящее время действуют Правила оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. № 1085 (далее: Правила). В соответствии с п. 27 Правил показателями нестоимостного критерия оценки «квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых ресурсов, оборудования и других материальных ресурсов, принадлежащих им на праве собственности или на ином законном основании, опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации» может быть, помимо прочего, деловая репутация участника закупки.

Раскрывая показатели нестоимостных критериев оценки, Правила при этом не дают определения показателя «деловая репутация». Как разъясняется в письме Федеральной антимонопольной службы от 8 октября 2015 г. № АЦ/54940/15 «О применении закона о контрактной системе по вопросу о возможности установления заказчиком в конкурсной документации порядка оценки, в котором по показателю “деловая репутация” оценке подлежит членство участника закупки в СРО», прерогатива определения его содержания и наполняемости, перечня документов, предоставляемых в составе заявки по показателю, значимость каждого показателя, формула расчета количества баллов, присуждаемых по таким показателям, или шкала предельных величин значимости показателя оценки, устанавливающая интервалы изменений, или порядок определения, принадлежит заказчику. При этом следует обратить внимание, что установление в документации о закупке в качестве предмета оценки того или иного условия согласно постановлению Девятого

арбитражного апелляционного суда от 22 октября 2015 г. № 09АП-44020/15 не должно способствовать ограничению количества участников закупки. Каждая организация рассматривает уровень собственной деловой репутации, исходя из своих соображений. В целом деловую репутацию можно охарактеризовать как совокупность факторов, которые позволяют оценить добропорядочность и стабильность организации, к числу требований, необходимых для установления положительной деловой репутации, могут быть отнесены: оказание услуг или реализация товаров высокого качества, наличие достаточного профессионального штата сотрудников, хорошие кредитные показатели, добросовестные отношения со всеми контрагентами, высокая корпоративная культура, наличие положительных отзывов о деятельности компании, достаточность основных средств для исполнения взятых на себя обязательств.

Действующим законодательством Российской Федерации не определены документы, на основании которых заявки и окончательные предложения участников закупки могут оцениваться по показателю «деловая репутация». Сложившаяся практика показывает, что документами, т. е. основами оценки деловой репутации, признаются документы, содержащие положительные отзывы об участнике закупки, в том числе на информационных ресурсах, грамоты по результатам выполнения работ (оказания услуг) аналогичного характера, благодарственные письма, дипломы сотрудников организации, сертификаты на право оказания услуг и т. п. Одни из заказчиков подсчитывают количество грамот и благодарственных писем, иные вычисляют разницу между рыночной стоимостью участника закупки и балансовой стоимостью его активов.

В настоящее время началось формирование подхода к оценке деловой репутации. Утверждены и введены в действие национальные стандарты оценки опыта и деловой репутации участников предпринимательской деятельности (например, ГОСТ Р 66.0.01–2017. Оценка опыта и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности). Так, системой стандартов оценки опыта и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности устанавливается обязательная методика оценки опыта и деловой репутации, в которой в роли объектов оценки выступают опыт и деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в зависимости от вида их экономической деятельности. В зависимости от вида экономической деятельности субъекта предпринимательской деятельности устанавливаются также факторная модель и требования к оценке опыта и деловой репутации (п. 4.1–4.3 ГОСТ Р 66.0.01–2017).

Такая система стандартов предоставляет заказчику возможность составить рейтинг заявителей, в основе которого лежит индекс деловой репутации компании. Квалифицируя субъектов предпринимательской деятельности на основе единого подхода и методологии, заказчик может осуществить объективную оценку опыта и деловой репутации потенциального исполнителя, оптимизировать процесс выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) при осуществлении закупок по критерию «квалификация участника», а также организовать работу над повышением конкурентоспособности своей компании в целях получения дополнительных преимуществ за счет формирования доброго имени.

Опыт и деловая репутация субъекта предпринимательской деятельности понимается как совокупность характеристик, которая определяет оценку деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя с точки зрения их деловых качеств, включая наличие у них финансовых ресурсов, оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы и репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации (п. 3.1 ГОСТ Р 66.0.01–2017).

Органом, осуществляющим сертификацию, в результате анализа работ по оценке опыта и деловой репутации выдается сертификат подтверждения соответствия заявителя требованиям системы стандартов и присвоения субъекту предпринимательской деятельности индекса деловой репутации.

Подобный сертификат может быть признан заказчиками документом, подтверждающим значение индекса деловой репутации, и предоставляться в составе заявки участника закупки.

Одновременно с национальными стандартами применяют профильные стандарты, которые разработаны для строительных компаний, а также компаний, ведущих архитектурно-строительное проектирование и инженерные изыскания. Кроме того, утверждены стандарты для компаний, производящих и реализующих пожарно-техническую продукцию, выполняющих работы по обеспечению пожарной безопасности объектов защиты. По итогам оценки соответствия деловой репутации требованиям стандартов органом сертификации также выдается сертификат соответствия.

Относительно требования о наличии сертификатов в составе заявки существует две точки зрения. Так, постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 марта 2016 г. № 13АП-31280/15 требование о наличии сертификатов признано правомерным. Другой пример. Управлением Федеральной антимонопольной службы Ленинградской области были приняты решения, согласно которым применение индекса деловой репутации в качестве критерия оценки заявок ограничивает конкуренцию. Указанные решения были обжалованы заказчиком в арбитражный суд. Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области встал на сторону заказчика, признав в решении от 29 октября 2015 г. по делу № А56-57646/2015, что предоставление копии сертификата в соответствии с ГОСТ Р 56002–2014 не является обязательным условием для участия в конкурсе и основанием для отклонения заявки участника, а выступает лишь одним из критериев оценки победителя, к участию в закупке и оценке заявок может быть допущено любое лицо независимо от того, имеет ли оно данный сертификат, или нет. Доказательства, свидетельствующие о том, что участникам закупки отказано в допуске к участию в конкурсе в связи с отсутствием сертифи-

ката, не предоставлены. Основная функция критерия оценки заключается в том, чтобы обеспечить заказчику закупки возможность из общего числа участников выбрать то лицо, которое будет максимально соответствовать потребностям заказчика.

Однако, по мнению Минэкономразвития России, которое нашло выражение в его письме от 19 января 2017 г. № ОГ-Д28-761 «Об установлении заказчиком в конкурсной документации показателей критерия оценки квалификации участников закупки», заказчик не вправе требовать от участников наличия индекса деловой репутации, рассчитанного организацией, аккредитованной в системе добровольной сертификации. Ведомство отмечает, что согласно ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ оценка опыта и деловой репутации сертификат получать не обязывает. Получение документа требует значительных временных и финансовых затрат и является административным барьером для участия в закупке.

В практике имеют место случаи, когда получивший сертификат соответствия с установленным высоким индексом деловой репутации участник закупки в результате рассмотрения заявки получал от заказчика ноль баллов по нестоимостному критерию оценки. Так, Общество – участник закупки, заявке которого по критерию «опыт и деловая репутация» было присвоено ноль баллов, обратился в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с требованием отменить результаты открытого конкурса, указав, что к заявке истцом был приложен сертификат соответствия требованиям ГОСТ Р 66.1.01–2015, который был выдан соответствующей сертифицирующей организацией. По сертификату индекс деловой репутации Общества составил 94 %.

Суд по итогам рассмотрения дела вынес решение от 24 февраля 2016 г. № А56-79686/2015 об отказе в удовлетворении требований, указав, что среди объектов сертификации в реестре зарегистрированных систем на официальном сайте Росстандарта отсутствовала оценка опыта и деловой репутации по требованиям ГОСТ Р 66.0.01–2015, а значит, выданный сертификат соответствия не отвечал требованиям, заявленным в конкурсной документации. Кроме того, в сертификате был указан индекс деловой репутации, равный 94 %, при этом согласно требованиям стандарта индекс деловой репутации не может оцениваться в процентах, а соответственно, конкурсная комиссия не имела возможности правильно оценить предложение Общества – участника закупки. Суд указал, что в соответствии с ГОСТ Р 66.1.01–2015 индекс 94 % не идентичен 94 баллам.

Помимо этого, Росстандарт подтвердил, что в область компетенции сертифицирующей организации не входит оценка опыта и деловой репутации субъектов предпринимательства, следовательно, участник обратился в сертифицирующую организацию, которая не имела права на выполнение работ по сертификации опыта и деловой репутации.

Приведенный случай из практики свидетельствует о том, что участники закупки должны быть очень внимательны при выборе сертифицирующей организации.

Законодательное регулирование закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее: ФЗ от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ), сводится к установлению лишь общих принципов и основных требований к закупке товаров, работ, услуг, которыми должны руководствоваться юридические лица.

Основные требования к участникам закупки в соответствии с ФЗ от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ устанавливаются в документации о закупке в соответствии с положением о закупке, содержание которого, с учетом общих требований и принципов, заказчик определяет самостоятельно (ч. 2 и 3 ст. 2, п. 9 ч. 10 ст. 4).

Требование к деловой репутации участников закупки подлежит включению в документацию о закупке только в том случае, когда это предусмотрено положением о закупке. Перечень документов, которыми может быть подтверждено соответствие участников закупки требованиям к деловой репутации, определяется заказчиком самостоятельно и закрепляется также в положении о закупке и указывается в закупочной документации.

Все больше крупных корпораций, осуществляющих закупки, разрабатывают и утверждают локальными нормативными актами собственные методики оценки деловой репутации участников закупочных процедур. Так, для оценки деловой репутации рассчитывается коэффициент деловой репутации участников, который представляет собой сумму значений по параметрам деятельности участников, составляющих их деловую репутацию. Каждому параметру присваивается коэффициент весомости так, чтобы сумма всех коэффициентов весомости могла составить 100 %.

Оценка деловой репутации участников производится на основе данных, содержащихся в заявках участников, а также данных систем профессионального анализа рынков и компаний, включая данные, получаемые из органов государственной власти и иных открытых источников информации. Исходными данными при этом являются: значения отчета о финансовых результатах деятельности, доступность информации об участнике, время существования участника на рынке, участие в судебных процессах, наличие в структуре собственников участника компании, зарегистрированных в офшорных зонах, наличие благодарственных и рекомендательных писем, а также наличие негативной информации на сайтах Федеральной налоговой службы, Федеральной службы судебных приставов и других информационных ресурсов [1].

При оценке деловой репутации также встречается использование заказчиками системы стоп-факторов (фактор, обнаружение которого является основанием для рекомендаций к принятию решения об отклонении контрагента) и риск-факторов (фактор, обнаружение которого является основанием для понижения итоговой оценки), к которым в том числе относится такие, как: проведение

в отношении контрагента процедуры банкротства; отсутствие информации о государственной регистрации контрагента, наличие информации о его ликвидации, прекращении или приостановлении деятельности, исключении недействующего лица из ЕГРЮЛ/ЕГРИП либо его реорганизации в случае, если реорганизация приведет к прекращению деятельности контрагента; наличие в ЕГРЮЛ информации о недостоверных сведениях в отношении контрагента; предоставление контрагентом заведомо ложных сведений; наличие лица, указанного контрагентом в представленных документах в качестве действующего единоличного исполнительного органа, в Реестре дисквалифицированных лиц; наличие факта уклонения контрагентом от заключения договора по результатам закупочных процедур или процедур продаж в течение последних трех лет; наличие информации о непредоставлении контрагентом налоговой отчетности более года и прочее [3].

Важным источником информации при оценке деловой репутации участника в сфере госзакупок является реестр недобросовестных поставщиков, фиксирующий не «хороших» контрагентов, а «плохих». Аналогичным инструментом со временем была обеспечена и сфера корпоративных закупок, о чем свидетельствует принятие Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях».

Еще одним информационным ресурсом является Реестр надежных партнеров, ведение которого осуществляет Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Содержание информации о компании в нем, безусловно, говорит о солидной деловой репутации.

Кроме того, доказательством положительной репутации юридического лица можно считать его кредитную историю, т. е. информацию о надлежащем исполнении юридическим лицом как заемщиком принятых на себя обязательств по договорам займа, кредитному договору, хранящуюся в бюро кредитных историй, деятельность которого регулируется Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» [2].

Итак, указанные информационные ресурсы позволяют заказчику оценить «добропорядочность» потенциального исполнителя, спрогнозировать возможные риски и на начальном этапе отсечь недобросовестного субъекта предпринимательской деятельности.

Однако сегодня установление критерия «деловая репутация» для участника закупки продолжает вызывать множество споров. Позиция ведомственных органов власти часто не совпадает с позицией судов, принимающих решение о правомерности использования критерия «деловая репутация» при оценке поступивших заявок на участие к процедуре закупок. При этом отношение законодателя к значимости критерия оценки участника закупки «деловая репутация» начинает меняться, о чем говорит в первую очередь инициатива Федеральной антимонопольной службы, назначенная к рассмотрению Государственной Думой Российской Федерации на осень 2019 г., о внесении изменений в законодательство о закупках в части формировании цифрового рейтинга деловой репутации бизнеса.

Уровень деловой репутации субъекта предпринимательской деятельности в современных экономических условиях становится одной из важнейших составляющих деятельности организации. Наличие положительной деловой репутации сокращает время завоевания доверия у потребителей, помогает победить конкурентов в закупочных процедурах, является источником получения дополнительных бонусов как для самой компании, так и для всех заинтересованных в успешном взаимодействии с ней сторон.

Библиографический список

1. Алгоритм оценки деловой репутации участников конкурентных закупочных процедур АО «СО ЕЭС». – URL: https://www.so-ups.ru/index.php?id=procurement_law (дата обращения: 29.07.2019).

2. *Беляева О. А.* Деловая репутация участников корпоративных закупок в контексте реестра недобросовестных поставщиков / О. А. Беляева // Журнал российского права. – 2018. – № 4. – С. 54–63.

3. Методика «Оценка деловой репутации контрагентов – резидентов РФ». – URL: https://irao-export.ru (дата обращения: 29.07.2019).

4. Оценка опыта и деловой репутации для государственных закупок. – URL: http://www.gociss.ru/articles/ocenka_opita_i_delovoi_reputacii_dlya_gosudarstvennih_zakupok (дата обращения: 29.07.2019).

References

1. Algorithm for assessing the business reputation of participants in competitive procurement procedures of JSC «SO UES». URL: https://www.so-ups.ru/index.php?id=procurement_law (date of the application: 29.07.2019).

2. *Belyaeva O. A.* Business Reputation of Corporate Procurement Participants in the Context of the Register of Unfair Suppliers. *Zhurnal Rossijskogo Prava.* 2018. No. 4. P. 54–63.

3. The method of «Assessment of Business Reputation of Counterparties – Residents of the Russian Federation». URL: https://irao-export.ru (date of the application: 29.07.2019).

4. Evaluation of experience and business reputation for public procurement. URL: http://www.gociss.ru/articles/ocenka_opita_i_delovoi_reputacii_dlya_gosudarstvennih_zakupok (date of the application: 29.07.2019).

Библиографическое описание статьи

Толстова М. В. Деловая репутация как критерий оценки субъектов предпринимательской деятельности в сфере закупок / М. В. Толстова, Т. М. Лаврик // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 110–114.

УДК 343.98

Чуркин Александр Васильевич,
доцент кафедры уголовного процесса
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tschurkinalex@mail.ru

Churkin Aleksandr V.,
Assistant Professor of Criminal Procedure Department
of the Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

НЕКОТОРЫЕ КОЛЛИЗИИ И РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Some Collisions and Different Aspects of the Legal Enforcement of the Same Relationships in the Operational Investigative Activities Field

Аннотация. В статье рассматриваются коллизии по одним и тем же вопросам в сфере оперативно-розыскной деятельности, с одной стороны, выработанные судебной практикой Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, а с другой стороны, изложенные в нормативных правовых актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Вносятся законодательные предложения о правовом механизме разрешении этих коллизий. Излагаются разные подходы к правоприменению одних и тех же правоотношений в сфере оперативно-розыскной деятельности в органах военной прокуратуры и в территориальных и других специализированных прокуратурах.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; коллизии; разные аспекты правоприменения; обжалование; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Abstract. On the one hand the article examines the legal collisions of one and the same issues in the field of operational-investigative activities, generated on the bases of the legal proceedings practice, carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation and by the Supreme Court of the Russian Federation, and on the other hand, stated in normative legal acts of the Russian Federation Procuracy General. Legislative proposals of the right mechanism of conflict resolutions are made. Various viewpoints on legal enforcement of the same legal relationships in the operational investigative activities sphere, undertaken both in the military and territorial procuracy bodies as well as in the other special procuracies are exposed.

Key words: operational investigative activities; collisions; various aspects of legal enforcement; appeal; the Russian Federation Code of Administrative Procedure.

В рамках настоящей статьи мы остановимся на трех существенных, на наш взгляд, аспектах правоприменения в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), которые вытекают из нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации в рассматриваемой сфере правоотношений.

Первый аспект касается полномочий оперативного работника: вправе ли он в процессе проведения ОРД одновременно по материалу доследственной проверки (материалу в сфере ОРД) или делу оперативного учета (уголовному делу) выполнять дополнительно и уголовно-процессуальную деятельность в статусе дознавателя, проводя неотложные следственные действия с целью закрепления следов преступления? Казалось бы, этот вопрос уже решен судебной практикой высших судов России (см., например: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2011 г. по делу № 53-011-67; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 2261 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева»; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 22-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чарушникова Андрея Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 41 и частью первой статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), в которых даны разъяснения о том, что «оперативным работникам не запрещается проводить неотложные следственные действия, направленные на первоначальное закрепление следов преступления, а равно принимать с согласия начальника органа дознания уголовно-процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, поскольку ограничения, установленные частью второй ст. 41 УПК РФ, исключающие одновременное осуществление одним и тем же лицом процессуального расследования и ОРД, распространяются лишь на дознавателей и проведение ими дознания в предусмотренном главами 32 и 32.1 УПК РФ порядке, которое сопряжено с принятием по уголовному делу процессуальных решений о привлечении определенных лиц к уголовной ответственности».

Однако в абз. 2 п. 12 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» относительно этих правоотношений высказывается совсем иное, диаметрально противоположное, мнение: «Реализуя имеющиеся полномочия, прокурорам принципиально реагировать на совмещение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной

© Чуркин А. В., 2019

деятельности. Пресекать случаи производства следственных и иных процессуальных действий должностным лицом, ранее производившим оперативно-розыскные мероприятия по материалу проверки или уголовному делу». Аналогичная позиция годом ранее была изложена в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 4 марта 2016 г. № 69-09-2016 «О недостатках прокурорского надзора за исполнением в органах наркоконтроля законов при приемке, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях».

Таким образом, очевидно, что позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации по описанным выше правоотношениям противоречит судебной практике высших судов России и затрудняет правомерную деятельность оперативно-розыскных органов (далее: ОРО) по борьбе с преступностью. При этом в законодательстве не представлен правовой механизм разрешения этой коллизии.

Так, из анализа норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее: КАС РФ) (ст. 1, 208, 218 и др.), а также постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» можно сделать вывод о том, что такие споры между государственными органами в настоящее время ввиду пробела в законодательном регулировании не подлежат рассмотрению в судах, в связи с чем, полагаем, необходимо внести соответствующие изменения в КАС РФ. Однако подробное обоснование законодательных новелл в КАС РФ с позиций соответствующей отрасли права и более детальное рассмотрение названных выше правоотношений не входит в предмет настоящей статьи. Отметим лишь в порядке краткого исторического экскурса, что в советское время Президиуму Верховного Совета СССР по представлениям Генерального прокурора СССР или Председателя Верховного Суда СССР было предоставлено право отмены постановлений Пленума Верховного Суда СССР в случае их полного либо частичного несоответствия законодательству, о чем свидетельствуют ст. 40 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре» и п. 8 ст. 35 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1161-X «О Верховном Суде СССР».

Второй аспект. 15 декабря 2009 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации было издано информационное письмо № 64-14-2009 «О практике реализации полномочий, предусмотренных пунктом 2 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», суть которого такова: при осуществлении прокурорского надзора в сфере ОРД в рамках установления поводов и оснований для возбуждения уголовных дел, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, прокурор обязан ставить перед руководителем ОРО вопрос о направлении соответствующих материалов из дел оперативного учета и иных оперативно-служебных документов в порядке, предусмотренном ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в следственный орган или орган дознания согласно уголовно-процессуальным правилам подследственности для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных при помощи ОРД нарушений уголовного закона. Например, при проведении прокурорской проверки, проверив дело оперативного учета, прокурор усмотрел, что на территории учреждения уголовно-исполнительной системы или на территории воинской части либо за незаконный оборот наркотических средств или оружия задержан гражданин X., либо за получение взятки задержано должностное лицо Y. На основании названной выше нормы УПК РФ и согласно информационному письму Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 декабря 2009 г. № 64-14-2009 надзирающий прокурор обязан вынести постановление о направлении соответствующих материалов, подтверждающих факт совершения преступления названными выше лицами, в следственный орган или орган дознания. Однако и здесь может возникнуть коллизия следующего характера: руководитель ОРО, во-первых, может обратить внимание надзирающего прокурора на то, что названные выше полномочия прокурора, предусмотренные УПК РФ, не применяются в сфере ОРД; во-вторых, что совершивший соответствующее преступление гражданин в настоящее время сотрудничает с органом, осуществляющим ОРД, и идет оперативная разработка других более важных лиц (например, оптового – «сетевого» сбытчика наркотиков или оружия либо вышестоящего должностного лица по отношению к гражданину Y., к которому гражданин Y. фактически был поставлен в зависимое положение и должен ему собрать к определенному времени необходимую денежную сумму взятки).

Аналогичное право прокурора закреплено в подп. «д» п. 9 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

Полагаем, что правовой механизм понимания и разрешения этих правоотношений в случае столкновения точек зрения надзирающего органа и поднадзорного ему органа должен быть, как и в первом аспекте, предоставлен Верховному Суду Российской Федерации, а аргументация обращения в суд у соответствующего руководителя министерства или ведомства может быть следующей:

– при надзоре за ОРД у прокурора нет таких полномочий, которые он использует в сфере надзора за органами предварительного следствия и дознания по правилам УПК РФ;

– согласно положениям ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2201-I «О прокуратуре Российской Федерации» указания Генерального прокурора Российской Федерации являются обязательными для исполнения только по вопросам дознания, не требующим законодательного регулирования.

Следует заметить, что в органах военной прокуратуры нормативные правовые акты Генераль-

ной прокуратуры Российской Федерации при осуществлении прокурорского надзора за органами ФСБ России не применяются, поскольку и надзирающий военный прокурор, и поднадзорный ему орган понимают неправомерность названных выше нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

А по второму аспекту поднятого выше вопроса о том, что задержанный человек все-таки должен быть привлечен к уголовной ответственности, мы солидарны с позицией профессора Н. С. Железняка. По его мнению, следует понимать, что наличие в деле оперативного учета или материалах проверки информации, свидетельствующей о признаках подготавливаемого или совершенного преступления (например, сбыта наркотического средства), не должно трактоваться как его укрытие или невыполнение задач ОРД. Дело в том, что привлечение сбытчика к установленной законом ответственности – с точки зрения задач ОРД факт не существенный. Кстати, надо еще будет доказать, что единственный задокументированный сбыт – не провокация со стороны органа, осуществляющего ОРД, о чем так часто заявляют задержанные и представители защиты. Практика показывает, что в освободившейся в связи с привлечением сбытчика к уголовной ответственности нише незамедлительно появится новый сбытчик [2].

Таким образом, цели ОРД по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан достигнуты не будут. Основная тактическая задача этой разработки – задокументировать деятельность организованной группы (сообщества) наркопреступников, чему явно может помешать инициация прокурором решения вопроса об уголовном преследовании конкретного фигуранта по делу. Кроме того, такое решение прокурора вступает в противоречие с совместными указаниями Генеральной прокуратуры Российской Федерации и других министерств и ведомств о том, что «организация и тактика оперативно-розыскной деятельности, ее средства и методы не входят в предмет прокурорского надзора» (см., например: указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФСБ России от 18 апреля 2002 г. № 20-27/10 «О порядке осуществления прокурорского надзора за исполнением Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” органами федеральной службы безопасности»; указание от 29 сентября 2009 г. Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 215/69, МВД России № 1/7818 «О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”»). Далее профессор Н. С. Железняк предлагает: «В случае попытки надзирающего прокурора потребовать от уполномоченного органа передачи результатов ОРД в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании конкретного лица руководитель органа, уполномоченного на осуществление ОРД, должен разъяснить прокурору тлетворность и контрпродуктивность принятия такого решения.

При выборе надзирающим лицом между интересами общества и государства в борьбе с наркопреступностью и желанием сделать очередной отчетный показатель, представляется, должна возобладать потребность в реализации первого варианта действий. Вместе с тем следует понимать, что каждый такой выявленный в ходе надзора факт требует от руководителя органа, уполномоченного на осуществление ОРД, четкой аргументации необходимости сохранения существующей ситуации» [2, с. 63–64].

Считаем, что такие рассуждения профессора Н. С. Железняка актуальны не только по делам о незаконном обороте наркотиков, но и по многим другим составам преступлений (незаконный оборот оружия и иных запрещенных в свободном гражданском обороте предметов; получение взятки и др.).

Кроме того, в названном выше аспекте, на наш взгляд, целесообразно привести судебную практику Верховного Суда Российской Федерации в сфере уголовно-процессуальных и административных правоотношений, где фабула была такова: начальник следственного отдела по Тихорецкому району следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю Г. постановлением мирового судьи была привлечена к административной ответственности по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ, за невыполнение законных требований прокурора. Согласно фабуле этого административного дела, Г. не представила прокурору в установленный срок материалы доследственной проверки, которые на тот момент времени у нее находились в производстве и по которым в рамках процессуальных сроков только проводилась дополнительная проверка, однако еще не было принято итоговое процессуальное решение. Верховный Суд Российской Федерации, анализируя нормы УПК РФ о процессуальной самостоятельности следователя (ч. 2 ст. 38), о полномочиях прокурора в уголовном судопроизводстве (п. 5^1 ч. 2 ст. 37) и ст. 29–30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», пришел к выводу о том, что прокурор вправе истребовать материалы проверок или уголовные дела только в следующих случаях:

– когда по материалам доследственной проверки вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела;

– когда уголовное дело приостановлено производством;

– когда уголовное дело прекращено производством, что нашло отражение в его постановлении от 7 октября 2013 г. по делу № 18-АД13-21.

В других случаях прокурор может по мотивированному письменному запросу только получить возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве следователя уголовного дела.

Итак, если руководитель соответствующего министерства или ведомства, в котором имеется оперативная служба, согласно предлагаемым нами нововведениям в КАС РФ, получит право обращаться в Верховный Суд Российской Федерации за признанием незаконными нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, то по рассматриваемым аналогичным правоотно-

шениям, только уже в сфере ОРД, Верховным Судом Российской Федерации также может быть сформирована соответствующая правовая позиция, которая будет способствовать соблюдению принципа законности в сфере прокурорского надзора за ОРД и исключит из правоприменительной практики нормативные правовые акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации подобного рода.

Третий аспект. В практике прокурорского надзора за ОРД все чаще появляется такой акт прокурорского реагирования, как требования, что можно усмотреть из положений подп. «в» и «д» п. 9 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности». Как сообщает профессор Н. С. Железняк, в 2010 и 2011 гг. из 700 актов прокурорского реагирования, направленных в органы, осуществляющие ОРД, в Красноярском крае 270 (почти 40 % от общего количества) составляли именно требования [2, с. 69].

По мнению этого же автора, данный акт прокурорского реагирования неправомерно заимствован из п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. В обоснование этой своей позиции он приводит соответствующие аргументы, среди которых и такой, что в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» отсутствует такой акт прокурорского реагирования, как требование, поскольку ст. 23–25.1 определены следующие акты прокурорского реагирования: протест, представление, постановление прокурора или предостережение о недопустимости нарушения закона. В связи с этим, по мнению профессора Н. С. Железняка, руководители ОРО по формальным основаниям на данный прокурорский документ могут вообще не реагировать либо направлять ответ в адрес прокурора с указанием о том, что подобный акт ввиду отсутствия о нем указания в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» является нелегитимным [2, с. 69].

В качестве дополнительной аргументации позиции Н. С. Железняка необходимо отметить следующее:

– Федеральным законом от 22 декабря 2014 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 2 Федерального закона "О следственном комитете Российской Федерации"» введен раздел «Примечание» в ст. 17.7 КоАП РФ, согласно которому положения настоящей статьи не распространяются на урегулированные УПК РФ отношения, связанные с осуществлением прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Таким образом, сам законодатель разграничивает, с одной стороны, прокурорский надзор за ОРД, а с другой – прокурорский надзор за предварительным следствием и дознанием;

– законность и обоснованность действий и (или) бездействия прокурора согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в его определении от 21 апреля 2011 г. № 449-0-0, могут быть обжалованы в суд руководителем ОРО или оперативным работником в настоящее время по правилам КАС РФ. Не исключено, что при таком обжаловании руководителем ОРО или оперативным работником действий или бездействия прокурора Верховный Суд Российской Федерации только уже в сфере ОРД может выработать заслуживающие внимания правовые позиции, которые он выработал в 2013 г. по названному выше административному делу, возбужденному прокурором в отношении руководителя следственного отдела по Тихорецкому району следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю.

Помимо этого, считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что в органах военной прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора за ОРД органов ФСБ России такой акт прокурорского реагирования, как требование, заимствованный из норм ст. 37 УПК РФ, не применяется. В научно-практической литературе [1, с. 164] отмечается, что когда территориальные органы прокуратуры даже субъектов Российской Федерации при осуществлении прокурорского надзора за ФСБ России вносят в адрес поднадзорных им руководителей органов ФСБ России областного и равного им звена такие акты прокурорского реагирования, как требования, то начальники поднадзорных органов ФСБ России просто не отвечают прокурорам, оставляя такие требования надзирающих прокуроров без какого-либо ответа.

Библиографический список

1. *Гаврилова М. А.* Надзор за исполнением законов об оперативно-розыскной деятельности в органах ФСБ / М. А. Гаврилова // Актуальные проблемы правосудия в современном мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14 апр. 2017 г. – Челябинск ; Москва : РГУП, 2017. – ISBN 978-5-93916-617-1. – С. 160–164.

2. *Железняк Н. С.* О проблемах реализации функции прокурорского надзора в оперативно-розыскной деятельности / Н. С. Железняк // Оперативно-разыскное право : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Павличенко. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – ISBN 978-5-7899-0900-3. – С. 56–70.

References

1. *Gavrilova M. A.* The Supervision over the Observance of the Laws on the Operational Investigative Activities in the Federal Security Service Bodies. *Actual Problems of Justice in the Contemporary World*. Chelyabinsk, Moscow, RGUP, 2017. ISBN 978-5-7899-0900-3. P. 160–164.

2. *Zheleznyak N. S.* On the Problems of Realization the Functions of the Prosecutor`s Supervision over the Operational Investigative Activities. *Operational Investigative Law*. Ed. by N. V. Pavlichenko. Volgograd, VA MVD Rossii, 2013. ISBN 978-5-7899-0900-3. P. 56–70.

Библиографическое описание статьи

Чуркин А. В. Некоторые коллизии и разные аспекты правоприменения одних и тех же правоотношений в сфере оперативно-розыскной деятельности / А. В. Чуркин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 115–118.

УДК 365.64:343.195.3

Щепетков Владимир Владимирович,
судья Шуйского городского суда
Ивановской области,
аспирант по заочной форме обучения
Университета прокуратуры
Российской Федерации
E-mail: vlvspost@yandex.ru

Shhepetkov Vladimir V.,
Judge of Shuysky City Court of the Ivanovo Region,
Post-graduate Student on Extramural Studies
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН

Problems of the Organization of the Activity of Prosecutor's Office Bodies for Supervision of Observance of the Housing Rights of Socially Vulnerable Categories of Citizens

Аннотация. В статье затронуты проблемы организации прокурорского надзора за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан. Выявлен ряд особенностей, присущих указанной сфере надзора, в том числе значительный перечень источников информации о нарушениях жилищных прав граждан, потребность осуществления планирования и проведения прокурорских проверок на регулярной основе, необходимость обеспечения реального исполнения требований, указанных в актах прокурорского реагирования. Предпринята попытка определения круга лиц, относящихся к социально уязвимым категориям граждан. Сформулировано понятие объекта правозащиты прокуратуры в указанной сфере. Предложены методы совершенствования прокурорского надзора, направленные на выявление нарушений жилищных прав граждан. Обозначены ключевые вопросы, подлежащие выяснению при проведении прокурором проверки в органах и организациях, являющихся объектами надзора в анализируемой сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор; нарушения жилищных прав; социально уязвимые категории граждан; объекты прокурорской правозащиты; объекты надзора; улучшение жилищных условий.

Abstract. The article considers the issues of the organization of public prosecutor's supervision of observance of the housing rights of socially vulnerable categories of citizens. A number of features inherent in the specified sphere of supervision, including the considerable list of sources of information on violations of the housing rights of citizens, the need of implementation of planning and conducting public prosecutor's checks on a regular basis, the need of ensuring real execution of the requirements specified in acts of public prosecutor's reaction is revealed. An attempt of definition of a circle of people, the citizens belonging to socially vulnerable categories is made. The concept of an object of legal assistance of prosecutor's office of the specified sphere is formulated. Methods of improvement of public prosecutor's supervision regarding identification of violations of the housing rights of citizens are offered. The key questions which are subject to examination when conducting check by the prosecutor in the bodies and organizations which are objects of supervision in the analyzed sphere are designated.

Key words: public prosecutor's supervision; violations of the housing rights; socially vulnerable categories of citizens; objects of public prosecutor's legal assistance; objects of supervision; improvement of living conditions.

Вопросам организации прокурорского надзора посвящено немало трудов, в которых содержанию данного понятия уделялось пристальное внимание.

Так, по мнению А. Д. Воронова и Ф. М. Кобзарева, организация работы органов прокуратуры представляет собой комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования системы прокуратуры по реализации целей и задач, стоящих перед прокуратурой [2, с. 41].

А. Ф. Смирнов полагает, что организация работы в органах прокуратуры заключается в создании оптимальных условий взаимодействия органов, подразделений и должностных лиц для достижения целей функциональной деятельности органов прокуратуры [8, с. 33].

Нельзя не согласиться с высказыванием профессора А. Н. Ларькова о том, что «сегодня фигура прокурора наиболее соответствует решению тех задач, которые встают перед обществом и государством. Прокурор – это не человек с ружьем, а преимущественно аналитик, интеллектуал, способный правильно разобраться и бесконфликтно разрешить вопрос» [6, с. 24].

Существует еще одна точка зрения, согласно которой под организацией работы в органах прокуратуры понимается комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования прокурорской системы по реализации целей и задач прокуратуры [10, с. 80].

Организационных видов деятельности прокуратуры выделяют множество, но особо следует отметить организацию мониторинга (наблюдения) за исполнением законодательства и соблюдением прав граждан; информационно-аналитическую работу, прогнозирование, планирование, предшествующие проведению надзорных проверок;

© Щепетков В. В., 2019

разработку методических основ по конкретным надзорным направлениям [9, с. 252].

С учетом вышеизложенного, по нашему мнению, под организацией прокурорского надзора за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан следует понимать совокупность мер методического и тактического обеспечения, направленных на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований законодательства в сфере защиты жилищных прав граждан, а также причин, им способствующих.

Необходимо отметить ряд особенностей, которые оказывают влияние на организацию прокурорского надзора за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан:

– наличие значительного перечня источников информации о нарушениях жилищных прав социально уязвимых категорий граждан;

– в основной своей части надзор в указанной сфере осуществляется прокурорами городского (районного) судов, являющихся самыми многочисленными и относящимися к первичному и основному звену органов прокуратуры;

– ненадлежащее состояние законности обусловливает потребность осуществления планирования и проведения прокурорских проверок в сфере соблюдения жилищных прав социально уязвимых категорий граждан на регулярной основе;

– ввиду особой социальной значимости, вызванной защитой конституционного права на жилище, существует необходимость обеспечения реального исполнения требований, указанных в актах прокурорского реагирования, проведения контрольных проверок, фактического и своевременного исполнения принятых судебных актов.

Следовательно, забота о человеке, особенно о тех членах общества, которые в силу ограниченных возможностей оказываются не способными обеспечить себе необходимый уровень жизни, становится поистине приоритетной задачей на национальном и наднациональном уровнях в современном мире. Решение этой задачи в России возложено, наряду с иными органами, и на органы прокуратуры [2, с. 28–30].

Полагаем целесообразным при организации надзора за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан в первую очередь определить круг лиц, проживающих на поднадзорной прокуратуре района территории, имеющих право на какие-либо льготы в жилищной сфере. Для этих целей необходимо установить перечни:

– участников Великой Отечественной войны; ветеранов боевых действий; членов их семей, а также лиц, награжденных знаком «Жителю блокадного Ленинграда», зарегистрированных и проживающих на поднадзорной территории, состоящих на учете и нуждающихся в улучшении жилищных условий. Указанную информацию можно получить в органах местного самоуправления, а также в территориальных органах социальной защиты населения;

– инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, зарегистрированных и проживающих на поднадзорной территории. Указанную информацию можно получить в территориальных органах социальной защиты населения, медицинских учреждениях, из открытой информации Федерального реестра инвалидов «Статистика, аналитика, открытые данные»;

– инвалидов, пожилых и престарелых граждан, постоянно проживающих на основании договора о стационарном обслуживании или договора о предоставлении социальных услуг в комплексных центрах социального обслуживания населения;

– многодетных семей, матерей-одиночек, малоимущих, лиц из числа детей-сирот, зарегистрированных и проживающих на поднадзорной территории. Указанную информацию можно получить в территориальных органах социальной защиты населения, органах опеки и попечительства;

– многоквартирных жилых домов, признанных ветхими и аварийными и подлежащими расселению, а также домов, в которых запланировано проведение капитального ремонта в соответствии с региональной программой по его проведению. Указанные сведения можно получить в органах местного самоуправления;

– мест массового проживания мигрантов (общежития, центры временного содержания иностранных граждан и т. д.). Крупные мегаполисы, предъявляющие спрос на трудовые ресурсы, становятся основным пунктом назначения большинства мигрантов, приезжающих из зарубежных стран. Даже в условиях временной трудовой миграции, стихийно возникающие миграционные цепочки ведут к формированию мест компактного проживания мигрантов. Такими местами могут быть как отдельно стоявшие здания, например, относящиеся к ветхому или аварийному фонду, так и целые кварталы и микрорайоны [1];

– мест временного размещения граждан, пострадавших от стихийных бедствий (наводнений, пожаров и т. п.).

Перечень объектов прокурорской правозащиты не статичен, он изменяется под влиянием происходящих в государстве и обществе процессов, явлений. Совершенствуются и правовые средства прокурорской правозащиты. Так, множественные пожары в стационарных учреждениях социального обслуживания для инвалидов и престарелых, особенно участившиеся в 2010–2011 гг., сориентировали прокуроров на активизацию прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальной защите инвалидов, при осуществлении которого внимание уделялось вопросам противопожарной безопасности в стационарных учреждениях для инвалидов [5, с. 13–20].

Затем, после выявления социально уязвимых категорий граждан, которые могут являться объектами прокурорской правозащиты и мест их размещения, необходимо саккумулировать информацию о правонарушаемости (в том числе преступности) в сфере реализации их жилищных прав, а также результатах контрольно-надзорной деятельности поднадзорных органов и должностных лиц, свидетельствующих об уровне законности на данном направлении.

Указанную информацию можно получить из внешних источников о состоянии законности в сфере жилищных прав социально уязвимых категорий граждан, к числу которых относятся: поступающие в органы прокуратуры обращения указанных категорий граждан, их родственников или иных органов и организаций (в их интересах); обращения указанной тематики, поступающие в правоохранительные, контрольно-надзорные органы, правозащитные организации, а также заявления по указанным вопросам, являющимися предметом рассмотрения гражданских и уголовных дел в судах; данные государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства; отчетная документация, результаты аналитической деятельности (обзоры, информационные письма, справки), доклады о соблюдении прав и свобод человека и гражданина уполномоченного по правам человека в исследуемой сфере; акты проверок органов государственного жилищного надзора, муниципального жилищного контроля; результаты мониторинга средств массовой информации, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

К внутренним источникам информации о нарушениях жилищных прав социально уязвимых категорий граждан относятся информационно-справочные документы, подготовленные непосредственно прокурорами, в том числе статистическая отчетность, докладные записки, информационные письма, обзоры, справки, а также протоколы оперативных, межведомственных совещаний, решения коллегий органов прокуратуры, надзорные (наблюдательные) производства, дела в соответствии с номенклатурой, содержащие переписку по вопросам надзора за жилищным законодательством.

По нашему мнению, все вышеперечисленные источники информации можно условно отнести к так называемым пассивным источникам сведений о нарушении законов. Это обусловлено следующим обстоятельством: пока в прокуратуру района или правоохранительные органы не поступит от гражданина обращение о нарушении законодательства, надзирающий прокурор так и не узнает о данных фактах.

При этом необходимо отметить, что граждане, в особенности социально уязвимые категории, не всегда осознают, что их жилищные права нарушены. Например, граждане могут не обладать информацией о положенных им по закону минимальном размере учетной норме площади жилого помещения на одного человека или различных льготах, таких как компенсации взносов за капитальный ремонт и пр.

В связи с этим сотрудникам прокуратуры района, осуществляющим надзор за соблюдением жилищных прав, с учетом особой значимости реализации, в том числе конституционного права на жилище, необходимо самостоятельно осуществлять сбор информации о фактах нарушения жилищных прав граждан. Указанные мероприятия возможно реализовать в рамках проведения анализа соблюдения законности жилищных прав социально уязвимых категорий граждан, например, путем направления соответствующих запросов в органы и организации, являющиеся объектами надзора в анализируемой сфере.

С целью активного выявления фактов нарушения прав граждан сотрудникам прокуратуры надлежит на регулярной основе выступать по радио и телевидению, задействовав большие потенциальные возможности средств массовой информации для решения задач прокуратуры, направленных на укрепление законности [3]. В ходе выступлений, наряду с сообщениями о результатах надзора, необходимо подробно разъяснять основные права граждан на льготное обеспечение жильем и положения жилищного законодательства особенно в части, касающейся социально уязвимых категорий населения, и в случае подозрений на нарушение прав, предлагать незамедлительно по каждому факту обращаться в органы прокуратуры.

В ходе обобщения поступившей в прокуратуру района информации следует структурировать и систематизировать ее в части выявления типичных нарушений прав социально уязвимых граждан с целью определения объектов надзора, в которых состояние законности ниже, по сравнению с другими.

Исходя из многообразия поднадзорных объектов в исследуемой сфере, считаем, что к объектам прокурорской правозащиты социально уязвимых категорий в жилищной сфере следует отнести граждан, защита прав и законных интересов которых в жилищной сфере требует первоочередного вмешательства органов прокуратуры, а к объектам прокурорского надзора – органы государственной и муниципальной власти, органы контроля, их должностных лиц, осуществляющих полномочия в сфере жилищных отношений, а также коммерческие и некоммерческие организации и их должностных лиц, принимающих участие в обеспечении жилыми помещениями, организации их ремонта и надлежащего содержания.

В качестве субъекта прокурорского надзора в исследуемой сфере, исходя из вышеперечисленных особенностей, по нашему мнению, следует рассматривать должностных лиц прокуратуры районного звена и приравненных к ним прокуратур, осуществляющих надзорные функции в сфере соблюдения жилищных прав социально уязвимых категорий граждан.

Основной круг вопросов, подлежащих выяснению в ходе проведения проверки соблюдения жилищных прав социально уязвимых категорий граждан, составляют следующие:

– в органах законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации проверке подлежат: соответствие региональных законов и иных нормативных правовых актов, принятых субъектом Российской Федерации, федеральному законодательству в жилищной сфере; полнота реализации полномочий по обеспечению жильем в соответствии со ст. 14, 15, 16, 17–19 и 21 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий; законность расходования бюджетных средств

(субвенций) и средств, полученных из всех источников органами власти субъекта Российской Федерации на обеспечение граждан жилыми помещениями; реализация полномочий по признанию в установленном порядке жилых помещений жилищного фонда субъекта Российской Федерации непригодными для проживания;

– в органах местного самоуправления проверке подлежат: полнота реализации органами местного самоуправления полномочий по принятию нормативных правовых актов в жилищной сфере и соответствие их положениям ст. 14 ЖК РФ; состояние организации учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, а также их оповещение в соответствии с установленными ст. 52 ЖК РФ форме и сроках о принятии на учет; обоснованность отказов органов местного самоуправления в постановке на учет и снятии с учета в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий; соблюдение очередности предоставления жилья, наличие случаев приобретения за счет бюджетных средств жилых помещений гражданам, не наделенным в законодательном порядке льготами; соблюдение требований законодательства при признании жилых помещений муниципального жилищного фонда непригодными для проживания.

Кроме того, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июня 2013 г. № 493 «О государственном жилищном надзоре» уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации наделены полномочиями по осуществлению регионального государственного жилищного надзора, который включает в себя: предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами требований законодательства к использованию и сохранности жилищного фонда независимо от его форм собственности, формированию фондов капитального ремонта, созданию и деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих управление многоквартирными домами, оказывающих услуги и выполняющих работы по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах, региональных операторов. К обязанностям органов местного самоуправления относится осуществление муниципального жилищного контроля [12, с. 28–30].

В связи с вышеизложенным можно заключить, что в ходе проведения проверок прокуроры выясняют вопросы полноты осуществления органами власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления возложенных на них функций и полномочий по осуществлению регионального государственного жилищного надзора в части реализации жилищных прав социально уязвимых категорий граждан.

Завершающим этапом проведения прокурором проверки соблюдения жилищных прав социально уязвимых категорий граждан являются: применение мер прокурорского реагирования, направленных на устранение и восстановление выявленных нарушений, причин и условий, им способствующих, привлечение к ответственности виновных лиц, а также предупреждение совершения повторных правонарушений.

Цели и задачи исследуемого направления прокурорско-надзорной деятельности «…находят практическую реализацию при применении мер прокурорского реагирования» [11], направленных на «предупреждение и (или) пресечение незаконного ограничения и (или) незаконного лишения», а также действенное предупреждение нарушений жилищных прав социально уязвимых категорий граждан [7, с. 37]. Результаты анализа надзорной практики в сфере соблюдения жилищных прав социально уязвимых категорий граждан позволяют заключить, что наиболее результативной и распространенной мерой прокурорского реагирования является направление искового заявления в суд в порядке ст. 45 ГПК РФ.

Подводя итог, отметим, что применительно к анализируемой сфере правоотношений основным результатом прокурорского надзора за исполнением законов и соблюдением норм Конституции Российской Федерации является обеспечение жильем той или иной категории граждан, чьи права на жилище нарушаются. Таким образом, основополагающим критерием надзора в данной сфере, на наш взгляд, является восстановление нарушенных прав гражданина на жилище. Следовательно, предмет прокурорского надзора за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан можно охарактеризовать как соблюдение конституционно установленных и законодательно конкретизированных жилищных прав граждан, органами и должностными лицами, перечисленными в ст. 26 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», участвующими в реализации правовых, организационных и экономических основ жилищных прав граждан.

Особенностью надзора за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан является многообразие объектов прокурорской правозащиты и поднадзорных объектов, специфика правового статуса которых определяется стоящими перед ними задачами, характером их компетенции по обеспечению жилищных прав, разграничением предметов ведения и полномочий.

Основным условием правильной организации надзора в сфере соблюдения жилищных прав социально уязвимых категорий граждан является четкое структурирование объектов прокурорской правозащиты и объектов прокурорского надзора, направленное на выявление категории лиц, чьи права нарушаются в массовом порядке, а также те органы и организации, которые наиболее часто допускают нарушения.

С учетом особой значимости реализации, в том числе конституционного права на жилище, прокурорским работникам необходимо самостоятельно осуществлять сбор информации о фактах нарушения жилищных прав граждан путем направления

соответствующих запросов в органы и организации, являющиеся объектами надзора в анализируемой сфере, инициировать обращения граждан путем разъяснения требований законодательства и возможных нарушений в жилищной сфере, с активным использованием средств массовой информации.

Библиографический список

1. *Бедрин К. В.* Места компактного проживания мигрантов / К. В. Бедрин. – URL: http://migron.info/mesta-kompaktnogo-projivaniia-migrantov/. – Дата публикации: 02.02.2018.

2. *Воронов А. Д.* Понятие и содержание организации работы и управления в органах прокуратуры / А. Д. Воронов, Ф. М. Кобзарев // Настольная книга прокурора. В 2 ч. Ч. 1. – Москва : ЮРАЙТ, 2017. – ISBN 978-5-534-01856-1, 978-5-534-01855-4 (ч. 1). – С. 41–50.

3. *Дупак О. В.* Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации / О. В. Дупак. – URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/69823-vzaimodejstvie-organov-prokuratury-sredstvami-massovoj-informacii (дата обращения: 05.08.2019).

4. *Игонина Н. А.* Права социально уязвимых лиц в России. Надзорная деятельность прокуратуры по их защите / Н. А. Игонина // Журнал российских правовых исследований. – 2017. – № 2. – С. 28–30.

5. *Игонина Н. А.* К вопросу о состоянии законности в социальной сфере (ч. 2) / Н. А. Игонина // Философия права. – 2017. – № 2(81). – С. 13–20.

6. *Ларьков А. Н.* Аналитическая работа органов прокуратуры субъектов Российской Федерации / А. Н. Ларьков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 6(50). – С. 20–30.

7. *Мальцев М. Н.* Категория защиты в современной российской юриспруденции: теоретические вопросы / М. Н. Мальцев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2004. – Вып. 41. – С. 32–40.

8. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации : учебник / под ред. проф. А. Ф. Смирнова. – Москва : ИПК РК Генер. прокуратуры РФ, 2005. – 334 с.

9. Проблемы обеспечения конституционных прав жителей периферийных и северных территорий средствами прокурорского надзора : монография / под общ. ред. Н. В. Субановой. – Москва : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2018. – 252 с.

10. Прокурорский надзор. Общая часть : учебник / под общ. ред. О. С. Капинус. – Москва : Юрайт, 2018. – 198 с. – ISBN 978-5-534-01791-5.

11. *Скачкова А. Е.* Теоретико-правовые основы деятельности прокурора по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов / А. Е. Скачкова // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 1(27). – С. 85–96.

12. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 21 января 2019 г. № 71-16-2019 по организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при переселении граждан из аварийного жилищного фонда и капитальном ремонте общего имущества в многоквартирных домах. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. *Bedrin K. V.* Places of Compact Residence of Migrants. URL: http://migron.info/mesta-kompaktnogo-projivaniia-migrantov/. Date of the publication: 02.02.2018.

2. *Voronov A. D., Kobzarev F. M.* The Concept and Content of the Organization of Work and Management in the Prosecutor's Office. *Handbook of Public Prosecutor.* In 2 pt. Pt. 1. Moscow, Yurajt, 2017. ISBN 978-5-534-01856-1, 978-5-534-01855-4 (pt. 1). P. 41–50.

3. *Dupak O. V.* Interaction of the Prosecutor's Office with the Media. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/69823-vzaimodejstvie-organov-prokuratury-sredstvami-massovoj-informacii (date of the application: 05.08.2019).

4. *Igonina N. A.* Rights of Socially Vulnerable Persons in Russia. Supervisory Activities of the Prosecutor's Office for Their Protection. *Zhurnal Rossijskikh Pzavovy'kh Issledovanij.* 2017. No. 2. P. 28–30.

5. *Igonina N. A.* On the State of Legality in the Social Sphere. *Filosofiya Prava.* 2017. No. 2(81). P. 13–20.

6. *Lar'kov A. N.* Analytical Work of the Prosecutor's Office of the Subjects of the Russian Federation. *Vestnik Akademii General'noj Prokuratury' Rossijskoj Federacii.* 2015. No. 6(50). P. 20–30.

7. *Mal'cev M. N.* Protection Category in the Modern Russian Law: Theoretical Issues. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V. N. Tatishheva.* 2004. Iss. 41. P. 32–40.

8. Bases of the Organization and Management in Bodies of Prosecutor's Office of the Russian Federation. Ed. by A. F. Smirnov. Moscow, IPK RK General'noj Prokuratury' RF, 2005. 334 p.

9. Problems of Ensuring the Constitutional Rights of Residents of Peripheral and Northern Territories by Means of Prosecutorial Supervision. Ed. by N. V. Sybanova. Moscow, Universitet Prokuratury' Rossijskoj Federacii, 2018. 252 p.

10. Prosecutorial Supervision. Ed. by O. S. Kapinus. Moscow, Yurajt, 2018. 198 p. ISBN 978-5-534-01791-5.

11. *Skachkova A. E.* Theoretical and Legal Basis of the Prosecutor's Activity on Supervision of Execution of Laws and Legality of Legal Acts. *Leningradskij Yuridicheskij Zhurnal.* 2012. No. 1. P. 85–96.

12. Methodical Recommendations of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Document was not published. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Библиографическое описание статьи

Щепетков В. В. Проблемы организации деятельности органов прокуратуры по надзору за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан / В. В. Щепетков // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 119–123.

УДК 343.98

Щетнёв Леонид Евгеньевич,
начальник кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Ls1974@mail.ru

Shhetnyov Leonid E.,
Head of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law), Associate Professor

Томилин Сергей Михайлович,
старший преподаватель кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России
E-mail: tomilin1978@yandex.ru

Tomilin Sergej M.,
Senior Lecturer of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia

Антонов Игорь Юрьевич,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России кандидат юридических наук
E-mail: antonoviu@yandex.ru

Antonov I. Yu.,
Associate Professor of Crime Detection Department of Internal Affairs Bodies of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia PhD (Law)

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РЯДА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Modern Issues Arising in the Law Enforcement Practice of Operational Units during a Number of Operational Investigative Measures Limiting the Constitutional Rights of a Man and a Citizen

Аннотация. Авторы анализируют современное состояние правовой регламентации проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи.

Abstract. The authors analyze the current state of legal regulation in the course of operational-search activities limiting the constitutional rights of a man and a citizen.

Key words: crime detection; operational-search activities; listening of telephone conversations; removal of information from technical communication channels.

На современном этапе правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) представляет собой многогранную структуру, основу которого составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД) и другие федеральные законы, а также принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. Совокупность нормативных правовых актов, регламентирующих ОРД, является не просто средством, инструментом решения определенных задач, стоящих перед государством, но и выступает гарантией обеспечения доступа заинтересованных лиц к правосудию, защиты их прав, безопасности общества и государства от преступных посягательств.

© Щетнёв Л. Е., Томилин С. М., Антонов И. Ю., 2019

ФЗ об ОРД в ст. 7 и 8 установил основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ), в которых четко определил пределы деятельности оперативных подразделений органов, наделенных правом на осуществление ОРД.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим ряд актуальных вопросов, возникающих в повседневной оперативной работе и касающихся оснований и условий проведения ОРМ.

Итак, из п. 1 и 2 ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД следует, что проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан, возможно на основании только судебного решения и при наличии соответствующей информации, а именно:

– о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного дея-

ния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

– о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.

Рассматриваемые требования ФЗ об ОРД содержат условия, указывающие на тот перечень противоправных деяний и лиц, их подготавливающих, по которому производство предварительного следствия обязательно, что имеет принципиальное значение.

Так, в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ) закреплен перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее: УК РФ), по которым предварительное следствие обязательно. При этом в ст. 150 УПК РФ закреплены формы предварительного расследования, а именно, форма предварительного следствия и форма дознания.

Из вышесказанного следует, что при решении задач ОРД по преступлениям, по которым предполагается проведение предварительного расследования в форме дознания, нет законных оснований для проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. Например, в случае совершения побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи лица, отбывающего наказание или находящегося в предварительном заключении, предусмотрена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 313 УК РФ. Исходя из ст. 150 и 151 УПК РФ, проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, в данном случае не представляется возможным, так как данная норма УК РФ не входит в перечень, по которым предварительное следствие обязательно, и относится к статьям Особенной части УК РФ, по которым предварительное расследование проводится в форме дознания.

А. Р. Абуталиповым и Т. М. Нуриевым также справедливо было отмечено, что «в условиях все более расширяющихся коммуникационных возможностей большинство пропавших без вести имели при себе мобильные устройства. Казалось бы, какие могут быть сложности: необходимо лишь установить последнее местонахождение сотового телефона, что потенциально может пролить свет на обстоятельства исчезновения человека. Но здесь и возникает проблема: закон не позволяет оперативным службам проводить технические мероприятия по устройствам связи пропавших без вести [1].

Проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан, в этом случае означало бы нарушение требований федерального законодательства (п. 1 и 2 ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД).

В данном контексте, в ряде возможных случаев, когда в производстве следователя имеется возбужденное уголовное дело, можно руководствоваться нормами, содержащимися в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, которые регламентируют обязательное исполнение письменных поручений следователя о проведении ОРМ, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также о получении содействия при их осуществлении.

Соответственно, при проведении силами оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, например, контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) и получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), и осуществляемых по поручению следователя, необходимо к этому поручению прикладывать судебное решение, разрешающее их проведение.

Рядом авторов [2] уделялось внимание решению данной проблемы и предлагался подробный алгоритм действий по производству вышеуказанных следственных действий, но без учета положений, изложенных в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 1778-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Магомедова Раджаба Гасайниевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью 5 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”», запрещающих подмену проведения следственных действий ОРМ.

В сложившейся практике оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы к наиболее эффективным ОРМ, которые позволяют установить местонахождение разыскиваемых лиц, относят прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи.

Как известно, при прослушивании телефонных переговоров основной получаемой, фиксируемой и контролируемой информацией являются разговоры проверяемых лиц, ведущиеся по телефонным линиям связи.

При снятии информации с технических каналов связи разновидность способов получаемой информации в результате его проведения может быть абсолютно разной.

В практической деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в рамках этого ОРМ может быть получена информация:

– о СМС-сообщениях абонента;

– передаваемая по сети «Интернет» (в том числе с помощью мобильных устройств);

– о детализации соединений абонента;

– характеризующая местоположение на местности (привязка к базовым станциям операторов сотовой связи).

Учитывая, что перечисленные выше виды информации могут составлять элементы частной

жизни граждан и охраняться Конституцией Российской Федерации, для ее получения органы, осуществляющие ОРД, должны иметь судебное решение. Данное требование регламентировано ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД, к тому же на необходимость получения судебного постановления при проведении рассматриваемых ОРМ указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 2 октября 2003 г. № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года "О связи"», в котором определено, что «к тайне телефонных переговоров относят любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получить судебное решение».

Вместе с тем мы полагаем, что не вся информация, передаваемая телефонной аппаратурой, может составлять охраняемую Конституцией Российской Федерацией тайну телефонных переговоров. Например, в рамках проведения снятия информации с технических каналов связи при определении местоположения на местности лица, представляющего оперативный интерес, с привязкой к базовым станциям операторов сотовой связи мобильный телефон абонента автоматически передает IMSI (международный идентификатор мобильного абонента – индивидуальный номер абонента), по которому происходит его идентификация в сети оператора мобильной связи. Передача личной информации, такой как СМС-сообщения, внутри сети мобильной связи или сообщения в сети «Интернет» через приложения Viber, WhatsApp и другие, с помощью мобильного телефона, пользователем устройства не осуществляется. Техническая информация, которая передается телефоном при его регистрации в сети мобильной связи, содержит сведения, характеризующие местоположение мобильного устройства пользователя на местности в определенный момент времени, не раскрывая личных сведений владельца телефона, которые охраняются Конституцией Российской Федерации. Запрет, установленный оперативно-розыскным законодательством на распространение личных данных пользователя, которые становятся известны органам, осуществляющим ОРД, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 5 ФЗ об ОРД), является дополнительной гарантией соблюдения конституционных прав граждан со стороны оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

В сложившийся практической деятельности оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» и «прослушивание телефонных переговоров» осуществляются с помощью сил и средств специализированных подразделений, при непосредственном взаимодействии последних с органами федеральной службы безопасности и органами внутренних дел, что в полной мере соответствует требованию ФЗ об ОРД (ч. 4 ст. 6). Современные комплексы, используемые при прослушивании телефонных переговоров, могут получать информацию, характеризующую местоположения лица на местности с привязкой к базовым станциям операторов сотовой связи как сопутствующую. При этом в настоящий момент ее выдача в рамках ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» не допускается, для доступа к ней оперативным подразделениям необходимо получать дополнительное судебное постановление на проведение ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», что, на наш взгляд, создает дополнительные сложности в работе оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, занимающихся розыском лиц, совершивших побег из мест лишения свободы, и решением задач ОРД.

Учитывая вышесказанное, мы предлагаем:

– во-первых, расширить перечень ОРМ, приведенных в ст. 6 ФЗ об ОРД, дополнительным ОРМ «получение сведений о номерах и местоположении абонента относительно расположения приемопередающих базовых станций» и разрешить проводить данное ОРМ без судебного постановления, причем не только по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;

– во-вторых, ФЗ об ОРД и нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРМ, привести в соответствие с данным предложением.

Закрепление этой нормы на законодательном и подзаконном уровнях позволило бы значительно повысить результативность и наступательность проводимых ОРМ по установлению местонахождения разыскиваемых лиц, в том числе совершивших побег из мест лишения свободы уголовно-исполнительной системы, что, как следствие, способствовало бы решению задач, стоящих перед оперативными подразделениями всех субъектов ОРД на территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Абуталипов А. Р.* Расширить полномочия для повышения эффективности розыска без вести пропавших лиц / А. Р. Абуталипов, Т. М. Нуриев // Законность. – 2018. – № 6. – С. 49–51.

References

1. *Abutalipov A. R., Nuriev T. M.* Expand Authority for Increasing the Efficiency of the Search for Missing Persons. *Zakonnost'*. 2018. No. 6. P. 49–51.

2. *Курысев К. Н.* О некоторых проблемах проведения следственного действия «контроль и запись переговоров» / К. Н. Курысев, С. Д. Ковалев, Е. В. Полуянова // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе : материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2017. – ISBN 978-5-93035-617-5. – С. 75–80.

2. *Kury'sev K. N., Kovalev S. D., Poluyanova E. V.* On Some Problems of the Investigative Action «Monitoring and Recording Negotiations». *Forensic and Procedural Support for the Investigation of Crimes in the Penal System*. Vladimir, VYuI FSIN Rossii, 2017. ISBN 978-5-93035-617-5. P. 75–80.

Библиографическое описание статьи

Щетнёв Л. Е. Современные вопросы, возникающие в правоприменительной практике оперативных подразделений при проведении ряда оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина / Л. Е. Щетнёв, С. М. Томилин, И. Ю. Антонов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 124–127.

УДК 343.21

Яковлев Андрей Алексеевич,
старший преподаватель
кафедры организации режима и надзора
ВЮИ ФСИН России,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

Yakovlev Andrej A.,
Senior Lecturer of Organization
and Supervision Regime Department
of VLI of the FPS of Russia,
Post-graduate Student of Criminal Law Studies
Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VlSU

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Issues of Improving the System of Criminal Law Measures for the Prevention of Socially Significant Diseases

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию системы профилактики социально значимых заболеваний уголовно-правовыми средствами. Автор, анализируя действующее уголовное законодательство, приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления возможности применения обязанности лечения социально значимых заболеваний в любой стадии уголовно-правовых взаимоотношений, в том числе при освобождении от уголовной ответственности. В заключение автор формулирует обоснованные предложения по изменению уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное наказание; иные меры уголовно-правового характера; социально значимые заболевания; лечение; освобождение от уголовной ответственности.

Abstract. The article is devoted to the improvement of the system of prevention of socially significant diseases by criminal law means. The author, analyzing the current criminal legislation, comes to the conclusion that it is necessary to legally fix the possibility of applying the duty of treating socially significant diseases at any stage of criminal law relationships, including during exemption from criminal liability. In conclusion, the author formulates reasonable proposals for amending criminal law.

Key words: criminal penalty; other measures of criminal law; socially significant diseases; treatment; exemption from criminal liability.

Жизнь человека подвержена влиянию различных факторов, способных оказать воздействие на нее [8, с. 7]. К этим факторам относятся и различные заболевания. Особую роль играют заболевания, приобретаемые пожизненно, т. е. лечение которых невозможно даже при современном уровне развития медицины. Перечень заболеваний, представляющих угрозу обществу, утвержден на государственном уровне постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715. Лечение большинства указанных в нем заболеваний представлено купированием заболевания, которое не приводит к полному выздоровлению. К таким, например, относятся: болезни, вызванные вирусом иммунодефицита человека, туберкулез, психические расстройства и расстройства поведения, а также другие заболевания. Наличие указанных заболеваний оказывает существенное воздействие на образ поведения человека как в физиологическом, так и в эмоциональном плане.

Развитию некоторых заболеваний способствовало само общество. Еще столетие назад многие из заболеваний, относящихся в настоящее время к социально значимым, были практически не известны в обществе, а обсуждались лишь в медицинских кругах. Например, по мнению ряда ученых-юристов, общая наркотизация населения, возникшая в конце XX в., была вызвана попустительским отношением со стороны государства [12, с. 19–28].

Российская Федерация, осознавая угрозу обществу, приняла ряд мер, направленных на борьбу с социально значимыми заболеваниями. Одной из форм такого противодействия распространению социально значимых заболеваний является диспансеризация населения. Профилактика заболевания на ранней стадии позволяет принять лечение в более эффективной форме.

Действующее уголовное законодательство предусматривает систему уголовно-правовых мер профилактики заболеваний [4, с. 69]. Современный облик этой системы фактически формируется в последнее десятилетие, на протяжении которого она была существенным образом преобразована путем добавления новых видов мер, а также внесения изменений в действующие положения законодательства о существующих мерах [9, с.140].

На этом фоне следует отметить тот факт, что большинство из социально значимых заболеваний не является врожденным, а приобретается человеком в процессе жизнедеятельности. Полагаем, что факт необходимости лечения любого такого заболевания, как и других, является неоспоримым вне

© Яковлев А. А., 2019

зависимости от процессуальной стадии принятия решения, на которых возможно применение уголовно-правовых мер воздействия.

Вместе с тем действующее законодательство не всегда в таких случаях предусматривает возможность применения мер профилактики социально значимых заболеваний, что негативно отражается на предупредительных возможностях уголовно-правовых мер воздействия.

Кроме того, интерес вызывает и проблема, присущая не только данным уголовно-правовым мерам, но и другим, это проблема, отражающая право суда на применение данных мер, а не обязанности по их назначению. Указанные заболевания способны оказать не только негативное общесоциальное воздействие, но и, в частности, сильно повлиять на уровень преступности как отдельно взятой, так и на общий уровень преступности в стране.

Полагаем, что значение, например, наркомании, как и других социально значимых заболеваний, является достаточным, на что указывает обращение к ним не только в рамках осуществления уголовно-правовой политики государством, но и социальной с ее медицинским направлением [6, с.156]. Государство как регулятор общественных отношений должно брать на себя регулятивную роль предупредительного характера, что в данном случае состоит в применении мер воздействия в отношении лиц, совершивших преступления и попавших под воздействие уголовного закона.

Такие лица преступили его – совершили преступление, в связи с чем применение к ним мер воздействия является вполне обоснованным и в случае совершения преступления даже без прямой связи с заболеванием. Следует помнить, что непосредственная причина деяния может быть не обусловлена конкретным условием, но вместе с тем и одно условие не является общеопределяющим, его окружает множество факторов, имеющих как прямое воздействия, так и косвенное. В этой связи следует обратиться к мнению медицинских работников, почти единогласно утверждающих, что состояние здоровья человека не может не оказывать влияния на его поступки [2, с. 48; 3, с. 120; 11, с. 31–32].

Рассматривая варианты разрешения обозначенных проблем, следует обратиться к вопросу отсутствия возможности назначения рассматриваемых мер при освобождении от уголовной ответственности. Суд при вынесении своего решения должен учитывать принцип гуманного отношения к осужденному и исключить бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство отношение при исполнении наказания [7, с.168]. Крайней степенью гуманности государства при рассмотрении вида наказания лицу, больному социально значимым заболеванием, будет установление обстоятельств, позволяющих освободить лицо от уголовной ответственности.

За последние годы институт освобождения от уголовной ответственности получил значительный импульс к развитию. Так, если при принятии действующего УК РФ в 1996 г. положения гл. 11 УК РФ предусматривали четыре таковых основания: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, изменение обстановки и истечение сроков давности, – то уже в 2003 г. в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из данного перечня было исключено третье указанное основание, после чего федеральными законами от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ и от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ были введены положения об освобождении от уголовной ответственности по экономическим преступлениям и с применением судебного штрафа. Кроме того, как справедливо отмечает А. Г. Полуэктов, учету в обязательном порядке должны подлежать и специальные основания, позволяющие их дифференцировать в самостоятельную группу оснований и отдельные основания освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних [10, с. 31–32].

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности за последние 20 лет существенно продвинулся в своем развитии и к настоящему времени представляет собой сложную систему, состоящую из множества объектов, дополняющих друг друга. Ее применение нашло широкое отражение в практической деятельности судов. Отметим, что в соответствии с гл. 4 УПК РФ решение о прекращении уголовного преследования вправе принять следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора, а также суд, т. е. существует широкий перечень субъектов. Вместе с тем оценка лишь результатов деятельности судов показывает значительность объемов применения данного института права. Данный уголовно-правовой институт имеет характер некоей альтернативы осуждению [5, с. 286–287] и направлен на снижение уровня преступности в стране [1, с. 35], пусть и формально. Изложенное говорит о том, что его роль весьма значительна и ее низложение будет абсурдным.

Несмотря на столь значительные показатели, законодатель не предусмотрел возможностей применения уголовно-правовых мер профилактики наркомании при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности. Положения ст. 72.1, 73, 79, 82.1, 99 УК РФ, а также ч. 2 и 3 ст. 18 УИК РФ не предполагают такой формы их реализации.

Однако анализ фундаментальных нормативных актов, определяющих дальнейшее развитие законодательства, позволил выявить, на наш взгляд, во многом символичный аспект в части данного вопроса. Так, в соответствии с положениями п. «в» ст. 43 Стратегии государственной антинаркотической политики России до 2020 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690, предусматривается необходимость законодательного закрепления альтернативы уголовному наказанию в виде лечения «подсудимым, больным наркоманией и признанным виновными в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, связанных с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров».

Законодателем до настоящего времени не был урегулирован данный вопрос. Действующий УК РФ не предусматривает возможности выбора между осуждением и лечением. Однако, соглашаясь с А. В. Татариновым [13, с. 149], возможность такового представляется нам вполне логичной. Вместе с тем, учитывая, что наркомания является одним из заболеваний, имеющих значительное социальное значение, тем более в уголовно-правовом аспекте, полагаем, что такое выделение представляется неким перекосом в его сторону и ущемлением значимости иных заболеваний.

В связи с этим считаем целесообразным по аналогии применить уже апробированный подход и в части иных заболеваний. Реализация данного положения, на наш взгляд, будет наиболее рациональной в рамках уже действующей ст. 72.1 УК РФ. В настоящее время она распространяет свое действие на лиц, страдающих наркоманией, но внесенное нами предложение возможности расширения действия указанной нормы ко всем социально значимым заболеваниям позволит нивелировать данный недостаток уголовного закона и закрепить возможность принудительного лечения всех социально значимых заболеваний. Дополнительное предложение вносится с целью разрешения вновь выявленной правовой проблемы – закрепление принудительности лечения социально значимого заболевания лиц, освобождаемых от уголовной ответственности.

В этих целях полагаем необходимым ввести в ст. 72.1 УК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «*1.1. В случае освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, лиц, признанных больными социально значимыми заболеваниями, суд возлагает на освобожденного обязанность пройти соответствующее заболеванию лечение и медицинскую и (или) социальную реабилитацию*». При этом нужно подчеркнуть, что, на наш взгляд, лечение должно иметь именно обязательный характер без компромиссов, в связи с чем предлагаем слово «возлагает», а не словосочетание «может возложить», позволяющее не столь однозначно подходить к вопросу применения лечения.

Кроме того, для актуализации данного вопроса в деятельности судов следует обратить внимание на него путем соответствующего упоминания в рамках постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Предлагаем ввести п. 3.1 следующего содержания: «*3.1. При освобождении от уголовной ответственности лица, признанного больным социально значимым заболеванием, суд возлагает на него обязанность пройти соответствующее заболеванию лечение и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (часть 1.1 статьи 72.1 УК РФ)*». Это придаст импульс к применению положений ст. 72.1 УК РФ в предлагаемой редакции.

В целях реализации данного предложения также полагаем необходимым внести предложение по изменению п. 7.2 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. В настоящее время пределы ее действия ограничены категорией подсудимых, в связи с чем предлагаем дополнить ее и подозреваемыми лицами. В этих целях после слов «нуждается ли» добавить «*подозреваемый или*».

Отметим, что действующее уголовно-процессуальное законодательство в указанных условиях требует внесения и иных изменений. Так, необходимо предусмотреть обязательность освобождения от уголовной ответственности лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями, только по решению суда по причине того, что следователь и дознаватель не могут назначать уголовно-правовые меры, что вполне логично. В этой связи следует обратить внимание ученых-процессуалистов для рассмотрения и урегулирования правовыми методами данного вопроса.

Таким образом, условия реализации действующих положений об уголовно-правовых мерах профилактики социально значимых заболеваний не предусматривают их применение при освобождении от уголовной ответственности. Вместе с тем такая потребность существует ввиду того, что данная категория весьма значительна: сопоставима с наиболее часто применяемым наказанием – лишение свободы на определенный срок, а также наличием некоторого внимания к данному вопросу со стороны законодателя. В связи с этим предлагаем законодательно урегулировать данный вопрос.

Завершая статью, мы пришли к следующим выводам: предусмотренные законодателем возможности назначения уголовно-правовых мер профилактики социально значимых заболеваний при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности достаточно разнообразны и предусматривают широкий диапазон таковых. Вместе с тем система уголовно-правовых мер профилактики социально значимых заболеваний нуждается в существенном совершенствовании в части данного вопроса: действующая система мер профилактики социально значимых заболеваний не предусматривает ее применения в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности, потребность и последовательность реализации чего просматривается как с теоретической, так и с практической сторон.

В связи с этим полагаем необходимым внести следующие изменения в отечественные нормы:

– ввести в ст. 72.1 УК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «*1.1. В случае освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, лиц, признанных больными социально значимыми заболеваниями, суд возлагает на освобожденного обязанность пройти соответствующее заболеванию лечение и медицинскую и (или) социальную реабилитацию*»;

– ввести п. 3.1 в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 следующего содержания: «*3.1. При освобождении от уголовной ответственности лица, признанного больным социально значимым заболеванием, суд возлагает на него обязанность пройти соответствующее заболеванию лечение и*

медицинскую и (или) социальную реабилитацию (часть 1.1 статьи 72.1 УК РФ)»;

– в п. 7.2 ч. 1 ст. 299 УПК РФ после слов «нуждается ли» добавить «*подозреваемый или*».

Кроме того, требуется внесение и других изменений в уголовно-процессуальное законодательство, предполагающих урегулирование вопроса порядка назначения судом рассматриваемых уголовно-правовых мер совместно с применением оснований освобождения от уголовной ответственности. Однако это тема самостоятельного монографического исследования.

Библиографический список

1. *Апостолова Н. Н.* Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Н. Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 34–37.

2. *Белов В. Г.* Здоровье как основа социально-психологической адаптации человека / В. Г. Белов, М. Г. Дмитриев, И. Ю. Апалькова // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2007. – Т. 7, № 1. – С. 44–48.

3. *Горбаткова Е. Ю.* О некоторых аспектах формирования здоровья подрастающего поколения / Е. Ю. Горбаткова, С. А. Лобанов // Науковедение. – 2015. – Т. 7, № 1(26). – С. 120.

4. *Звонов А. В.* «Лестница» уголовных наказаний, альтернативных изоляции от общества: краткая оценка построения / А. В. Звонов // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2018. – № 1(25). – С. 67–76.

5. *Келина С. Г.* «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права / С. Г. Келина // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2007. – ISBN 978-5-482-01463-9. – С. 283–288.

6. *Куликова М. С.* Деструктивное поведение лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией / М. С. Куликова, А. В. Кулаков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара : СЮИ ФСИН России, 2017. – Вып. 5, ч. 1. – ISBN 978-5-91612-168-1. – С. 155–157.

7. *Макарова О. В.* О практике рассмотрения судами ходатайств осужденных об освобождении от наказания в связи с болезнью / О. В. Макарова // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. – Москва : КОНТРАКТ, 2019. – Вып. 24. – ISBN 978-5-6041271-9-3. – С. 168–178.

8. *Малеина М. Н.* Болезнь как юридический факт – состояние, вызывающее правовые последствия / М. Н. Малеина // Медицинское право. – 2016. – № 3. – С. 7–11.

9. *Осипов А. Л.* Производство о применении принудительных мер медицинского характера: национальное и международно-правовое измерения / А. Л. Осипов // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3. – С. 136–142.

10. *Полуэктов А. Г.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Полуэктов Андрей Георгиевич ; Университет прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2018. – 210 с.

11. *Самородская И. В.* Влияние медицинских и немедицинских факторов на смертность населения: генетические, фенотипические и поведенческие // Социальная и клиническая психиатрия. – 2018. – Т. 26, № 5. – С. 260–265.

12. *Сюсоев Р. А.* Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: теоретические и прикладные аспекты. – Владимир, 2015. – 211 с.

13. *Татаринов А. В.* Применение мер уголовно-правового характера, связанных с лечением от наркомании, при исполнении наказания / А. В. Татаринов // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 7. – С. 148–150.

References

1. *Apostolova N. N.* Termination of a Criminal Case or Criminal Prosecution with the Appointment of a Measure of Criminal Law in the Form of a Judicial Fine. *Rossijskaya Yusticiya*. 2016. No. 10. P. 34–37.

2. *Belov V. G., Dmitriev M. G., Apal'kova I. Yu.* Health as a Basis for a Person's Social and Psychological Adaptation. *Uchyony'e Zapiski Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Instituta Psikhologii i Social'noj Raboty'*. 2007. Vol. 7. No. 1. P. 44–48.

3. *Gorbatkova E. Yu., Lobanov S. A.* On Some Aspects of the Formation of the Health of the Younger Generation. *Naukovedenie*. 2015. Vol. 7. No. 1(26). P. 120.

4. *Zvonov A. V.* The «Ladder» of Criminal Sanctions, Alternative Isolation from Society: a Brief Assessment of the Construction. *Biblioteka Ugolovnogo Prava i Kriminologii*. 2018. No. 1(25). P. 67–76.

5. *Kelina S. G.* «Other Measures of Criminal Law» as an Institution of Criminal Law. *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century*. Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2007. ISBN 978-5-482-01463-9. P. 283–288.

6. *Kulikova M. S., Kulakov A. V.* Destructive Behavior of Persons Suffering from Alcoholism and Drug Addiction. *Legal Science and Practice: the Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the FPS of Russia*. Samara, SYuI FSIN Rossii, 2017. Iss. 5. Pt. 1. ISBN 978-5-91612-168-1. P. 155–157.

7. *Makarova O. V.* On the Practice of Consideration by the Courts of Petitions of Convicts for Exemption from Punishment in Connection with the Disease. *Comment of Judicial Practice*. Execut. ed. K. B. Yaroshenko. Moscow, Kontrakt, 2019. Iss. 24. ISBN 978-5-6041271-9-3. P. 168–178.

8. *Maleina M. N.* Disease as a Legal Fact – a Condition that Causes Legal Consequences. *Medicinskoe Pravo*. 2016. No. 3. P. 7–11.

9. *Osipov A. L.* Proceedings on the Use of Compulsory Medical Measures: National and International Legal Measures. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2016. No. 3. P. 136–142.

10. *Polue'ktov A. G.* Exemption from Criminal Liability with the Appointment of a Judicial Fine: Theoretical and Applied Aspects. Moscow, 2018. 210 p.

11. *Samorodskaya I. V., Semenov V. Yu., Bojczov S. A.* Influence of Medical and Non-medical Factors on the Mortality of the Population: Genetic, Phenotypic and Behavioral Factors. *Problemy' Social'noj Gigieny', Zdravookhraneniya i Istorii Mediciny'*. 2018. Vol. 26. No. 5. P. 260–265.

12. *Sy'soev R. A.* Postponement of Punishment for Patients with Drug Addiction: Theoretical and Applied Aspects. Vladimir, 2015. 211 p.

13. *Tatarinov A. V.* Application of Criminal Law Measures to Prevent Drug Abuse in the Execution of a Criminal Punishment. *Problemy' v Rossijskom Zakonodatel'stve*. 2018. No. 7. P.148–150.

ческие факторы / И. В. Самородская, В. Ю. Семенов, С. А. Бойцов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2018. – Т. 26, № 5. – С. 260–265.

12. *Сысоев Р. А.* Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: теоретический и прикладной аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Сысоев Роман Андреевич ; Владимирский государственный университет. – Владимир, 2015. – 211 с.

13. *Татаринов А. В.* Применение уголовно-правовых мер профилактики наркомании при исполнении назначенного уголовного наказания / А. В. Татаринов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 7. – С. 148–150.

Библиографическое описание статьи

Яковлев А. А. Вопросы совершенствования системы уголовно-правовых мер профилактики социально значимых заболеваний / А. А. Яковлев // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 128–132.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 343.98(091)

Агарков Алексей Вячеславович,
начальник кафедры
оперативно-розыскной деятельности
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: agarkov2107@rambler.ru

Agarkov Aleksej V.,
Head of Crime Detection Department
of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Королёв Юрий Фёдорович,
профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук
E-mail: mentelis@mail.ru

Korolyov Yurij F.,
Professor of Crime Detection Department
of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law

ГЕНЕЗИС МЕТОДОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

The Genesis of Operational Investigative Methods in the Penitentiary System of the Russian Empire

Аннотация. Анализируются способы осуществления сыска в пенитенциарной системе Российской империи XVIII–XIX вв., проводятся аналогии с современными оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями. Высказывается тезис о предпосылках развития методов осуществления сыска в пенитенциарной сфере.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; пенитенциарная система; сыск; история развития сыска.

Abstract. The methods of investigating in the penitentiary system of the Russian Empire of the XVIII–XIX centuries are analyzed; analogies with modern operational-search measures and investigative actions are carried out. A thesis is expressed on the prerequisites for the development of investigative methods in the penitentiary sphere.

Key words: crime detection; operative search measures; the penitentiary system; investigation; the history of the development of investigation.

В настоящее время значительный интерес в обществе вызывают работы, посвященные вопросам функционирования тех или иных государственных институтов, рассматриваемых через призму их исторического развития. Не является исключением и оперативно-розыскная деятельность (далее: ОРД), осуществляемая в местах лишения свободы.

Прежде всего нужно решить вопрос: а было ли в местах лишения свободы того времени то, что сейчас называют ОРД? Кто осуществлял (и осуществлял ли вообще) борьбу с преступлениями, готовящимися и совершаемыми заключенными?

К сожалению, пока не выявлены все негласные методы, осуществляемые в XVIII в. (и ранее) по предупреждению и раскрытию преступлений в пенитенциарной сфере. Основываясь на проведенном нами ранее исследовании [1; 2; 3], мы считаем, что основным применяемым в тюрьмах способом получения информации о готовящихся и совершенных заключенными преступлениях были пытки как государственных, так и уголовных преступников. Но можно ли отнести пытки к методам оперативной работы? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Во-первых, показания, полученные в результате пыток, служили основаниями для вынесения приговора [4, с. 419–464], в то время как оперативная информация не может быть доказательством в уголовном процессе. Во-вторых, большинство оперативно-розыскных мероприятий предполагает получение оперативной информации в тайне от интересующего объекта, тогда как при использовании пыток ему открыто задаются вопросы, интересующие представителей правоохранительных органов.

Таким образом, пытки не могут быть отнесены к методам ОРД, в большей степени они отвечают интересам предварительного расследования. Наверное, их можно условно сравнить с явкой с повинной, полученной с грубейшими нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства. Общие черты усматриваются в том, что виновное лицо само сообщает о таких подробностях подготовки или совершения преступления, которые ранее были неизвестны правоохранительным органам.

Рассматривая еще один широко применявшийся метод получения оперативно значимой информации – донос, который также активно использовался в местах лишения свободы в отношении как преступников, так и лиц из состава конвойной охраны, необходимо выяснить, относится ли донос к методам ОРД.

Донос мог быть осуществлен как в гласной форме («Слово и Дело Государево»), так и в негласной, однако во всех случаях доноситель должен был указать свои данные, так как анонимные доносы не рассматривались. После «извета» (доноса) он должен был доказать свое обвинение, для чего использовались показания свидетелей, «роспрос» (допрос) и пытки доносителя, «поставление

© Агарков А. В., Королёв Ю. Ф., 2019

с очей на очи» с обвиняемым, т. е. доноситель активно участвовал в установлении истины по делу, не скрывая своей личности [4, с. 81–82, 147–148].

Говоря современным языком, донос представлял собой инициативное гласное предоставление информации о готовящемся либо совершенном преступлении с последующим участием предоставившего информацию лица в уголовном процессе без зашифровки его личности. Из-за отсутствия в его составе признака конфиденциальности его нельзя соотнести с современным оперативно-розыскным мероприятием «наблюдение», в связи с чем донос к числу методов оперативной работы также не относится.

Кроме пыток и доносов, оперативная информация в местах лишения свободы могла быть получена в результате часто проводимых обысков. Однако целью их было обеспечение должного режима содержания – обнаружение и изъятие колющих и режущих предметов, обнаружение признаков подготовки к побегу, в связи с чем мы также не относим их к числу методов оперативной работы. Еще одно такое сыскное мероприятие, как слежка не применялось в пенитенциарной системе в силу своей специфики.

Известны факты осуществления в местах лишения свободы личного сыска. Так, тобольский казак Григорий Левшутин добровольно ходил по тюрьмам и острогам, заводил беседы с арестантами, выспрашивал у них подробности, а потом доносил [4, с. 100]. Однако вместо перевода на оперативную работу инициатора ждал обычный порядок проверки доноса – пытки, которые он терпеливо переносил. Таким образом, процедура использования полученной в ходе личного сыска информации и немногочисленные случаи его применения не позволяют утверждать о сложившейся практике применения указанного метода.

Рассматривая иные методы сыска, применяемые в анализируемый исторический период (тайное выведывание и перлюстрация корреспонденции), заметим, что они могли применяться в местах лишения свободы. Вместе с тем проведенные до настоящего времени исследования не сумели выявить данные, свидетельствующие об их использовании. Таким образом, опираясь на известные нам факты, можно утверждать, что в XVII–XVIII вв. в местах лишения свободы оперативная работа практически не велась, хотя борьба с пенитенциарной преступностью была весьма актуальной.

Большое влияние на формирование оперативных подразделений и методов их работы оказало восстание декабристов. Оно показало, что Комитет высшей полиции (1805), Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия (1807), Особенная канцелярия Министерства полиции и Министерства внутренних дел (1810), Экспедиция тайной полиции при петербургском генерал-губернаторе (1815), создаваемые и реформируемые Александром I, не сумели выявить и своевременно предотвратить попытку насильственного изменения существующего государственного строя.

Одним из первых шагов в решении задач предупреждения и пресечения государственных преступлений стали создание специального органа политической полиции и подчинение его лично императору. В конце января 1826 г. генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф подал императору Николаю I записку, в которой излагал следующее: «События 14 декабря и ужасные заговоры, которые в течение более 10 лет подготовляли этот взрыв, достаточно доказывают как ничтожность имперской полиции, так и неизбежную необходимость организации таковой согласно искусно скомбинированному и деятельно выполненному плану...». «Записка эта подверглась изучению государя и обсуждению нескольких избранных императором лиц, и 25 июня 1826 года, в день рождения императора Николая I, появился приказ об учреждении корпуса жандармов, о назначении генерал-адъютанта графа Бенкендорфа шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой… 3 же июля состоялся указ о преобразовании особой канцелярии министерства внутренних дел в третье отделение Собственной Его Величества канцелярии» [9, с. 32–33]. III отделение стало органом «высшей полиции» Российской империи, его главноуправляющим был назначен А. Х. Бенкендорф, а жандармские формирования, созданные первоначально для поддержания порядка в войсках, стали местными органами политической полиции.

В записках А. Х. Бенкендорф объяснил причины создания централизованного полицейского органа с весьма широкими полномочиями: «Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся в многие части управления, и, убедившись из внезапно открытого заговора, обагрившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие, Государь избрал меня для образования высшей полиции, которая покровительствовала бы утесненным и наблюдала бы за злоумышлениями и людьми, к ним склонными…» [10, с. 126].

III отделение было эффективным и действенным органом, осуществлявшим ОРД в Российской империи, возглавившим руководство корпусом жандармов, организованным 25 июня того же года. Рост революционного движения, появление различных политических партий и течений, в том числе и откровенно террористического толка, обусловил главное направление его деятельности – политический сыск.

Особую роль в деле получения оперативной информации III отделение отводило агентуре. Сведений об агентах сохранилось очень мало: в силу специфики деятельности количество документов было сведено до минимума, многие сведения были уничтожены в ходе Февральской революции 1917 г. Известно лишь, что среди агентов были люди из разных слоев общества; сведения, которые они предоставляли, обобщались управляющим III отделением и передавались непосред-

ственно императору. Однако оперативной квалификации конфиденты не имели, ограничиваясь в большинстве случаев лишь осведомлением.

В 30–50-е гг. XIX в., благодаря первому главноуправляющему III отделением А. Х. Бенкендорфу, в политическом сыске стал более активно использоваться метод перлюстрации. По мнению А. Х. Бенкедорфа, «вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты Империи» [7, с. 105]. Отбором писем, подлежащих перлюстрации, занимались чиновники почтамта во время сортировки писем. Интересующие послания в специальных ящиках подавались в «черный кабинет», где они вскрывались, прочитывались и заклеивались. Сеть «черных кабинетов» существовала на территории всей Российской империи. Жандармский генерал В. Д. Новицкий писал, что «император Александр II очень интересовался перлюстрацией писем…» [8, с. 73].

Необходимо отметить, что одной из функций III отделения было осуществление тайного сыска в местах лишения свободы Российской империи. Первопричиной для развития методов осуществления сыска в пенитенциарной сфере стало, по нашему мнению, дело декабристов. Впервые столь большое количество представителей аристократических фамилий было подвергнуто аресту, заключению в крепости и осуждению к каторжным работам. Пытки и иные методы физического воздействия применять к ним было невозможно, так как они поддерживали связь со своими родственниками как на территории Российской империи, так и за ее пределами, в странах Европы. Информация о применении пыток могла неблагоприятно сказаться на международном мнении о России в целом и повредить авторитету непосредственно самого государя. В связи с этим органы политического сыска в лице III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии были вынуждены обеспечивать оперативное прикрытие декабристов, используя новые, ранее не опробованные, методы сыска или существенно совершенствуя уже известные.

По воспоминаниям А. Муравьева, в ходе расследования дела о восстании на Сенатской площади у Следственного комитета «…были в качестве руководящих нитей в подробностях столь сложного дела два доноса, Шервуда и Майбороды, а также и бумаги, захваченные во время посещения с целью обыска квартир обвиняемых» [6, с. 223]. Учитывая то, что личности доносчиков были известны обвиняемым, предоставленные ими сведения можно сравнить с показаниями свидетелей, а обнаруженные при обыске документы – с вещественными доказательствами. Однако предпринимались попытки и оперативным путем склонить преступников к явке с повинной. Например, «священнику поручено было приносить религиозное утешение, но, главным образом, вызывать на признание» [Там же, с. 221].

Оперативное сопровождение расследования в отношении декабристов подразумевало организацию их оперативного прикрытия непосредственно в условиях изоляции. Николай Бестужев писал: «… подслушиванье и надзор не отступают ни на минуту…» [Там же, с. 223]. Это было необходимо, так как подследственными постоянно предпринимались различные попытки установить межкамерную связь: «…мы с братом восстановили сношения посредством выдуманной им азбуки звуками в стену… Все сношения наши были очень коротки и неверны – через старого ефрейтора, словесно, и, почти перед самою сентенциею, записками…» [Там же].

Необходимость негласного наблюдения за поведением декабристов не отпала и после вынесения им приговора и направления для отбывания наказания в тюрьмы и на каторжные работы. В частности, уже в 1828 г. осужденный И. И. Сухинов спланировал так называемый зерентуйский[1] заговор, целью которого было освобождение декабристов и всех каторжан Нерчинского округа. Декабрист И. Горбачевский вспоминал: «Намерение Сухинова было освободить всех членов тайного общества, содержащихся в Читинском остроге, и бежать с ними за границу. Он замыслил составить заговор и посредством доверенных людей взбунтовать всех ссыльных, находившихся в семи Нерчинских заводах и в 20 рудниках, вооружить их по возможности, идти с ними на Читу и привести в исполнение свое намерение» [Там же, с. 270]. Однако исполнению планов Сухинова помешала работа конфидента – о его замысле стало известно властям, участников заговора арестовали и судили. Упоминая об этом, М. Н. Гернет писал: «Один из уголовных оказался предателем и выдал Сухинова и других участников заговора» [5, с. 161]. По всей видимости, речь идет о предотвращении преступления с помощью конфиденциального содействия.

Одна из попыток оперативного прикрытия А. Н. Муравьева и некоторых других декабристов была предпринята А. Х. Бенкендорфом в 1830 г. в Иркутске. При этом использовались возможности негласных сотрудников III отделения – барона П. Л. Шиллинга фон Канштадта и разжалованного в солдаты Р. М. Медокса [11, с. 36–37].

Переписка декабристов перлюстрировалась, причем данные перлюстрации служили основанием для наказания. В частности, находившийся в ссылке Михаил Лунин вел активную переписку, в том числе и нелегальную, некоторые свои рукописи через сестру Е. Уварову переправлял во Францию для опубликования. Зная о перлюстрации, он все же некоторые письма запрещенного содержания посылал обычной почтой. «Они слишком любят мои шедевры, чтобы допустить, будто не станут читать большое сочинение, которое я недавно отослал». В результате столь провоцирующего поведения по материалам, поступившим из Петербурга, Лунину были изменены условия отбывания наказания – он был направлен в каторжную тюрьму в Акатуе [6, с. 298–300].

[1] От названия Зерентуйского рудника Нерчинского округа.

Активную роль в поддержании запрещенных связей декабристов между собой и со «свободой» играли их жены. Например, Екатерина Ивановна Трубецкая, находясь в Иркутске, вступила в «недозволенную переписку» через сектанта-духобора, установила связь с известным сибирским купцом Кузнецовым, который в дальнейшем стал одним из наиболее надежных посредников в нелегальных сношениях декабристов [Там же, с. 262].

Итак, в первой половине XIX в. оперативная работа в местах лишения свободы велась чинами III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии путем использования конфидентов, перлюстрации корреспонденции, негласного контроля за разговорами заключенных. Подчеркнем, что именно в данный исторический период, наряду с выяснением оперативным путем обстоятельств совершения преступления и выявления соучастников, задачей оперативной работы, осуществляемой в местах лишения свободы Российской империи, стало предупреждение пенитенциарной преступности.

Библиографический список

1. *Агарков А. В.* Оперативно-розыскная деятельность в местах лишения свободы (правовые и исторические проблемы) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Агарков Алексей Вячеславович ; Владимирский юридический институт. – Владимир, 2006. – 209 с.

2. *Агарков А. В.* Исторический и организационно-правовой аспекты развития оперативных подразделений в местах лишения свободы : монография / А. В. Агарков. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2010. – 168 с. – ISBN 978-5-93035-300-6.

3. *Агарков А. В.* Была ли оперативная работа в местах лишения свободы Российской империи? / А. В. Агарков // Оперативник (сыщик). – 2008. – № 2(15). – С. 7–9.

4. *Анисимов Е. В.* Русская пытка / Е. В. Анисимов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 216 с. – ISBN 5-7711-0210-5.

5. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. В т. Т. 2 / М. Н. Гернет. – Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 479 с.

6. Декабристы рассказывают… – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 336 с.

7. *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. М. Лурье. – Санкт-Петербург : Час пик, 1992. – 414 с. – ISBN 5-87996-007-2.

8. *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма / В. Д. Новицкий. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 53 с. – ISBN 5-211-02003-0.

9. *Спиридович А. И.* Записки жандарма / А. И. Спиридович. – Москва : Худож. лит., 1991. – 264 с. – ISBN 5-280-02363-9.

10. *Сысоев Н. Г.* Тайный сыск России. От жандармов до чекистов / Н. Г. Сысоев. – Москва : Вече, 2005. – 511 с. – ISBN 5-9533-0661-X.

11. *Штрайх С. Я.* Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века / С. Я. Штрайх. – Москва : Воен. изд-во, 2000. – 285 с. – ISBN 5-203-01899-5.

References

1. *Agarkov A. V.* Operational Search Activity in Places of Deprivation of Liberty (Legal and Historical Problems. Vladimir, 2006. 209 p.

2. *Agarkov A. V.* Historical and Organizational and Legal Aspects of the Development of Operational Units in Places of Detention. Vladimir, VYuI FSIN of Rossii, 2010. 168 p. ISBN 978-5-93035-300-6.

3. *Agarkov A. V.* Was there Operational Work in the Places of Deprivation of Liberty of the Russian Empire? *Operativnik (Sy'shhik)*. 2008. No. 2(15). P. 7–9.

4. *Anisimov E. V.* Russian Torture. Saint-Petersburg, Norit, 2004. 216 p. ISBN 5-7711-0210-5.

5. *Gernet M. N.* The Story of the Royal Prison. In 5 vol. Vol. 2. Moscow, Yuridicheskoe Izdatel'stvo MYu SSSR, 1946. 479 p.

6. The Decembrists Tell… Moscow, Molodaya Gvardiya, 1975. 336 p.

7. *Lur'e F. M.* Police and Provocateurs: Political Investigation in Russia. 1649–1917. Saint-Petersburg, Chas Pik, 1992. 414 p. – ISBN 5-87996-007-2.

8. *Noviczkij V. D.* From the Memories of the Gendarme. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1991. 53 p. ISBN 5-211-02003-0.

9. *Spiridovich A. I.* Notes Gendarme. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1991. 264 p. ISBN 5-280-02363-9.

10. *Sy'soev N. G.* Secret Investigation of Russia. From Gendarmes to Security Officers. Moscow, Veche, 2005. 511 p. ISBN 5-9533-0661-X.

11. *Shtrajkh S. Ya.* Roman Medox. The Adventures of the Russian Adventurer of the XIX Century. Moscow, Voennoe Izdatel'stvo, 2000. 285 p. ISBN 5-203-01899-5.

Библиографическое описание статьи

Агарков А. В. Генезис методов оперативно-розыскной деятельности в пенитенциарной системе Российской империи / А. В. Агарков, Ю. Ф. Королёв // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 135–138.

УДК 34.047

Басов Владислав Алексеевич,
аспирант кафедры теории
и истории государства и права
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: vladislavbasov@yandex.ru

Basov Vladislav A.,
Post-graduate Student of Theory
and History of State and Law Department
of Law Institute
named after M. M. Speransky of VlSU

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВЕ

Concept and Essence of Restriction Limits in Law

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности ограничений ограничений в праве, определяется целевое назначение данного юридического средства в рамках механизма правового регулирования, раскрывается специфика связи ограничений ограничений в праве с общими ограничениями правового регулирования.

Ключевые слова: ограничения в праве; ограничения ограничений в праве; механизм правового регулирования; правовые средства; правовые стимулы; правовые запреты.

Abstract. The article discusses the key features of restriction limits in law, defines the purpose of this legal means within the framework of the mechanism of legal regulation, reveals the specifics of the connection of the legal restriction limits with general restrictions of legal regulation.

Key words: restrictions in law; restriction limits in law; the mechanism of legal regulation; legal means; legal incentives; legal prohibitions.

Особое значение для установления правопорядка имеет создание у индивида мотивации на соблюдение и исполнение юридических предписаний как положительной (в случае реализации субъективных прав и законных интересов), так и отрицательной (когда речь идет о воздержании от противоправных действий и исполнении юридических обязанностей под угрозой применения мер юридической ответственности). Среди всего арсенала средств правового регулирования эту функцию выполняют стимулы и ограничения в праве.

Стимулы и ограничения в праве могут рассматриваться как парные правовые категории, поскольку для реализации законных интересов субъектов правоотношений посредством использования субъективных прав, льгот, привилегий, иммунитетов и иных правовых стимулов необходимо существование целого арсенала юридических средств, создающих препятствие для осуществления противоправных посягательств, направленных на воспрепятствование реализации законных интересов. В качестве указанных правовых средств выступают ограничения в праве. В свою очередь, устанавливая границы поведения субъектов, ограничения в праве создают условия для реализации законных интересов контрсубъектов правоотношений, тем самым стимулируя их правомерное поведение [3, с. 110].

Вместе с тем, не отрицая высокой значимости стимулов в праве для реализации целей и задач правового регулирования, следует отметить, что нередко статьи нормативных правовых актов, закрепляющие права и свободы, сформулированы в значительной степени абстрактно, и это обусловлено прежде всего известной степенью самостоятельности субъектов при выборе средств и способов реализации своих прав и законных интересов. В наиболее жесткой и детальной правовой регламентации, с нашей точки зрения, нуждаются именно ограничения в праве, поскольку указанные юридические средства препятствуют свободному волеизъявлению субъектов правоотношений, и их неэффективное или немотивированное применение может повлечь за собой неоправданное умаление интересов как субъектов ограничительного воздействия в случае, если ограничения применяются необоснованно, так и контрсубъектов, если в силу несовершенства механизма правового регулирования ограничения в праве не создают достаточных препятствий для осуществления противоправных посягательств.

Таким образом, в качестве своей основной цели ограничения в праве преследуют сдерживание противозаконного поведения, посредством установления определенных пределов реализации прав и свобод субъектов правоотношений в целях обеспечения соблюдения интересов контрсубъектов [3, с. 91]. Тем самым ограничения в праве выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они устанавливают границы дозволенного поведения, чем в значительной мере ограничивают свободу субъектов правоотношений, с другой стороны, они служат неотъемлемым условием для реализации прав и свобод, поскольку отсутствие юридических механизмов сдерживания противоправных посягательств на права и законные интересы субъектов повлекло бы их неизбежное нарушение, вплоть до исключения самой возможности их реализации. На основе вышеизложенного можно утверждать, что ограничения в праве применяются в целях воспрепятствования созданию фактических ограничений прав и свобод участников правоотношений, которые могут возникнуть вследствие свободной реализации противоправных интересов.

Несмотря на то, что ограничения в праве применяются в целях недопущения произвольного умаления прав и свобод участников правоотно-

© Басов В. А., 2019

шений, в результате неэффективного или немотивированного применения ограничений правового регулирования в случаях недостаточного или избыточного правового сдерживания поведения субъектов ограничительного воздействия, необоснованному умалению могут подлежать законные права и интересы как субъектов, так и контрсубъектов правоотношений. Таким образом, механизм правового регулирования нуждается в юридическом средстве, корректирующем воздействие ограничений в праве в целях обеспечения баланса интересов субъектов правоотношений. В качестве подобного юридического средства могут выступать ограничения ограничений в праве. Указанная разновидность ограничений в праве была впервые выделена профессором Р. Б. Головкиным в статье «Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве». Ограничения ограничений в праве в данном исследовании рассматриваются как «особое средство правового регулирования, производное от общих ограничений правового регулирования, представляющее собой систему возможного и дозволенного законом поведения участников правоотношений в рамках общих ограничений правового регулирования» [1, с. 131]. В свою очередь в статье «Некоторые особенности юридических ограничений использования сотовой связи при реализации образовательной деятельности» профессор Р. Б. Головкин характеризует ограничения ограничений в праве как «разновидность юридических ограничений, базирующуюся на жестко зафиксированных законом моделях возможного и должного поведения участников ограничительных правоотношений и представляющую собой систему сдержек реализации общих ограничений, установленных правовыми нормами» [2, с. 131].

Прежде всего, давая характеристику ограничениям ограничений в праве, следует отметить, что по своим признакам ограничения ограничений в праве являются разновидностью общих ограничений правового регулирования, а это, в частности, означает, что им присущи все признаки, характерные для этой категории средств правового регулирования. При этом от других разновидностей ограничений в праве их отличает в первую очередь объект ограничительного воздействия, в качестве которого выступают общие ограничения в праве. Поскольку в роли ограничений в праве могут, в частности, выступать меры юридической ответственности, правовые запреты и юридические обязанности [3, с. 94–96, 100], ограничения ограничений в праве устанавливают пределы действия указанных юридических средств. Примером ограничения ограничения в праве, устанавливающего пределы юридической ответственности, является положение ч. 2 ст. 56 ГК РФ: в соответствии с текстом данной статьи учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных законом. В качестве ограничения ограничения в праве, устанавливающего пределы действия юридического запрета (т. е. исключение, когда установленный нормами права запрет не применяется), можно рассматривать положения ч. 3 ст. 3 ЖК РФ, в соответствии с которой запрет на проникновение в жилое помещение без согласия проживающих в нем лиц, установленный ч. 2 настоящей статьи, не применяется в ряде случаев, установленных законом: когда проникновение осуществляется «в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности». Примером ограничения ограничения в праве, устанавливающего ограничение действия юридической обязанности, является положение ст. 23 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», определяющее основания освобождения от призыва на воинскую службу. Во всех приведенных нормах права содержатся ограничения в праве, которые в свою очередь направлены на установление пределов действия общих ограничений правового регулирования.

При этом следует отметить, что имея неразрывную связь с общими ограничениями правового регулирования, ограничения ограничений в праве являются средством, обеспечивающим возможность эффективного применения ограничений в праве с точки зрения задач правового регулирования. Так, ст. 98 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» устанавливает возможность применения к должнику ограничения в праве в форме удержания его доходов. В свою очередь ч. 2 ст. 99 настоящего Федерального закона устанавливает количественный предел удержания из доходов должника (не более 50 %, по общему правилу), т. е. ограничение ограничения в праве. Отсутствие указанного предела действия ограничения в праве привело бы к недопустимому умалению прав и законных интересов субъекта воздействия общего ограничения в праве (должника) и к значительному уменьшению эффективности правового регулирования, вплоть до полного отсутствия целесообразности применения данного ограничения в праве. Тем самым ограничения ограничений в праве обеспечивают соблюдение тонкого баланса интересов субъектов воздействия общих ограничений в праве и контрсубъектов посредством представления субъектам возможности реализации и защиты своих законных интересов в рамках общих ограничений правового регулирования.

Учитывая особенности связи ограничений ограничений в праве с общими ограничениями правового регулирования, ограничения ограничений в праве можно разделить на внутренние, чье существование обусловлено самой природой общих ограничений правового регулирования, которые являются неотъемлемой частью, структурным компонентом общих ограничений в праве и устанавливают пределы действия этих ограничений, и внешние, которые, имея неразрывную связь с общими ограничениями правового регулирования, не являются структурными компонентами этих

ограничений и устанавливают исключения, когда общие ограничения в праве не применяются.

Как правило, внутренние ограничения ограничений в праве закрепляются теми же нормами права, что и сами ограничения, более того, они содержатся в том же структурном элементе нормы права (гипотезе, диспозиции или санкции), что и общие ограничения правового регулирования. Это позволяет утверждать, что внутренние ограничения ограничений в праве являются компонентами самих ограничений в праве. Таким образом, выделить две отдельные нормы права, одна из которых закрепляла бы ограничение в праве, а другая – пределы действия данного ограничения, когда речь идет о внутренних ограничениях ограничений в праве, часто не представляется возможным. Наибольшее число внутренних ограничений в праве содержится в нормах права, устанавливающих пределы юридической ответственности. Примером внутренних ограничений ограничений в праве являются установленные нормами административного и уголовного права количественные и временные пределы действия наказаний. Так, ст. 3.5 КоАП РФ устанавливает особенности применения административного штрафа как административного наказания, определяя количественные пределы применения данного ограничения: минимальную и максимальную величины штрафа. В данном случае ограничение ограничения в праве неразрывно связано с самим ограничением в праве, являясь его структурным компонентом. В свою очередь, ч. 4 и 5 ст. 56 УК РФ устанавливают максимальные сроки применения такого ограничения в праве, как лишение свободы. Данное ограничение ограничений в праве также можно рассматривать как внутреннее ограничение ограничений в праве, поскольку его существование обусловлено правовой природой рассматриваемого ограничения – лишением свободы на определенный срок, следовательно, наличие временных пределов действия данного ограничения обусловлено самой сущностью ограничения в праве.

Таким образом, внутренние ограничения ограничений в праве являются неотъемлемой частью общих ограничений правового регулирования. В связи с вышеуказанной особенностью внутренних ограничений ограничений в праве их можно характеризовать как имманентные ограничения ограничений в праве, или ограничения ограничений в праве из контекста по классификации профессора Р. Б. Головкина [1, с. 130].

В свою очередь внешние ограничения ограничений в праве, как правило, закрепляются отдельными от общих ограничений правового регулирования нормами права и определяют перечень условий, когда ограничение в праве не применяется, что позволяет характеризовать их как ограничения ограничений в праве в виде исключений по классификации профессора Р. Б. Головкина [1, с. 130].

В качестве примера данного вида ограничения ограничения в праве можно привести положение ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной 4 ноября 1950 г. Часть 1 настоящей статьи закрепляет право человека на жизнь, устанавливает запрет (ограничение) на лишение жизни за исключением случая, когда лишение жизни является результатом исполнения смертного приговора, назначенного судом за совершение преступления, за которое в соответствии с законом допускается применение уголовного наказания в виде смертной казни. Однако ч. 2 настоящей статьи устанавливает исключение – перечень обстоятельств, когда указанное ограничение в праве не применяется, а является внешним ограничением ограничения в праве: так, лишение жизни не считается нарушением положения ч. 1 указанной статьи Конвенции, когда оно является результатом «абсолютно необходимого применения силы: для защиты любого лица от противоправного насилия; для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

В уголовном праве в качестве примеров внешних ограничений ограничений можно рассматривать положения отдельных статей УК РФ, устанавливающих основания освобождения от уголовной ответственности – исключительные случаи, когда ограничения в праве – меры уголовной ответственности не подлежат применению: «деятельное раскаяние» (ст. 75 УК РФ), «примирение с потерпевшим» (ст. 76 УК РФ), «возмещение ущерба» (ст. 76.1 УК РФ), «истечение сроков давности» (ст. 78 УК РФ), «амнистия» (ст. 84 УК РФ) и др.

В гражданском праве внешние ограничения ограничений в праве содержатся, в частности, в положениях отдельных статей ГК РФ, устанавливающих исключения из ограничений дееспособности гражданина: предоставление несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет правомочия на самостоятельное распоряжение своими заработками, стипендией и иными доходами, осуществление авторских прав, внесение вкладов в кредитные организации и распоряжение ими, совершение мелких бытовых сделок (ч. 2 ст. 26 ГК РФ), предоставление правомочий на совершение ряда сделок малолетним в возрасте от шести до четырнадцати лет (ч. 2 ст. 28 ГК РФ) и ограниченно дееспособным гражданам (ч. 1 ст. 30 ГК РФ) и т. д.

Рассматривая некоторые особенности связи ограничений ограничений в праве с общими ограничениями правового регулирования, следует отметить, что объект, на который направлено воздействие ограничений ограничений в праве, может отличаться.

Так, ряд ограничений ограничений в праве устанавливают количественные пределы действия общих ограничений правового регулирования. В качестве примеров данного вида ограничений ограничений в праве можно привести ряд процессуально-правовых норм, устанавливающих предельную величину судебного штрафа (ч. 3 ст. 159 ГПК РФ, ч. 1–4 ст. 119 АПК РФ, ч. 1 ст. 122 КАС РФ, ст. 117 УПК РФ), и иные нормативные правовые положения, устанавливающие количественные пределы применения мер юридической ответственности. Так, ст. 241 ТК РФ устанавливает пре-

делы материальной ответственности работника за ущерб, причиненный имуществу работодателя (не более одного среднемесячного заработка).

Другие ограничения ограничений в праве устанавливают временные пределы действия общих ограничений в праве. Так, ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации устанавливает предельную продолжительность применения к гражданину такой меры принуждения (ограничения в праве), как задержание. В соответствии с положением настоящей статьи максимально допустимая продолжительность задержания при отсутствии судебного решения не должна превышать сорока восьми часов. Указанное ограничение ограничения в праве конкретизируется положениями ст. 27.5 КоАП РФ, ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ч. 2 ст. 94 УПК РФ.

Некоторые ограничения ограничений в праве направлены на установление пределов действия общих ограничений по кругу лиц, на которых направлено ограничительное воздействие. Так, ч. 1 ст. 63 ТК РФ устанавливает ограничение на занятие трудовой деятельностью, связанное с возрастом субъекта трудовых отношений: трудовой договор, по общему правилу, допускается заключать с лицом, достигшим возраста шестнадцати лет. В то же время ч. 2–4 настоящей статьи содержат случаи, когда указанное ограничение по кругу субъектов не применяется: в ряде случаев допускается заключение трудового договора с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста.

Представляется возможным также выделить ограничения ограничений в праве, устанавливающие территориальные пределы действия ограничений в праве. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 1.8 КоАП РФ административной ответственности подлежит лицо, совершившее административное правонарушение на территории Российской Федерации. Тем самым указанное положение закона устанавливает территориальные пределы действия административной ответственности.

Ограничения ограничений в праве также могут устанавливать пределы действия ограничений в праве по кругу предметов материальной действительности, на которых распространяется ограничительное воздействие. Примером указанного вида ограничений ограничений в праве может служить положение ст. 446 ГПК РФ, устанавливающей перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

На основе вышеизложенного представляется возможным выделить ряд существенных признаков ограничений ограничений в праве:

1. Ограничения ограничений в праве являются разновидностью общих ограничений правового регулирования; главной видовой особенностью ограничения ограничений в праве является особый объект ограничительного воздействия, в качестве которого выступают общие ограничения правового регулирования.

2. Ограничения ограничений в праве имеют неразрывную связь с общими ограничениями в праве, на которые направлено их воздействие; определяют количественные, временные, территориальные, субъектные и иные пределы действия ограничений в праве, а также устанавливают перечень условий, когда ограничения в праве не применяются.

3. Ограничения ограничений в праве как юридическое средство являются неотъемлемой частью механизма правового регулирования, повышают эффективность воздействия общих ограничений правового регулирования, обеспечивают возможность и обоснованность применения многих ограничений в праве.

4. Ограничения ограничений в праве обеспечивают возможность реализации прав и законных интересов субъектов воздействия общих ограничений в праве, тем самым способствуют установлению баланса интересов участников правоотношений.

На основе вышеуказанных признаков представляется возможным сформулировать следующее определение ограничений ограничений в праве: **ограничения ограничений в праве** – одна из разновидностей ограничений в праве; средство правового регулирования, определяющее количественные, временные, субъектные, территориальные и иные пределы действия общих ограничений в праве, а также устанавливающее условия, когда общие ограничения правового регулирования не применяются.

Библиографический список

1. *Головкин Р. Б.* Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве / Р. Б. Головкин // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 127–131.

2. *Головкин Р. Б.* Некоторые особенности юридических ограничений использования сотовой связи при реализации образовательной деятельности / Р. Б. Головкин, К. Н. Курысев // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 3(48). – С. 131–137.

3. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 250 с. – ISBN 5-7975-0628-9.

References

1. *Golovkin R. B.* Some Aspects of the Restriction Limits in Law. *Yuridicheskaya Tekhnika.* 2018. No. 12. P. 127–131.

2. *Golovkin R. B., Kury'sev K. N.* Some Features of Legal Restrictions on the Use of Cellular Communication in Implementation of Educational Activity. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2018. No. 3(48). P. 131–137.

3. *Mal'ko A. V.* Incentives and Restrictions in Law. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Yurist", 2004. 250 p. ISBN 5-7975-0628-9.

Библиографическое описание статьи

Басов В. А. Понятие и сущность ограничений в праве / В. А. Басов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 139–142.

УДК 346+342.7

Головкин Роман Борисович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, профессор
E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Golovkin Roman B.,
Professor of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
Doctor of Law, Professor

Цыганова Олеся Александровна,
преподаватель кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью, аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института им М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: olesya_tsyganova@mail.ru

Cy'ganova Olesya A.,
Lecturer of State Law and Customs Management Department, Post-graduate Student of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МАРКИРОВКИ НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТОВ И СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Legal Aspects of Digital Identification Marking of Some Objects and Subjects of Legal Relations

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых проблем теории и практики современного правового регулирования цифровой идентификационной маркировки различной промышленной, сельскохозяйственной продукции, животных и человека. Анализируется зарубежное и отечественное законодательство, регламентирующее маркировку в виде чипирования. Определяются тренды в развитии чипизационного права.

Ключевые слова: цифровая идентификационная маркировка; закон; чип; чипизация; объекты правоотношений; субъекты правоотношений; правовое регулирование.

Abstract. The article is devoted to the study of some problems of the theory and practice of modern legal regulation of digital identification marking of various industrial, agricultural products, animals and a human. Foreign and domestic legislation regulating marking in the form of chipping is analyzed. Trends in the development of chipping law are defined.

Key words: digital identification marking; law; chip; chip implantation; objects of legal relations; legal entities; legal regulation.

Аутентичность объекта и субъекта правоотношений всегда являлась и является ключевым вопросом законности общественных отношений, урегулированных правом. Проблема аутентичности товаров, животных, лиц в юриспруденции в основном решается документарным путем, но с развитием современных цифровых технологий процедуры идентификации совершенствуются. С тех пор, как человечество для повышения качества своей жизни стало преобразовывать окружающий мир, инструменты, с помощью которых мир делается удобней для человека, постоянно совершенствуются: от впервые взятой в руки палки до современных технологий. Одна из современных технологий, в перспективе призванной обеспечить улучшение жизнедеятельности человека и человечества в целом, – это технология цифровой идентификационной маркировки. Данная технология согласно справочной литературе представляет собой комплексное явление в виде нанесения на определенные носители, взаимодействующие с объектами и субъектами правоотношений определенного цифрового кода, присваиваемого конкретному объекту или субъекту и позволяющему их идентифицировать. Цифровой идентификационный маркер, с одной стороны, может быть нанесен на объект правоотношений, на документы субъектов правоотношений. С другой стороны, цифровой идентификационный маркер может быть внедрен в объект или субъект правоотношений в виде радиометки, которая содержится в микрочипе. Чип (микрочип) (от англ. *chip* тонкая пластинка, отколотая, отсеченная от чего-л., первоначально термин относился к пластинке кристалла микросхемы) – микроэлектронное устройство – электронная схема произвольной сложности, изготовленная на полупроводниковом кристалле (или пленке) и помещенная в неразборный корпус, применяемая для маркировки различных объектов [7].

Изначально технология цифровой идентификационной маркировки была применена для идентификации вещей, находящихся в гражданском обороте. Как свидетельствует анализ зарубежной литературы и законодательства, маркировка товаров сегодня осуществляется преимущественно в электронной форме, т. е. с помощью чипирования. С помощью электронного чипирования осуществляется пометка продукции посредством радиочастотных знаков (RFID-метки). Данные знаки позволяют дистанционно, с помощью специальных электронных устройств, устанавливать все основ-

© Головкин Р. Б., Цыганова О. А., 2019

ные параметры товара: материал изготовления, производитель движение товара от производителя к потребителю и т. д.

Процесс цифровой электронной маркировки неоднороден и отличается в различных группах зарубежных стран. Условно можно выделить несколько подходов к маркировке (чипированию) товаров. Так, в рамках Евросоюза действует авторитарный подход, согласно которому маркировка товаров обязательна и находится под жестким контролем государства, именно государство выступает гарантом «чистоты» оборота товаров на рынке. В США действует полисистемная маркировка товаров. Участники оборота товаров обязаны их маркировать, но могут обратиться к любой из предлагаемых в стране систем маркировки. Китайский подход более демократичен: маркировка товаров необязательна, но считается «хорошим тоном» ведения бизнеса [9]. В целом, несмотря на разность подходов к маркировке товаров (в том числе электронной), цель этой деятельности в основном одна и выражается в защите рынка от контрафактной продукции.

Российская Федерация, опираясь на мировой опыт, также обратила внимание на защиту товаров от подделки с помощь маркировки товаров. О данном факте свидетельствует целый ряд нормативных правовых актов, посвященных регулированию данных отношений. Так, согласно Федеральному закону от 25 декабря 2018 г. № 488-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и статьи 4.4 и 4.5 Федерального закона “О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации”» вводится в России обязательная маркировка ряда товаров, перечень которых устанавливается распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 792-р. Кроме того, 26 апреля 2019 г. было принято постановление Правительства Российской Федерации № 515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров», в котором определяется порядок маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, включая правила формирования и нанесения средств идентификации и порядок представления участниками оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации.

Анализ содержания названных правовых актов прямо свидетельствует о тенденции к развитию именно цифровой электронной маркировки товаров, т. е. их чипирования. Например, ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2018 г. № 488-ФЗ вносит дополнение в п. 13 ст. 2 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и ст. 4.4 и 4.5 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации», где устанавливается норма-дефиниция средства идентификации, согласно которой в качестве средства идентификации товара рассматривается альтернативная маркировка в виде штрихового кода, радиочастотной метки или иного средства (технологии) автоматической идентификации, главное условие – это восприятие идентификационного маркера с помощью электронных устройств.

О доминировании цифровой электронной маркировки (чипировании) свидетельствует п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2019 г. № 515 г., где определяется понятие «устройство регистрации эмиссии», рассматриваемое как программно-аппаратное шифровальное (криптографическое) техническое средство, позволяющее воспринимать и расшифровывать цифровые идентификационные маркеры товаров.

В целом, подводя итог краткому исследованию трендов развития отечественной маркировки товаров, можно отметить следующие обстоятельства.

1. В Российской Федерации формируется система обязательной цифровой электронной маркировки товаров, а также мониторинг этих процессов.

2. В Российской Федерации к настоящему моменту сформировано законодательство, обеспечивающее регулирование цифровой маркировки (в том числе электронной) товаров. Динамика данного законодательства обнаруживает тенденцию к его дальнейшему развитию.

3. Законодательство Российской Федерации обеспечивает регулирование общественных отношений, связанных с маркировкой товаров в рамках общемировых направлений развития этих отношений, при этом следует отметить, что в России, в отличие от зарубежных стран, формируется усложненная система цифровой электронной маркировки товаров, так как отечественная система предусматривает не только контроль за движением и аутентичностью товаров, но и за его ценой.

В связи с развитием цифровых технологий расширяется и сфера применения цифровой (в том числе электронной маркировки (чипирования). Одной из важных вех в развитии данных процессов можно считать цифровую идентификационную маркировку живых объектов, прежде всего животных. Если подходить к исследованию данного вопроса с точки зрения законодательства, то нужно отметить, что цифровая идентификационная маркировка осуществляется как с помощью внешнего нанесения на животного цифрового кода, так и с помощью аналогичных кодов, содержащихся в микрочипах, вживленных в животных.

Законодательство уделяет значительное внимание этому вопросу. Так, согласно Регламенту Совета Европы и Европейского парламента ЕС от 4 октября 2002 г. № 998/2003 при ввозе (перевозке) животных через границу обязательно наличие идентификатора. Это правило распространяется не только на взрослых животных, но и на щенков

(с 2011 г.): без выполнения этого условия никто не может продать щенка в ЕС [8].

В рассматриваемом контексте можно отметить и принятый 17 июля 2000 г. Регламент № 1760/2000 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О создании системы идентификации и регистрации крупного рогатого скота и о маркировке говядины и продуктов из говядины, а также об отмене Регламента (ЕС) 820/97 Совета ЕС».

В России так же, как и за рубежом, на законодательном уровне появились правовые нормы, регулирующие процессы цифровой идентификационной маркировки животных. Одним из первых актов, регламентирующих данные отношения, стал Закон Российской Федерации от 14 мая 1993 г. № 4979-I «О ветеринарии», в который в 2015 г. Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 243-ФЗ была введена ст. 2.5 «Ветеринарные правила осуществления идентификации и учета животных», где устанавливаются необходимость и правила индивидуальной или групповой идентификации животных.

Для реализации установленных норм закона был издан приказ Минсельхоза России от 22 апреля 2016 г. № 161 «Об утверждении Перечня видов животных, подлежащих идентификации и учету». В этот Перечень были включены одиннадцать видов животных, за исключением диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы, в том числе животных, относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации.

Цифровая идентификационная маркировка в электронной форме (микрочипирование) предусматривается действующим законодательством относительно отдельных животных. Например, приказ Минсельхоза России от 16 июня 2015 г. № 252 «Об утверждении Порядка и условий проведения бонитировки племенных овец полугрубошерстных пород» в п. 6.1 разд. VI прямо указывает на использование для маркировки овец метода микрочипирования.

С 2018 г. правовое регулирования маркировки животных было расширено посредством принятия Федерального закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». И хотя данный закон непосредственно не определяет процедуру маркировки животных, однако прямо указывает на возможность таких процедур. Так, согласно п. 2 ст. 7 этого закона владельцы приютов для животных, помимо прочих обязанностей, должны «осуществлять учет животных, маркирование неснимаемыми и несмываемыми метками…».

Кроме того, на настоящий момент существует достаточный массив ведомственных правовых актов, затрагивающих регулирование цифровой идентификационной маркировки животных. Среди них можно назвать: приказ Минтруда России от 27 июня 2018 г. № 417н «Об утверждении профессионального стандарта “Животновод”»; приказ Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2020-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ) ОК 010-2014 (МСКЗ-08)» и др.

В целом, анализируя законодательство, так или иначе затрагивающее вопросы регулирования цифровой идентификационной маркировки (в том числе чипизации), можно заключить, что принцип маркировки животных и маркировки вещей один и тот же – используются определенные идентификационные 2-D коды или чипы, и все эти маркеры, как правило, дешифруются с помощью электронных устройств.

Кроме того, в отличие от обязательной маркировки товаров, закон не предусматривает обязательной маркировки животных. Например, в п. 2 ст. 7 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ говорится лишь о необходимости маркировки домашних питомцев при их поступлении в приюты. Цели правового режима маркировки животных сельскохозяйственного назначения и домашних питомцев различны. В случае с сельскохозяйственными животными маркировка осуществляется, как и в случае с продукцией предприятий, для идентификации и оптимизации гражданского оборота и хозяйственной деятельности. В случае с домашними питомцами главная задача – это обеспечение достойного обращения с этими животными.

Помимо цифровой идентификационной маркировки товаров и животных, в последние годы активно внедряется цифровая идентификационная маркировка в форме чипирования граждан различных государств.

Так, в 2017 г. в штате Висконсин (США) сотрудникам одной из фирм на добровольной основе были установлены микрочипы, которые заменили собой кредитные карточки, наличные деньги, ключи от офиса и даже ID (удостоверение личности) [6].

В Мексике и Бразилии «в целях обеспечения детской сохранности» стали вживлять цифровые электронные идентификаторы – чипы. В Бразилии, помимо этого, планируется вживление чипов и взрослым в качестве пропуска в здания: сначала в офисные, а потом и в жилые. По мнению ведущих специалистов в области электроники, к 2070 г. чипы полностью вытеснят бумажные деньги и удостоверения личности и станут универсальным средством участия личности в правоотношениях и взаимодействия с окружающим миром [2].

В Швеции уже несколько тысяч граждан установили себе чипы. По мнению шведов, чипирование позволит объединить в одном устройстве кошелек, проездной билет на метро, поезд, пропуск в офис и ключи от квартиры. Шведские ученые утверждают, что чипирование откроет для обычных граждан Швеции дорогу в новую «цифровую эпоху» и значительно ускорит рост экономики [1].

По некоторым сведениям, появились добровольные носители чипов и в нашей стране. Так, один житель Москвы вживил себе подкожный чип транспортной карты «Тройка» и теперь, проходя через турникеты, он прикладывает руку, а не саму карту [5].

Как видно из приведенных примеров, цифровая идентификационная электронная маркировка человечества находится на начальной стадии, и основная цель, которую преследуют добровольцы, – это унификация различных устройств и документов, которыми необходимо пользоваться современному человеку. То же самое можно сказать и о законодательной базе: и за рубежом, и в России она пока еще не развита. В качестве примера в зарубежном законодательстве можно привести закон Kevin and Avonte в США, согласно которому государство имеет право устанавливать микрочипы с радиометкой гражданам США, у которых диагностированы психические расстройства [3].

Отечественным законодательством цифровая идентификационная маркировка граждан в виде чипирования не предусмотрена. Тем не менее медицинская имплантация различных, в том числе электронных устройств, по которым тоже можно идентифицировать человека, закреплена рядом нормативных правовых актов, например, Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2018 г. № 3053-р «Об утверждении перечня медицинских изделий, имплантируемых в организм человека при оказании медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также перечня медицинских изделий, отпускаемых по рецептам на медицинские изделия при предоставлении набора социальных услуг», наряду с использованием различных медицинских устройств, регламентирует и применение имплантов, в том числе и электронных.

В настоящее время на уровне законодательства об электронный идентификации личности можно вести речь с точки зрения внедрения электронных документов личности. В России распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 сентября 2013 г. № 1699-р принята Концепция электронного паспорта, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации, в качестве основного документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, и план по ее реализации. В этом электронном документе, помимо персональных данных, будут отмечены СНИЛС, ИНН, с помощью этого документа можно будет осуществлять банковские операции, коммунальные платежи и многое другое. Иными словами, данный документ выступает аналогом подкожного чипа, поскольку содержит цифровое идентификационное устройство в виде микрочипа, но при этом не вживляется в человека.

В целом, подводя итог исследованию правового регулирования идентификационной электронной маркировки различных объектов и субъектов правоотношений, целесообразно отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, цифровая идентификационная маркировка объектов и субъектов возможна в виде нанесения на товары и животных различных цифровых кодов, присвоения субъектам правоотношений идентификационных номеров в виде СИНЛС и ИНН.

Во-вторых, цифровая идентификационная маркировка объектов и субъектов может осуществляться в виде микрочипирования, при этом чипирование для полноценных субъектов правоотношений осуществляется сугубо на добровольной основе.

В-третьих, законодательство о цифровой идентификационной маркировке объектов правоотношений в Российской Федерации в основном сформировано и продолжает развиваться.

В-четвертых, законодательство о чипировании населения в России не создано. Возникающие отношения, связанные с чипированием граждан России, регулируются в условиях пробелов в праве по аналогии с медицинской имплантологией.

В-пятых, цифровая электронная идентификационная маркировка (чипирование) человека, судя по публикациям в средствах массовой информации и Интернете, вызывает обеспокоенность граждан в связи с усилением контроля со стороны государства. Вместе с тем вполне очевидно, что цифровизацию общества не остановить (даже создано специальное министерство в Правительстве России[1]), кроме того, использование цифровых идентификационных устройств (маркеров) – это удобно, и фактически с введением электронных паспортов цифровая электронная идентификационная маркировка граждан состоится, только микрочип будет в пластиковой карте, представляющей собой электронный паспорт.

На основании вышеизложенного нами было сформулировано следующее определение цифровой идентификационной маркировки объектов и субъектов правоотношений: это предусмотренная законодательством деятельность по нанесению на определенные носители, внешне или внутренне взаимодействующие с объектами и субъектами правоотношений, определенного цифрового кода, присваиваемого конкретному объекту или субъекту и позволяющего их идентифицировать среди других.

[1] Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации создано 15 мая 2018 г. указом Президента Российской Федерации № 215 на базе Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Андреев С.* В Швеции стартует массовое чипирование населения / С. Андреев. – URL: //https://life.ru/t/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0/1129089/v_shvietsii_startuiet_massovoie_chipirovaniie_nasielieniia (дата обращения: 27.08.2019).

References

1. *Andreev S.* In Sweden a Mass Chipping of the Population is Launched. URL: //https://life.EN/t/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0/1129089/v_shvietsii_startuiet_massovoie_chipirovaniie_nasielieniia (date of the application: 27.08.2019).

2. Бразилия и Мексика начинают чипирование детей и сотрудников компаний. – URL: //https://subscribe.ru/group/razumno-o-svoem-i-nabolevshem/4988107/ (дата обращения: 27.08.2019).

3. Конгресс США : [сайт]. – URL: https://www.congress.gov/114/bills/hr4919/BILLS-114hr4919ih.pdf (дата обращения: 27.08.2019).

4. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/ministry/common/ (дата обращения: 28.08.2019).

5. Правда ли, что в Америке уже все чипированы? – URL: http://english2017.ru/about-microchipping-in-the-us (дата обращения: 27.08.2019).

6. *Савочкин Р.* 1 августа 2017 года в Америке впервые начали вставлять чипы в руку / Р. Савочкин. – URL: http://www.romansavochka.com/2017/08/1-2017.html (дата обращения: 27.08.2019).

7. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: //https://dic.academic.ru/›1194430 (дата обращения: 28.08.2019).

8. С 2019 года домашних собак будут чипировать. – URL: http://2018god.net/s-2019-goda-domashnix-sobak-budut-chipirovat/ (дата обращения: 28.08.2019).

9. *Черепнева Е.* Закон об обязательной маркировке: мировой опыт и российские реалии / Е. Черепнева. – URL: https://infostart.ru/journal/news/uchet-nalogi-pravo/zakon-ob-obyazatelnoy-markirovke-mirovoy-opyt-i-rossiyskie-realii_977584/ (дата обращения: 28.08.2019).

2. Brazil and Mexico Begin Chipping Children and Employees of Companies. URL: //https://subscribe.ru/group/razumno-o-svoem-i-nabolevshem/4988107/ (date of the application: 27.08.2019).

3. The USA Congress. Website. URL: https://www.congress.gov/114/bills/hr4919/BILLS-114hr4919ih.pdf (date of the application: 27.08.2019).

4. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Website. URL: https://digital.gov.ru/ru/ministry/common/ (date of the application: 28.08.2019).

5. Is it True That Everything in America is Already Chipped? URL: http://english2017.ru/about-microchipping-in-the-us (date of the application: 27.08.2019).

6. *Savochkin R.* August 1, 2017 in America for the First Time Began to Insert Chips into the Hand. URL: http://www.romansavochka.com/2017/08/1-2017.html (date of the application: 27.08.2019).

7. Dictionaries and encyclopedias on Academician. URL: //https://dic.academic.ru/›1194430 (date of the application: 28.08.2019).

8. 2019 Pet Dog Will be Microchipped. URL: http://2018god.net/s-2019-goda-domashnix-sobak-budut-chipirovat/ (date of the application: 28.08.2019).

9. *Cherepneva E.* The Law on Mandatory Labeling: World Experience and Russian Realities. URL: https://infostart.ru/journal/news/uchet-nalogi-pravo/zakon-ob-obyazatelnoy-markirovke-mirovoy-opyt-i-rossiyskie-realii_977584/ (date of the application: 28.08.2019).

Библиографическое описание статьи

Головкин Р. Б. Правовые аспекты цифровой идентификационной маркировки некоторых объектов и субъектов правоотношений / Р. Б. Головкин, О. А. Цыганова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 143–147.

УДК 340(091)

Гудкова Анна Валерьевна,
заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук
E-mail: 388153@gmail.com

Gudkova Anna V.,
Deputy Head of State and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (History)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

The Some Features of Formation of Legal Culture of Russian Society of the Pre-revolutionary Period

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые аспекты формирования и развития правовой культуры российского общества дореволюционного периода; исследуется эволюция представлений о праве, преобладающих правовых ценностях в процессе развития российской правовой культуры; выявлены векторы трансформации правосознания российского общества в периоды кризисов.

Ключевые слова: правовая культура; правосознание; Российское государство; дореволюционное российское общество.

Abstract. Historical and legal aspects of formation and development of legal culture of the Russian society of the pre-revolutionary period are shown in the article. Evolution of ideas of the right, the prevailing legal values in the development of the Russian legal culture are investigated. Vectors of transformation of sense of justice during the periods of crises are revealed.

Key words: legal culture; sense of justice; Russian State; pre-revolutionary Russian society.

В условиях современной России, когда остро стоит проблема совершенствования правосознания и правопорядка, значение правовой культуры в процессе развития правового государства и гражданского общества заметно возрастает. Несмотря на значительную разработанность проблемы, по-прежнему остаются нерешенными вопросы относительно факторов, влияющих на воспроизводство низкого уровня правовой культуры населения России; наличия правового нигилизма в сознании различных групп российского общества. Решение этих вопросов затрудняется в условиях нестабильной экономической ситуации, значительных социальных контрастов.

Анализ существующих в научной литературе позиций позволяет рассматривать правовую культуру как явление, прошедшее длительную историческую эволюцию, обусловленную на каждом конкретном этапе развития государства политическими, социально-экономическими, духовными факторами. Правовая культура воспроизводится посредством накопленных обществом идей, ценностей, установок, возможности их качественной трансформации в новых условиях жизни, а также их использования в юридически значимом поведении личности. Правовая культура включает правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, правотворческую, правоприменительную и любую иную юридическую деятельность, регулирует поведение людей, сообразуясь с культурными, историческими особенностями, выступает инструментом достижения социальной стабильности [8, с. 297]. В современной юридической литературе встречается точка зрения, согласно которой правовая культура предстает своеобразным индикатором качественного состояния правовой системы [10, с. 93].

Детальный анализ современной правовой культуры российского общества, представленный в исследованиях отечественных и зарубежных научных школ, свидетельствует о собственном уникальном отношении общества к праву и дает основание говорить о преемственности современного этапа эволюции правовой культуры с предыдущими этапами развития государства, проявляющейся в накопленных правовых ценностях предшествующих поколений. Именно этот бесценный опыт сегодня должен быть подвергнут тщательному изучению и качественному восприятию для совершенствования собственного правового развития. Для выработки соответствующих тенденций необходимо глубинное изучение эволюции правовой культуры российского общества в исторической динамике посредством осмысления сущности и содержания права, определения преобладающих на различных этапах развития Российского государства правовых ценностей. Историческая обоснованность поставленной проблемы позволит проанализировать и спрогнозировать тенденции сохранения и обеспечения правопорядка на современном этапе.

Своеобразие российской правовой культуры уходит корнями в языческие, славянские, христианские, восточные традиции и обычаи, которые обусловили уникальность российской ментальности и заложили основания для формирования собственного отношения к праву. Правила взаимопомощи, взаимозащиты, экзогамии и т. п. отвечали жизненно важным интересам коллектива и, как правило, неукоснительно соблюдались. Данные нормы первоначально исходили от обще-

© Гудкова А. В., 2019

го собрания рода или совета племени. Затем они передавались из поколения в поколение, приобретали силу привычки, становились обычаями конкретного сообщества [5, с. 38]. В основе правотворческой политики Древнерусского государства лежали такие категории, как закон, правда, благодать, истина, а все властные установления соответствовали религиозным канонам и нормам нравственности. Особенности правовой культуры на этом этапе исторического развития отражены в названии основного правового документа – «Русская правда». Правда рассматривалась как в правовом, процессуальном отношениях, так и нравственном. В качестве последствий формирования такого отношения к праву выступали гипертрофированный характер российской государственности, отсутствие развития индивидуальных начал во всех сферах жизни общества. Все слои российского общества были полностью подчинены государству, а необходимость постоянной обороны собственных границ обусловили деспотические черты правления, подавление воли народа [10, с. 97]. Вследствие этих причин формирование правовой культуры происходило очень медленно и характеризовалось отрицанием каких-либо личных прав и их гарантий. Однако именно в этом и заключалась уникальность российской правовой культуры, основы которой первоначально были заложены в древнерусский период.

С эпохи Петра I в России начался процесс европеизации всех сфер жизни общества, в том числе и активное заимствование зарубежных правовых традиций, их проникновение в отечественное правотворчество. Безусловно, проведенные реформы привели к изменению социально-экономического положения различных категорий российского общества, была модернизирована система государственного управления, повысилась его эффективность. Была проведена обширная работа в законодательной сфере, появились новейший язык и юридико-технические приемы [2, с. 31]. Впервые возникает идея закона, которому и следует глава государства. В сферу правового регулирования попадает даже религиозная деятельность. Однако следует отметить, что для основной массы населения России по-прежнему было характерно незнание действующего законодательства, а также недоверие и разочарование в нем, обусловленные невозможностью полноценной адаптации к постоянно изменяющимся условиям политико-правовой реальности государства. При заимствовании европейских идей построения государства произошла утрата одного из важнейших элементов системы – общества, находящегося в диалоге с государством. Российскому обществу иметь собственные ценности просто не полагалось, и само оно было политически апатичным.

Отечественная юридическая наука, зародившаяся в Петровскую эпоху, начинает активно перенимать западноевропейские правовые разработки, образуя еще больший разрыв между российским дворянством и основной массой населения. Безусловно, были и представители правящей среды, которые указывали на необходимость учета российской действительности. Так, по мнению И. Т. Посошкова, развитая правовая культура может быть только самобытной, сформированной на национальной мировоззренческой основе, исходя из сложившейся юридической практики [7]. Русские мыслители XVII–XVIII вв. отстаивали идею просвещенного абсолютизма, сочетая в ней как заимствованную в Европе теорию естественных прав человека, так и положения канонического права, характерные для России.

В период царствования Екатерины II посредством нормативного закрепления прав и обязанностей дворянства окончательно складывается дворянская правовая культура и закладывается основа для формирования представлений о праве как системе норм, обеспеченных принуждением. Позже, в XIX в., в России открываются новые университеты, создаются научные общества, повышается уровень юридических знаний и техники. Проведенные на этом этапе исторического развития преобразования способствовали повышению уровня правовой культуры всех слоев российского общества. Идеи всеобщего равенства и справедливости, провозглашение прав и свобод человека и гражданина, получившие широкое распространение в странах Западной Европы и США, начинают постепенно проникать в сознание российской интеллигенции, что находит свое отражение в политико-правовой идеологии. Однако сознанию основной массы населения эти идеи остаются недоступны в силу их несовместимости со складывавшимся столетиями российским менталитетом, «особым стилем национального юридического мышления» [6, с. 18]. На рубеже XIX–XX вв. большая часть населения страны по-прежнему находилась вне рамок действия официального законодательства, регулируя отношения нормами обычного права. Правовая культура характеризовалась символизмом, корпоративностью, неотделимостью правовых представлений от нравственных.

По словам Б. А. Кистяковского, «наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обе стороны этого идеала – личность, дисциплинированная правом и устойчивым правопорядком, и личность, наделенная всеми правами и свободно пользующаяся ими, – чужды сознанию нашей интеллигенции» [3, с. 1001]. Это выражение Б. А. Кистяковского свидетельствует о том, что часть либеральной интеллигенции, а также вся радикально настроенная русская интеллигенция не приняла западные правовые традиции, государственные институты и правопорядок как не соответствующий повседневной жизни русского народа. По мнению Б. А. Кистяковского, создание норм права должно основываться не на «свободном измышлении», а на «нахождении права в народном сознании», глубинных пластах российского жизнеустройства [4].

Представители разных направлений российской политико-правовой мысли XIX в. олицетворяли право и правду, правоту, праведность. Для русской правовой культуры эти понятия сливаются

в единое целое, выступают синонимами. Русская политико-правовая мысль всегда исходила из постулата о том, что «юридические законы и нормы противостоят хаосу в обществе своими силой и запретами, а нравственные нормы – внутренней гармонией личности, устремленностью к свету, добру и порядочности… Рационализм западноевропейской философии права не доверял собственной душе, велениям свободы личности, просветленной идеалами духовности» [1, с. 11–12].

События начала XX в., связанные с революцией 1905–1907 гг., Первой мировой войной, углубили социально-экономические и политические проблемы в России, что повлияло на трансформацию правосознания основной массы населения. В правовом сознании рабочих и крестьян, составляющих основную часть населения страны, преобладала ментальная преемственность с предшествующим этапом исторического развития, но постепенно начал проявляться социально-правовой негативизм, связанный с их правовой необеспеченностью, тяжелыми условиями труда. Появившиеся в начале XX в. «жалобы» рабочих, «приговоры» и «наказы» крестьян, требующие установления справедливых порядков, уничтожения сословности, уравнения в правах, свидетельствовали об осознании ими своей гражданской значимости. Правовое сознание характеризовала амбивалентность: с одной стороны, оно было заполнено социально-правовым негативизмом, в нем не было места представлениям о парламентаризме, субъективных правах и юридических обязанностях гражданина, борьба велась главным образом за физическое выживание [9]. А с другой стороны, в ходе революционных событий сформировались представления о правопорядке и средствах его достижения. Результатом первой российской революции 1905–1907 гг. стало принятие манифеста от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», Основных государственных законов Российской империи в 1906 г., которые положили начало легальной политической борьбе, возможности отстаивать права и свободы граждан. На этом этапе исторического развития в Российском государстве продолжила интенсивное развитие политико-правовая мысль, формировались историческая школа права, естественно-правовая, психологическая школы, дальнейшее распространение получил марксизм, что свидетельствовало о повышении уровня правовой культуры российского общества.

Таким образом, рассмотрение историко-правовых оснований формирования российской правовой культуры показало, что оно обусловлено многофакторным причинным комплексом. Отношение общества к праву в российской истории определялось, с одной стороны, конкретными социально-экономическими, политическими и культурными условиями конкретного этапа исторического развития, а с другой – особенностями возникновения Российского государства. Многовековой опыт развития российской правовой культуры свидетельствует об исторически сложившемся и обусловленном российским менталитетом отношении к праву, которое всецело отождествляется с правдой, нравственностью, справедливостью.

Вместе с тем уровень правовой культуры резко трансформируется в периоды кризисов, переходов общества от одного периода к другому. Такая трансформация носит двоякий характер. С одной стороны, происходит разрушение устоявшейся системы ценностей, правил поведения, а вследствие этого ужесточение санкций, с другой стороны, наблюдается повышение уровня правовой культуры. Так, в ходе революционных событий начала XX в. были впервые утверждены личные и политические права и свободы граждан, происходило утверждение парламентаризма.

Правовая культура дореволюционного российского общества в начале XX в. достигла достаточно высокого уровня, что проявилось в эффективных государственных реформах, развитии юридической науки. Однако превалирующими ценностями правовой культуры по-прежнему остаются этатизм, патернализм, традиционность, державность. Именно поэтому в современной России выстраивание гармоничных отношений между человеком, государством и правом возможно лишь на основании обусловленных всей историей формирования российской правовой культуры таких понятий, как: «правда», «справедливость», «нравственность», «истина».

Библиографический список

1. *Баранов П. П.* Философия права в России: традиционалистские основания или модернистская трансформация / П. П. Баранов // Философия права в условиях глобализации. – Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2002. – ISBN 5-89288-109-1. – С. 11–12.

2. *Исаев И. А.* Правовая культура России / И. А. Исаев. – Москва : Проспект, 2009. – 95 с. – ISBN 978-5-392-00744-8.

3. *Кистяковский Б. А.* В защиту права / Б. А. Кистяковский // История государственно-правовых учений : хрестоматия / под ред. В. В. Лазарева. – Москва : Спарк, 2006. – 1071 с. – ISBN 5- 88914-240-2.

4. *Кистяковский Б. А.* Государственное право (общее и русское) / Б. А. Кистяковский // Социальные

References

1. *Baranov P. P.* Legal Philosophy in Russia: Traditionalist Bases or Modernist Transformation. *Legal Philosophy in the Conditions of Globalization*. Rostov-on-Don, RYuI MVD Rossii, 2002. ISBN 5-89288-109-1. P. 11–12.

2. *Isaev I. A.* Legal Culture of Russia. Moscow, Prospekt, 2009. 95 p. ISBN 978-5-392-00744-8.

3. *Kistyakovskij B. A.* In Right Protection. *History of State and Law Theory.* Ed. by V. V. Lazarev. Moscow, Spark, 2006. 1071 p. ISBN 5-88914-240-2.

4. *Kistyakovskij B. A.* State Law (the General and Russian). *Social Sciences and Right. Legal Philosophy*. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 1998. ISBN 5-88812-047-2. P. 347–359.

науки и право. Философия права. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1998. – ISBN 5-88812-047-2. – С. 347–359.

5. *Мазуренко А. П.* Российская правотворческая политика в зеркале истории (IX–XV вв.) / А. П. Мазуренко // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 36–38.

6. *Мордовцев А. Ю.* Правовой менталитет и особенности правопонимания в русском социокультурном пространстве / А. Ю. Мордовцев, Т. П. Агафонова // История государства и права. – 2015. – № 17. – С. 17–22.

7. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков. – Москва : АН СССР, 1951. – 410 с.

8. *Ромашов Р. А.* Современная правовая культура в России: проблема соотношения правового нигилизма и правовой идеологии / Р. А. Ромашов, Е. Г. Шукшина // Гуманитарные проблемы современной цивилизации : материалы VI Междунар. Лихачевских науч. чтений. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2006. – ISBN 5-7621-0297-1. – С. 295–303.

9. *Шагушина А. В.* Массовое сознание российского провинциального пролетариата на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Владимирской губернии) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук / Шагушина Анна Валерьевна. – Владимир, 2006. – 241 с.

10. *Юн Л. В.* Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Юн Лариса Владимировна ; Университет управления «ТИСБИ». – Казань, 2019. – 206 с.

5. *Mazurenko A. P.* The Russian Law-making Policy in a History Mirror (the IX–XVth Centuries). *Istoriya Gosudarstva i Prava.* 2010. No. 4. P. 36–38.

6. *Mordovcev A. Yu., Agafonova T. P.* Legal Mentality and Features of Right Understanding in the Russian Sociocultural Space. *Istoriya Gosudarstva i Prava.* 2015. No. 17. P. 17–22.

7. *Pososhkov I. T.* The Book about Scarcity and Wealth. Moscow, AN SSSR, 1951. 410 p.

8. *Romashov R. A., Shukshina E. G.* Modern Legal Culture in Russia: Problem of a Ratio of Legal Nihilism and Legal Ideology. *Humanitarian Problems of a Modern Civilization.* Saint-Petersburg, SPbGU, 2006. ISBN 5-7621-0297-1. P. 295–303.

9. *Shagushina A. V.* Mass Consciousness of the Russian Provincial Proletariat at a Boundary of the XIX–XX Centuries (on materials of the Vladimir province). Vladimir, 2006. 241 p.

10. *Yun L.V.* Modern Right Understanding in the Evolution of the Russian Legal Culture of the Post-Soviet Period. Kazan, 2019. 206 p.

Библиографическое описание статьи

Гудкова А. В. Некоторые особенности становления правовой культуры российского общества дореволюционного периода / А. В. Гудкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С.148–151.

УДК 340.114.3

Зяблова Татьяна Евгеньевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tizet69@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права ВЮИ ФСИН России
E-mail: Ya.Ireland@mail.ru

Мамчун Владимир Вячеславович,
доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, доцент кафедры теории и истории государства и права ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: vladimir_mamchun@mail.ru

Zyablova Tat'yana E.,
Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law), Associate Professor

Komarova Yana B.,
Lecturer of Theory and History of State and Law Department of VLI of the FPS of Russia

Mamchun Vladimir V.,
Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law), Associate Professor

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ДИСФУНКЦИИ ПРАВА

Some Aspects of the Concept of Dysfunction of Law

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы использования понятия дисфункции при функциональном анализе права. Обосновываются возможность и необходимость введения в юридический функциональный анализ дисфункции права использования социологически интерпретированного понятия дисфункции. Анализируется соотношение дисфункции права с его функцией, сущностью, социальным назначением и структурой права.

Ключевые слова: функция права; дисфункция права; функциональная зависимость; функционирование права; функция социального института; сущность права; норма права; структура права.

Abstract. The article deals with the problems of using the concept of dysfunction in the functional analysis of law. The possibility and necessity of introducing the right to use the sociologically interpreted concept of dysfunction into legal functional analysis of dysfunction is substantiated. The ratio of the dysfunction of law with its function, essence, social purpose and structure of law is considered.

Key words: law function; law dysfunction; functional dependence; law functioning; function of social institution; essence of law; rule of law; law structure.

Функционирование права представляет собой сложный, многогранный процесс, результаты которого далеко не всегда позволяют в полной мере обеспечить реализацию целей и задач права. Факты неблагоприятных последствий правового воздействия на общественные отношения свидетельствуют, что, наряду с функциональным воздействием, в процессе функционирования права есть воздействие, отклоняющееся от него, приводящее к результату, который не соответствуют социальному назначению права. Само существование такого воздействия свидетельствует о наличии у права порождающего его свойства, что, в свою очередь, диктует необходимость анализа права для его описания и объяснения.

Имеются основания предполагать, что в качестве этого свойства выступает явление, которое можно охарактеризовать понятием дисфункции права.

Существующая практика исследования права с использованием понятия дисфункции строится на его социологической интерпретации. В связи с этим необходимым видится прояснение, с одной стороны, единства, а с другой – принципиальных различий в понимании функции/дисфункции в социологии и теории права, которое позволит избрать правильные ориентиры для плодотворной разработки понятия дисфункции права.

В самом общем виде понятия функции/дисфункции отражают взаимосвязь и взаимозависимость двух систем, одна из которых воздействует на другую. Воздействие права на систему общественных отношений влечет возникновение в ней определенных изменений, являющихся его результатом. В то же время необходимым условием как воздействия, так и его результата является наличие самой возможности оказывать на общественные отношения воздействие определенного рода, иными словами, потенция к воздействию, воплощенная в соответствующем свойстве права.

© Зяблова Т. Е., Комарова Я. Б., Мамчун В. В., 2019

Начальным моментом этой связи выступает сама потенция права, а конечным – состояние общественных отношений, детерминированное этим воздействием.

И социология, и теория права изучают эту связь, используя при этом понятие функции, что объективно обосновано. «Функциональная зависимость, – пишет В. Н. Сагатовский, – выражает любую обусловленность вообще, не раскрывая характера этой обусловленности, не показывая, тем более, какая из связываемых величин будет причиной, а какая следствием» [27, с. 312–313]. Вместе с тем, несмотря на терминологическое сходство, содержание и объем понятий в социологии и общей теории права различаются. Фактически, они оперируют разными понятиями. Связано это с различиями их предметно-методологической специфики, которая обусловливает то, что в этой общей связи между правом и обществом интерес для них представляют разные моменты. Для социологии – это конечный момент: состояние общественных отношений, обусловленных правовым (в том числе) воздействием, а для теории права – начальный: потенция к оказанию воздействия. Начальный момент имплицитен – он содержится внутри права и внешне не проявляется. Он обнаруживается логическим путем, изучается методами и описывается понятиями, соотносимыми с предметом общей теории права. Конечный момент эксплицитен, т. е. носит явный характер и выражен вовне. Он эмпирически наблюдаем, изучается методами и описывается понятиями, соотносимыми с предметом социологии. Вследствие указанных обстоятельств констатируется разность понятий функции. В общей теории права под функциями права понимаются «основные направления воздействия права на состояние общественных отношений, выражающие сущность и социальное назначение права с целью их упорядочивания» [25, с. 68]. Социологи под функциями понимают «наблюдаемые последствия, способствующие адаптации или приспособлению данной системы» [17, с. 145].

В связи с этим нужно обратить внимание еще на одно обстоятельство. Определение функций права через понятие направления нередко провоцирует восприятие их как чего-то, что лежит за пределами самого права [26, с. 6–7], и при недостаточно глубоком проникновении в сущность функции права ведет к ее социологическим интерпретациям. В связи с этим следует подчеркнуть, что функция права не только присутствует в нем имплицитно, но и то, что она имманентна праву, внутренне и необходимо ему присуща, будучи обусловлена самой природой права как нормативного регулятора [2, с. 82; 25, с. 119].

Имплицитность и имманентность функции права способны создать следующее представление: теорию права не интересует то, что происходит вне его. Именно поэтому нельзя не сказать и о том, что функциональный анализ не замыкается только на имплицитном моменте. Общая теория права активно изучает и само воздействие, и его результаты, используя другие понятия. Так, в частности, само воздействие на общественные отношения описывается понятиями функционирования права, правового воздействия, правового регулирования, реализации функций права, а результаты правового воздействия – понятиями реализации права, правового поведения, состояния законности, правопорядка и др.

Непосредственное использование социологических понятий функции/дисфункции в теории права приводит к конфликту логик, на которых строится их юридический, социологический и функциональный анализ. Так, замещение понятия функции права социологическим понятием функции социального института влечет перенос внимания с самого права на регулируемые им общественные отношения, на результаты его функционирования, что также происходит и при использовании понятия «правовая функция». Предложение понимать «правовую функцию как некоторый результат воздействия правовой категории на соответствующие участки социальной действительности, обусловленный спецификой этой категории, способами такого воздействия» [12, с. 120], приводит к тому, что функция как свойство самого права остается без внимания.

Социологически интерпретированным понятием «функция права» замещается уже существующее правовое понятие роли права [14, с. 80]. То же происходит с понятием дисфункции, понимаемой как нарушение функционирования права [6, с. 14] или как некорректное выполнение функции [14, с. 80], что претендует на место в понятийно-категориальном аппарате общей теории права, занимаемое, соответственно, понятиями функционирования права и эффективности функций права.

Достаточно спорный результат дает введение в функциональный анализ понятия «правовая дисфункция», определяемого как «отсутствие определенных качественных характеристик в социально-правовой жизни общества, в правопорядке, в частности, выявляемое через измерение нарушений в функционировании права» [6, с. 14]. Приведенное определение органично вписывается в социологический исследовательский контекст, а в теории права описывается или может быть описано и объяснено посредством использования собственных понятий теории права.

Не возражая принципиально против практики изучения функционирования права с позиции социологии и с применением разработанных ею понятий, одновременно считаем нужным подчеркнуть, что они должны оставаться в рамках социологии. В функциональном анализе права юридическая наука должна опираться на понятия, разработанные ею самой, включая и собственное понятие дисфункции права.

В то же время методологически ориентиром для анализа дисфункций права может являться социологическое понимание дисфункции социального института. Правда, речь при этом идет не о содержании понятия, а о его соотношении с понятием функции. Функция и дисфункция в социо-

логии рассматриваются как однопорядковые явления, а их понятия составляют коррелирующую понятийную пару. Функции, по словам Р. Мертона, это «те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы», а дисфункции – это «те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы» [18, с. 414].

При этом оговоримся, что в данном случае о совмещении понятий, встроенных в разные логики функционального анализа, не может быть и речи. Как было показано выше, это ведет к «переназначению имен» и влечет риск умножения сущностей. В случае понимания функции права с позиций теории права как основных направлений правового воздействия, а дисфункций – с позиций социологии как последствий негативных правового воздействия для общества невозможно объяснить, откуда берется то воздействие, которое приводит к таким результатам, ведь функция по определению не способна к этому привести.

В то же время корреляция между понятиями функции и дисфункции в социологии, подсказывает, что источник дисфункционального воздействия следует искать в самом праве, что правовому понятию функции права должно коррелировать понятие, описывающее в праве то, что именно влечет результат воздействия, описываемый в социологии понятием дисфункции.

Нужно сказать, что основания для этого дает опыт осмысления проблематики функций в системных исследованиях.

Эту корреляцию, но только в социологической традиции наглядно демонстрирует Б. Г. Юдин, говоря о том, «что эмпирическое изучение функциональных последствий события *A* для объекта *S* в отношении *R* может привести к любому из трех результатов: *A* благоприятствует *S* в отношении *R*; *A* неблагоприятно для *S* в отношении *R*; *A* безразлично для *S* в отношении *R*». Пользуясь терминологией, предложенной Р. Мертоном и развитой М. Леви, он обозначает их соответственно «эуфункция», «дисфункция» и «афункция» – функциональная нейтральность [30, с. 110].

Идя от социологического понимания функции как результата воздействия права на социальные отношения и наблюдая в их состоянии не только эуфункциональное, но и дисфункциональное воздействие по отношению к самому праву, можно обнаружить то, что составляет источник соответствующего воздействия права и образует его функцию. Используя предложенную Б. Г. Юдиным формулу, обозначив право как *A*, общественные отношения как *S*, а результат воздействия права на регулируемые общественные отношения, понимаемый в качестве реализации его социального назначения, как *R*, мы получаем соответственно три варианта воздействия права на общественные отношения: *R*(э) – эуфункциональный, *R*(д) – дисфункциональный и *R*(а) – афункциональный, каждому из которых соответствует свойство в самом праве *A*: *AR*(э) – функция, *AR*(д) – дисфункция и *AR*(а) – ауфункция.

Таким образом, различие между свойствами-функциями проводится по характеру воздействия: эуфункции – функции, оказывающие благоприятное воздействие на общество в определенном отношении, дисфункции – функции, оказывающие неблагоприятное воздействие на общество в определенном отношении; афункции – функции, оказывающие безразличное воздействие на общество в определенном отношении. Различия между ними устанавливаются на основе аксиологической оценки.

В число целей права не входит оказание дисфункционального или афункционального воздействия, так как обеспечить реализацию социального назначения права способно только функциональное. Именно этим объясняется тот факт, что в случае с функциями в общей теории права внимание концентрируется главным образом на функциях, в качестве которых рассматриваются только те проявления его свойств, которые выражаются в воздействии, благоприятном для общества, а дисфункция упоминается лишь в связи с негативным, деструктивным для интересов общества воздействием [29, с. 12; 2, с. 82; 10, с. 70, 208; 9, с. 40; 19; 20; 5, с. 35]. Принимая во внимание данное обстоятельство, свойства права, проявления которых для общества неблагоприятны в определенном отношении, и принято связывать с его дисфункциями, хотя от этого природа самой дисфункции не изменяется. Дисфункция так же, как и функция, есть направление воздействия права на регулируемые общественные отношения.

Если функция наделяется качеством однозначной социальной полезности, то с дисфункцией дело обстоит несколько иначе. Ассоциация дисфункции только с негативным воздействием права на регулируемые общественные отношения хотя и имеет под собой определенную основу, тем не менее должна приниматься с определенными оговорками. Как пишет И. В. Понкин, «отношения внутри пары “функция – дисфункция” намного сложнее, чем их противопоставление» [24, с. 96]. Это замечание сделано под влиянием идеи, согласно которой любая деятельность «может обладать дисфункцией по отношению к одной деятельности и эвфункцией (полезной функцией) по отношению к другой: или же она может иметь как дисфункции, так и эвфункции по отношению к одному и тому же виду деятельности» [1, с. 124–125].

В этой связи примечательна еще одна мысль, высказанная Р. Мертоном: «Социальные обычаи или настроения могут быть функциональными для некоторых групп и дисфункциональными для других в одном и том же обществе» [17, с. 115]. Дисфункция способна характеризовать амбивалентность правового воздействия. Будучи отражением диалектических противоречий в конкретных исторических условиях, они способны содействовать социальному прогрессу при одновременном воспрепятствовании реализации социального назначения, например при смене исторических типов права. Дисфункции могут быть связаны с негативным влиянием на общество и чаще всего

действительно связаны. Однако при этом, наряду с негативным воздействием, возможно и позитивное, и нейтральное.

Таким образом, дисфункцию права следует рассматривать как неосновное направление его воздействия на общественные отношения, ему имманентное, имплицитно присутствующее, не соответствующее социальному назначению.

Близость, существующая между понятиями функции и дисфункции, дает основания предполагать наличие у дисфункции связи с сущностью права. Дисфункция, как и функция, не только обусловлена сущностью, но и выступает ее выражением. Если функция выражает главные, наиболее существенные черты права [25, с. 72], то дисфункция – черты менее существенные, не являющиеся главными.

Характер связи функций права с его сущностью очень точно передали И. Н. Куксин и П. А. Матвеев: «Функция – это "свечение" сущности права в общественных отношениях» [13, с.15]. Если функция есть «свечение права», то дисфункция в этой аллегорической логике есть проявление «темной материи» права. Рискнем предположить, что право, подобно Вселенной, включает в себя в том числе и «темную материю»[1], которая в праве воплощается в «темной стороне» ее сущности и вовне проявляет себя через дисфункции.

Полагаем, что резко негативное отношение к дисфункции и в социологии, и в юридической науке, фокусирование лишь на негативных последствиях затеняет ее подлинную природу и роль в социальном и правовом развитии. В юридической литературе формируется представление о дисфункциях, в том числе и дисфункциях права, как явлении случайном, временном, незакономерном. Как пишет И. А. Клепицкий, «бытие права исключает противоречия, правовая неопределенность возможна лишь в качестве временной дисфункции права» [11, с. 51].

Такой взгляд, по нашему мнению, не отражает всей полноты картины дисфункций и дисфункциональности в праве. Попытки объяснить дисфункцию права случайной девиацией, списать ее существование на одни лишь дефекты права: пробелы и коллизии в праве, законотворческие ошибки, деформации правосознания, обвинительные уклоны и прочее, – это путь к одностороннему пониманию сложного механизма формирования и функционирования права в обществе, хотя при этом и отрицать их вклад в процессы детерминации дисфункций нельзя.

Представляется, что дисфункции обусловлены прежде всего факторами более глубинной природы. Они коренятся в самой сущности права, связаны с ее внутренними противоречиями и носят закономерный характер. В этой связи нельзя не признать верной мысль А. Ю. Калинина и С. И. Кириллова о том, что «дисфункции есть объективно-субъективные явления, обладающие своими номинальными свойствами, и потому их не следует воспринимать как нечто случайное, ошибочное, акцидентное» [8, с. 27].

Главным фактором дисфункций права являются противоречия его сущности, которые носят объективно-закономерный характер. Это подтверждают и сторонники социологической интерпретации функций. В частности, В. В. Плотников считает, что «основные направления дисфункции института права – это внутренняя противоречивость правовой сферы, ее внешнее противоречие по отношению к актуальным запросам общества, а также нарушение контроля над соответствием социальных процессов правовым нормам. Внутренняя противоречивость правовой сферы проявляется как правовой конфликт, в рамках которого оба участника общественных отношений, будучи вовлеченными в конфликтную ситуацию, законно претендуют на определенный исход конфликтной ситуации» [23, с. 326].

К сожалению, современная традиция теории права отказалась от категории сущности права, заменив ее понятием самого права [21, с. 253]. Отчасти в этом видится невнятность объяснений дисфункций права, стремление использовать в готовом виде наработки социологического функционализма, усугубленное модной тенденцией критики методологической основы теории права и стремлением достичь требуемой научной новизны.

Сегодня в качестве общечеловеческой и классовой сущности права определяется государственная воля общества на данном этапе развития, обусловленная экономическими, политическим и духовными условиями его существования [4, с. 63]. При этом полагаем, что едва ли верно сводить сущность только к волевому моменту, поскольку он не только производен от интеллектуального, но и немыслим без него. В качестве же последнего выступает осмысление социальных интересов в обществе, выраженных в этой воле и лежащих в ее основании. Их нельзя сводить только к классовым или только к общечеловеческим. Понятие социальных интересов, лежащих в основании государственной воли, значительно шире: это интересы и национальные, и расовые, и этнические, и религиозные, и наднациональные, и геополитические, и др.

Сущность права представляет обусловленное конкретно-историческими условиями жизни общества, причем в современных условиях не отдельно взятого, а включенного в сложный комплекс взаимосвязей между различными обществами и государствами в рамках мирового сообщества, сочетание разных интересов. Эти интересы по-разному согласовываются в рамках сущности, так как формирование государственной воли всегда происходит в процессе столкновения и борьбы интересов. Попытки представить сущность пра-

[1] Считается, что темная материя – гипотетическая форма материи, которая не взаимодействует с электромагнитным излучением и не испускает его, а проявляет себя только гравитационным воздействием. Прямых доказательств существования темной материи в настоящее время нет, но косвенных множество. Все они основаны на специфическом поведении астрофизических объектов, в частности на аномально высокой скорости вращения внешних областей галактик [28].

ва как своеобразный социальный компромисс не имеют ничего общего с действительностью, что подтверждает весь ход истории права. Самые наглядные подтверждения этого демонстрируют современные процессы правообразования и функционирования права, происходящие после развала мировой системы социализма как в нашей стране, так и в бывших социалистических странах, практика строительства «общеевропейского дома» в современной Европе, попытки установления отдельными государствами безусловного лидерства, граничащего с господством, и подчинения других государств их юрисдикции. То, что позиционируется в качестве компромисса, в действительности является фиксацией в праве достигнутых уступок более сильному, независимо от того, идет ли речь о внутригосударственном праве, или наднациональном.

Сущность права представляет собой сочетание интересов, основанное на дисбалансах интересов общесоциальных (именуемых общими, общечеловеческими) с иными социальными интересами, в числе которых, конечно же, классовые, так как именно в их основе лежит уровень сущности более глубокого порядка – отношения собственности и распределения социальных благ [31, с. 84–87].

Кроме классовых, экономических по своей природе, в праве наметился дисбаланс между общесоциальными, этническими, национальными, наднациональными (транснациональными), религиозными и другими интересами. В сущности права присутствует также дисбаланс между интересами общества и государства, несмотря на то, что последнее призвано выражать, защищать и обеспечивать в первую очередь интересы общества.

Вследствие существования отмеченных дисбалансов возникают противоречия между сущностью и социальным назначением права. Вопрос о назначении права является, наверное, наименее дискуссионным во всей полемике о праве и его сущности, если его рассматривать в освобожденном от идеологических штампов и их конъюнктурных интерпретаций виде. Право, как и любой нормативный регулятор, должно обеспечивать устойчивость, стабильность и прогресс социальной системы [25, с. 48], первичным элементом которой является человек, живущий в данном обществе. Именно в этом его назначение.

Дисбалансы в сущности права приводят не только к противоречиям между сущностью и назначением права, но и к несоответствию дисфункции социальному назначению права. При этом нельзя говорить о том, что дисфункция заменяет или вытесняет функцию права из процесса функционирования, в силу чего право не способно выполнить свое предназначение. Существование дисфункций лишь осложняет процесс функционирования и затрудняет реализацию предназначения права в данных конкретно-исторических условиях, хотя при этом они способны служить фактором-катализатором перехода права как социальной нормативной системы на качественно другой уровень функционирования и, следовательно, достижения целей права, соответствующих его назначению.

В целом объем функционального и дисфункционального потенциала в праве детерминирован его социальным назначением, так как именно через функции права обеспечивается его реализация.

Наличие дисфункций не является определяющим фактором для существования права как регулятора, в отличие от его функций. Именно поэтому, определяя дисфункции и функции в качестве направлений правового воздействия на общественные отношения, мы должны подчеркнуть и то, что будучи определяющим фактором обеспечения социального назначения права, функция и выступает как основное направление воздействия, в то время как дисфункция таковым не является.

Актуальность вопроса о соотношении дисфункций и назначения права лежит не только в академической, но и в чисто практической плоскости. Дисфункция способна выступать индикатором состояния права, характеризуя соотношение между его потенциалом к «свечению» и объемом «темной материи», что позволяет на основе разработанной методики определить степень несоответствия сущности и содержания права его назначению, определить локализацию источников дисфункциональной активности права и осуществить поиск инструментов управления риском дисфункциональности права.

В свою очередь, соответствие права своему назначению может служить критерием оценки степени соотношения функциональности и дисфункциональности права. В основе этой оценки лежит способность права удовлетворять потребности, обеспечивать и защищать интересы всего общества, т. е. каждого его члена, не создавая привилегий для одних и дискриминации других, не способствуя обеспечению (допуская возможности) привилегированного положения определенной социальной группы, выделяемой по классовому, этническому, национальному, религиозному и иному основанию, и др.

Любой перекос свидетельствует об изменении баланса между функциями и дисфункциями права. Это позволяет выявить точки «неустойчивости» в праве, оценить их и при наличии достаточности государственной воли в сущности, принять меры по стабилизации или нормализации процесса его функционирования.

Наряду с вопросом о связи дисфункции с сущностью и социальным назначением права, нельзя не затронуть аспект, касающийся ее связи с содержанием права. Соглашаясь с А. В. Петровым в том, что, формируя качество содержания права, сущность «определяет его количественный состав в виде необходимого набора элементов содержания, вне которого право не существует как явление соответствующего качества», вследствие чего «приобретает… характер основания качественной и количественной определенности содержания права как социального явления» [22, с. 296], отметим, что содержание, будучи связанным с

сущностью органически и генетически, является не только «транзитером» дисфункциональности, обусловленной дисбалансами сущности права, но выступает также и самостоятельным фактором его дисфункций.

При характеристике социально-политических и специально-юридических функций права подчеркивается их связь с его социально-политическим и специально-юридическим содержанием. Хотя нормы и образуют непосредственное содержание права, выступая тем, что, по выражению С. С. Алексеева, образует его субстанцию, плоть, «вещество» [3, с. 94], собственно к нормам оно сведено быть не может.

Нормы – это модели регулируемых общественных отношений, выступающие не инструментами познания права, а моделями-велениями, обеспечивающими оптимальное взаимодействие членов общества в сложившихся исторических условиях. Для того чтобы эффективно урегулировать то или иное общественное отношение, модель должна обладать способностью адекватно его отразить. При этом адекватно означает не просто отразить, описать, регламентировать, а учесть лежащую в ее основе объективную необходимость и совместить ее с императивом государственной воли, выраженной в сущности права. Отсюда возникает необходимость обеспечения соответствия между социально-политическим и собственно-юридическим содержанием права, достижения оптимального соотношения между различными элементами его собственно-юридического содержания, гармонизации правовых средств, методов правового регулирования с техническими инструментами их воплощения в нормах и иных правовых предписаниях. Для этого требуется максимально эффективно использовать возможности самой юридической формы: правовых средств, методов правового регулирования, юридической техники. Таким образом, норма права как модель регулируемых общественных отношений собирает воедино социальное, политическое и собственно-юридическое содержание права как результат юридического конструирования.

К сожалению, далеко не всегда при конструировании норм удается обеспечить социальную адекватность и технико-юридическое совершенство содержания права, что также выступает источником, подпитывающим его дисфункции. В связи с этим обратим внимание на ряд обстоятельств, способствующих дисфункциональности права и проявляющихся в самом содержании права на этапе его создания.

Во-первых, дисфункции права развиваются в нем на стадии формирования его содержания в силу сложной детерминации самих регулируемых общественных отношений, которые под влиянием неопределенности, стихийности, стохастичности в социальных, экономических, политических, природно-демографических процессах, не позволяют обеспечить необходимый уровень их организованности, упорядоченности правом. Здесь факторами дисфункций выступают объективная ограниченность возможностей самой правовой формы в сочетании с действием внешних факторов, в частности, случайных, возникновение которых невозможно предсказать и спрогнозировать при создании нормативных моделей, а также факторов, выражающих действие еще не познанных до конца объективных закономерностей и поэтому не поддающихся контролю со стороны права.

Во-вторых, это факторы, связанные с издержками самой правовой формы. Невозможно создать нормативную модель на все случаи жизни. Общий характер нормативных правовых предписаний и индивидуально-конкретный характер регулируемых социальных ситуаций, а также несинхронность динамики регулируемых общественных отношений и самого права с необходимостью приводят к противоречиям и неопределенности в правовой регламентации, риску, ошибкам и конфликтам в процессах применения и правореализации. К числу подобных издержек относится и результат чрезмерных усилий создателя правовой нормы по регламентации общественных отношений, продиктованных благим желанием максимально охватить нормативной регламентацией как можно более широкий круг общественных отношений, оборачивающийся их зарегулированностью, нормативной избыточностью, дублированием и пр.

Право, как лекарство, которое в разных дозах может не только способствовать оздоровлению социального организма, но и привести к новым «социальным заболеваниям». Проблема достижения оптимального баланса нормативно-правового регулирования и потребностей общества в нем при формировании правового содержания – дело труднодостижимое. Причем, не только в силу пресловутого человеческого фактора, но и в силу объективной сложности работы с самим нормативным материалом, усугубляющим облачение социально-политического содержания в юридическую форму посредством элементов его собственно-юридического содержания.

В-третьих, это факторы, связанные с участием государства в формировании содержания права и имеющие непосредственное отношение к детерминации дисфункций права его содержанием. Если в сущности права дисбаланс общих и государственных интересов находится в «тени», то в его содержании он проявляется наглядно в нормах, непосредственно указывающих на приоритеты обеспечиваемых ими интересов.

Право создается и обеспечивается государством, что не может не оказывать влияния на его содержание. Это дает ему возможность сознательно манипулировать нормативным материалом для обеспечения собственных государственных интересов, например, меняя правовые режимы, криминализуя – декриминализуя составы и изменяя режимы применения государственного принуждения к отдельным категориям субъектов и т. п., в зависимости не от закономерных потребностей общества, а в силу ситуативно возникших экономических, политических, электоральных и иных проблем. Следствием сознательного манипулиро-

вания правовой формой являются неадекватность его содержания социальным потребностям, выраженным в назначении права, несоответствие между социально-политическим и собственно-юридическим содержанием права, ведущим к дисгармонии его содержания и формы, что не только создает условия для возникновения дисфункций, но и обусловливает их каузально.

Логика исследования диктует необходимость рассмотрения также и вопроса о соотношении дисфункции и структуры права. Потребность эта обусловлена тем, что последняя, будучи носителем функции – эуфункции, одновременно выступает носителем и функции – дисфункции. Основной вопрос заключается в том, что именно в структуре права позволяет выступать ей в этом качестве, при каких обстоятельствах, в силу чего это становится возможным.

Структура в теории права, как правило, сводится лишь к внутренней структуре, будучи ассоциированной с внутренней формой системы, которая в редуцированном виде описывает уровни внутренней организации права как системы и ее элементы. Для характеристики внутреннего строения права, изучения связей и зависимостей между его элементами такое понимание структуры вполне удовлетворяет гносеологические потребности юридической науки и запросы юридического образования. Однако для характеристики связей между функциями и дисфункциями права, с одной стороны, и его структурой – с другой, его явно недостаточно. Для правильного понимания проблемы дисфункций и дисфункциональности права необходима более полная картина его структуры, что требует характеристики ее более глубоких слоев и более широкого ракурса ее рассмотрения, охватывающего ее связи с сущностью и содержанием права в контексте детерминационной связи с дисфункциями.

В научной литературе представлены варианты более широкой интерпретации структуры права, не отождествляемой при этом с его системой. Рассматривая право как полиструктурную систему, В. Н. Карташов выделяет такие ее виды, как генетическая, функциональная, логико-философская, пространственная, временная, психологическая, стохастическая, горизонтальная и вертикальная и пр. [10, с. 177–179]. Не возражая против такого представления структуры права, отметим при этом, что в действительности в праве существует не множество различных и самостоятельных структур, а единая структура, которая в исследовательских целях может рассматриваться в разных аспектах, поэтому и представлена в качестве различных структур.

При более близком рассмотрении оказывается, что все эти структуры связаны в единое устойчивое системное целое, которое как раз и является таковым благодаря структуре. Следовательно, структура есть то, что обеспечивает это единство и целостность, связывает образующие право элементы в единое целое. Независимо от того, каким понятием мы будем описывать это связующее: «тип связи» [15, с. 83], «взаимосвязь» [16], «закон строения и поведения объекта», «строй совокупности связей» или «система связей между элементами» [7, с. 87–89], – применительно к рассматриваемому вопросу нужно исходить из того, что структура права выступает средством организации элементов его содержания. Она сводит элементы содержания разного порядка в единую систему, обеспечивая при этом ее функции.

Структура права связывает не только юридические нормы, институты, отрасли, частное и публичное, материальное и процессуальное право между собой. На более глубинном уровне она выступает как связь между социально-политическим и собственно-юридическим содержанием права, как связь способов правового регулирования, правовых средств и механизма правового регулирования, правовых средств и технических элементов собственно-юридического содержания права в нормах. Рассмотренная с точки зрения связи между юридическими нормами-моделями общественных отношений и предметом их отражения – общественными отношениями, регулируемыми правом, структура права выступает уже как внешняя его структура. В аспекте связи с сущностью права его структура предстает связующим звеном в праве между его сущностью и содержанием, удерживая его в «сфере притяжения» сущности, препятствуя центробежным силам, воздействующим на систему, и обеспечивая проявление сущности в функциях.

Эти связи имеют непосредственное значение для характеристики взаимосвязи структуры и дисфункции, так как в интересующем нас аспекте структура может рассматриваться как носитель функции, поскольку «функции, какова бы ни была их природа, можно реализовать лишь в структуре» [16].

Таким образом, структура права формируется для осуществления определенных функций, с одной стороны, детерминируя их, а с другой – будучи сама детерминирована потребностью существования и осуществления этих функций.

То обстоятельство, что дисфункции права, как и его функции, детерминируются сущностью и содержанием права, не может не находить своего отражения в структуре-носителе функции. Формирование структуры права, находясь под влиянием сущности и содержания, через них испытывает воздействие факторов, обусловливающих дисфункциональность права, что и выражается в такой структурной организации, в которой потенциально возможно одновременное существование функций и дисфункций. Причем существование последних есть результат изменения состояния структуры, необходимой для обеспечения способности права к реализации своего социального назначения, а это дает основания говорить уже о ее деформации. Внешнее воздействие права, осуществляемое через такую структуру, отклоняется от номинального, соответствующего социальному назначению права.

Вследствие этого в процессе функционирования права дисфункция проявляется как регулятивная девиация. Это позволяет рассматривать дисфункцию как направление правового воздействия, отклоняющегося от номинального.

При сопоставлении необходимого, номинального (функционального) и отклоняющегося (дисфункционального) направлений воздействия становится возможным выявить баланс между ними, оценить степень деформированности структуры и ее способность к обеспечению функционального направления воздействия права на регулируемые отношения.

Поскольку и функция, и дисфункция детерминируются сущностью и содержанием права, то обоснованным будет полагать, что и структура, несущая одновременно функцию и дисфункцию, является результатом этой детерминации: функция – позитивной, ведущей к устойчивости и жесткости структуры, а дисфункция – негативной, ведущей к ее деформации. Негативная детерминация структуры – деформация есть результат дисбаланса интересов в сущности права, несоответствия его сущности социальному назначению, его социальной неадекватности, внутреннего несоответствия и дисгармонии различных элементов его содержания и др.

Несмотря на то, что дисфункция права не способствует достижению его целей и проявляется в процессе функционирования как дисфункциональное воздействие, это не служит непреодолимым препятствием для последовательной реализации правом своего социального предназначения на том или ином историческом отрезке его существования. Как отмечалось ранее, сам факт социально-правового прогресса выступает свидетельством в пользу того, что дисфункциональное воздействие права не оказывает определяющего влияния на общественное развитие, в отличие от функционального. В свою очередь, дисфункция, будучи отклонением от номинального направления воздействия, выступает индикатором степени деформированности структуры, а также указывает на локализацию не только самой деформации, но и на те элементы содержания, связи между которыми деформированы. Анализ последствий дисфункционального воздействия права позволяет, идя от последствий к деформации структуры, в определенной мере разработать меры корректирующего воздействия, причем не только на структуру, но и на содержание, уменьшая объем дисфункции.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о функциях и обобщая вышеизложенное, можно предложить рабочее определение дисфункции права: *это отклоняющееся от номинального, неосновное направление воздействия права, детерминированное дисбалансами его сущности, противоречиями в содержании и деформацией структуры, не соответствующее его социальному назначению*.

Завершая исследование, нужно отметить, что множество важных вопросов дисфункциональной проблематики в силу ограниченности рамок настоящей статьи рассмотреть не удалось. В связи с этим представляется возможным указать на те вопросы, связанные с дисфункцией права, которые нуждаются в самостоятельном специальном изучении: это вопросы соотношения функциональности, дисфункциональности и нефункциональности права, видов функций, их факторной обусловленности и др. Полагаем, что только на этой основе можно составить полное и целостное представление о дисфункциях, дополнить и развить понятийный аппарат функционального анализа права и использовать это знание в углублении научного знания о праве.

Библиографический список

1. *Аберкромби Н.* Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; пер. с англ. И. Г. Ясавеева ; под ред. С. А. Ерофеева. – Москва : Экономика, 2004. – 620 с. – ISBN 5-282-02334-2.

2. *Абрамов А. И.* Понятие функции права / А. И. Абрамов // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 71–83.

3. *Алексеев С. С.* Общая теория права : курс в 2 т. / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 360 с.

4. *Байтин И. М.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / И. М. Байтин. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с. – ISBN 5-98033-030-5.

5. *Бахвалов С. В.* Законодательная технология субъектов Российской Федерации / С. В. Бахвалов, В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 368 с. – ISBN 978-5-8397-0764-1.

6. *Дамирли М. А.* Правовая дисфункция: понятие, вид, проявления, причины и пути преодоления / М. А. Дамирли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 2(19). – С. 14–17.

References

1. *Aberkrombi N., Hill S., Turner B. S.* Sociological Dictionary. Transl. from English I. G. Yasaveev, ed. by S. A. Erofeev. Moscow, E'konomika, 2004. 620 p. ISBN 5-282-0234-2.

2. *Abramov A. I.* The Concept of the Function of Law. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2006. No. 2. P. 71–83.

3. *Alekseev S. S.* The General Theory of Law. Course in 2 vol. Vol. 1. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1981. 360 p.

4. *Bajtin I. M.* The Essence of Law (Modern Regulatory Law on the Verge of Two Centuries). Moscow, Pravo i Gosudarstvo, 2005. 544 p. ISBN 5-98033-030-5.

5. *Bakhvalov S. V., Kartashov V. N.* Legislative Technology of the Subjects of the Russian Federation. Yaroslavl', YarGU, 2010. 368 p. ISBN 978-5-8397-0764-1.

6. *Damirli M. A.* Legal Dysfunction: the Concept, Type, Manifestations, Causes and Ways to Overcome. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 5, Yurisprudenciya*. 2013. No. 2(19). P. 14–17.

7. *Kagan M. S.* System and Structure. *System Studies. Methodological Problems. Yearbook 1983*. Moscow, Nauka, 1983. P. 86–106.

7. *Каган М. С.* Система и структура / М. С. Каган // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник 1983. – Москва : Наука, 1983. – С. 86–106.

8. *Калинин А. Ю.* Дефекты правообразования с позиций структурно-функционального подхода / А. Ю. Калинин, С. И. Кириллов // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 117–125.

9. *Карташов В. Н.* Правовая культура: понятие, структуры, функции : монография / В. Н. Карташов, М. Г. Баумова. – Ярославль : ЯрГУ, 2008. – 200 с. – ISBN 978-5-8397-0612-5.

10. *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : учеб. пособие. В 2 т. Т. 1 / В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – 547 с. – ISBN 5-8397-0381-8.

11. *Клепицкий И. А.* Форма и цель в уголовном праве / И. А. Клепицкий // Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 45–56.

12. *Коломенская Е. В.* Функциональный подход к исследованию договора / Е. В. Коломенская // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С.113–124.

13. *Куксин И. Н.* Теоретические основы классификации функций права / И. Н. Куксин, П. А. Матвеев // Юридическая наука. – 2012. – № 4. – С. 13–18.

14. *Лановая Г. М.* Функциональная характеристика права гражданского общества / Г. М. Лановая // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С.79–82.

15. *Малиновский А. А.* Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложением теории систем к биологии) / А. А. Малиновский // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник 1979. – Москва : Наука, 1980. – С. 78–90.

16. *Марков Ю. Г.* Функциональный подход в современном научном познании / Ю. Г. Марков. – Новосибирск : Наука, 1982. – URL: http://ligis.ru/psylib/090417/books/marko01/txt01.htm (дата обращения: 15.04.2019).

17. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-029089-6, 5-9713-0703-7, 5-9762-0143-1.

18. *Мертон Р.* Явные и латентные функции / Р. Мертон // Американская социологическая мысль : тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренькова. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – ISBN 5-211-03099-0. – С. 379–448.

19. *Палазян А. С.* Принципы систематизации функций права / А. С. Палазян // Юридический мир. – 2009. – № 2(146). – С. 51–54.

20. *Палазян А. С.* Содержание исходных понятий теории функций права / А. С. Палазян // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 11. – С. 86–95.

21. *Петров А. В.* О категории сущности права / А. В. Петров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 1. – С. 253–258.

22. *Петров А. В.* О категории содержания права / А. В. Петров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6. – С. 290–297.

23. *Плотников В. В.* Институциональная определенность сферы права / В. В. Плотников // Уголовная политика и культура противодействия преступ-

8. *Kalinin A. Yu., Kirillov S. I.* Legal Formation Defects from the Position of the Structural and Functional Approach. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*. 2012. No. 1. P. 117–125.

9. *Kartashov V. N., Baumova M. G.* Legal Culture: the Concept, Structure, Function. Yaroslavl', YarGU, 2008. 200 p. ISBN 978-5-8397-0612-5.

10. *Kartashov V. N.* The Theory of the Legal System of Society. In 2 vol. Vol. 1. Yaroslavl', YarGU, 2005. 547 p. ISBN 5-8397-0381-8.

11. *Klepiczkij I. A.* Form and Purpose in Criminal Law. *Gosudarstvo i Pravo*. 2012. No. 1. P. 45–56.

12. *Kolomenskaya E. V.* Functional Approach to the Study of the Contract. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2005. No. 5. P. 113–124.

13. *Kuksin I. N., Matveev P. A.* Theoretical Foundations of the Classification of Functions of Law. *Yuridicheskaya Nauka*. 2012. No. 4. P. 13–18.

14. *Lanovaya G. M.* Functional Characteristic of Civil Society Law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*. 2017. No. 3. P. 79–82.

15. *Malinovskij A. A.* Basic Concepts and Definitions of System Theory (in connection with the application of systems theory to biology). *System Studies. Methodological Problems. Yearbook 1979*. Moscow, Nauka, 1980. P. 78–90.

16. *Markov Yu. G.* Functional Approach in Modern Scientific Knowledge. Novosibirsk, Nauka, 1982. URL: http://ligis.ru/psylib/090417/books/marko01/txt01.htm (date of the application: 15.04.2019).

17. *Merton R.* Social Theory and Social Structure. M., AST, AST MOSKVA, Khranitel', 2006. 873 p. ISBN 5-17-029089-6, 5-9713-0703-7, 5-9762-0143-1.

18. *Merton R.* Explicit and Latent Functions. *American Sociological Thought*. Compl. E. I. Kravchenko. Ed. by V. I. Dobren'kov. Moscow, MGU, 1994. – ISBN 5-211-03099-0. P. 379–448.

19. *Palazyan A. S.* Principles of Systematization of the Functions of Law. *Yuridicheskij Mir*. 2009. No. 2(146). P. 51–54.

20. *Palazyan A. S.* The Content of the Initial Concepts of the Theory of Functions of Law. *Administrativnoe i Municipal'noe Pravo*. 2008. No. 11. P. 86–95.

21. *Petrov A. V.* On the Category of the Essence of Law. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2010. No. 1. P. 253–258.

22. *Petrov A. V.* On the Category of Law Content. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2011. No. 6. P. 290–297.

23. *Plotnikov V. V.* Institutional Certainty of the Sphere of Law. *Criminal Policy and Culture of Combating Crime*. Krasnodar, Krasnodarskij Universitet MVD Rossii, 2016. ISBN 978-5-9266-1228-5. P. 324–329.

24. *Ponkin I. V.* Theory of Deviantology of Public Administration: Uncertainties, Risks, Defects, Dysfunctions and Failures in Public Administration. Moscow, Buki-Vedi, 2016. 250 p. ISBN 978-5-4465-0861-7.

25. *Rad'ko T. N.* The Theory of Functions of Law. Moscow, Prospekt, 2014. 272 p. ISBN 978-5-392-10485-1.

26. *Ry'bakov V. A.* Functions of Law: Critical Remarks. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya «Pravo»*. 2018. No. 3(56). P. 6–9.

37. *Sagatovskij V. N.* Basics of Systematization of General Categories. Tomsk, Tomskij Universitet, 1973. 431 p.

28. Dark matter. URL: https://indicator.ru/tags/temnaya-materiya/ (date of the application: 28.05.2019).

29. *Toropov A. A.* Restorative Function of Law: Theoretical and Practical Questions. Nizhnij Novgorod, 1998. 25 p.

ности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г. В 2 т. Т. 1. – Краснодар : Краснод. ун-т МВД России, 2016. – ISBN 978-5-9266-1228-5. – С. 324–329.

24. *Понкин И. В.* Теория девиантологии государственного управления: неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / И. В. Понкин. – Москва : Буки-Веди, 2016. – 250 с. – ISBN 978-5-4465-0861-7.

25. *Радько Т. Н.* Теория функций права / Т. Н. Радько. – Москва : Проспект, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-392-10458-1.

26. *Рыбаков В. А.* Функции права: критические замечания / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3(56). – С. 6–9.

27. *Сагатовский В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. – 431 с.

28. Темная материя. – URL: https://indicator.ru/tags/temnaya-materiya/ (дата обращения: 28.05.2019).

29. *Торопов А. А.* Восстановительная функция права: вопросы теории и практики : специальность 12.00.01 «Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Торопов Андрей Анатольевич ; Ярославский государственный университет. – Нижний Новгород, 1998. – 25 с. – Место защиты: Нижегор. юрид. ин-т.

30. *Юдин Б. Г.* Системные представления в функциональном подходе / Б. Г. Юдин // Системные исследования : ежегодник 1973. – Москва : Наука, 1973. – С. 38–51.

31. *Явич Л. С.* Сущность права / Л. С. Явич. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 207 с.

30. *Yudin B. G.* System Representations in the Functional Approach. *System Studies. Yearbook 1973*. Moscow, Nauka, 1973. P. 38–51.

31. *Yavich L. S.* The Essence of Law. Leningradskij Universitet, 1985. 207 p.

Библиографическое описание статьи

Зяблова Т. Е. Некоторые аспекты понимания дисфункции права / Т. Е. Зяблова, Я. Б. Комарова, В. В. Мамчун // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 152–161.

УДК 94(47).084.3(470.314)

Калюжная Ольга Васильевна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук
E-mail: kalyuzhka@list.ru

Kalyuzhnaya Ol'ga V.,
Senior Lecturer of Humane, Social and Economic Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (History)

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЛЕНДАРЯ И ВНЕДРЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 20-е гг. XX в. (по материалам прессы)

The Process of Creating a New State Calendar and Implementing the Soviet Ritualism in the Vladimir Province in Twenties of the XX Century (in Local Periodicals)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты трансформации обрядности во Владимирской губернии в первые годы действия декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданного 23 января 1918 г. Автор выделяет значимые направления внедрения нового календаря; рассматривает влияние политических процессов на тон антирелигиозных публикаций по указанной проблематике; исследует практику трансформации сознания народных масс, дает обзор основных форм нового быта: октябрин, «красных» свадеб, «красных» похорон. В заключение автор приходит к выводу о том, что масштабная агитационно-пропагандистская работа, проведенная властью, обеспечила новому календарю и новым обрядам не только гражданско-правовую легитимность, но и ментальную поддержку населения Владимирской губернии.

Ключевые слова: антирелигиозная политика; Владимирская губерния; газета; гражданская война; новый быт; новая обрядность; периодическая печать; пропаганда; советский календарь; церковь.

Abstract. The article deals with some aspects of transformation of social rites in the Vladimir province in the first years of the Decree on the separation of Church from state and school from Church, issued on January 23, 1918. The author highlights the main directions of introduction of the new calendar. The influence of political processes on the tone of anti-religious publications on this issue is considered. The practice of the transformation of collective consciousness is examined and an overview of the main forms of new life is made: oktyabrin, "red weddings", "red funerals". The author comes to the conclusion that the large-scale propaganda work carried out by the authorities provided the new calendar and new rituals not only with civil legitimacy, but also a mental support of the population of the Vladimir province.

Key words: anti-religious policy; Vladimir province; newspaper; civil war; new life; new rites; periodicals; propaganda; Soviet calendar; Church.

С принятием 23 января 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[1] [6, с. 371–374] был создан правовой фундамент для антирелигиозной деятельности нового государства. Представителям власти также было необходимо разработать новый государственный календарь и изобрести способы модификации мировоззрения верующего населения страны. Начались процесс вытеснения религиозных праздников и обрядов из повседневной жизни населения и замена их безрелигиозными торжествами нового формата. Секуляризованные календарь и семейно-бытовые традиции, зарождавшиеся в 1920-е гг., вместе с замененными на гражданские церковные ритуалы вошли в историю как «советская обрядность».

Обращение к данной теме обусловлено недостаточностью сведений об особенностях антирелигиозной политики в России в этот период. Особенно это касается Владимирской губернии, где отмечался высокий уровень концентрации православных святынь в стране. Существующие пробелы в изучении процессов борьбы с религией и внедрения советской обрядности в данном регионе во многом объясняются тем, что исследователи, изучавшие церковно-государственные отношения в контексте обозначенной проблематики, не опирались в своих изысканиях на такой источник, как региональная пресса. Между тем именно периодическая печать в исследуемый период была одним из основных трансляторов инициатив советской власти. Пресса содержит массу данных, которых нет в архивах, а также фактического материала, изучение которого через призму существующих знаний об отношениях государства и церкви позволяет критически судить о формах и методах проведения атеистической политики в регионе.

Итак, процесс внедрения новой, советской, обрядности в самом общем виде шел по трем направлениям:

– популяризация советских общегосударственных праздников;

– дискредитация церковных традиций;

– внедрение традиций нового быта.

[1] Первоначально носил название «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах».

© Калюжная О. В., 2019

Новый календарь вводился властью с одной грандиозной целью – полностью изменить облик повседневной жизни, искоренив религиозную составляющую. Особую роль в формировании нового менталитета играла антирелигиозная деятельность.

Большевики стремились использовать праздники как средство активного вовлечения граждан в общественно-политическую жизнь страны, как инструмент пропаганды новых коммунистических ценностей и идеалов, как основу нового советского календаря. Реализация первого направления, таким образом, установила в качестве праздников ставшие впоследствии народными 1 Мая и 7 ноября, а также такие специфические даты, как годовщина Кровавого воскресенья, День памяти Московского вооруженного восстания. Появились День низложения самодержавия, День Парижской Коммуны, дни памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург, чуть позже – День Конституции СССР (6 июля).

Формирование нового календаря проходило постепенно и обеспечивалось принятием серии нормативных правовых актов, устанавливающих или меняющих даты выходных дней (например, декрет СНК РСФСР от 30 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне», приложение к ст. 104 Кодекса законов о труде 1918 г. «Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях» и др.). Новый рабоче-крестьянский календарь, который для популяризации печатали в местных средствах массовой информации [15], был идеологически выверен и отражал программные установки правящей партии.

Судя по публикациям в местной прессе, в дни новых праздников владимирцы, как раньше в религиозные праздники, отдыхали и устраивали мероприятия, вполне ассоциирующиеся с крестными ходами, масленичными гуляниями и т. п. Центральным официальным событием на любом коммунистическом празднике первых лет советской власти был митинг или собрание, которые в определенной степени заменили людям прежнее торжественное праздничное богослужение в церкви. В городах устраивались шествия, возложение цветов и венков, на улицах играли духовые оркестры, здания украшались гирляндами из растений и лент, устанавливались транспаранты. Вечером организовывались бесплатные концерты и киносеансы. В парках обычно проходили народные гуляния с танцами, песнями, аттракционами и т. д. Новые понятия в этот период причудливо сочетались с вековыми традициями [13, с. 13].

Однако необходимо отметить, что, несмотря на принятый правительством РСФСР в 1918 г. Кодекс законов о труде, в котором праздничными выходными днями считались только революционные торжества, в первые годы советской власти нерабочими днями были и дни религиозных праздников. Данная тенденция хорошо прослеживается во Владимирской губернии. Это обстоятельство свидетельствовало, во-первых, о том, что на территории региона православие играло важную роль в жизни крестьян и рабочих; во-вторых – о том, что новая большевистская власть, не признающая религии как таковой, в первые послереволюционные годы шла на компромисс с религиозным населением.

В этот период в прессе часто появлялись статьи и разного рода заметки, критикующие «контрреволюционные церковные праздники», и тех, кто продолжает «справлять празднички». Так, в заметке «Аким и Анна» сообщалось о том, что в Гусь-Хрустальном на общем собрании рабочих текстильных предприятий 18 сентября рабочие постановили: «21 и 22 сентября, в дни Рождества Богородицы и Акима и Анны, праздновать и просить правление комбината удовлетворить просьбу рабочих. Если же со стороны правления в этом будет отказано, все эти дни не работать». Губотделом Союза текстильщиков была послана телеграмма с категорическим требованием приступить к работе. Но «20 вечером получен ответ: работы 21 и 22 на фабриках не будет» [2]. Другой пример: в газете «Призыв» от 6 января 1924 г. было опубликовано такое объявление: «7 января – день рабочий! Ввиду циркулирующих слухов о перенесении на 7-е января празднования “КРЕЩЕНИЯ” (так в оригинале. – *О. К.*), совпадающего в текущем году с днем воскресным (6 января) Влад. ГОТ доводит до всеобщего сведения, что понедельник 7-го января – день рабочий» [1].

В заметке «Из-за праздников», напечатанной в газете «Призыв» от 11 июля 1924 г., говорилось о том, что на Первомайской фабрике понизилась выработка в связи с празднованием рабочими религиозных праздников [7]. Видимо, рабочие понизили производственные темпы в период пятидесятницы от Пасхи до Троицы.

Критикуя религиозные праздники, власть пыталась привить уважение к праздникам революционным. Так, в газете «Призыв» от 15 февраля 1924 г. была напечатана статья о судебном процессе над священником из Судогодского уезда по фамилии Чурсаев, который нанял прислугу. Один из вопросов, которые ему задавали на суде, касался того, почему он заставлял прислугу работать в революционные праздники [18].

Автор статьи «О праздниках в деревне» в газете «Призыв» от 5 июня 1925 г. сетовал на то, что в деревнях Владимирской губернии существует огромное различие в праздновании революционных и церковных праздников: «Взять хотя бы праздник 1-е мая. Этот праздник имеет громадное значение не только для одних рабочих, но и для крестьян. А как крестьянство проводит его? Как и всякие другие будничные дни <…> А приходит церковный праздник – вся деревня оживает, чистится, прибирается. Работать вряд ли кто из крестьян пойдет, а большинство тащатся в церковь» [11].

Тема трансформации календаря и повседневной обрядности занимала советских чиновников вплоть до конца 1920-х гг. Об этом красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что «особый день отдыха» – Вознесение, судя по данным, имею-

щимся в архивах, был упразднен только в 1928 г. «в связи с установлением празднования дня 2-го мая» [5, ф. 3316, оп. 21, д. 532, л. 1–73].

Второе направление процесса внедрения советской обрядности проявилось в усилении антирелигиозной линии правящей партии. Руководители РКП(б) крайне негативно относились к религиозным праздникам. Согласно идеологии большевизма такие праздники должны были уйти из жизни советских людей как пережиток прошлого. Однако опасаясь открыто выступать против религиозной обрядности, большевики стремились переключить внимание народа с церковных обрядов на гражданские шествия и празднования. Эту цель преследовала организация на территории всей республики таких мероприятий, как Комсомольское Рождество, Комсомольская Пасха, Комсомольская Троица и даже Комсомольский Иван Купала [10]. Так, в конце 1922 г. на заседании Антирелигиозной комиссии (далее: АРК) было принято решение о проведении Рождества по-комсомольски [14, с. 14]. Специально созданным во многих городах комиссиям по проведению антирелигиозных рождественских мероприятий пришлось приложить немало усилий, чтобы подготовить население. В первую очередь использовали местную печать, пытавшуюся мобилизовать общественное мнение в пользу нового праздника.

После проведения Рождества по-комсомольски во Владимирской губернии газеты еще примерно месяц публиковали впечатления участников. Описывались мероприятия в Коврове, Суздале, Собинке, прошедшие «с музыкой, факелами и чучелом бога». Успешный опыт проведения Рождества стимулировал проведение Комсомольской Пасхи, которая также прошла широко и зрелищно.

В 1923 г. традиция проведения Комсомольского Рождества была продолжена, но претерпела некоторые изменения. Если в 1922 г. организаторами была сделана ставка на новизну и увлекательность праздника, то в 1923 г. было заявлено о переходе к углубленной научно-антирелигиозной пропаганде. В местной прессе еще в начале декабря 1923 г. появилась рубрика «К Комсомольскому Рождеству», и чем ближе была эта дата, тем больше тематических публикаций появлялось в печати, в качестве примера можно назвать такие статьи, как: «Почему рождество празднуют 25 декабря», «Рождество, Святцы и Конституция» или «Рождество и безбожники». «В соответствии с новыми установками в проведении праздника были полностью отменены карнавальные шествия, а основные мероприятия были перенесены на территории рабочих клубов в форме естественно-научных лекций», – писали корреспонденты газеты «Призыв» [8].

Весной-летом 1923 г. наметились тенденции к корректировке отношений Советского государства и церкви. В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) признал: «Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [9, с. 115].

В преддверии Пасхи 1923 г. ЦК РКП(б) была принята инструкция «Об антирелигиозной кампании во время пасхи», в которой предписывалось «перенести центр тяжести на научное объяснение происхождения религиозных праздников». Необходимость такого подхода была обусловлена рядом обстоятельств. В частности, об этом свидетельствует письмо от крестьянина из Владимирской губернии Молотову с просьбой «как-то сдеть (так в оригинале. – *О. К.*) так, чтобы молодежь (комсомольцы, допризывники), хоть немного считались с авторитетом старших и не “крыла их матом” по всякому поводу, а особенно не осмеивала верующих» [16, ф. 17, оп. 84, д. 825, л. 228].

В 1924 г. на местах еще разрешалось проявлять инициативу в антирелигиозной пропаганде с учетом региональной специфики. Однако постепенно «антирелигиозный фронт» был унифицирован. Центральный Комитет комсомола ориентировал местные комитеты планировать только то, что выполнимо. Перегибами он называл планирование пропаганды во все религиозные праздники, вплоть до Рождества Богородицы [17, с. 87].

Да и само словосочетание «комсомольская Пасха/Рождество» все реже стали встречаться в периодической печати. В частности, на заседании АРК они именовались как «комсомольская кампания в связи с рождеством».

Комсомольскую Пасху 1924 г. пытались провести под лозунгом борьбы за новый быт и ликбез. Именно борьба за новый быт стала еще одним направлением внедрения атеизма в массы.

С появлением самой идеи нового быта, т. е. процессов по вытеснению церковных обрядов новыми, советскими, обрядами, в местной прессе началась его активная пропаганда. Поддерживаемые центральной властью гражданские ритуалы внедрялись повсеместно. Можно смело утверждать, что октябрины вместо крестин, «красные» свадьбы и гражданские похороны даже в провинции становились массовым явлением с начала 1924 г.

Периодическая печать Владимирской губернии за 1924 г. пестрит сообщениями о проведении новых обрядов. С одинаковой периодичностью описываются все направления «нового быта».

Самое популярное – это коммунистические, или пролетарские, крестины, октябрины, «красные» октябрины, далее – «красные», или комсомольские, свадьбы.

Параллельно с попытками насаждения новой семейной обрядности велась яростная борьба против церковного обряда бракосочетания. В заметке «Перестарались», опубликованной в газете «Призыв» от 5 июля 1924 г., описывался курьезный случай, когда в городе Меленки расклеили лозунги: «Долой позорный калым – приданое», «Женщина востока в международный день – смелее в ряды трудящихся» [12]. При этом корреспондент иронизировал: «Плакаты печатать к революционным праздникам хорошо, только надо знать, что печатать, – откуда в Меленках взялись женщины во-

стока, и знают ли меленковские работницы, что такое калым?».

Параллельно предлагались новые правила регистрации брака. Изданная в 1922 г. брошюра «Принципы регистрации населения» содержит следующее напоминание: «Надписи духовных лиц на официальных документах о совершении тех или иных обрядах лишены всякого юридического значения и даже могут повлечь за собой предание автора такой надписи суду» [4, с. 34].

В дополнение к «красным» свадьбам организовывались «красные» похороны. Партийные активисты поначалу не стремились к экспансии данной практики за пределы своей узкой группы. Однако удачной «рекламой» гражданских похорон стала смерть вождя в январе 1924 г. (примечательно, что описанию этого трагического события было посвящено более десяти номеров газеты «Призыв», а скорбные манифесты не обходились без, по сути, христианского пожелания «вечной памяти» и слова «панихида»). После этого «красные» похороны вводятся повсеместно. Вместо панихиды – музыкальное сопровождение похорон, начинавшееся с траурного марша Ф. Шопена и завершавшееся исполнением Государственного гимна СССР [19]. На могилах вместо крестов ставились увенчанные красными звездами обелиски.

Несмотря на то, что сценарий нового быта был призван не просто заменить старые традиции, но и дискредитировать их, форма, структура и направленность «красной» обрядности полностью копировала религиозные традиции [3, с. 169].

Итак, с принятием декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» начался процесс создания нового календаря, включавший в себя популяризацию советских праздничных дат, дискредитацию церковных праздников и ритуалов. Религиозные институты лишались контроля за регистраций актов рождения, смерти, бракосочетания. В то же время власти понимали, что гражданам необходимо предложить что-то взамен. В этом отношении 20-е гг. XX в. стали уникальным периодом поиска решений для внедрения атеистических традиций. Результатом масштабной агитационно-пропагандистской работы, проведенной властью, стало то, что к концу 1920-х гг. новому календарю и новым обрядам была обеспечена не только легитимность, но и поддержка значительной части населения Владимирской губернии.

Библиографический список

1. 7 января – день рабочий! // Призыв. – 1924. – 6 янв.
2. Аким и Анна // Призыв. – 1922. – 26 сент.
3. *Бондаренко Е. Д.* Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией / Е. Д. Бондаренко // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 166–171.
4. *Блюменфельд Р. И.* Принципы регистрации населения (акты гражданского состояния) / Р. И. Блюменфельд. – Москва : Ред.-изд. секция Нар. Комиссариата Внутр. Дел, 1922. – 80 с.
5. Государственный архив Российской Федерации : [сайт]. – URL: statearchive.ru/index.html (дата обращения: 12.05.2019).
6. Декреты советской власти : сб. док. : в 18 т. – Москва : Политиздат, 1957. – Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 371–374.
7. Из-за праздников // Призыв. – 1924. – 11 июля.
8. Как рабочие проводили рождество // Призыв. – 1924. – 4 янв.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. – Москва : Госполитиздат, 1983. – Т. 3. – 494 с.
10. К празднику Ивана Купалы // Призыв. – 1924. – 21 июня.
11. О праздниках в деревне // Призыв. – 1925. – 5 июня.
12. Перестарались // Призыв. – 1924. – 5 июля.
13. Подлинная история РСДРП–РКПб–ВКПб. Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций / В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 327 с. – ISBN 978-5-49807-254-8.
14. Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (Антирелигиозной комиссии) 1922–1929 гг. – Москва : ПСТГУ, 2014. – 381 с. – ISBN 978-5-7429-0856-2.
15. Революционный календарь Владимирской губернии // Призыв. – 1923. – 25 авг.

References

1. January 7 is a Working Day! *Prizy'v.* 1924. Jan. 6.
2. Akim and Anna. *Prizy'v.* 1922. Sept. 26.
3. *Bondarenko E. D.* Soviet Scripts for the Name: the Dialogue with the Tradition. *Politicheskaya Lingvistika.* 2013. No. 4. P. 166–171.
4. *Blyumenfel'd R. I.* The Principles of Population Registration (Acts of Civil Status). Moscow, Redakcionno-izdatel'skaya Sekciya Narodnogo Komissariata Vnutrennikh Del, 1922. 80 p.
5. State Archive of the Russian Federation. Website. URL: statearchive.ru/index.html (date of the application: 12.05.2019).
6. Decrees of the Soviet Government. In 18 vol. Vol. 1. Moscow, Politizdat, 1957. P. 371–374.
7. Due to the Holidays. *Prizy'v.* 1924. July 11.
8. How Workers Spent Christmas. *Prizy'v.* 1924. Jan. 4.
9. The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. In 16 vol. Vol. 3. Moscow, Gospolitizdat, 1983. 494 p.
10. To the Holiday of Ivan Kupala. *Prizy'v.* 1924. June 21.
11. About Holidays in the Country. *Prizy'v.* 1925. June 5.
12. Overdone. *Prizy'v.* 1924. July 5.
13. *Izmozik V., Starkov B., Pavlov B., Rudnik S.* The True History of the RSDLP–RKPb–VKPb. Short Course. Without Defaults and Falsifications. Saint- Petersburg, Piter, 2009. 327 p. ISBN 978-5-49807-254-8.
14. The Minutes of the Commission for the Separation of the Church from the State under the Central Committee of the RCP(b) (Anti-religious Commission) 1922–1929. Moscow, PSTGU, 2014. 381 p. ISBN 978-5-7429-0856-2.
15. The Revolutionary Calendar of the Vladimir Province. *Prizy'v.* 1923. Aug. 25.

16. Российский государственный архив социально-политической истории : [сайт]. – URL: rgaspi.su (дата обращения: 15.05.2019).
17. *Слезин А. А.* Антирелигиозные праздники 1920-х гг. / А. А. Слезин // Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 82–91.
18. Суд (старые замашки) // Призыв. – 1924. – 15 февр.
19. Хороним по-граждански // Призыв. – 1924. – 22 янв.

16. Russian State Archive of Socio-Political History. Website. URL: rgaspi.su (date of the application: 15.05.2019).
17. *Slezin A. A.* Anti-religious Holidays of the 1920s. *Voprosy' Istorii.* 2010. No. 12. P. 82–91.
18. Court (Old Manners). *Prizy'v.* 1924. Febr. 15.
19. We Bury in a Civilian Way. *Prizy'v.* 1924. Jan. 22.

Библиографическое описание статьи
Калюжная О. В. Процесс создания нового государственного календаря и внедрения советской обрядности во Владимирской губернии в 20-е гг. XX в. (по материалам прессы) / О. В. Калюжная // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 162–166.

УДК 342.516

Каляшин Андрей Владимирович,
заместитель начальника кафедры управления и административно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: cav71@list.ru

Зарипов Ренат Равильевич,
начальник кафедры управления и административно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат экономических наук
E-mail: rrzar33@mail.ru

Kalyashin Andrej V.,
Deputy Head of Management and Administrative and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Zaripov Renat R.,
Head of Management and Administrative and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Economics)

ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ ЗА ОКОНЧАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Records of Achievement for Graduation from Organizations of Higher Education: Historical and Legal Research

Аннотация. В статье рассматривается развитие системы знаков отличия (нагрудных знаков) за окончание образовательных организаций высшего образования в дореволюционный, советский и современный периоды. В работе проведен анализ утративших юридическую силу, действующих и предлагаемых к принятию нормативных правовых актов, утверждающих положения о данных знаках отличия, их описания и рисунки. На основе исследования сделаны обобщающие выводы, с предложением подготовки и введения в действие нормативного правового акта, учреждающего единые знаки отличия за окончание образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование; образовательная организация; окончание; знак отличия; положение; описание; рисунок.

Abstract. The article deals with the development of the system of records of achievement (lapel pins) for graduation from organizations of higher education in the pre-revolutionary, Soviet and contemporary periods. The analysis of the normative legal reports that lost their juridical force is carried out as well as active and proposed ones which confirm the state of these records of achievement, their descriptions and drawings. On the bases of the study some generalizations are made, which offer working up and putting in force of the normative legal act which confirms the united records of achievements for graduation of organizations of higher education.

Key words: higher education; educational organization; graduation; record of achievement; position; description; drawing.

В России исторически формировалась потребность в награждении отдельных членов коллектива знаками отличия в целях обозначения их заслуг за достижения в различных сферах деятельности. Область образования не являлась исключением. В ней традиционно сложилось правило выдачи знаков отличия (нагрудных знаков) за окончание образовательной организации установленного образца (далее: знаки отличия).

Знаки отличия в России появились в XIX в. 30 декабря 1889 г. для лиц, окончивших курс императорских российских университетов, был утвержден золотой или серебряный позолоченный жетон. Жетон выдавался на чье-либо имя, при этом на его оборотной стороне указывались год окончания курса и фамилия получившего. Прообразом современных знаков отличия стал впоследствии учрежденный 11 июля 1899 г. образец знака для лиц, окончивших курс немедицинских факультетов. Знак представлял собой вытянутый по вертикали прорезной металлический ромб (либо золотой, либо серебряный, либо бронзовый позолоченный – в зависимости от финансового состояния получающего). Ромб покрывался белой эмалью, с наложенным на него покрытым синей эмалью крестом и увенчанный позолоченным изображением российского орла, чуть ниже которого находился лавровый венок [3, с. 71]. Право ношения одинаковых для немедицинских факультетов знаков отличия об окончании императорских университетов распространялось на выпускников Московского, Санкт-Петербургского и других университетов [4].

В период существования СССР выпускники высших и средних учебных заведений обязательно получали по окончании учебы единые по форме нагрудные академические знаки согласно Закону РСФСР от 2 августа 1974 г. «О народном образовании»[1]. Действовавший в тот отрезок времени приказ Минвуза СССР от 8 апреля 1961 г. № 123 «О введении нагрудных академических знаков для окончивших советские высшие учебные за-

© Каляшин А. В., Зарипов Р. Р., 2019

[1] Документ утратил силу с 1 сентября 2013 г. в связи с принятием Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

ведения»[1] вводил описание нагрудных знаков и положение о них для лиц, окончивших высшие учебные заведения. У выпускников вузов нагрудный академический знак имел форму ромба, а у окончивших средние учебные заведения знак был шестиугольным («поплавок»). В зависимости от направления вуза (технический, медицинский, гуманитарный и т. д.) цвет фона ромба, а также символы на нем отличались. Для гуманитарных вузов (экономические, юридические, физкультурные и др.), например, был учрежден светло-синий ромбовидный академический знак с белым кантом. На нем были изображены советский герб, а под ним – раскрытая книга.

Наряду со светло-синим ромбовидным академическим знаком с белым кантом, в юридических вузах отдельных ведомств, связанных с правоохранительной деятельностью, вручались знаки отличия об окончании в виде ромба с красным фоном. В качестве примера можно привести выдачу нагрудных знаков лицам, окончившим высшие учебные заведения МВД СССР. Согласно описанию, представленному в прил. № 2 к приказу МВД СССР от 26 июля 1978 г. № 205 «О нагрудных знаках для окончивших высшие и средние специальные учебные заведения МВД СССР»[2], знак отличия представлял собой слегка выпуклый ромб. Знак покрывался темно-красной (краповой) эмалью, был окаймлен анодированной (золотистого цвета) полоской с бортиками. В центре знака на фоне эмали помещалось накладное золотистого цвета изображение Государственного герба Советского Союза.

После утраты приказом Минвуза СССР от 8 апреля 1961 г. № 123 юридической силы, новый нормативный правовой акт введен в действие не был. В связи с этим сегодня в основном используются правила оформления отличительных знаков по советскому принципу, но с современной государственной символикой. В качестве примера рассмотрим нагрудные знаки ромбовидной формы за окончание образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования МВД России, утвержденные приказом МВД России от 28 марта 1998 г. № 232 «Об утверждении нагрудных знаков об окончании образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования МВД России». В соответствии с описанием ромб окантован золотистым цветом. Внутри окантовки – поле крапового цвета, а на поле изображен Государственный герб Российской Федерации золотистого цвета. Ниже герба отображена единая эмблема МВД России золотистого цвета. Поле щита эмблемы покрыто эмалью белого, синего и красного цветов.

В ходе проведенного анализа мы выявили, что имеет место исключение из сложившихся правил оформления знаков отличия в форме ромба за окончание образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, ранее осуществлявших подготовку специалистов для уголовно-исполнительной системы, о чем свидетельствует приказ Минюста России от 5 июля 2002 г. № 190 «Об учреждении знаков отличия за окончание образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Министерства юстиции Российской Федерации, ведущих подготовку специалистов для уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации»[3], а также Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России).

В частности, в 2006 г. федеральным органом уголовно-исполнительной системы в соответствии с приказом ФСИН России от 31 июля № 514 «Об учреждении знаков отличия за окончание федеральных государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний» учреждены знаки отличия за окончание федеральных государственных образовательных учреждений среднего, высшего профессионального образования по программам среднего и высшего профессионального образования. Документом равным образом утверждены Инструкция о порядке выдачи и ношения знаков отличия за окончание федеральных государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования ФСИН России, а также описание знаков и их рисунки.

Согласно описанию знак отличия за окончание, например, федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» по программе высшего профессионального образования представляет собой венок овальной формы из лавровой и дубовой ветвей, в нижней части перевязанный лентой. На верхнюю часть венка наложена главная фигура Государственного герба Российской Федерации. Под главной фигурой Государственного герба Российской Федерации помещены рельефные буквы «ВЮИ». Ниже букв в одну строку размещена рельефная надпись «ФСИН России». На нижнюю часть венка наложена малая эмблема ФСИН России.

Отличительной чертой, характеризующей знак отличия об окончании конкретной образовательной организации ФСИН России, являются помещенные на нем, под главной фигурой Государственного герба Российской Федерации, рельефных букв (аббревиатур) образовательных организаций: «АПУ», «ВИПЭ», «ПЮИ» и др.

Исследовательский интерес представляет подготовленный в настоящее время проект нормативного правового акта, которым предлагается учредить новые образцы знаков отличия за окончание образовательных организаций высшего образования ФСИН России в традиционной ромбовидной форме и цветах.

---

[1] Документ утратил силу в связи с изданием приказа Минобрнауки России от 25 мая 2016 г. № 620.

[2] Документ не применяется в системе МВД России в связи с изданием приказа МВД России от 4 ноября 2002 г. № 1080.

[3] Документ утратил силу в связи с изданием приказа Минюста России от 29 сентября 2006 г. № 306.

Дело в том, что в 2018 г. в юридическую силу вступил новый Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"». В рамках реализации ч. 2 ст. 16 этого закона федеральный орган уголовно-исполнительной системы разработал проект приказа ФСИН России «Об учреждении знаков отличия за окончание образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний», в котором заложена идея учреждения специальной формы знака отличия за окончание и за отличное завершение образовательных организаций высшего образования ФСИН России. Кроме того, документом инициировано утверждение Положения о знаках отличия за окончание образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний, об описании знаков и их рисунках.

Согласно описанию знак отличия за окончание образовательных организаций высшего образования ФСИН России будет иметь фигуру ромба. Поле ромба окаймлено полосками шириной 2,5 мм. На верхнюю часть ромба помещено изображение Государственного герба Российской Федерации. В нижней части ромба расположен фигурный щит с изображением столпа Закона. Щит лежит на перекрестье меча и ликторского пучка. Ромб, Государственный герб Российской Федерации, фигурный щит со столпом Закона, перекрещенные меч и ликторский пучок располагаются в разных плоскостях. На поле ромба наносится белая непрозрачная силикатная эмаль, на полоски – синяя прозрачная силикатная эмаль, на поле щита – прозрачная рубиновая органическая эмаль.

Разница в знаках отличия за окончание образовательных организаций высшего образования ФСИН России и за отличное окончание образовательных организаций высшего образования ФСИН России заключается в том, что на полоске поля ромба знака за завершение обучения с отличием наносится не синяя, а рубиновая прозрачная силикатная эмаль (рис. 1, 2).

Рис. 1

Рис. 2

Особое значение придается вручению, расположению и ношению на форменной одежде знаков отличия за окончание образовательной организации в ведомствах, связанных с правоохранительной деятельностью, включая учреждения и органы ФСИН России [2].

Знаки отличия за окончание образовательных организаций ФСИН России, по желанию выпускников, выдаются только курсантам или слушателям, успешно завершившим обучение и имеющим диплом об их окончании. Они вручаются в торжественной обстановке вместе с дипломом об окончании образовательной организации ФСИН России начальником института либо его заместителем.

Ношение одного знака отличия за окончание образовательной организации на форменной одежде сотрудника уголовно-исполнительной службы является обязательным требованием. Согласно приказу Минюста России от 8 ноября 2007 г. № 211 «Об утверждении описания предметов формы одежды сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и правил ее ношения» знак отличия располагается на правой стороне груди форменной одежды, горизонтально от передней части туловища к ее краю.

Наличие знака отличия свидетельствует об окончании сотрудником уголовно-исполнительной системы той или иной образовательной организации, а его цвет позволяет судить о достижениях выпускника в освоении учебных дисциплин.

В заключение остановимся на сложившейся в Российской Федерации практике по изготовлению знаков отличия, возникшей вследствие введения трехуровневого высшего образования (ст. 10 Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). К ранее существующей ступени «специалитет» были добавлены еще две: «бакалавриат» и «магистратура». В связи с этим возникла потребность в изготовлении на заказ некоторыми компаниями знаков отличия «Бакалавр», «Специалист» и «Магистр». Эти знаки отличия свидетельствуют об уровне образования выпускника, не указывая при этом, какую образовательную организацию он закончил.

Кроме того, изготавливаются знаки отличия выпускников конкретной образовательной организации, включающие эмблему (логотип) образовательной организации и буквы «Б», «С» и «М». По буквам можно определить уровень образования выпускника: является ли он бакалавром, специалистом или магистром [1].

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать следующие выводы.

В ходе исторического развития в России сформировалась потребность, а затем было установлено правило выдачи выпускникам знаков отличия за окончание образовательной организации утвержденного образца.

Знаки отличия в России появились в XIX в. и традиционно вручались выпускникам за окончание образовательных организаций в царский, советский и современный периоды.

Знаки отличия в разные исторические периоды имели разную форму: в виде жетона, ромба, а также венка овальной формы.

Во времена существования СССР действовал единый специальный документ, учреждавший единые по форме и цвету нагрудные академические знаки. После того как этот документ утратил юридическую силу, новый нормативный правовой акт в действие введен не был. В связи с этим сегодня знаки отличия выдаются выпускникам образовательных организаций, подведомственных органам государственного управления, где приняты и действуют положения о знаках отличия за окончание образовательных организаций высшего образования, об их описании и рисунках.

Ведомствами установлены правила оформления отличительных знаков в основном по советскому принципу, но с современной государственной символикой.

Исключением из сложившихся правил оформления знаков отличия в виде ромба являются знаки отличия за окончание образовательных учреждений Минюста России, ранее осуществлявших подготовку специалистов для уголовно-исполнительной системы, а также ФСИН России. Знак представляет собой венок овальной формы из лавровой и дубовой ветвей, в нижней части перевязанный лентой.

В настоящее время федеральным органом уголовно-исполнительной системы подготовлен проект нормативного правового акта, которым предлагается учредить знаки отличия за окончание и за отличное окончание образовательных организаций высшего образования ФСИН России.

Введение в России трехуровневой системы образования привело к тому, что возникла потребность в изготовлении на заказ знаков отличия «Бакалавр», «Специалист» и «Магистр».

Принимая во внимание все вышеизложенное, нам видится верной идея о разработке и введении в действие нормативного правового акта, учреждающего общие для всех государственных образовательных организаций по форме и цветам знаки отличия за окончание образовательных организаций высшего образования и учитывающего существующую в стране трехуровневую систему образования. Введение такого акта будет способствовать развитию в России единой системы официальных символов, а именно, отличительных знаков за окончание образовательных организаций высшего образования.

Библиографический список

1. Медали и значки // Компания «Петроглиф» : [сайт]. – URL: https://ptrg.ru/medal/index.php?option=com_content&view=article&id=154&Itemid=27 (дата обращения: 20.04.2019).

2. *Костылев А. О.* Наградные и должностные знаки в системе МВД России // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 8. – С. 40–43.

3. *Стацура А. Г.* Фалеристика в системе образования: академические нагрудные знаки / А. Г. Стацура // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 1(3). – С. 69–74.

4. *Тренихин М.* Знак за окончание Императорского университета фирмы Карла Фаберже / М. Тренихин // Коллекция : электрон. журн. – URL: https://clubic.ru/?p=2016. – Дата публикации: 08.02.2017.

References

1. Medals and Badges. *Company «Petroglif»*. Website. URL: https://ptrg.ru/medal/index.php?option=com_content&view=article&id=154&Itemid=27 (date of the application: 20.04.2019).

2. *Kosty'lev A. O.* Award and Official Marks in the System of the MIA of Russia. *Administrativnoe i Municipal'noe Pravo*. 2008. No. 8. P. 40–43.

3. *Staczura A. G.* Phaleristism in the Educational System: Academic Breastplates. *Istoricheskaya i Social'no-obrazovatel'naya My'sl'*. 2010. No. 1(3). P. 69–74.

4. *Trenikhin M.* A Badge of Graduation from the Imperial University of Karl Faberge's Company. *Kollekciya*. URL: https://clubic.ru/?p=2016. Publication date: 08.02.2017

Библиографическое описание статьи

Каляшин А. В. Знаки отличия за окончание образовательных организаций высшего образования: историко-правовое исследование / А. В. Каляшин, Р. Р. Зарипов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 167–170.

УДК 342.72/.73(09)

Мун Виктория Анатольевна,
преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
E-mail: mun-va@vlgr.ranepa.ru

Mun Viktoriya A.,
Lecturer of Theory and History of Law and State Department of the Volgograd Institute of Management, Branch RANEPA

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

The Legal Framework of the Factory Inspection in the Field of Protection of Motherhood and Childhood in Russia in the Middle of the XIX – Early XX Centuries

Аннотация. Статья посвящена деятельности фабричной инспекции, направленная на защиту интересов трудящихся женщин и детей. Отмечаются положительные результаты этой деятельности; исследуются обстоятельства, препятствующие более эффективной деятельности фабричных инспекторов в области охраны материнства и детства; анализируются причины, затруднявшие формирование в России специальных органов надзора за соблюдением законодательства о женском и детском труде, таких как женская фабричная инспекция, а также институт фабричных врачей, успешно функционировавший в странах Западной Европы.

Ключевые слова: фабричная инспекция; охрана материнства; охрана детства; женский фабричный надзор; фабричные врачи.

Abstract. The article is devoted to the activities of factory inspection, aimed at protecting the interests of working women and children. The positive results of this activity are noted; investigates the circumstances that impede the more efficient operation of factory inspectors in the field of maternal and child health; It analyzes the reasons that made it difficult for Russia to form special bodies for supervising the observance of legislation on female and child labor, such as the women's factory inspectorate, as well as the institute of factory doctors, successfully operating in Western Europe.

Key words: factory inspection; maternity protection; child care; female factory supervision; factory doctors.

Проблемы защиты интересов женщин и детей в сфере труда остаются актуальными во все времена. Широкое вовлечение указанной категории рабочих в сферу труда требует вместе с тем ответственного отношения со стороны государства к обеспечению охраны их прав как наиболее слабой составляющей экономических отношений, а также наиболее нуждающихся в государственной защите.

Опыт издания законов в России в сфере труда, контроль за исполнением которых возлагался на самих фабрикантов и мировых судей, свидетельствовал о том, что реальное применение фабричных законов было возможно только при наличии специального контролирующего органа. Так, в 1882 г. в России была учреждена фабричная инспекция.

Законом от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» (далее: Закон 1882 г.) на инспекторов возлагались обязанности по наблюдению за исполнением законов о малолетних детях, занятых трудом, составлению протоколов в случае обнаружения нарушений, а также поддержанию в суде обвинения в отношении фабрикантов и заводчиков.

В связи с тем, что Закон 1882 г. в части образования малолетних и подростков, занятых на фабриках, заводах и в других промышленных заведениях, и ограничения работы детей вступал в силу только с 1 мая 1883 г., а должности фабричных инспекторов подлежали замещению уже с 1 июля 1882 г., задача первых инспекторов была определена в циркулярном распоряжении главного инспектора 1882 г. и заключалась в ознакомлении с промышленным производством и исследовании положения работающих детей [2, с. 22].

Законом от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» к полномочиям фабричной инспекции дополнительно были отнесены обязанности по учреждению школ для малолетних рабочих на фабриках и заводах.

В конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. участились массовые забастовки рабочих, нередко сопровождавшиеся погромами фабрик. Стачки грозили принять размеры серьезных волнений и происходили главным образом вследствие отсутствия в законодательстве общих постановлений, на основании которых могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Указанные обстоятельства стали поводом для издания 3 июня 1886 г. закона «По проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции», определявшего условия и порядок найма рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры. Последняя часть закона представляла собой Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих.

© Мун В. А., 2019

Согласно этим Правилам полномочия фабричной инспекции были расширены и теперь, помимо обязанностей по надзору за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих, на инспекторов возлагались обязанности, связанные с предупреждением споров и несогласий между фабрикантами и рабочими (п. 7).

В целом, анализируя отчеты фабричных инспекторов, можно выделить следующие положительные результаты их деятельности в сфере охраны материнства и детства.

Во-первых, до введения Закона 1882 г. администрация заведений часто не знала ни числа малолетних рабочих на производстве, ни подробностей их работы и получаемого вознаграждения. Так, фабричный инспектор Харьковского округа указывал, что «нередко на всем папиросном отделении хозяин знал только одного старшего папиросника, который уже от себя нанимал целую группу малолетних мальчиков и девочек» [9, с. 55].

В циркуляре главного инспектора от 17 сентября 1882 г. указывалось, что инспекторам предстояло собрать сведения «о возрасте, в котором дети поступали на работу, об их заработке, о степени утомительности для них работы, о том, кем производился наем этих малолетних и на каких условиях» [8, с. II]. Отчеты инспекторов согласно данному циркуляру содержали сведения о количестве малолетних детей, занятых на производствах и их возрасте; о видах производств, на которых применялась ночная работа малолетних рабочих; о тех отраслях, которые приносили наибольший вред здоровью детей и подростков, а также о сверхурочных работах детей и женщин.

Так, выяснилось, что применение труда детей на фабриках и заводах осуществлялось уже с 10 лет. Инспектором И. И. Янжулом в 1882–1883 гг. среди фабрик и заводов Московской губернии были выделены 24 группы производств, на которых особой популярностью пользовался детский труд. В частности, к ним относились: рогожные фабрики, стеклянные заводы, обойные фабрики, табачные фабрики и др. Больше всего малолетних в возрасте до 10 лет было занято на рогожных фабриках – 8,6 % к общему числу рабочих на этих производствах, на обойных фабриках был наиболее высокий процент малолетних в возрасте от 10 до 12 лет – 12,6 % и малолетних в возрасте от 12 до 15 лет – 20,2 % [8, с. 15].

В 1885 г. общее количество промышленных заведений, о которых инспекцией были собраны точные и полные сведения, составляло 4 264, в которых работало женщин 31,41 %, малолетних 5,53 %. Среди фабрик и заводов всех фабричных округов наибольшее распространение женского и детского труда наблюдалось на производствах: по обработке волокнистых веществ (женщин – 40,13 %, малолетних – 5,13 %), по обработке пищевых и вкусовых веществ (женщин – 27,35 %, малолетних – 5,54 %), по обработке дерева (женщин – 25,25 %, малолетних – 4,65 %) [3, с. 34, 35].

Во-вторых, из отчетов фабричных инспекторов стали известны санитарно-гигиенические условия работы и жилья малолетних детей и женщин с детьми, а также беременных женщин.

Можно выделить следующие характерные черты санитарно-гигиенических условий жилья малолетних детей и женщин с детьми, а также беременных женщин на фабриках и заводах:

1) общим правилом являлось отсутствие отдельных спальных помещений для малолетних рабочих. Во многих промышленных заведениях «не делалось ничего для разделения рабочих всякого возраста и даже пола друг от друга; и весьма нередко малолетние и взрослые, женатые и холостые, девочки и мальчики спали вместе на нарах одной и той же комнаты без всяких разделений» [8, с. 34];

2) на многих фабриках было заведено, ввиду отсутствия спален вообще, ночевать в мастерских и рабочих помещениях при неблагоприятных для здоровья условиях;

3) матерям-работницам с грудными и вообще маленькими детьми предоставлялось отдельное помещение или «особая казарма» [9, с. 118];

4) общее состояние жилых помещений оценивалось инспекторами в целом неудовлетворительно. «Переполненность, нечистоплотность и отсутствие необходимой вентиляции воздуха» составляли обыденное описание большинства фабрик [2, с. 41].

Собранные инспекторами сведения об обстановке фабричных помещений, о том, в каких условиях приходилось трудиться и жить малолетним детям и женщинам, позволили им сделать следующие выводы:

1) дети нуждались в особенной охране, поскольку утомление от продолжительной работы во вредных условиях труда негативно сказывалось на их умственном и физическом развитии;

2) важным фактором в физическом здоровье детей была забота о здоровье женщин. С этой точки зрения фабричными инспекторами было обращено внимание на значимость материнского ухода за грудными детьми, необходимость в создании на фабриках и заводах условий для грудного вскармливания младенцев, ограждении беременных женщин от работы с ядовитыми и вредными веществами, такими как ртуть, свинец, мышьяк, фосфор и др. [6, с. 212, 213].

В-третьих, сведения, собранные фабричными инспекторами по вопросу о получении малолетними рабочими школьного образования, позволили выявить существовавшие на фабриках и заводах проблемы, препятствовавшие обучению детей.

Среди проблем, связанных с получением малолетними рабочими школьного образования, фабричные инспекторы выделяли следующие:

1) запрет хозяев промышленных предприятий на посещение школ детьми, занятыми трудом;

2) отсутствие школ на фабриках или переполненность городских школ, что препятствовало удовлетворению потребности в обучении всего количества малолетних рабочих;

3) негативное влияние продолжительности работы детей на их успеваемость, в связи с чем, даже

при посещении на протяжении нескольких лет школы, дети не могли усвоить и окончить учебный курс. Так, в Московском округе «с фабрики Бостанджогло – 200 малолетних посещало несколько лет городские школы, с фабрики Шрадера – до 100 детей, с фабрики Цинделя – 176 учеников», однако среди указанных учащихся только двое малолетних получили свидетельства об окончании школьного курса, остальные сначала пропускали занятия, затем вовсе покидали училище. При этом у всех детей, посещавших школу, отмечались вялость, сонливость на занятиях, слабое физическое состояние [8, с. 22].

В-четвертых, отдельное внимание инспекторами уделялось вопросам оказания врачебной помощи беременным женщинам, устройства родильных приютов, наличия условий для работающих женщин с грудными детьми.

Закон от 26 августа 1866 г. «Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных помещений» возлагал обязанность на хозяев фабрик и заводов, расположенных в Московской губернии, устроить больничное помещение и оказывать бесплатную медицинскую помощь при наличии тысячи рабочих на 10 кроватей, свыше тысячи – на 15 и более кроватей, ниже тысячи – на 5 и более кроватей. Несмотря на то, что с 1867 г. указанный закон распространил свое действие на всю территорию России, однако на практике оказалось, что его исполнение не осуществлялось в полной мере. Кроме того, инспекторами было выявлено, что помощь беременным женщинам-работницам оказывалась в лучшем случае акушеркой на дому или вовсе не предусматривалась помощь роженицам. Там, где не было никаких больничных помещений, рабочих в случае заболевания, а также женщин на поздних сроках беременности или рассчитывали, или отправляли в городские и земские сельские лечебницы.

Однако отчеты инспекторов содержали и положительный опыт устройства родильных приютов при фабриках. Так, в Московском округе на фабрике Третьяковых в Серпухове был устроен родильный приют, состоящий из двух палат и одной родильной комнаты. В 1881 г. в приюте было 83 случая родов, в 1882 г. – 100, в 1883 г. до 15 июля – 56 [8, с. 32].

Из осмотренных фабричных заведений во Владимирской губернии только при 32 существовали помещения с койками на случай болезни рабочих. В основном эти помещения представляли собой приемные покои, состоящие из одной или двух комнат, в которых оказывали помощь приходящим больным. По уровню развития медицинской помощи Никольская мануфактура Саввы Морозова-сына и Ко во Владимирской губернии представляла собой единственное благоустроенное учреждение. Здесь имелась больница на 200 кроватей с родовспомогательным отделением, приютом и колыбельной. В родовспомогательном отделении работали доктор и две акушерки, которые оказывали помощь беременным женщинам как в больнице, так и на дому. Всего в 1882 г. в родовспомогательном отделении было 143 роженицы, кроме того, была оказана помощь на дому 831 роженице [5, с. 115, 116].

В-пятых, благодаря работе фабричных инспекторов, их ответственному отношению к делу защиты трудящихся женщин и детей, законы и административные постановления, регулирующие труд этих групп рабочих, стали применяться в жизни.

Сами фабриканты полагали, что принятые законы, ограничивающие труд женщин и детей, не будут применяться на практике. По наблюдениям инспекторов, ни на одной фабрике не пришлось встретить сознательного применения закона о малолетних рабочих до прибытия кого-либо из членов инспекции. При первых посещениях инспекторам приходилось разъяснять закон и потом уже требовать его применения.

Многие фабриканты и заводчики, вследствие личных советов фабричных инспекторов на своих производствах провели серьезную работу, касающуюся преимущественно соблюдения норм безопасности и санитарной гигиены (улучшили ограждение подъемных машин, установили вентиляционные приспособления в мастерских, казармах, оградили паровые машины, обустроили столовые и кухни для принятия пищи рабочими, организовали врачебную помощь, открыли фабричные школы для малолетних рабочих).

Вместе с тем на фоне указанных положительных изменений условий труда сами рабочие стали обращаться к инспекторам с жалобами, личными прошениями. В своих заявлениях они указывали на то, что наслышаны о «гуманной отзывчивости инспекторов к нуждам рабочих» [10, ф. 1229, оп. 1, д. 526, л. 132], «строгости к закону и справедливости инспекторов» [Там же, д. 853, л. 51а], «видят в инспекторах последнюю надежду разрешения бедственного положения рабочих» [Там же, д. 526, л. 133], «надеются на инспектора, который может вступиться за рабочих и наказать законом предпринимателя» [Там же, д. 853, л. 28].

Несмотря на положительные результаты деятельности фабричных инспекторов, существовали проблемы, препятствовавшие их наиболее эффективной работе.

Так, вплоть до конца XIX в. несоизмеримое количество инспекторов по сравнению с числом фабрик, заводов и мануфактур, подлежащих надзору, приводило к тому, что около ¾ всех промышленных заведений оставалось не осмотренными инспекторами. В среднем на фабричный округ в России приходилось около 2 500 заведений. Для сравнения: в Англии на фабричный округ приходилось не более 1 000 – 1 500 заведений. В то же время, например, площадь Харьковского фабричного округа составляла почти 400 тыс. квадратных километров, т. е. это было пространство, превосходящее по своим размерам Великобританию и такие государства, как: Швеция, Нидерланды, Бельгия, Дания, а также взятые вместе Сербия и Греция. Размеры других округов были еще боль-

ше, и Харьковский округ среди других фабричных округов занимал лишь 5-е место [7, с. 1, 3].

Несмотря на то, что фабричные инспектора наделялись правом составления протоколов о нарушениях постановлений о фабрично-заводском труде с последующей передачей этих протоколов в судебные органы, а также правом обвинения на суде виновных в совершении проступков, реализация данных положений на практике вызывала затруднения. Это было связано прежде всего с законодательными пробелами. В законах, регламентирующих труд детей и женщин, отсутствовали санкции за их нарушения. Так, Законом 1882 г. не устанавливалась мера ответственности в случае нарушения владельцами заводов, фабрик и мануфактур положений о недопущении к работам детей, не достигших 12 лет, несоблюдении режима труда малолетних от 12 до 15 лет. На практике это приводило к тому, что в случае обнаружения нарушения этих положений фабриканты тут же освобождали малолетних детей от работы, не неся при этом юридической ответственности. Только 5 июня 1884 г. были утверждены правила «О взысканиях за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, мануфактурах и в ремесленных заведениях», предусматривающие, что владельцы и управляющие заводами, фабриками и мануфактурами и ремесленными заведениями, виновные в неисполнении законов или предписаний относительно работы малолетних, могли быть подвергнуты аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей.

Принятый 3 июня 1885 г. закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах», запрещавший, начиная с 1 октября 1885 г., ночные работы женщин и подростков, не достигших семнадцатилетнего возраста, на хлопчато-бумажных, полотняных и шерстяных фабриках, не содержал указания на то, что должно считаться ночным временем. В законе также не устанавливались карательные санкции в отношении виновных лиц при его неисполнении. Фактически надзор за применением этого закона был возложен на фабричную инспекцию, которая в то же время не могла в полной мере воздействовать на правонарушителей.

В силу отсутствия в императивном порядке указания об открытии и содержании школ предпринимателями, деятельность фабричных инспекторов в этом вопросе сводилась лишь к наблюдению за исполнением постановлений о занятиях малолетних рабочих и о посещении ими начальных училищ.

Анализ жалоб и заявлений рабочих, поданных на рассмотрение фабричной инспекции Петроградской губернии, позволяет прийти к выводу о том, что прошения женщин-работниц в основном содержали просьбу о выплате им денежных сумм в связи с рождением ребенка [10, ф. 1229, оп. 1, д. 903, л. 7, 14, 39], временной нетрудоспособностью своей или супруга [Там же, л. 4-5, 10, 28], смертью ранее работавшего супруга, при наличии на его иждивении детей [Там же, л. 3, 6, 29, 30, 32, 33, 37].

Важно отметить, что трудящиеся женщины и малолетние дети не жаловались на привлечение их к сверхурочным работам да и вообще на незаконное привлечение к труду. Более того, сами родители в силу экономических обстоятельств были заинтересованы в применении труда их малолетних детей. Так, были случаи, когда у фабричных инспекторов «мужчины или женщины просили разрешения принять на работу малолетних сына или дочь». Практиковалось также уклонение от требований закона путем «заблаговременного удаления из завода» малолетних детей. Кончено, подобные действия совершались по согласованию фабрикантов и рабочих. «Официально малолетние на этих заводах не работали, перед приездом инспектора все дети исчезали из завода и прятались на чердаке, подвалах, разных корзинах и мешках» [1, с. 52].

Таким образом, даже в случаях выявления инспекторами нарушений положений законов владельцами фабрик, заводов и мануфактур, привлечение их к ответственности было сопряжено с определенными трудностями.

Принятые в конце XIX в. законы, регулирующие деятельность фабричной инспекции, привели к тому, что функции инспекторов расширялись и распространялись на новые области промышленного производства, не связанные непосредственно со сферой охраны материнства и детства.

Идея законодательного урегулирования работы малолетних рабочих и создания государственного органа контроля над исполнением соответствующих постановлений была реализована в некоторых европейских странах уже в первой половине XIX в. (Англия, Франция, Пруссия). В таких странах, как Англия, Франция, наряду с институтом фабричных инспекторов, существовал институт фабричных врачей, который являлся ближайшим помощником инспекции в деле сбора санитарного материала и уяснения особенностей санитарного быта рабочих. Кроме того, все высшие должности в английской фабричной инспекции исполнялись преимущественно врачами, а главный фабричный инспектор являлся доктором медицины. В России, начиная с 1894 г., должности фабричных инспекторов замещались лицами, окончившими курс в высших и преимущественно технических учебных заведениях, о чем свидетельствует принятый 14 марта 1894 г. закон «О преобразовании фабричной инспекции и должностей Губернских механиков и о распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих».

Широкое применение и прогрессивный рост женского труда, а также признание в других странах необходимости государственной охраны прав работающих женщин и детей актуализировали в странах Западной Европы вопрос о женской промышленной инспекции (Франция, Англия, Германия, Австрия). Полномочия инспектрис заключа-

лись в надзоре исключительно за женским и детским трудом. Много труда инспектрисы посвятили выяснению влияния различных производственных процессов на организм трудящихся женщин и детей. Благодаря деятельности женской инспекции на предприятиях стали соблюдаться требования гигиены, уделялось особое внимание условиям работы женщин. В отчетах инспектрис важное место занимало специальное обследование условий труда беременных женщин и матерей-работниц после родов.

Несмотря на отсутствие в России женской инспекции труда, идея о ее создании находила широкую поддержку в общественных кругах. Так, профессор И. Х. Озеров выступал за введение института фабричных инспектрис в России при широком применении женского труда [4, с. 50].

Итак, деятельность учрежденной в России в 1882 г. фабричной инспекции в области охраны материнства и детства позволила установить количественное соотношение малолетних детей и женщин, занятых трудом, к общему числу рабочих; исследовать санитарно-гигиенические условия их работы и жилья; выявить проблемы, препятствовавшие эффективному обучению детей в школах; изучить условия оказания врачебной помощи беременным женщинам, а также условия работы женщин с грудными детьми. Именно благодаря институту фабричной инспекции законы о труде малолетних и женщин стали применяться на практике.

Собранный фабричными инспекторами материал о широком вовлечении женщин в промышленное производство, наряду с плохими условиями труда, высокой детской смертностью особенно в промышленных центрах, позволили сформировать и обосновать инспекторам в своих отчетах вывод о том, что малолетние дети и женщины как физически слабая категория рабочих нуждалась в особенной охране труда. При этом охрана здоровья фабричных детей непосредственно связывалась с сохранением его у беременных женщин, женщин-матерей, в связи с чем инспектора приходили к выводу о том, что необходимы единовременные установление надзора и регулирование детского фабричного труда и охраны здоровья фабричных работниц.

Повышению эффективности деятельности фабричных инспекторов в области охраны материнства и детства препятствовали следующие обстоятельства: 1) недостаточная численность инспекторов вплоть до конца XIX в. затрудняла надзор за предприятиями и контроль над деятельностью всех фабрикантов и заводчиков; 2) пробелы в законодательстве в большинстве случаев лишали инспекторов возможности предпринимать меры реагирования при обнаружении нарушений законов о труде женщин и детей; 3) последовавшее в конце XIX в. расширение полномочий инспекторов за пределы области охраны труда женщин и детей фактически свело деятельность фабричной инспекции к техническому надзору за предприятиями, разрешению споров между рабочими и фабрикантами (заводчиками), расследованию несчастных случаев. Указанная тенденция препятствовала формированию в России специальных органов надзора за соблюдением законодательства о женском и детском труде, таких как женская фабричная инспекция, а также институт фабричных врачей, успешно функционировавший в странах Западной Европы.

Библиографический список

1. *Гвоздев С.* Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.) / С. Гвоздев ; Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова. – Москва : Типо-литография В. Рихтер, 1911. – 263 с.

2. *Микулин А. А.* Фабричная инспекция в России. 1882–1906 / А. А. Микулин. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1906. – 225 с.

3. О деятельности фабричной инспекции : отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1886. – 100, 217 с.

4. *Озеров И. Х.* Нужды рабочего класса в России / И. Х. Озеров. – Москва : Т-во И. Д. Сытина, 1906. – 64 с.

5. Фабричный быт Владимирской губернии : отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа / [соч.] П. А. Пескова. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1884. – VI, 136, 69 с.

6. Работа малолетних в России и Западной Европе / [соч.] Е. Андреева. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1884. – Вып. 1. – 240 с.

7. Фабричный рабочий: исследование здоровья русского фабричного рабочего : санитарное положение фабричного рабочего в Привислянском крае и в Малороссии (из наблюдений фабричного инспек тора) / [соч.] В. В. Святловского. – Варшава : Тип. Варш. ин-та глухонемых, 1889. – VIII, 288 с.

References

1. *Gvozdev S.* Notes of the Factory Inspector (from observations and practice in the period 1894–1908). Moscow, Tipo-litografiya V. Rikhter, 1911. 263 p.

2. *Mikulin A. A.* Factory Inspection in Russia. 1882–1906. Kyev, Tipografiya S. V. Kul'zhenko, 1906. 225 p.

3. On the Activities of Factory Inspection: Report for 1885 of the Main Factory Inspector by Ya. T. Mikhajlovskij. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1886. 100, 217 p.

4. *Ozerov I. Kh.* The Needs of the Working Class in Russia. Moscow, Tovarishhestvo I. D. Sy'tina, 1906. 64 p.

5. *Peskov P. A.* Factory Life of the Vladimir Province: a Report for 1882–1883 of the Factory Inspector on the Employment of Young Workers of the Vladimir District. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1884. VI, 136, 69 p.

6. *Andreev E. N.* Work of Minors in Russia and Western Europe. Saint-Petersburg, [s. n.], 1884. Iss. 1. 240 p.

7. *Svyatlovskij V. V.* Factory Worker: a Study of the Health of a Russian Factory Worker. The Sanitary Situation of the Factory Worker in the Privislyansky Region and in the Ukraine (from the observations of the factory inspector). Varshava, Tipografiya Varshavskogo Instituta Glukhonemy'kh, 1889. VIII, 288 p.

8. Factory Life in the Moscow Province: a Report for 1882–1883 by a Factory Inspector on the Employment

8. Фабричный быт Московской губернии : отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1884. – XXII, 144, 66 с.

9. Харьковский фабричный округ : отчет за 1885 г. фабричного инспектора Харьковского округа д-ра В. В. Святловского. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1886. – 127, 93 с.

10. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга : [сайт]. – URL: https://spbarchives.ru/cgia (дата обращения: 15.04.2019).

of Young Workers in the Moscow District by I. I. Yanzhul. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1884. XXII, 144, 66 p.

9. Kharkiv Factory District: Report for 1885 by the Factory Inspector of the Kharkiv District of dr. V. V. Svyatlovskiy. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1886. 127, 93 p.

10. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Website. URL: https://spbarchives.ru/cgia (date of the application: 15.04.2019).

Библиографическое описание статьи

Мун В. А. Организационно-правовые основы деятельности фабричной инспекции в сфере охраны материнства и детства в России в середине XIX – начале XX в. / В. А. Мун // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 171–176.

УДК 343.35+378.1

Потапова Елена Петровна,
доцент кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС кандидат философских наук, доцент
E-mail: knowledge2016@inbox.ru

Кайдашова Анна Кимовна,
доцент кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС кандидат экономических наук, доцент
E-mail: akaidashova@mail.ru

Potapova Elena P.,
Assistant Professor of State and Municipal Administration Department of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Philosophy), Associate Professor

Kajdashova Anna K.,
Assistant Professor of State and Municipal Administration Department of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Economics), Associate Professor

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ У ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ГЕНЕРИРОВАНИЮ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ МАГИСТЕРСКОГО ОБУЧЕНИЯ

Formation of Public Employees' Counteraction of Corruption Skills: a Transdisciplinary Approach to Generation of Anti-corruption Culture in the Process of Master Training

Аннотация. В статье рассматривается необходимость формирования антикоррупционной культуры и ее отдельных составляющих в деятельности государственных и муниципальных служащих, которые по завершении обучения на уровне магистратуры по направлению 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление» пополнят органы различных уровней исполнительной власти. Используя трансдисциплинарную методологию в контексте «подход – метод», авторы предлагают усилить внимание к формированию антикоррупционных целевых установок, к организации образовательного процесса, в ходе которого необходимо активнее использовать результаты проведенных российскими учеными исследований особенностей развития когнитивного компонента антикоррупционной компетенции профессиональной культуры служащего органов исполнительной власти.

Ключевые слова: коррупция; трансдисциплинарная методология; антикоррупционная культура.

Abstract. The article discusses the need to form an anti-corruption culture and its individual components in the activities of state and municipal servants, who upon completion of training at the magistracy level in the direction of 04.04.04 «State and municipal management» will replenish various levels of executive power. Using the transdisciplinary methodology in the context of the «approach – method», the authors propose to increase attention to the formation of anti-corruption targets, to the organization of the educational process, in the course of which it is necessary to more actively use the results of studies conducted by Russian scientists on the peculiarities of the development of the cognitive component of the anti-corruption competence of the professional culture of an executive.

Key words: corruption; transdisciplinary methodology; anti-corruption culture.

Одной из сфер организации деятельности людей, привлекающей к себе пристальное внимание самых широких групп граждан, является институт государственной службы, который призван не только эффективно осуществлять государственную политику, но и принимать определенные меры по реализации прав и свобод граждан, обеспечивать безопасность и стабильность развития общества, осуществлять эффективные меры по противодействию возникающих коррупционных угроз и рисков. Поскольку поведение служащих на ответственных должностях детерминировано не только объективными условиями их деятельности, регламентами и нормами права, но и нередко носит субъективный характер, обусловленный в том числе и полученной профессиональной подготовкой, компетенциями, которые подвергаются проверке практикой повседневной профессиональной деятельности госслужащего, постольку образовательный процесс для государственных и муниципальных служащих-магистрантов направления 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление» необходимо дополнять занятиями, усиливающими компетенции в сфере антикоррупционного поведения. Стержневым нормативно-ценностным регулятором, овладение которым занимает порой не один год социального формирования личности служащего, является устойчивое понимание коррупции как яркого проявления социальной несправедливости. Важнейшим обстоятельством, на которое следует обращать постоянное внимание обучающихся-магистрантов, является овладение пониманием указанного выше восприятия коррупции самыми разными социальными и возрастными группами. По сути, «включение» в обучающие материалы для магистрантов картины мира, которая «пишется» различными поколениями и социальными группами, и составляет суть трансдисциплинарного подхода к систематизации разрозненных знаний

© Потапова Е. П., Кайдашова А. К., 2019

о той или иной стороне коррупции в деятельности служащих, об опасностях коррупции в политике, о ее «живучести» в стереотипах поведения отдельных социальных групп и индивидов.

Коррупция, по мнению российских ученых [2; 14], наносит огромный урон устойчивости института государственной службы: теряется не только авторитет государственной власти в глазах граждан, коррупция влечет за собой негативные экономические последствия, морально-нравственное разложение общества, благоприятные условия для возникновения и беспрепятственного осуществления беззакония. Как верно отмечает Ю. А. Нисневич, «коррупция исходит не от власти как таковой, а зависит от личности и социетальных условий» [15, с. 167].

Само определение понятия «коррупция» – многозначно, поскольку с течением времени менялось представление о ней, ее особенностях. Однако всегда было ясно одно – это явление вредно и, бесспорно, не должно быть частью жизни общества, на что указывает и этимологическое значение слова «коррупция» (от латинского *corruptio* растлевать, портить) [18].

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дается следующее определение коррупции: это «злоупотребление служебным положением, либо дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп или какое-либо другое незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение всех вышеперечисленных действий от имени или в интересах юридического лица».

По определению А. А. Ашина и М. А. Некрасовой, «коррупция – это общественно опасное и антисоциальное деяние физических лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, а также выполнение управленческих и распорядительных функций в коммерческих и других организациях, направленное на использование своего должностного или иного служебного положения, вопреки законным интересам общества и государства, в целях получения выгоды в виде материальных и нематериальных благ в свою пользу и пользу других лиц, а также обещание, предоставление иных услуг и прав для себя или для других лиц либо незаконное предоставление такой выгоды и носящее, как правило, систематический характер. Сущность коррупции заключается в том, что она разлагает существующий государственный строй, подрывает эффективность функционирования государственных институтов, ослабляет контроль государства. Коррупция является главным препятствием обеспечения прав, свобод и законных интересов человека, а также развития общества и государства в целом» [3, с. 108–109]. При этом Ю. А. Нисневич считает, что «в рамках нормативно-ценностного подхода коррупция представляет собой как антисоциальное, так и асоциальное девиантное поведение. Более того, представляется, что коррупционное поведение следует рассматривать и как аутодеструктивное, которое ведет к саморазрушению человеческой личности посредством разрушения моральных и этических устоев, так как такое поведение обусловлено и способствует проявлению не самых лучших, прежде всего эгоистических и корыстных, свойств человеческой натуры» [15, с. 19].

В последнее время исследователи, занимающиеся изучением политических процессов в современной России, обращают все более серьезное внимание на то, что коррупция создает условия для совершения неправомерных деяний, нравственно-моральной деградации общества и расшатывания основ государственности [22, с. 207–209; 9].

Коррупция как социальное явление «постоянно видоизменяется, мимикрирует и адаптируется к текущим политическим, экономическим и социальным условиям, а также к мерам по противодействию и борьбе с нею, в том числе и законодательным. Именно поэтому законодательство в силу объективной инерционности процесса принятия законов постоянно «запаздывает» [15] по отношению к уже существующим формам и проявлениям коррупции, и в противодействии коррупции на первый план могут выходить нормы права, морали и этики.

В силу отмеченных выше особенностей развития коррупции как социального явления, постоянно видоизменяющегося и адаптирующегося к новым рискам и вызовам противостояния, авторы полагают правомерным в рамках исследовательской задачи применение трансдисциплинарного («нового научного подхода») подхода к рассмотрению проблемы: «Несмотря на то, что отдельные ученые, исследовательские группы, научные организации и учебные учреждения называют себя “трансдисциплинарными” или декларируют свою деятельность как “трансдисциплинарную”, фактически они могут ставить перед собой совершенно разные цели, исповедовать разные виды научных подходов, а также различные формы и виды трансдисциплинарности. А это значит, что они пользуются разными картинами мира, разными концепциями, принципами и методологическими приемами. Следовательно, некоторые из них способны решать исследовательские задачи и проблемы строго определенной сложности. Некоторые – способны обсуждать наличие возможности таких решений. Другие – способны создавать и практически использовать универсальную методологию научного исследования, основанную на принципах единства знаний. В современной науке приветствуется и то, и другое» [13, с. 51].

Особенностью трансдициплинарного методологического подхода является способность дать теоретическое обоснование *сложному* объекту (каковым и представляется авторам коррупция).

Данная особенность закрепляется определением *«подход – метод»* [13, с. 12], что позволяет исследовать не идеализированный объект научного интереса, а изучать данный сложный объект внутри контекста научной картины мира, влияющей на интерпретацию результатов исследования. Картина мира выполняет в этом случае эвристические, систематизирующие и мировоззренческие функции, которые тесно связаны с функциями методологии исследования [Там же, с. 13]. К наиболее важным идентификационным признакам указанного подхода относятся не только наличие картины мира (о чем было сказано выше), приемы научного исследования, но и уровень осознаваемой моральной ответственности за результаты и последствия теоретического исследования и профессиональной деятельности [Там же]. Последнее обстоятельство является особенно актуальным с точки зрения формирования новых профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих, осмысленность их деятельности не только для настоящего поколения граждан России, но и для будущих россиян, чья активная жизнь придется на конец XXI в. В. С. Мокий, основатель русской школы интердисциплинарности, анализируя усложнившийся характер научного подхода к пониманию картины мира учеными различных научных методологических направлений, вводит в научный оборот понятие функционального ансамбля как совокупности объектов, состоящих в устойчивых взаимодействиях и объединенных одной целью. Горизонтальные функциональные ансамбли объединяют в себе однотипные объекты одного уровня действительности: атомы в составе молекул; людей в составе семьи и общества; государства в мировой экономической системе и т. п. В таком контексте каждые человек, семья, государство, совокупность государств являются естественными фрагментами горизонтального социального функционального ансамбля и вертикального планетарного функционального ансамбля. Основой устойчивого развития единого мира является безусловное требование того, чтобы параметры, характеристики и результаты развития объектов не нарушали единство образованных ими вертикальных и горизонтальных функциональных ансамблей на любом уровне действительности. При этом каждый объект должен реализовывать всеобщий порядок (плотиновскую систему) не только во внешних взаимодействиях, но и во внутренних взаимосвязях собственных элементов-фрагментов, формируя тем самым собственную «сферу долженствования» [Там же, с. 49–59]. Такое понимание, на взгляд авторов, способно качественно углубить компетенции магистрантов по распознаванию коррупционных рисков, поскольку оно позволяет по-новому обратиться к методикам идентификации зон повышеного риска в деятельности органов государственного и муниципального управления, порядка их мониторинга. Через решение кейс-ситуаций и анализ лучших антикоррупционных практик должно сформироваться устойчивое понимание механизма функционирования любой ветви власти, при котором многочисленные субъекты, задействованные в ее организационной системе, осуществляют свою деятельность строго в *пределах своих задач.* Сами профессиональные задачи служащих могут быть весьма ограничены, но в то же время эти служащие являются необходимыми для функционирования *всей системы в целом.* Отсутствие такой *единой* картины проявления коррупционного поведения выступает серьезным тормозом в формировании антикоррупционной компетенции. Знания антикоррупционного законодательства, кодексов служебного поведения нередко «изолированно» встраиваются в образовательный процесс, тем самым теряя свою силу аргументированности и мотивационного посыла. В новом, встроенном, контексте антикоррупционная культура (проведение публичных мероприятий, круглых столов, дискуссий, гражданских акций и пр.) формируется в качестве целевой установки обучения личности в единстве с «ансамблевым» звучанием объектов социума – от квартиры до города и от организации до государства. Распознавание такой картины мира и значения антикоррупционного поведения является далеко не однозначным процессом, суть которого характеризуется открытостью, незавершенностью, объяснить которую обучающимся возможно с учетом трансдициплинарного подхода. В. С. Мокий специально обращает внимание на то, что развитие этих систем во многом зависит от многофакторного влияния внешней среды и их собственного состояния, сложившегося на момент принятия решения [Там же, с. 51]. Адекватное описание реального мира – основная цель науки, и магистранты в полной мере призваны формировать в себе адекватные личностные установки по отношению к коррупционным рискам. Для правды, отмечает В. С. Мокий, «важна именно семантическая суть, зависящая от субъективных факторов и прежде всего от семантического потенциала языка, которым пользуется исследователь, а также от его *уровня культуры, норм морали и нравственности* (курсив наш. – *Е. П., А. К.*), содержание бытующей идеологии и парадигмы науки… Принципиальной является победа людей над собственным невежеством, эгоизмом и нерациональным устройством общества, которые препятствуют познанию объективного содержания истины, а также установлению справедливых отношений (связей) с природой и обществом, основанных на принципах этого объективного содержания» [Там же, с. 51].

Процесс профессиональной подготовки магистрантов по анализируемой специальности нуждается в усилении внимания к формированию не столько правовых навыков поведения (что само по себе является важной задачей обучения), а также внешне выдержанного поведения в соответствии с Кодексом этики гражданского служащего, но и проактивной практики профессионального подхода к явлениям и факторам поведения подчиненных и коллег, способных являться скрытыми «проводниками» способов и методов решения

проблем, укореняющих коррупционные подходы при выборе форм взаимодействия субъектов и объектов государственного и муниципального управления. Начало же этим навыкам определения ценностных рисков коррумпированной среды должно быть заложено в формировании *антикоррупционной культуры, нового менталитета служащего органов исполнительной власти.*

Характерно, что в проекте Федерального закона № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации» представлено следующее определение культуры: «Культура – это совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков, ценностей, традиций и верований, находящих выражение в образе жизни и искусстве».

Ученые характеризуют феномен «культура», основываясь на различных подходах. Э. С. Маркарян, например, трактует культуру как «специфический способ деятельности и специфическую функцию коллективной жизни людей» [5]. В. М. Межуев акцентирует внимание на «развитии самого человека как общественного человека» [12, с. 33]. Не менее распространенным является понимание культуры как совокупности духовных ценностей [1, с. 55] или как определенной идеологии [11].

Речь идет о формирующемся в современных российских реалиях запросе на новые культурные установки государственных и муниципальных служащих, что связано с навыками ценностного ориентирования деятельности коррупционной среды [17]. Для обозначения выявленных социокультурных условий, способствующих возникновению и воспроизводству коррупционных практик в современной России, введено понятие «социокультурные основания коррупции». Содержание этого понятия включает в себя особенности культуры властных взаимоотношений и субъективных установок их участников, способствующих возникновению и воспроизводству коррупционных действий [7, с. 9]. Для современного этапа развития системы властных отношений в российском обществе характерно воспроизводство множества форм проявления коррупционной деятельности, к которым относятся взяточничество, теневой лоббизм, фаворитизм и непотизм, коррупционный протекционизм, различные способы незаконного присвоения публичных средств для частного использования и политическая коррупция. Наличие этого видового многообразия коррупционных моделей и их устойчивого воспроизводства обусловлено социокультурными основаниями, которые следует учитывать в процессе реализации антикоррупционной деятельности в современном российском обществе [Там же, с. 11]. Преодолению указанных негативных общественных практик призвано, не в последнюю очередь, способствовать формирование антикоррупционных культурно-образовательных установок у личностей обучающихся.

В свою очередь, под антикоррупционной культурой российские исследователи понимают качество личности, включающее знания о пагубности коррупции для благосостояния и безопасности общества; состояние индивида, который не просто не желает мириться с проявлениями коррупции, а стремится к устранению этого явления. Антикоррупционная культура – это определенные ценностные установки и способности, направленные на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции [8]. Под антикоррупционной культурой В. П. Соломин понимает качество личности, включающее «знания о пагубности коррупции для благосостояния и безопасности общества; это состояние индивида, который не просто не желает мириться с проявлениями коррупции, а стремится к устранению этого явления» [19, с. 114]. Е. М. Ибрагимова и А. Р. Хамдеев дают следующее определение феномена: «Антикоррупционная культура – это определенные ценностные установки и способности, направленные на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции» [6].

Антикоррупционная культура отражает степень гражданской активности личности; она содействует реализации прав, безопасности и правовой защиты граждан. Формирование ценностей антикоррупционной культуры неизбежно (по обширному опыту демократических стран) ведет к формированию уважения к демократическим правовым институтам (государственная власть, институты парламентаризма и др.). Системообразующими ценностями антикоррупционной культуры, по мнению В. П. Соломина, являются моральные ценности общественного сознания, национальная гордость и самосознание народа [19, с. 114].

В конечном итоге, как показывает обширный зарубежный опыт, изменения в культурных установках относительно восприятия коррупции способны *защитить самих граждан от коррупции* [23]. Именно такой подход представляется сегодня актуальным с точки зрения усиления внимания к антикоррупционной мотивации обучающихся, определяющих свои жизненные приоритеты нередко спонтанно, ускоренно реагируя на сиюминутность ситуации, без вдумчивого осмысления последствий своих действий.

Как отмечает Ф. В. Готыжева, одним из существенных факторов эффективного совершенствования механизмов формирования антикоррупционного поведения чиновников нового поколения является «увеличение антикоррупционных типов культуры» [4], что, наряду с усилением прозрачности и регулирования деятельности людей, находящихся на должности повышенных коррупционных рисков, и другими мероприятиями, способно внести поворотный момент в формировании профессиональной антикоррупционной культуры магистрантов указанного направления обучения в вузе. Каковы базовые элементы антикоррупционной культуры? Можно ли исследовать «точки роста» антикоррупционных культурных установок в процессе получения высшего образования?

Как отмечает Н. В. Сюзева, начальным этапом становления нового ценностного отношения неприемлемости коррупционного поведения об-

учающихся может стать сформированная антикоррупционная культура образовательной организации: «Поскольку важнейшей сферой трансляции, реализации и трансформации культуры является образование, поэтому требуется осмысление правовой культуры современной образовательной организации как фактора формирования и воспроизводства антикоррупционной субкультуры» [20, с. 101]. Одним из серьезных шагов в ее формировании является принципиальный подход к вопросу о том, что считать *списыванием*[1] при выполнении заданий обучающимися. При всей очевидности, вопрос не столь прост, поскольку в течение последнего десятилетия были проведены серьезные исследования, указывающие на наличие различий в культуре поведения студентов по отношению к списывающему и информатору о факте списывания. Так, Е. С. Малков отмечает следующее: «Гипотеза о том, что чем выше уровень образования студента, тем хуже он относится к списыванию, выполняется для США, Голландии и Израиля, но не для России» [10]. Автор предлагает использовать строгие и конкретные приемы при оценке знаний студентов, целью которых является если не искоренение, то существенное уменьшение списывания как устаревшего стереотипа коррупционного, нечестного поведения в образовательной организации:

– необходимо четко определять, что является списыванием, а также какие виды совместной работы (кооперации студентов) будут считаться нарушением;

– необходимо следовать установленной универсальной университетской процедуре расследования факта списывания (для того, чтобы не допустить увеличения частоты списывания на других курсах);

– необходимо быть честным со студентами (не делать слишком продолжительных по времени экзаменов, исправно проводить office-hours и т. д.) [Там же].

Другим, не менее серьезным, исследованным фактором, определяющим мотивы антикоррупционного поведения личности, отношение к различным сторонам действительности, формирующим тенденции поведения личности, является ее направленность. Не случайно Е. А. Шарапова в своем диссертационном исследовании обращается к этому понятию: использование термина «направленность» обеспечивает структурную полноту и комплексность восприятия и оценки всего спектра проявлений личности в социально-профессиональной сфере, позволил ввести понятие «антикоррупционная направленность личности» [21, с. 10]. Существенной характеристикой личностной направленности в указанном направлении является интегративное качество личности, которое является подструктурой профессиональной направленности и обеспечивает «неукоснительность соблюдения антикоррупционных норм в социально-профессиональной деятельности за счет деятельностно-мотивационной установки на воспроизводство нравственно-правовой устойчивости к проявлениям коррупции» [Там же].

Изучая когнитивный компонент антикоррупционной компетенции, Д. В. Пшеничнюк обратила внимание на то, что данный компонент является системообразующим. Не имея возможности в рамках данной статьи остановиться на всех его аспектах, авторы обращают внимание на серьезность посыла ученого о том, что содержание когнитивного компонента аитикоррупционной компетенции включает в себя не только знание о составе и структуре понятия «коррупция», но и знания о способах ее распознавания [16, с. 24]. Именно способы распознавания коррупции студентами в ходе образовательного процесса стали целью исследования, результаты которого показали, что студенты придают воспитанности и ответственности за собственные достижения жизненных целей гораздо меньше значения, чем твердой воле и эффективности в делах, использование которых не всегда способствует выраженному антикоррупционному поведению [Там же]. Именно умение распознавать ситуации коррупционного взаимодействия становится ключевым навыком, которому следует уделять гораздо больше внимания в ходе образовательного процесса: «Уровень развития умения распознавать ситуации коррупционного взаимодействия определяется уровнем развития содержания знаний о коррупции, знаний о способах ее распознавания (ориентировки), задаваемых культурно-социальной средой, и системой условий их усвоения в процессе управляемого обучения» [Там же].

Одной из важнейших тенденций государственной антикоррупционной политики в России на современном этапе является не только внешняя, но и внутренняя направленность, заключающаяся в применении внутриорганизационного подхода, в рамках которого для успешной борьбы с коррупцией необходимо формировать у специалистов государственного и муниципального управления новые компетенции по владению навыками вскрытия коррупционных рисков бездействия, выявления замедленнной реакции на претензии граждан в отношении принятия справедливых общественных решений, невнимательного с точки зрения окружающей граждан среды обитания (в том числе экологических факторов, инфраструктурных характеристик) отношения к вызовам повседневности, наконец, развития *диалога власти* с обществом.

В образовательной среде современного вуза и преподаватель, и студент должны быть готовы к переходу на новый уровень качественного взаимодействия, который будет соответствовать условиям динамично развивающегося социума; условиям нестабильности и быстроты меняющейся «кар-

[1] Здесь важнейшим аспектом, влияющим на поворот в самооценке поведенческих установок обучающихся, является, по мнению исследователей, разъяснение на конкретных примерах выполнения тех или иных видов домашних работ факта *присвоения результатов чужого труда и выдачи их за свои собственные.* Искоренение протокоррупционной установки обучающегося на сокрытие истинного автора выполненной работы.

тины мира». Существенным новым показателем формирования антикоррупционного поведения уже сегодня становится новая антикоррупционная культура, формирующаяся на базе ценностного переосмысления целей деятельности государственных служащих как нравственно-правовых обеспечительных действий по реализации прав и свобод человека. Начало процесса непосредственно зависит от интенсивности перестраивания образовательной практики взаимодействия педагога и магистранта в направлении выработки практико-ориентированных установок и навыков антикоррупционной культуры государственных служащих. Дальнейшее улучшение образовательного процесса с позиций интердисциплинарной методологии помогут гармонизировать как педагогические (объективные), так и личностные (субъективные) цели образовательной практики.

Библиографический список

1. *Агапова Т. В.* Культура как совокупность духовных и материальных ценностей / Т. В. Агапова // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2014. – № 5. – С. 247–249.

2. *Артемьев А. Б.* Антропология коррупции / А. Б. Артемьев. – Санкт-Петербург : Изд-во Юрид. ин-та, 2011. – 270 с. – ISBN 5-86247-119-7.

3. *Ашин А. А.* Понятие и сущность коррупции / А. А. Ашин, М. А. Некрасова // Учёные записки. – 2019. – № 1(29). – С. 108–109.

4. *Готыжева Ф. В.* Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах и возможность ее использования в России / Ф. В. Готыжева // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2018. – № 4. – С. 420–425.

5. *Драч Г. В.* Культурные императивы: идеи Э. С. Маркаряна / Г. В. Драч // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 1. – С. 58–64.

6. *Ибрагимова Е. М.* Сущность понятия антикоррупционная культура и ее функции / Е. М. Ибрагимова, А. Р. Хамдеев // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – URL: http://www.science-education.ru/109-9329. Дата публикации: 11.06.2013.

7. *Изотов М. О.* Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филос. наук / Изотов Максим Олегович ; Орловский государственный аграрный университет. – Иваново, 2012. – 24 с. – Место защиты: Ивановский гос. ун-т.

8. *Лавренко А. В.* Противодействие коррупции – путь к становлению правового государства в современной России / А. В. Лавренко, В. Ю. Сморгунова // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2013. – № 4. – С. 116–124.

9. *Магомедов К. О.* Социологический мониторинг кадровой коррупции в системе государственного и муниципального управления / К. О. Магомедов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2(132). – С. 214–215.

10. *Малков Е. С.* Списывать – нехорошо, но только не в России / Е. С. Малков. – URL: https://iq.hse.ru/news/177671066.html (дата обращения: 24.05.2019).

11. *Маршак А. Л.* Культура и идеология в социальной жизни России: различия и идентичность / А. Л. Маршак // Власть. – 2008. – № 6. – С. 28–33.

12. *Межуев В. М.* История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования / В. М. Межуев. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 439 с. – ISBN 978-5-7621-0621-4.

13. *Мокий В. С.* Методология научных исследований. Трансдициплинарные подход и методы : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры

References

1. *Agapova T. V.* Culture as a Set of Spiritual and Material Values. *Vestnik Krasnoyarskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*. 2014. No. 5. P. 247–249.

2. *Artem'ev A. B.* Antropology of Corruption. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Yuridicheskogo Instituta, 2011. 270 p. ISBN 5-86247-119-7.

3. *Ashin A. A., Nekrasova M. A.* Concept and Essence Corruptions. *Uchyony'e Zapiski*. 2019. No. 1(29). P. 108–109.

4. *Goty'zheva F. V.* Experience of Fight against Corruption in Foreign Countries and Possibility of Its Use in Russia. *Mezhdunarodny'j Zhurnal Prikladny'kh Nauk i Tekhnologij «Integral»*. 2018. No. 4. P. 420–425.

5. *Drach G. V.* Cultural Imperatives: Ideas of E. S. Markaryan. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury' i Iskusstv*. 2018. No. 1. P. 58–64.

6. *Ibragimova E. M., Khamdeev A. R.* The Essence of the Concept of Anti-corruption Culture and Its Functions. *Sovremenny'e Problemy' Nauki i Obrazovaniya*. 2013. No. 3. URL: http://www.science-education.ru/109-9329. Date of publication: 11.06.2013.

7. *Izotov M. O.* Corruption in Modern Russia: Sociocultural Bases and Forms of Manifestation. Ivanovo, 2012. 24 p.

8. *Lavrenko A. V., Smorgunova V. Yu.* Anti-corruption – a Way to Formation of the Constitutional State in Modern Russia. *Universum: Vestnik Gercenovskogo Universiteta*. 2013. No. 4. P. 116–124.

9. *Magomedov K. O.* Sociological Monitoring of Personnel Corruption in the System of the Public and Municipal Administration. *Monitoring Obshhestvennogo Mneniya: E'konomicheskie i Social'ny'e Peremeny'*. 2016. No. 2(132). P. 213–215.

10. *Malkov E. S.* Write off – is bad, but only not in Russia. URL: https://iq.hse.ru/news/177671066.html (date of the application: 24.05.2019).

11. *Marshak A. L.* Culture and Ideology in the Social Life of Russia: Differences and Identity. *Vlast'*. 2008. No. 6. P. 28–33.

12. *Mezhuev V. M.* History, Civilization, Culture: the Experience of Philosophical Interpretation. Saint-Petersburg, SPbGUP, 2011. 439 p. ISBN 978-5-7621-0621-4.

13. *Mokij V. S., Luk'yanova T. A.* Metodology of Scientific Research. Transdisciplinary Approach and Methods. Moscow, Yurajt, 2018. 160 p. ISBN 978-5-534-05207-7.

14. *Nisnevich Yu. A.* Public Authority and Corruption: a Socio-anthropological Approach. *Polis*. 2014. No. 6. P. 32–51.

15. *Nisnevich Yu. A.* Politics and Corruption: Corruption as a Factor in the Global Political Process. Moscow, Yurajt, 2019. 240 p. ISBN 978-5-534-04729-5.

16. *Pshenichnyuk D. V.* Psychological Conditions of Formation in Students of Ways to Recognize Corrupt Behavior. Moscow, 2017. 30 p.

17. *Rumyanceva E. E.* Anti-corruption. Moscow, Yurajt, 2019. 267 p. ISBN 978-5-534-00252-2.

/ В. С. Мокий, Т. А. Лукьянова. – Москва : Юрайт, 2018. – 160 с. – ISBN 978-5-534-05207-7.

14. *Нисневич Ю. А.* Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход / Ю. А. Нисневич // Полис. – 2014. – № 6. – С. 32–51.

15. *Нисневич Ю. А.* Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса : монография / Ю. А. Нисневич. – Москва : Юрайт, 2019. – 240 с. – (Серия «Актуальные монографии»). – ISBN 978-5-534-04729-5.

16. *Пшеничнюк Д. В.* Психологические условия формирования у студентов способов распознавания коррупционного поведения : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология (психологические науки)» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. психол. наук / Пшеничнюк Диана Владимировна. – Москва, 2017. – 30 с. – Место защиты: Московский гос. ун-т.

17. *Румянцева Е. Е.* Противодействие коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Е. Е. Румянцева. – Москва : Юрайт, 2019. – 267 с. – (Серия «Бакалавр и магистр. Академический курс»). – ISBN 978-5-534-00252-2.

18. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.

19. *Соломин В. П.* Формирование антикоррупционной культуры как фактор воспитания нетерпимости к коррупции в гражданском обществе / В. П. Соломин // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2013. – № 4. – С. 110–116.

20. *Сюзева Н. В.* Правовая культура современной образовательной организации как фактор формирования и воспроизводства антикоррупционной субкультуры / Н. В. Сюзева // Артикульт. – 2015. – № 19(3). – С. 99–105.

21. *Шарапова Е. А.* Формирование антикоррупционной направленности личности в профессиональном воспитании студента вуза : специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. пед. наук / Шарапова Елена Алексеевна ; Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. – Краснодар, 2017. – 22 с. – Место защиты: Кубанский гос. ун-т.

22. *Шорохов В. Е.* Антикоррупционное образование государственных и муниципальных служащих / В. Е. Шорохов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-2(66). – С. 207–209.

23. *Bertot J. C.* Using ICTs to Create a Culture of Transparency: E-government and Social Media as Openness and Anti-corruption Tools for Societies / J. C. Bertot, P. T. Jaeger, J. M. Grimes // Government Information Quarterly. – 2010. – № 27(3). – P. 264–271.

18. Russian Dictionary. In 4 vol. Vol. 4. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkij Yazy'k, Poligrafresursy', 1999. 800 p.

19. *Solomin V. P.* Formation of Anti-corruption Culture as a Factor in the Education of Intolerance to Corruption in Civil Society. *Universum: Vestnik Gercenovskogo Universiteta*. 2013. No. 4. P. 110–116.

20. *Syuzeva N. V.* Legal Culture of the Modern Educational Organization as Factor of Formation and Reproduction of Anti-corruption Subculture. *Artikul't*. 2015. No. 19(3). P. 99–105.

21. *Sharapova E. A.* Formation of the Anti-corruption Orientation of the Individual in the Professional Education of a University Student. Krasnodar, 2017. 22 p.

22. *Shorokhov V. E.* Anti-corruption Education of the Public and Municipal Servants. *Filologicheskie Nauki. Voprosy' Teorii i Praktiki*. 2016. No. 12-2(66). P. 207–209.

23. *Bertot John C., Jaeger Paul T., Grimes Justin M.* Using ICTs to Create a Culture of Transparency: E-government and Social Media as Openness and Anti-corruption Tools for Societies. *Government Information Quarterly*. 2010. No. 27(3). P. 264–271.

Библиографическое описание статьи

Потапова Е. П. Формирование навыков противодействия коррупции у государственных служащих: трансдисциплинарный подход к генерированию антикоррупционной культуры в процессе магистерского обучения / Е. П. Потапова, А. К. Кайдашова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 177–183.

УДК 343.228

Румянцев Сергей Александрович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: rumserg33@yandex.ru

Rumyancev Sergej A.,
Post-graduate Student of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК СРЕДСТВО САМОЗАЩИТЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Necessary Defense as a Remedy of Self-defense: Some Issues of Legislation and Law Enforcement Practice

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретические и практические вопросы, связанные с реализацией норм института необходимой обороны. Приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие применение судами законодательства о необходимой обороне. Автор предлагает рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: самозащита прав; необходимая оборона; право на защиту; индивидуальная защита; средства защиты.

Abstract. The article deals with some theoretical and practical issues related to the implementation of the norms of the institute of necessary defense. The examples of judicial practice illustrating the application of the legislation on the necessary defense by the courts are given. The author offers recommendations for improving the current legislation and law enforcement practice.

Key words: self-defense of rights; necessary defense; right to protection; individual protection; remedies of protection.

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Это в свою очередь возлагает на государство обязанность осуществлять правовое регулирование содержания правомерного самозащитного поведения, что возможно тремя путями: прямо закрепить все разрешенные способы самозащиты прав и свобод; прямо разрешить использование определенных способов самозащиты, подробно их регламентировав; сформулировать в законе общие условия правомерности действий гражданина по осуществлению самозащиты [1, с. 239–240]. Имплементируя приведенные конституционные положения в уголовном праве, законодатель в ч. 1 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) закрепляет, что не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, при этом конкретизируя, что, во-первых, посягательство должно быть сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, во-вторых, вред посягающему может причиняться при защите прав и интересов как обороняющегося, так и других лиц, а также общества и государства. Тем самым законодатель разрешает любые способы самозащиты против посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни.

Далее, в ч. 2 ст. 37 УК РФ предусматривается, что если посягательство не сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, то защита является правомерной, если не были превышены пределы необходимой обороны, т. е. не совершены умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. В данном случае, применительно к ситуациям, когда угроза жизни отсутствует, законодатель устанавливает общие условия правомерности действий гражданина по осуществлению самозащиты. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 37 УК РФ была дополнена ч. 2.1, согласно которой не квалифицируются в качестве превышения пределов необходимой обороны действия обороняющегося, который вследствие неожиданности посягательства не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Объектами защиты при действиях в состоянии необходимой обороны выступают: личность и права как обороняющегося, так и других лиц, а также охраняемые законом интересы общества или государства.

Соответственно, субъектами действий в состоянии необходимой обороны выступают как граждане, на личность и права которых непосредственно осуществляется посягательство, так и граждане, самостоятельно защищающие права других лиц, а также охраняемые законом интересы общества и государства. Причем, как указано в ч. 3 ст. 37 УК РФ, положения данной статьи о необходимой обороне в равной мере распространяются на любых лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также от того, причинен ли лицом вред при защите своих прав или прав других лиц, охраняемых уголовным законом интересов общества или государства. Кроме того, положения ст. 37 УК РФ о необходимой обороне применя-

© Румянцев С. А., 2019

ются независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

С. М. Мостовой обоснованно указывает на необходимость конкретизации в ст. 37 УК РФ того обстоятельства, согласно которому посягательство будет признаваться сопряженным с насилием, опасным для жизни и здоровья, если действия посягающего либо группы лиц направлены на причинение вреда личности, в том числе сопровождаются высказыванием угроз причинения вреда, демонстрацией оружия или других предметов, не являющихся оружием, но способных причинить вред [3].

По справедливому замечанию Н. В. Головко, отсутствие в уголовном законе четких и однозначно воспринимаемых формулировок, большое количество оценочных категорий (явность, непосредственность, сопряженность с насилием, опасность, наличие угрозы, объективность, неожиданность, способность оценить, степень и характер опасности нападения и др.) влекут за собой неодинаковое восприятие сущности данного института учеными и практиками и являются причинами неразвитости этого правового института [2].

Рассмотрим некоторые законодательные и правоприменительные аспекты института необходимой обороны на конкретных примерах из судебной практики.

Так, приговором Тверского районного суда г. Москвы от 25 декабря 2018 г. в связи с отсутствием состава преступления были оправданы Д. и С., которым органами предварительного следствия предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, из хулиганских побуждений, с применением предметов, используемых в качестве оружия, группой лиц.

Государственным обвинителем было подано апелляционное представление, в котором указывалось на неправильное применение судом уголовного закона и неправильную оценку доказательств. По мнению государственного обвинителя, из видеозаписей с камер наблюдения видно, что Д. и С., двигаясь в состоянии алкогольного опьянения по пешеходному переходу, не дождавшись завершения маневра поворота потерпевшим А., управлявшим автомобилем, натолкнулись на автомобиль и нанесли удары по его кузову. После чего потерпевший А. вышел из автомобиля с битой и направился в сторону Д. и С., однако установить точно, куда и чем он наносил удары, невозможно ввиду удаленности видеокамеры. Затем Д. отнял у А. биту, потерпевший попятился назад, конфликт был завершен, однако Д. продолжил движение в сторону А., который резко двинулся в сторону Д., после чего Д. нанес потерпевшему несколько ударов в область головы, причинив тяжкие телесные повреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в своем апелляционном определении от 20 февраля 2019 г. по делу № 10-2580/2019, оставляя без изменения приговор Тверского районного суда г. Москвы от 25 декабря 2018 г., установила: из видеозаписей усматривается, что А. фактически наехал на переходе на С. и Д., именно потерпевший А. начал конфликт, он вышел из машины с битой и, догнав Д. и С., первым нанес удар ногой С., после чего между А. и Д. началась драка, в ходе которой Д. отнял у А. биту и, отмахиваясь от А. с криком «Отойди!», нанес А. удар битой.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что инициатором конфликта являлся потерпевший А., который создал угрозу жизни и здоровью Д., превосходя его по физическим параметрам, неожиданно напал на Д., используя в качестве оружия биту. При этом Д. реально воспринимал угрозу своей жизни и здоровью, был вынужден обороняться, применив для этого предмет, использованный потерпевшим А. при нападении на него, разрыв во времени между нападением со стороны А. и действиями Д. по защите от посягательства отсутствовал. У Д. зафиксированы телесные повреждения, подтверждающие применение к нему насилия со стороны А.

При указанных обстоятельствах суды обеих инстанций посчитали, что Д. действовал в состоянии необходимой обороны, поэтому причинение им тяжких телесных повреждений А. на основании ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением, а С. потерпевшему А. удары не наносил.

В данном примере судом было установлено, что посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося, который получил телесные повреждения, он реально воспринимал угрозу своей жизни и здоровью, был вынужден обороняться, применив для этого предмет, использованный потерпевшим при нападении на него, разрыв во времени между нападением и самозащитными действиями отсутствовал. Однако неустановление данных обстоятельств органами предварительного следствия и государственным обвинителем, безусловно, нарушили права Д. и С.

При рассмотрении другого дела Пермский краевой суд в своем апелляционном определении от 14 октября 2016 г. по делу № 22-6267/2016, отменяя приговор суда первой инстанции, которым Ф. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ, установил, что потерпевший Б. угрожал убийством Ф., демонстрировал при этом биту, преследовал Ф. и его близких на автомобиле, произвел выстрелы из травматического пистолета в Ф., что было расценено Ф. как посягательство со стороны Б. на жизнь и здоровье его самого и его близких, в результате Ф. выстрелил в Б. из огнестрельного оружия, вследствие чего Б. скончался. Между угрозами убийством, демонстрацией оружия со стороны Б. и действиями Ф. по отражению нападения разрыва во времени не было; повреждения на теле осужденного свидетельствуют о непосредственности и реальности нападения со стороны Б. При изложенных обстоятельствах суд апелляционной

инстанции пришел к выводу о том, что Ф. защищался от посягательства, опасного для жизни и здоровья, т. е. находился в состоянии необходимой обороны, поэтому причинение смерти Б. не является преступлением в силу ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Еще один пример неправильного применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства о необходимой обороне.

Приговором Московского районного суда г. Нижний Новгород от 22 ноября 2013 г., оставленным без изменения определением судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 3 марта 2014 г., К. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 8 годам лишения свободы.

Президиум Нижегородского областного суда в постановлении от 20 июня 2018 г. по делу № 44-у-65/2018, отменяя данные судебные решения, указал следующее. В соответствии с изложенным в приговоре описанием преступного деяния К. и Ш. в ходе конфликта на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений нанесли друг другу множественные удары руками по голове и телу, при этом Ш. попытался нанести удары К. находящимся у него ножом. К. удалось отобрать нож у Ш., после чего он умышленно с целью лишения жизни Ш. нанес ему четыре удара ножом в область грудной клетки, шеи и лица, причинив Ш. телесные повреждения, от которых Ш. скончался. Квалифицируя действия К. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, суд первой инстанции исходил из того, что в процессе умышленного нанесения потерпевшему колото-резаных ранений он не находился в состоянии необходимой обороны, мог объективно оценивать степень и характер опасности действий Ш., имел реальную возможность убежать от потерпевшего; выхватив из руки потерпевшего нож, тем самым прекратив посягательство потерпевшего, К. нанес Ш. несколько ударов ножом в жизненно важные органы, когда необходимость в применении мер защиты от посягательства отпала; действия подсудимого К. не носили характера самообороны, а были умышленными, и умысел был направлен именно на убийство Ш.

По мнению президиума Нижегородского областного суда, суждения, приведенные в приговоре, противоречивы и неконкретны. Так, суд первой инстанции не проанализировал, существовало ли изначально посягательство со стороны Ш., создавало ли оно реально угрозу для жизни К., исходя из способа посягательства и конкретной обстановки, в какой мере переход ножа от Ш. к К., учитывая последующее поведение Ш., указывал на прекращение или продолжение посягательства, мог ли К. объективно оценить эти обстоятельства и избрать иной способ защиты, нельзя ли его действия квалифицировать как превышение необходимой обороны. В нарушение ст. 87, 88, 307 УК РФ суд первой инстанции допустил противоречия в суждениях, указав, что после перехода ножа посягательство со стороны Ш. было прекращено, в то же время заключив, что К. имел возможность убежать от Ш. и прекратить посягательство со стороны потерпевшего, тем самым констатировав продолжение посягательства со стороны Ш. При этом переход оружия от посягавшего лица к оборонявшемуся не может сам по себе свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, физического развития посягавшего и иных обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения посягательства.

Кроме того, суд первой инстанции не дал оценки тому, что на ладонях К. имелись резаные раны, подтверждающие его показания о том, что Ш. наносил ему удары ножом.

Указанные нарушения требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства президиум посчитал существенными, влияющими на правильность разрешения фундаментальных вопросов, в том числе о наличии события преступления, виновности в нем К., а также юридической оценки действий К. в контексте применения положений ст. 37 УК РФ, в связи с чем судебные решения судов первой и апелляционной инстанций были отменены, а уголовное дело направлено в суд первой инстанции.

Допущенные судами первой и второй инстанций нарушения обусловлены в том числе и следующим обстоятельством: в законодательстве отсутствует указание на то, что переход оружия от посягавшего лица к оборонявшемуся не может сам по себе свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, физического развития посягавшего и иных обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения посягательства, опасного для жизни оборонявшегося и других лиц.

Приведем пример применения правил о необходимой обороне при рассмотрении гражданского дела.

Так, Н. обратился в суд с иском к Д. о возмещении вреда, причиненного имуществу. В обоснование указал, что приехал на автомобиле к магазину, в это время Д. подошел и нанес удар кулаком по капоту, причинив автомобилю повреждения, стоимость устранения которых составляет более 50 тыс. руб.

Решением Центрального районного суда городского округа Тольятти от 27 февраля 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 11 мая 2017 г. по делу № 33-5689/2017, в удовлетворении исковых требований Н. было отказано.

Отказывая Н. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что согласно материалам административного расследования Н. допустил наезд на пешехода Д., который, чтобы остановить автомобиль, продолжавший движение, вынужденно нанес удар по капоту автомобиля, после чего тот остановился. Суд пришел к выводу о том, что Д. в момент причинения вреда имуществу истца действовал в пределах необходимой обороны для защиты от противоправных действий Н., совершившего наезд на ответчика источником повышенной опасно-

сти. При этом действия Д. соответствовали характеру и опасности посягательства и не выходили за пределы действий, требовавшихся для пресечения посягательства, поскольку Д. нанес удар кулаком непосредственно в момент наезда на него автомобиля для прекращения опасных противоправных действий истца (нарушившего пп. 8.1 и 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации) и предотвращения наступления вреда своему здоровью, и только после удара кулаком по капоту автомобиль истца, проехав еще немного, остановился.

В указанном апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 11 мая 2017 г. отмечено, что гражданское законодательство, устанавливая в ст. 1066 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ), что вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, возмещению не подлежит, не содержит определения понятия необходимой обороны. В порядке аналогии закона применяется ст. 37 УК РФ, определяющая, что необходимая оборона – это защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

В целях обеспечения определенности применения норм о необходимой обороне предлагаем закрепить в ст. 37 УК РФ следующие положения:

– переход оружия от посягавшего лица к оборонявшемуся не может сам по себе свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, физического развития посягавшего и иных обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения посягательства, опасного для жизни оборонявшегося и других лиц;

– отсутствие разрыва во времени между опасным для жизни нападением и самозащитными действиями, а также продолжение нападения после перехода оружия посягательства от нападавшего к защищающемуся, в том числе продолжение причинения телесных повреждений защищающемуся, дают право защищающемуся использовать это оружие;

– посягательство признается сопряженным с насилием, опасным для жизни и здоровья, если действия посягающего либо группы лиц направлены на причинение вреда личности, в том числе сопровождаются высказыванием угроз причинения вреда, демонстрацией оружия или других предметов, не являющихся оружием, но способных причинить вред.

Кроме того, в ст. 1066 ГК РФ необходимо закрепить легальное определение необходимой обороны в целях применения этого института в гражданских правоотношениях.

Библиографический список

1. *Антипов С. А.* Конституционные основы уголовно-правового института необходимой обороны / С. А. Антипов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 1. – С. 237–243.

2. *Головко Н. В.* Институт необходимой обороны в российском уголовном праве / Н. В. Головко // Российский следователь. – 2017. – № 6. – С. 21–23.

3. *Мостовой С. М.* О применении ответственности за причинение вреда в состоянии необходимой обороны / С. М. Мостовой // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. – С. 391–398.

References

1. *Antipov S. A.* Constitutional Bases of Criminal Law Institute of Necessary Defense. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2010. No. 1. P. 237–243.

2. *Golovko N. V.* Institute of Necessary Defense in Russian Criminal Law. *Rossijskij Sledovatel'*. 2017. No. 6. P. 21–23.

3. *Mostovoj S. M.* About Application of the Responsibility for Causing Harm in a Condition of Necessary Defense. *Teoriya i Praktika Obshhestvennogo Razvitiya*. 2010. No. 2. P. 391–398.

Библиографическое описание статьи

Румянцев С. А. Необходимая оборона как средство самозащиты: некоторые проблемы законодательства и правоприменительной практики / С. А. Румянцев // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 184–187.

УДК 340

Третьякова Ольга Дмитриевна,
директор Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, доцент
E-mail: o_tretjakova@mail.ru

Tret'yakova Ol'ga D.,
Director of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
Doctor of Law, Associate Professor

Петрова Ирина Леонидовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: i-l-petrova@mail.ru

Petrova Irina L.,
Associate Professor of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
PhD (Law), Associate Professor

ПРОТИВОПРАВНЫЕ ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ КАК ФАКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Illegal Policode Texts as a Factor of Legal Convergence

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из обстоятельств, способствующих юридической конвергенции, – поликодовым текстам, которые содержат вербальные и невербальные компоненты. В процессе исследования авторы анализируют конкретные жизненные ситуации, являющиеся юридическими фактами, основанными на противоправных поликодовых текстах и сообщениях; обобщают существенные элементы противоправных поликодовых текстов; вносят предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: юридическая конвергенция; поликодовые тексты; юридическая поликодовость; юрислингвистическая экспертиза; коннотация; призыв; экстремистская деятельность.

Abstract. The article is devoted to the study of one of the circumstances. Promoting legal convergence – polycode texts that contain verbal and nonverbal components. In the process of the study analyzed the specific situation, the legal facts based on the wrongful polidovich texts and messages. The paper summarizes the essential elements of illegal polycode texts. The article makes proposals to improve the current legislation.

Key words: legal convergence; polycode texts; legal polycodularity; legal and linguistic expertise; connotation; appeal; extremist activity.

Современный мир – это конвергенция (сближение) стран и народов в самых разнообразных сферах жизнедеятельности и общественных отношений. Важным организующим и систематизирующим элементом, обеспечивающим стабильное существование общества, выступает правовое регулирование общественных отношений. Конвергенция в сфере правового регулирования наиболее верифицируема и значима для субъектов правоотношений. В науке она обозначается как юридическая конвергенция и проявляется в самых разнообразных формах: в сближении правовых систем, их внутренних элементов, права и иных регуляторов поведения субъектов правоотношений и т. д. [6]. Современной чертой юридической конвергенции выступает универсализация правовой защиты и охраны общества от наиболее опасных интернациональных правонарушений, среди которых особое место занимает юридическая конвергенция в сфере противодействия экстремизму.

Юридическая конвергенция в сфере противодействия экстремизму обусловлена единством международных требований к правовому регулированию рассматриваемого вида общественных отношений. Международные конвергенционные требования выражены в целом ряде международных правовых актов, среди которых следует отметить: Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 ноября 1981 г.), предписывающую государствам принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений; Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1992 г.); Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена 15 июня 2001 г.) и др. [8].

Отечественное законодательство конкретизирует международное право в специальных охранительных правовых актах, запрещающих экстремизм и определяющих механизм противодействия данному социально негативному явлению. Центральное место среди данных нормативных правовых актов занимают: специальный Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который в норме ст. 1 закрепляет понятие и содержание экстремистской деятельности, а также нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) (ст. 280) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 13.37) и др.

В целом конвергенция правового регулирования в сфере противодействия экстремизму обусловливается, безусловно, не только опасностью данных деяний, но и иными факторами, например, цифровизацией самого права [5] или конвергенцией численных и буквенных обозначений в противоправ-

© Третьякова О. Д., Петрова И. Л., 2019

ных текстах призывов к экстремистской деятельности. Иными словами, в правовом регулировании и содержании противоправной деятельности в виде экстремистских призывов прослеживается конвергенция в форме **юридической поликодовости**[1].

Для подтверждения данного тезиса обратимся к материалам юрислингвистической экспертизы, проведенной одним из авторов текстовых материалов, которые содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Рассмотрим две ситуации.

1. **Объект исследования № 1** (*изображение № 1*) – информационный блок https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_487, размещенный на интернет-странице https://vk.com/id315813390, распечатанный и приложенный к акту проведения оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов», содержащий изображение, состоящее из четырех фотографий, оформленное в стиле комикса: на первой фотографии изображена группа из пяти молодых людей, предположительно, выходцев с Кавказа (надпись сверху – «любить кавказцев», снизу – «нереально»); на второй – портрет А. Гитлера (надпись сверху – «но я, мечту свою», снизу – «лелея»), на третьей – белый квадрат с надписью «решил проблему гениально», на четвертой изображены печи для сжигания людей в фашистских концлагерях с надписью «сожжем в печи их как евреев».

Изображение № 1. Предметно-тематический анализ. В процессе исследования пропозитивного[2] содержания текстовых высказываний, представленных на четырех фотографиях, оформленных в стиле комикса, установлен предмет этих высказываний – группа лиц, объединяемых национальной принадлежностью, – «кавказцы»: на первой фотографии изображена группа молодых людей, предположительно, выходцев с Кавказа; над этой группой вверху имеется надпись «любить *кавказцев*», а под изображением молодых людей, снизу – надпись «нереально»; на четвертой фотографии (последней) надпись «сожжем в печи *их* [вверху] как евреев [внизу]». Кроме того, в анализируемом поликодовом тексте присутствует и второй предмет речи – тоже группа лиц, объединяемых национальной принадлежностью, – «евреи»: «сожжем в печи их, как *евреев*» (четвертая фотография). Данный предмет речи можно назвать «скрытым», поскольку он присутствует в тексте как объект сравнения («как евреев» – эксплицитное выражение логической операции сравнения с помощью сравнительного оборота). Таким образом, здесь имеются два предмета речи, обозначенных вербально, связанных логическими отношениями, при этом второй предмет не является темой высказывания, однако выражается эксплицитно (открыто, прямо) посредством сравнительного оборота. Не является темой высказывания и другой скрытый предмет речи – Адольф Гитлер, чей портрет представлен на второй фотографии, т. е. выражен невербально. О присутствии этого предмета речи свидетельствуют также местоимения «я» и «свою» [мечту] во фразе, которая получается путем объединения всех изображений: «Любить кавказцев нереально, но *я*, мечту *свою* лелея, решил проблему гениально: сожжем в печи их, как евреев». Личное местоимение 1-го лица единственного числа «я» указывает на то, что производителем действий (в данном высказывании: *лелеять* мечту) является говорящий, а притяжательное местоимение «свою» [мечту] указывает на «принадлежность» мечты говорящему. Надпись с выделенными нами местоимениями расположена на фоне портрета Гитлера. Следовательно, по мысли публикаторов, эту фразу произносит якобы он. В сегменте предложения «решил проблему гениально» глагол-сказуемое стоит в форме прошедшего времени единственного числа мужского рода, что также в общем контексте отсылает к предмету речи «Гитлер».

В отношении выделенных предметов речи используются следующие содержательные типы высказываний:

1) *описательно-информирующие:* представлена ситуация, передающая с помощью логико-языковых средств описание состояния: есть группа лиц – кавказцы (первая фотография), по поводу которых решается «проблема» (на второй фотографии с изображением Гитлера надпись «но я, мечту свою лелея», на третьей – «решил проблему гениально»); сообщаемая информация – действие, которое нужно совершить в отношении группы лиц, – сожжение (на четвертой фотографии изображение печи для сожжения людей и надпись «сожжем в печи их, как евреев»);

2) *оценочные:* приводится эмоциональная оценка – сообщение о чувствах, эмоциях, которые вызывает у автора (авторов) основной предмет речи «кавказцы»: «любить кавказцев нереально» (первая фотография), и эта негативная оценка выражается эксплицитно, т. е. прямо, с использованием предиката *нереально* (с модальным значением невозможности) при подлежащем *любить*, выраженном глаголом семантической группы «позитивные чувства, эмоции». Имплицитно (скрыто, неявно) выражена рациональная (общая) и эмо-

---

[1] Данная форма юридической конвергенции производна от концепции поликодовых текстов. ***Поликодовый текст*** – это текст, в котором сообщение закодировано семиотически (знаково) разнородными средствами – вербальными (словесными) и невербальными компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру. Поликодовый текст характеризует как устное, так и письменное общение. В качестве невербальных знаков могут выступать рисунки, фотографии, схемы, сюда же относятся свойственные только устному общению мимика, жесты, предметы окружающего мира. Наличие невербальных (или, применительно к письменному тексту, паралингвистических) знаков в тексте еще не свидетельствует о его поликодовости: поликодовым он будет в том случае, если это паралингвистически активный текст, т. е. такой, в котором паралингвистические средства являются носителями информации или вносят дополнительные оттенки в содержание. Поликодовость текста обусловлена ситуацией общения, коммуникативным замыслом, предметом речи и служит задачам эффективного общения. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и невербальный компоненты обеспечивают целостность и связность поликодового текста, его коммуникативный эффект, поскольку разнокодовые (разнознаковые) сообщения дополняют и поясняют друг друга.

[2] Пропозиция – языковое воплощение определенной ситуации в действительность.

циональная оценка к предметам речи «кавказцы» и «евреи»: «но я, *мечту* свою *лелея*» на фоне портрета Гитлера (вторая фотография) – вербальные средства (*лелеять мечту* означает «любовно вынашивать мысль, горячо желать чего-нибудь») и невербальный компонент (портрет Гитлера, проводившего политику геноцида – физического уничтожения – по отношению ко многим народам) вместе создают эффект враждебного отношения к предмету речи (кавказцам); «решил проблему *гениально*» (третья фотография) – подчеркивается, что кавказцы, поскольку «любить» их «нереально», являют собой проблему, и найденное автором решение достойно самой высокой оценки – «оно гениально»; «*сожжем* в печи их, *как евреев*» на фоне жерла печи с задвинутыми в нее носилками (четвертая фотография) – вербальные и невербальные компоненты данного изображения призваны выразить активно негативное, агрессивное отношение к предметам речи – представителям кавказских народов и еврейской национальности.

Использование лексем с положительной коннотацией[1] (*любить, мечта, лелея, гениально*) на фоне призыва к насильственным действиям (*сожжем в печи*) в отношении враждебных для автора групп лиц – кавказцев и евреев – является имплицитным выражением негативного, враждебного отношения к указанным предметам речи.

Отношение к предмету речи «Гитлер», представленному невербальными компонентами (портрет и печь для сожжения людей), можно характеризовать как положительное, с учетом семантики вербальных компонентов, свидетельствующей о «гениальном» решении проблемы (сжиганием в печи) борьбы с враждебными группами людей по признаку национальной принадлежности.

Таким образом, анализируемый поликодовый текст является паралингвистически активным, поскольку его вербальные и невербальные средства являются носителями информации о предметах речи (кавказцах и евреях), о враждебном отношении к ним и положительном отношении к скрытому предмету речи – Гитлеру, его идеологии расизма и политике геноцида;

3) *побудительные:* в анализируемом поликодовом тексте вербализуется призыв к насильственным действиям по отношению к предмету речи «кавказцы»: «сожжем в печи их, как евреев» (четвертая фотография). В данном высказывании побуждение выражается эксплицитно – с помощью такого языкового средства, как глагол в форме 1-го лица множественного числа (со значением совместного действия), будущего времени со значением повелительного наклонения – это так называемое транспозиционное (переносное) употребление формы изъявительного наклонения глагола. При экспликации (открытом выражении) побуждения в русском языке используются формы глагола повелительного наклонения либо другие языковые средства, которые могут выступать в функции глагольного императива. Форма 1-го лица множественного числа изъявительного наклонения будущего времени является одним из таких языковых средств.

Оценочно-экспрессивный анализ. В процессе данного исследования выявлено определенное отношение автора (авторов) к предметам речи – второй (после установления предмета речи и содержательных типов высказываний) обязательный компонент «экстремистских» значений, и значения эти в анализируемых высказываниях не нейтральны.

Здесь, во-первых, прослеживается эмоциональное негативное отношение к предметам речи «кавказцы» и «евреи»: «любить кавказцев нереально», «сожжем в печи их, как евреев» – ярко выраженное враждебное отношение эксплицируется с помощью лексемы «нереально», имеющей значение модальной оценки невозможности и недопустимости, и открытого призыва к насильственным действиям.

Во-вторых, в представленном поликодовом тексте выражается позитивное отношение к скрытому предмету речи – *Гитлеру*, его идеологии расизма и политике геноцида, о чем свидетельствуют вербальные и невербальные компоненты текста: надпись на третьей фотографии, следующей за портретом Гитлера на второй фотографии, «решил проблему гениально» (найденное автором решение, заимствованное у Гитлера, является «гениальным»), а также изображение печи для сожжения людей на четвертой фотографии и надписью «сожжем в печи их, как евреев». Описанные средства свидетельствуют об оправдании указанного действия в отношении групп лиц (кавказцев и евреев): сжигание представителей враждебных народов в печи является «гениальным» решением, которое воплощал в действительность Гитлер.

Целевой анализ. В результате проведенного исследования речевых целей (третий обязательный компонент «экстремистских» значений, определяемый после установления предмета речи и отношения к нему) выявлено несколько речевых установок адресанта представленного для анализа поликодового текста: демонстрация убеждения в неполноценности групп лиц, объединяемых национальной принадлежностью («любить кавказцев нереально»); оправдание идей нацизма и фашизма, убеждение в их исключительности; побуждение к принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении указанных групп лиц и к совершению этих действий (призыв); убеждение аудитории в правильности и допустимости таких действий («решил проблему гениально»); информирование аудитории о том, как она должна действовать («сожжем в печи их, как евреев»).

В соответствии с поставленным вопросом остановимся более подробно на исследовании речевой цели «призыв».

Призыв[2] рассматривается как убеждение в необходимости совершения определенных действий.

[1] Коннотация – эмоциональная оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) либо окказионального (языковое средство, употребляющееся лишь в определенных случаях) характера.

[2] Призыв – наиболее радикальная открытая форма словесного воздействия на поведение человека. По определению А. Н. Баранова, призыв – это особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежбицкой для семантической экспликации императивов, – «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [1, с. 412].

И, являясь разновидностью убеждения, он включает в себя двойное побуждение: к принятию мнения о необходимости названных действий и к совершению этих действий.

К принятию мнения о необходимости насилия (физического уничтожения) в отношении групп лиц «кавказцы» (основной предмет речи) и «евреи» («скрытый» предмет речи, не являющийся основной темой высказывания) побуждают вербальные и невербальные компоненты анализируемого поликодового текста. Языковые средства передачи экстремистского лингвистического значения «вражда, рознь» имеют как эксплицитный, так и имплицитный характер. Эксплицитное выражение негативного отношения к названным предметам речи представлено использованием предиката *нереально* (с модальным значением невозможности) при подлежащем *любить*, выраженном глаголом семантической группы «позитивные чувства, эмоции» в надписи на первой фотографии «любить кавказцев нереально». Использование в предложении (разбитом на фрагменты и размещенном по соответствующим фотографиям: «любить кавказцев нереально», «но я, мечту свою лелея», «решил проблему гениально») лексем с положительной коннотацией (*любить, мечта, лелея, гениально*) на фоне призыва к насильственным действиям («*сожжем в печи их,* как евреев») в отношении враждебных для автора (авторов) групп лиц – кавказцев и евреев, а также портрет Гитлера, известного своей идеологией расизма и политикой геноцида, являются имплицитным выражением негативного, враждебного отношения к указанным предметам речи и одновременно служат оправданием идеологии нацизма и фашизма (а оправдание – одна из форм убеждения в необходимости принятия мнения). Негативная оценка этих предметов речи является основным способом формирования у аудитории установок, соотносящихся с такими понятиями, как «вражда», «рознь», «ненависть», «унижение». Перечисленные средства (вербальные и невербальные) призваны побудить адресата к принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении представителей кавказских народов и лиц еврейской национальности.

Побуждение к воплощению формируемого мнения в жизнь, к совершению насильственных действий в отношении «враждебных» национальных групп также осуществляется с помощью вербальных и невербальных компонентов анализируемого текста. Призыв к физическому уничтожению «кавказцев» выражен эксплицитно: для воплощения экстремистских идей адресантом используются лексическое и синтаксическое языковые средства: лексема «сжечь» (в форме «сожжем»), имеющая значение «уничтожить, истребить огнем *кого-что*» [2, с. 1182], и побудительное предложение, в котором призыв морфологически представлен формой глагола 1-го лица множественного числа (со значением совместного действия) будущего времени (эта форма в переносном употреблении выполняет функцию глагольного императива): «*Сожжем* в печи их, как евреев». При этом форма глагола 1-го лица множественного числа (со значением совместного действия) является признаком того, что адресант включает себя в одну группу с адресатом речи, таким образом выражая отношение типа «мы, сторонники», что еще более усиливает побуждающее воздействие данного высказывания: так создается атмосфера доверия, идейного и духовного единения с потенциальными читателями. В отношении «евреев» экстремистский призыв является скрытым, поскольку оформляется имплицитно – через логическую операцию сравнения, о чем свидетельствует использование в анализируемом высказывании, призывающем к сожжению в печи «кавказцев», синтаксического изобразительно-выразительного средства русского языка – сравнительного оборота («как евреев»). Невербальные средства – изображения Гитлера и печи для сожжения людей – усиливают побуждающий эффект и являются наглядным дополнением вербальной информации о том, каким образом надо действовать: как Гитлер (известный своей идеологией расизма и политикой геноцида), с использованием печи для сожжения людей.

В вербальной составляющей анализируемого сообщения выявлены три (из четырех) лингвистических признака призыва: 1 – наличие вербального императива – глагол «сожжем»; 2 – наличие в высказывании образа, способа совершения действия, выраженного в значении глагола «сожжем»: «сжечь» –«уничтожить огнем, с помощью огня»; 3 – наличие в высказывании обозначения объекта названного действия – «кавказцы» (и неосновной объект – «евреи»). Четвертым лингвистическим признаком призыва является наличие в высказывании образа адресата – он отсутствует в исследуемом сообщении, размещенном на интернет-странице. Отсутствие конкретного образа адресата можно объяснить тем, что в последние годы экстремистская деятельность по большей части переместилась в сеть «Интернет», аудитория пользователей которой весьма масштабна и неопределенна. Однако указанный выше факт (отсутствие конкретного образа адресата речи) не снижает силу воздействия призыва «сожжем в печи их [кавказцев], как евреев» именно по причине разнообразия и масштабности аудитории интернет-пользователей.

Итак, в представленных высказываниях прослеживаются лингвистические значения речевой цели[1] призыва как разновидности убеждения, подкрепляемые значениями невербальных компонентов (портрет Гитлера, изображение печи для сожжения людей): «побуждение к мнению» (‘я говорю тебе это, чтобы ты согласился с необходимостью совершения тобой этих действий’) и «побуждение к действию»: (‘я говорю тебе, что я хочу, чтобы ты не только признал необходимость действий, но и совершил их’): «любить кавказцев нереально», «сожжем в печи их, как евреев».

Вывод по исследованию объекта № 1 (***изображения № 1***). В представленном поликодовом тексте имеются лингвистические признаки побу-

[1] Речевая цель – сообщаемая адресату информация о том, зачем производится то или иное речевое действие.

дительного высказывания[1] (в форме призыва) к насильственным, дискриминационным действиям, направленным против групп лиц, объединяемых национальной принадлежностью, – кавказцев и евреев. Высказывание побудительного типа «сожжем в печи их, как евреев» подтверждает нацеленность текста на формирование у адресата не только негативного (неприязненного, враждебного) отношения к указанным группам лиц, но и намерения, готовности к совершению действий против них – насилию, физическому уничтожению.

2. **Объект исследования № 2** (***изображение № 2***) – информационный блок https://vk.com/id233675681?w=wall233675681_507, размещенный на интернет-странице https://vk.com/id315813390, распечатанный и приложенный к акту проведения оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов», содержащий фотографию горящего человека с приподнятой ногой и стоящего рядом с ним мужчины в черной одежде и с черной маской на лице, с текстом черного цвета в полупрозрачном круге серого цвета следующего содержания: «Увидел лезгинку жги», а также с надписью в верху рисунка «14/88».

Изображение № 2. Предметно-тематический анализ. В процессе исследования пропозитивного содержания фразы «увидел лезгинку жги» (пунктуация, точнее, ее отсутствие, сохранена), представленного на фотографии горящего человека с приподнятой ногой и стоящего рядом с ним мужчины в черной одежде и с черной маской на лице, а также надписи в верху рисунка «14/88» установлено, что предмет этого сообщения является «скрытым»: он не назван, но присутствует в семантической структуре изображения, представляющего собой объединение семиотически разнородных средств – вербальных (словесных) и невербальных компонентов, т. е. поликодовый текст.

Лезгинка – традиционный танец народов Кавказа. Приподнятая нога горящего человека представлена автором как элемент танца. Автор призывает жечь всех, кто танцует лезгинку, которая в данном контексте выступает как идентифицирующий (культурно-бытовой) признак этнической группы кавказских народов. Таким образом, танец «лезгинка», о котором идет речь во фразе «увидел лезгинку жги», связан логическими отношениями (имеет референтную соотнесенность) с группой лиц, объединенных по признаку этнической принадлежности, – народами Кавказа. Следовательно, предмет сообщения – кавказцы (как и в ***изображении № 1***).

В отношении данного предмета речи используются следующие содержательные типы высказываний:

1) *описательно-информирующие:* представлена ситуация, передающая с помощью логико-языковых средств условие совершения основного действия, к которому призывает адресант: фраза «увидел лезгинку жги» представляет собой бессоюзное сложное предложение (вербальное средство) с условными смысловыми отношениями, первая часть (первое простое предложение «увидел лезгинку») которого имеет значение условия – «если увидел лезгинку», а во второй части (втором простом предложении «жги») сообщается информация о действии, которое нужно совершить при названном условии в отношении группы лиц, – сожжении, что следует из семантики глагола «жги» (вербальное средство): «жечь» – «уничтожать огнем», и изображения горящего человека (невербальное средство);

2) *оценочные:* фраза «увидел лезгинку жги» (вербальное средство) демонстрирует негативную оценку предмета речи, что явствует из семантики глагола «жечь» в форме «жги», обозначающего и само действие по отношению к представителям кавказских народов, и способ совершения этого действия: убийство путем сожжения. Это эксплицитное выражение неприязненного, враждебного отношения к предмету речи, т. е. налицо лингвистические признаки экстремистского значения «возбуждение розни, вражды». Имплицитно данное значение дополняется, подкрепляется изображением (невербальным компонентом) горящего танцующего человека;

3) *побудительные:* в анализируемом поликодовом тексте вербализуется призыв к насильственным действиям по отношению к предмету речи «кавказцы» – «увидел лезгинку жги». Вторая часть (второе простое предложение «жги») данной синтаксической конструкции является классической (типичной) формой выражения призыва в русском языке – побудительным предложением, сказуемое которого – глагол повелительного наклонения, 2-го лица, единственного числа (глагольный императив, образованный от основы настоящего времени с помощью суффикса повелительного наклонения *-и-*). Описываемое глаголом действие носит конкретный характер: лексическое значение лексемы «жечь» – «уничтожать огнем». Следовательно, побуждение к действию выражено в данном высказывании эксплицитно. При этом для констатации экстремистского значения в побудительном предложении «жги» важной является детекция признака насильственного характера действия, обозначаемого глаголом-сказуемым: действие по глаголу «жечь» – «уничтожать огнем», употребленное по отношению к человеку (надпись «увидел лезгинку жги» размещена поверх изображения фигуры горящего танцующего человека), несомненно, является насильственным, а форма императива данного глагола призвана побудить адресата к совершению названного действия – уничтожению огнем человека, танцующего лезгинку (традиционный народный кавказский танец), т. е. любого представителя народов Кавказа.

Оценочно-экспрессивный анализ. В процессе данного исследования выявлено определенное отношение адресанта к предмету речи – второй (после установления предмета речи и содержательных ти-

[1] Побудительное высказывание – высказывание, в котором выражается побуждение слушающего к выполнению определенных действий. Побуждение в таких высказываниях представлено различными видами: приказ, просьба, совет, требование, запрет, предупреждение и др. В ряде случаев это высказывание, в котором присутствуют формы повелительного наклонения глагола, либо другие средства, которые способны выступать в функции побуждения (инфинитив, интонационные конструкции и т. п.). Одной из разновидностей побудительных высказываний является призыв [3, с. 140].

пов высказываний) обязательный компонент «экстремистских» значений. Образ кавказца, танцующего лезгинку (а этот образ, как было доказано в ходе предметно-тематического анализа, является обобщенным представлением всех кавказских народов), вызывает у адресанта резко неприязненное, враждебное отношение, которое в своей силе доходит до крайности – призыва к физическому уничтожению представителей названной этнической группы. Это отношение выражается посредством вербальных и невербальных средств, эксплицитно (открыто, явно) и имплицитно (скрыто, неявно).

Высказывание «увидел лезгинку жги» (вербальное средство) эксплицитно выражает негативную оценку предмета речи через семантику глагола «жечь», стоящего в форме императива, – «уничтожать огнем». Представленный таким способом призыв к физическому уничтожению «чужой», «враждебной» группы подкрепляется невербальным средством – изображением горящего танцующего человека.

С помощью невербальных средств выражается имплицитная оценка предмета речи: враждебное, агрессивное отношение к «кавказцам» передается посредством символа «14/88», размещенного в верху рисунка (над рисунком). Данный символ является шифровым, кодовым лозунгом так называемых белых националистов (или белых неонацистов). Толкование значения этого символа различно[1], однако, несомненно, что его наличие в качестве заголовка (он расположен над рисунком, предваряя восприятие изображения, настраивая на определенную рецепцию) подготавливает адресата к националистическому (неонацистскому) содержанию предлагаемого ниже материала. Публичное использование символа, связанного в обществе с негативно оцениваемыми взглядами, означает солидаризацию с этими взглядами и их демонстрацию. В связи с этим текстовое значение такого символа может быть вербализовано так: «*Знайте, что я разделяю взгляды, которые связаны с данным символом*». Очевидно, что не все адресаты данного закодированного сообщения понимают значение анализируемого символа, но знающие интернет-пользователи, «свои» (в терминах оценки типа «свой/чужой»), однозначно воспримут следующее за символом «14/88» изображение с определенным настроем – враждебным и неприязненным отношением к предмету речи – кавказцам.

В анализируемом побудительном высказывании особый цинизм (циничное отношение) призыву к насильственным действиям относительно кавказцев придает использование каламбура – фигуры речи, состоящей в юмористическом использовании многозначности слова. А у глагола «жечь» в современном употреблении сформировалось еще одно лексическое значение, отмеченное в словарях как переносное, сленговое – «весело и артистично вести себя, выдавать необычное поведение, вызывающее смех» [4]. Следовательно, призыв «жги» можно толковать как побуждение к убийству, уничтожению представителей враждебной группы огнем и одновременному веселью по этому поводу.

Поскольку исследуемый поликодовый текст, как и любой подобный, является результатом («продуктом») сознательной, целенаправленной деятельности публикатора, постольку в процессе анализа выраженного в нем отношения к предмету речи необходимо обратить внимание на надпись, сделанную по границе круга с призывом «увидел лезгинку жги» на фоне пламени, в котором горит танцующий человек, – это слово VIOLENCE, написанное латиницей. В переводе с французского оно означает «неистовая сила, буйность», в английском языке имеет значение «насилие, жестокость». Взаимодействуя с другими компонентами ***изображения № 2*** (вербальными и невербальными), эта надпись дополняет, поясняет и усиливает мысль о том, что представители «чужой» группы (выходцы с Кавказа) заслуживают жестокого отношения и к ним необходимо применять насилие. Как и в ситуации с символом «14/88», но по другой причине, трансляция подобного отношения понятна не всем русскоязычным пользователям, однако своего адресата, знающего французский либо английский языки, такая вербальная демонстрация жестокости и насилия по отношению к группе лиц, выделяемой по этническому признаку, найдет. Описанный вербальный компонент является имплицитной негативной оценкой предмета речи.

Таким образом, в анализируемом поликодовом тексте присутствуют лингвистические признаки экстремистского значения «возбуждение розни, вражды».

Целевой анализ. В результате проведенного исследования речевых целей (третий обязательный компонент «экстремистских» значений, определяемый после установления предмета речи и отношения к нему) в представленном для анализа поликодовом тексте выявлены следующие речевые установки адресанта: демонстрация враждебного отношения к группе лиц, объединяемых этнической принадлежностью (представители кавказских народов); побуждение к принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении указанной группы лиц и к совершению этих действий (призыв); информирование аудитории о том, как она должна действовать («жги»).

Вывод по исследованию объекта № 2 (***изображение № 2***). В представленном поликодовом тексте имеются лингвистические признаки побудительного высказывания (в форме призыва) к насильственным, дискриминационным действиям, направленным против групп лиц, объединяемых этнической принадлежностью (представители кавказских народов); побуждение к принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении указанной группы лиц и к совершению этих

[1] Число 14 объясняют либо количеством слов (в английском тексте) в лозунге Д. Лэйна, американского неонациста: «Мы должны защитить существование наших людей и будущее белых детей, потому что красота Белой Арийской женщины никогда не должна исчезнуть с земли», либо порядковыми номерами букв русского алфавита А (1) и Г (4) – инициалы А. Гитлера; 88 – числовое отображение приветствия «Heil Hitler», так как буква «Н» в латинском алфавите – 8-я по счету; по этому числовому отображению назван и манифест Д. Лэйна «88 заповедей» [7].

действий (призыв); информирование аудитории о том, как она должна действовать («жги»).

В общем, опираясь на результаты юрислингвистических исследований поликодовых текстов экстремистской направленности, целесообразно отметить ряд обстоятельств, имеющих существенное значение для современного правового регулирования в целом и противодействия экстремистской деятельности, в частности.

Во-первых, юридическая конвергенция в юрислингвистике проявляется во внешнем выражении и закреплении в праве текстов, содержащих интегрированное буквенное, цифровое, символическое и иное невербальное выражение и имеющих значение для установления, изменения и прекращения правоотношений.

Во-вторых, **юридическая поликодовость** – *это внешняя форма буквенно-цифровой конвергенции правового регулирования, а также юридически значимое объединение в устном или письменном тексте – вербальных (словесных) и невербальных компонентов, объединение которых представляет собой определенную структуру*. В качестве невербальных знаков могут выступать рисунки, фотографии, схемы, сюда же относятся специфические только для устного общения мимика, жесты, предметы окружающего мира.

В-третьих, юридическая поликодовость как разновидность юридической конвергенции обусловливается конвергенцией буквенных, цифровых и иных, невербальных, средств выражения мысли в межличностном общении и поведении индивидов, которые оцениваются законом как противоправные.

В-четвертых, представляется целесообразным введение юрислингвистической экспертизы на этапе правотворчества и правоприменения на предмет наличия элементов противоправности, нечеткости, коллизионности и других дефектов в поликодовых текстах нормативных и правоприменительных актов.

В-пятых, при внешней юридической конвергенции необходимо подвергать обязательному юрислингвистическому анализу все имплантируемые правовые нормы международного права и права зарубежных государств на предмет наличия дефектной юридической поликодовости.

В-шестых, в связи с проведенным исследованием предлагаем в ч. 1 ст. 15.1-1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» фразу «В случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, информации, выражающей в неприличной форме…» заменить на «В случае подтверждения наличия в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, с помощью юрислингвистической экспертизы информации, выражающей в неприличной форме…».

Библиографический список

1. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – 3-е изд. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 591 с. – ISBN 978-5-9765-0083-9.

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с. – ISBN 5-7711-0015-3.

3. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с. – ISBN 978-5-88210-464-0.

4. Жечь. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/жечь (дата обращения: 01.07.2019).

5. *Головкин Р. Б.* «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2(51). – С.163–167.

6. *Третьякова О. Д.* Юридическая конвергенция: теория, технология, практика / О. Д. Третьякова. – Москва : Центр соврем. образоват. технологий, 2011. – 342 с. – ISBN 978-5-4359-0022-4.

7. *Федорченко Т.* Криптограмма 14/88. Что это значит / Т. Федорченко. – URL: https://www.syl.ru/article/369680/kriptogramma-chto-eto-znachit (дата обращения: 01.07.2019).

8. *Ханбабаев К. М.* Зарубежный опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму / К. М. Ханбабаев. – URL: http://www.ekstremizm.ru/metodika/item/178 (дата обращения: 01.07.2019).

References

1. *Baranov A. N.* Linguistic Expertise of the Text: Theoretical Basis and Practice. 3rd ed. Moscow, FLINTA, Nauka, 2011. 591 p. ISBN 978-5-9765-0083-9.

2. Great Dictionary of Russian Language. Compl. and gen. ed. S. A. Kuzneczov. Saint-Petersburg, Norit, 1998. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3.

3. *Brinev K. I.* Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Expertise. Ed. by N. D. Golev. Barnaul, AltGPA, 2009. 252 p. ISBN 978-5-88210-464-0.

4. Burn. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/жечь (date of the application: 01.07.2019).

5. *Golovkin R. B., Amosova O. S.* «Digital Rights» and «Digital Law» in Mechanism of Digitalization of Economy and Public Administration. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2019. No. 2(51). P. 163–167.

6. *Tret'yakova O. D.* Legal Convergence: Theory, Technology, Practice. Moscow, Centr Sovremenny'kh Obrazovatel'ny'kh Tekhnologij, 2011. 342 p. ISBN 978-5-4359-0022-4.

7. *Fedorchenko T.* Cryptogram 14/88. What does It Mean. URL: https://www.syl.ru/article/369680/kriptogramma-chto-eto-znachit (date of the application 01.07.2019).

8. *Khanbabaev K. M.* Foreign Experience of Political and Legal Regulation of the System of Countering Extremism and Terrorism. URL: http://www.ekstremizm.ru/metodika/item/178 (date of the application: 01.07.2019).

Библиографическое описание статьи

Третьякова О. Д. Противоправные поликодовые тексты как фактор юридической конвергенции / О. Д. Третьякова, И. Л. Петрова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 188–194.

УДК 347.61

Якушев Павел Алексеевич,
судья Владимирского областного суда,
доцент кафедры судебной деятельности
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Yakushev.PA@yandex.ru

Yakushev Pavel A.,
Judge of Vladimir Regional Court,
Assistant Professor of Court Activity Department
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
PhD (Law), Associate Professor

ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Values in the System of Social Normative Regulators of Family Relations

Аннотация. Автор анализирует то место ценностей, которые они занимают в системе социальных нормативных регуляторов семейных отношений. Сделан вывод, что ценности: являются, во-первых, источниками формирования социальных норм, интегрируют стадии социального регулирования семейных отношений, объединяют нормативные социальные регуляторы в единую регулирующую систему, придают социальным нормативным регуляторам характер ценностей, во-вторых, критериями оценки социальных норм, выступают катализаторами или ингибиторами действия нормативных социальных регуляторов; способствуют разрешению конфликтов между ними; выполняют прогностическую функцию. Исследуются причины конфликтов ценностей и норм семейного права и предлагаются способы их разрешения.

Ключевые слова: ценности; социальное регулирование; семейные отношения; механизм правового регулирования; конфликты социальных норм.

Abstract. In the article the author considers the place of values in the system of social normative regulators of family relations. It is concluded that values are the sources of social norms formation, integrate the stages of social regulation of family relations, combine normative social regulators into a single regulatory system, give social normative regulators the character of values, perform the role of criteria for assessing social norms, work as catalysts or inhibitors of the action of normative social regulators, contribute to the resolution of conflicts between them, perform a prognostic function. The causes of conflicts of values and norms of family law are investigated and the ways of their resolution are offered.

Key words: values; social regulation; family relations; mechanism of legal regulation; conflicts of social norms.

В системе общественных отношений семейные отличаются личным, доверительным, эмоционально-чувственным характером. Многие из них объективно не поддаются правовому воздействию, например, отношения любви, уважения, преданности, эмпатии, авторитета, интимные отношения. Именно поэтому в регулировании семейных отношений, наряду с нормами права, существенная роль отводится иным социальным нормам: религиозным правилам, этическим нормам, национальным традициям, местным обычаям и др. Безусловно, мы не умаляем значение несоциальных регуляторов, а также психологических качеств личности, психических процессов и психических состояний как детерминант поведения личности в семейных отношениях.

Особое место в системе социальных нормативных регуляторов семейных отношений принадлежит ценностям. Исследованием ценностей занимаются ученые в рамках различных наук, широко распространены и междисциплинарные исследования [8, с. 25–27]. В отечественной юриспруденции основные подходы к пониманию ценностей можно сгруппировать следующим образом:

1) интерес субъекта;

2) предметы, явления, их свойства, обладающие способностью удовлетворять потребности человека и общества;

3) способность, функция;

4) значимость;

5) явления, возникающие в результате взаимодействия свойств предметов и направленных на них потребностей.

Так, по мнению Ю. А. Демидова, ценность – это общественные и личные интересы [3, с. 50]. Полагаем, что подобное понимание ценностей полностью отождествляет их с интересами, лишая самостоятельного содержания и сущностной природы.

В. Н. Кудрявцев к ценностям относит предметы, явления и их свойства, которые необходимы и полезны людям определенного общества или социальной группы и отдельной личности в качестве средства удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала [5, с. 64]. Похожего понимания ценностей придерживается А. Ф. Черданцев. По его мнению, ценностями для человека становится то, что служит удовлетворению его личных или общественных потребностей [11, с. 22]. Мы полагаем, что ценности нельзя сводить к способности или средствам удовлетворения потребностей человека, поскольку такие общечеловеческие ценности, как альтруизм, приоритет общего блага над частными интересами не удовлетворяют потребности конкретного человека, тем не менее личность следует этим ценностям.

С точки зрения В. М. Баранова, ценность – это способность служить целью и средством для удо-

© Якушев П. А., 2019

влетворения научно обоснованных, социально-справедливых, прогрессивных общечеловеческих и групповых потребностей и интересов граждан и социальных групп; при этом ценность нельзя сводить к понятию значимости [1, с. 266, 282].

Под ценностями также понимают сложившуюся в условиях цивилизации и поддерживаемую людьми форму их отношения к общезначимым образцам культуры, от осознания и принятия которых зависит способность каждого индивида моделировать поведение: оценивать настоящее, проектировать будущее и сохранять в памяти прошлое [4, с. 72–75].

Ценности, считает Л. С. Мамут, – это явления особой реальности, возникающие в результате взаимодействия свойств предметов объективной реальности и направленных на них потребностей и интересов субъектов [7, с. 49].

И. Д. Мишина отмечает, что, имея духовную, идеальную природу, ценности не зависят от человеческих потребностей и желаний и не выводятся из них; ценности важны не как средства для достижения чего-то другого, а сами по себе; ценности воплощаются в идеях, идеалах, принципах, целях, нормах. По ее мнению, ценности есть сущности особого рода, бытие которых подчинено законам, отличным от бытия материального мира, и которые обладают универсальным характером и императивом должествования [8, с. 28, 29, 44].

Полагаем, что, действительно, ценности – это явления, имеющие идеальную природу, и выражаются они в представлениях о должном, носящих нормативный характер, поскольку выступают идеальным образом порядка, который должен существовать.

Материальные предметы, явления и их свойства имеют ценность, но это не ценности, ценностями являются представления об этих материальных предметах как о важных и необходимых. Ценности способны удовлетворять потребности, но не индивидуальные, а общественные (групповые), поскольку если исходить из того, что явления становятся ценностями в силу их способности удовлетворять индивидуальные потребности, неизбежно произойдет отождествление ценностей и потребностей либо ценностей и способа удовлетворения потребностей. В этом случае можно будет говорить о чашке кофе как о ценности, о приобретаемом для ежедневных поездок по городу проездном документе как о ценности и т. д., но в рассматриваемом нами аспекте ценности удовлетворяют потребности общества в целом либо значительной его части – социальной группы. Например, семья как традиционная ценность обеспечивает демографическое воспроизводство населения, воспитание новых поколений, первичную социализацию личности, поддерживает физическое и психическое здоровье членов общества, осуществляет экономическую поддержку нетрудоспособных членов общества, передает из поколения в поколение базовые социальные нормы и ценности.

В рассматриваемом аспекте ценности не субъективны, а объективны, они историчны и цивилизационны, формируются в результате исторического развития под влиянием социальных, экономических, политических, культурных и иных факторов, изменение которых может приводить к трансформации ценностей, замещению их другими ценностями.

Таким образом, ценности – это исторически сформированные в обществе нормативные модели должного, направленные на удовлетворение потребностей общества в целом либо отдельных социальных групп и поддерживаемые большинством членов общества либо социальной группы.

Ценности являются аксиолого-онтологическим фундаментом социальных норм (норм права, морали, религии, корпоративных норм и др.), которые выступают практическими инструментами реализации ценностей. По справедливому утверждению Т. Парсонса, «ценность – это нормативный стандарт, который определяет желаемое поведение системы без дифференциации функций единиц или их частных ситуаций, а норма является стандартом, определяющим желаемое поведение для единицы или класса единиц в специфических контекстах, дифференцированных от контекстов, связанных с другими классами единиц» [10, с. 703]. Поддерживая указанный подход, отметим, что социальные нормы (нормы права, морали, религии, корпоративные нормы и др.) – это практические инструменты воплощения ценностей.

Полагаем, что в системе социальных нормативных регуляторов семейных отношений ценностям принадлежит базовая нормоформирующая роль: на основании общих идеальных образов о должном и недопустимом, правильном и неправильном, добре и зле, долге и свободе формируются конкретные нормы права, религии, морали, иных социальных нормативных регулирующих систем.

Например, ценность свободы формирует в праве нормы о конституционных неотчуждаемых правах и свободах человека и гражданина, о недопустимости злоупотребления правами, о свободе договора, о добровольности брачного союза и т. д.; в религии – догматы о свободе воли человека, о свободе от греха и страстей и др.; в морали – нормы о свободе выбора и ответственности за его осуществление, о соотношении личностной и коллективной свободы и др.

Вследствие единой ценностной онтологической основы нормы разных социальных регуляторов могут иметь одно и то же содержание. Например, приоритет семейного воспитания ребенка – содержание и принципа, закрепленного в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации, и нравственных установок большинства членов общества, и религиозных норм в христианстве, исламе и других мировых религиях. При этом нормы различных социальных регуляторов не утрачивают свое качество и остаются нормами разного вида: правовыми, моральными, религиозными, различаясь по порядку и способам установления, адресату, авторитету, внутренней или внешней стороне регулируемого поведения, санкциям, поэтому не может существовать норма, которая одновременно является и правовой, и моральной, и религиозной [2, с. 92].

Процесс социального регулирования общественных отношений включает следующие стадии: создание проекта идеального образа порядка, постановка стратегических и тактических задач; выработка норм на базе представлений о должном; реализация норм в соответствии с целями, стратегическими и тактическими задачами упорядочения общественных отношений. Все эти стадии объединяются благодаря ценностям в общий культурно-регулятивный контекст, на что справедливо обращает внимание Г. В. Мальцев [6, с. 27]. Ценности объединяют все социальные регуляторы в единую регулирующую систему с общими целями и задачами, имеющими единую аксиологическую основу. И. Д. Мишина обоснованно указывает на то, что все социальные регуляторы обладают ценностным единством, имея в основе проявление свободы воли личности, обращены к ответственности личности за свои решения и действия [9, с. 69].

Кроме того, ценности придают иным социальным нормативным регуляторам характер ценностей. Так, закон аксиологически является самостоятельной ценностью. Вследствие ценности социального регулятора он может действовать и при отсутствии внутреннего желания субъекта его соблюдать. Правовая норма, не согласующаяся с нормой морали или иным социальным регулятором, может вызвать у субъектов правоотношений отрицательную нравственную реакцию и, как следствие, стремление ее не исполнять. Однако если право воспринимается субъектом как ценность, что выражается в норме морали, осуждающей нарушение действующих правовых норм, то в результате норма права будет соблюдена.

Конфликты ценностей и норм права требуют отдельного детального исследования, перечислим лишь основные причины таких конфликтов и способы их разрешения.

К основным причинам конфликтов норм семейного права и ценностей можно отнести следующие:

1) регулирование правом отношений, которые не должны входить в предмет правового регулирования (например, в Ирландии согласно ст. 12 Акта об усыновлении усыновитель должен принадлежать к той же конфессии, что и ребенок, либо к одной из указанных в законе церквей, что, на наш взгляд, является вторжением государства в сферы, находящиеся за пределами предмета правового регулирования);

2) нормы права не отражают реальные общественные отношения и систему ценностей общества либо его значительной части, «не успевая» за изменениями ценностей либо «опережая» их;

3) дефекты правовых норм (например, закрепляя основания лишения родительских прав, законодатель использует недостаточно определенные формулировки, допускающие их расширительное толкование, что противоречит традиционной ценности семейного воспитания ребенка);

4) разнородность общества, возможность одновременного существования в нем нескольких ценностных систем (для представителей старшего поколения ценностями могут быть семья, взаимное уважение, забота о близких, альтруизм, для молодежи – карьера, успех, самореализация, получение благ от жизни «здесь и сейчас»);

5) субъективные особенности законодателя, правоприменителя, участников правоотношений.

К способам разрешения конфликтов ценностей и норм семейного права, по нашему мнению, можно отнести:

1) избегание конфликта (например, вследствие различных представлений родственников брачующихся о традициях и обрядах, которые должны быть учтены при проведении свадебной церемонии, жених и невеста решают провести бракосочетание так сказать в узком кругу, только с участием свидетелей, без приглашения большого числа гостей);

2) блокирование действия нормы права либо ценности (например, декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» судам при рассмотрении всех дел запрещалось применять нормы дореволюционного законодательства, а в условиях правового вакуума предписывалось руководствоваться «революционной совестью и революционным правосознанием»);

3) приведение одного регулятора в соответствие с другим (так, в нашей стране под влиянием распространенных в обществе семейных ценностей в 1926 г. была введена норма о легализации внебрачного сожительства, а в 1944 г. фактические брачные отношения вновь перестали порождать правовые последствия);

4) компромисс или гармонизация, когда происходит одновременная корректировка и ценности, и нормы. Например, заимствование из распространенных в Европе институтов ювенальной юстиции способов защиты прав ребенка, не связанных с сопровождающимся изъятием ребенка из семьи, лишением родительских прав, изменит и нормы семейного законодательства и одновременно скорректирует традиционные семейные ценности в части положительной ценностной оценки новых, но нерадикальных форм вмешательства в дела семьи, заменяющих традиционные радикальные.

Ценности являются критериями «легитимности» социальных норм. Например, ст. 228 Гражданского кодекса Франции, предусматривавшая, что женщина вправе вступить в новый брак лишь по истечении 300 дней после прекращения предшествующего брака, с аксиологических позиций противоречила равенству мужчины и женщины, ценности семьи, поэтому в 2004 г. указанная статья была отменена.

Ценностям принадлежит роль катализаторов действия социальных норм, содержательно соответствующих ценностям, или ингибиторов действия нормативных социальных регуляторов, противоречащих ценностным установкам и вступающих с ними в конфликт.

В случае противоречия между социальными нормами ценности позволяют разрешать возникающие конфликты. Так, если религиозная норма, ограничивающая количество повторных бра-

ков, противоречит норме права о допустимости неограниченного количества вступлений в брак, то субъект будет разрешать возникший конфликт, исходя из ценностных установок.

Знание о существующей в обществе системе ценностей позволяет спрогнозировать развитие социального нормативного регулирования. Так, если в обществе распространены ценности, основанные на равенстве, толерантности, самореализации, то имеются основания для прогноза, что в обществе будут распространены правовые гарантии на внебрачные сожительства, и, наоборот, если в обществе распространены традиционные семейные ценности, то внебрачные сожительства как противоречащие традиционным ценностям не будут легализованы.

Таким образом, ценности в системе социальных нормативных регуляторов семейных отношений: являются источниками формирования социальных норм, регулирующих семейные отношения; интегрируют стадии социального регулирования семейных отношений; объединяют все нормативные социальные регуляторы семейных отношений в единую регулирующую систему с общими целями и задачами; придают иным социальным нормативным регуляторам семейных отношений характер ценностей; являются критериями оценки и измерения социальных норм, регулирующих семейные отношения; выступают катализаторами или ингибиторами действия нормативных социальных регуляторов семейных отношений; способствуют разрешению конфликтов между социальными нормативными регулирующими системами семейных отношений или отдельными социальными нормами; позволяют спрогнозировать тенденции развития социального нормативного регулирования семейных отношений.

Библиографический список

1. *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В. М. Баранов. – Саратов : СГАП, 1989. – 400 с.

2. *Баранов В. М.* К вопросу о коллизии между правом и моралью / В. М. Баранов, В. Б. Першин, И. В. Першина // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 88–94.

3. *Демидов Ю. А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. А. Демидов. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 182 с.

4. *Елисеев С. Г.* Свобода, равенство и справедливость в системе правовых ценностей / С. Г. Елисеев, А. Н. Чертков // Законодательство и экономика. – 2014. – № 11. – С. 72–80.

5. *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1986. – 448 с.

6. *Мальцев Г. В.* Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 799 с. – ISBN 978-5-91768-175-7.

7. *Мамут Л. С.* Ценность как проблема науки о государстве / Л. С. Мамут // Общественные науки и современность. – 1996. – № 4. – С. 45–50.

8. *Мишина И. Д.* Нравственные ценности в праве : специальность 12.00.01 «Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Мишина Ирина Дмитриевна ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 1999. – 200 с.

9. *Мишина И. Д.* Ценностное единство нравственности и права / И. Д. Мишина // Теория государства и права : сб. ст. – Красноярск : ЮИ КГУ, 2004. – ISBN 5-9604-0005-7. – С. 68–86.

10. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2000. – 800 с. – ISBN 5-8291-0016-9.

11. *Черданцев А. Ф.* Социальная ценность социалистического права / А. Ф. Черданцев // Советское государство и право. – 1978. – № 7. – С. 21–28.

References

1. *Baranov V. M.* The Validity of Soviet Law. Saratov, SGAP, 1989. 400 p.

2. *Baranov V. M., Pershin V. B., Pershina I. V.* On the Conflict between Law and Morality. *Yuridicheskaya Tekhnika*. 2017. No. 11. P. 88–94.

3. *Demidov Yu. A.* Social Value and Evaluation in Criminal Law. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1975. 182 p.

4. *Eliseev S. G., Chertkov A. N.* Freedom, Equality and Justice in the System of Legal Values. *Zakonodatel'stvo i E'konomika*. 2014. No. 11. P. 72–80.

5. *Kudryavcev V. N.* Law, Deed, Responsibility. Moscow, Nauka, 1986. 448 p.

6. *Mal'cev G. V.* Social Foundations of Law. Moscow, Norma, INFRA-M, 2011. 799 p. ISBN 978-5-91768-175-7.

7. *Mamut L. S.* Value as a Problem of Science about the State. *Obshhestvenny'e Nauki i Sovremennost'*. 1996. No. 4. P. 45–50.

8. *Mishina I. D.* Moral Values in Law. Ekaterinburg, 1999. 200 p.

9. *Mishina I. D.* Value Unity of Morality and Law. *Theory of State and Law*. Krasnoyarsk, YuI KGU, 2004. ISBN 5-9604-0005-7. P. 68–86.

10. *Parsons T.* The Structure of Social Action. M., Akademicheskij Proekt, 2000. 880 p. ISBN 5-8291-0016-9.

11. *Cherdancev A. F.* Social Value of Socialist Law. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*. 1978. No. 7. P. 21–28.

Библиографическое описание статьи

Якушев П. А. Ценности в системе социальных нормативных регуляторов семейных отношений / П. А. Якушев // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 195–198.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

УДК 342.7+343.4

Шокин Сергей Евгеньевич,
доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала РАНХиГС кандидат юридических наук
E-mail: Shokin-sergey2015@yandex.ru

Shokin Sergej E.,
Assistant Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Law)

Андронова Виктория Антоновна,
студент 2-го курса факультета права Владимирского филиала РАНХиГС
E-mail: Andronova1940@mail.ru

Andronova Viktoriya A.,
Student 2nd Course of Faculty of Law of Vladimir Branch of the RANEPA

СУИЦИД ИЛИ УБИЙСТВО?
(о противоречивости законодательства об эвтаназии в зарубежных странах)

Suicide or Murder?
(on contrast of legislation on euthanasia in foreign countries)

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования эвтаназии в зарубежных странах. Авторами анализируются понятие и формы эвтаназии, а также рассматривается правовое регулирование данного феномена в таких странах, как Голландия, Бельгия, США и др. В статье подняты вопросы о праве человека на жизнь и на смерть и об отношении к этому праву общества, а также предприняты попытки определить грань между суицидом и убийством при осуществлении акта эвтаназии.

Ключевые слова: эвтаназия; эвтаназия в зарубежных странах; личные права человека; общество; преступление против жизни; право на жизнь; право на смерть; «легкая смерть»; суицид; убийство.

Abstract. The article is devoted to the consideration and analysis of legal regulation of euthanasia in foreign countries. The authors reveal the concept and forms of euthanasia, as well as the legal regulation of this phenomenon in countries such as the Netherlands, Belgium, the United States. In addition, the article raises questions about the human right to life and death and the attitude of society to it. The article attempts to determine the line between suicide and murder in the implementation of the act of euthanasia.

Key words: euthanasia; euthanasia in foreign countries; personal human rights; society; crime against life; the right to life; the right to death; «easy death»; suicide; murder.

Право человека на жизнь является естественным и неотъемлемым и законодательно закреплено как в конституциях, так и иных правовых актах каждого государства и международных правовых документах. В частности, международные конвенции закрепляют права личности, и среди таковых главное место занимает право на жизнь (например: ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах; ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

В конституциях отдельных стран такое право закреплено прямо. В частности, ст. 20 Конституции Российской Федерации декларирует право на жизнь, аналогичное закрепление права на жизнь содержится в ст. 10 Союзной конституции Швейцарской Конфедерации и многих других. Конституции ряда государств непосредственно не содержат такого права, но из контекста их положений оно усматривается. Обладая таким правом, любой человек волен им распоряжаться по своему усмотрению, но, разумеется, в рамках, определенных законом, и, как представляется, человек также вправе определять для себя, в какой момент это право может быть прекращено.

Возникает вполне определенный вопрос: а есть ли у человека вообще право на смерть? В данном контексте мы не будем рассматривать такие явления, как естественная и насильственная смерть (смертная казнь и криминальное убийство). История человечества и практика показывают, что добровольный уход из жизни возможен в двух случаях – суицид и эвтаназия.

Суицид является достаточно распространенным способом ухода из жизни. По некоторым данным, ежегодно в мире добровольно сводят счеты с жизнью порядка 800 тыс. чел. [5]. Самоубийство как явление осуждается и обществом, и церковью. Например, в христианстве самоубийцы не подлежат отпеванию, так как считаются грешниками, ранее они не подлежали захоронению на общих кладбищах. В некоторых странах раньше самоубийство расценивалось как уголовное преступление. Так, при неудачной попытке самоубийства в Великобритании до 1961 г. человек подвергался уголовному преследованию, а в Ирландии аналогичный закон действовал до 1993 г. История знает огромное множество способов совершения суицида. А можно ли поставить знак равенства между суицидом и эвтаназией?

Эвтаназия как явление уже нашла своих сторонников и получила законодательное закрепление в ряде государств.

Что такое эвтаназия? Благо для человека? Самоубийство? Убийство?

© Шокин С. Е., Андронова В. А., 2019

В настоящее время прослеживается достаточно печальная мировая тенденция, демонстрирующая увеличение количества людей, страдающих неизлечимыми заболеваниями. Исходя из этого, возникает необходимость в облегчении страданий, переносимых больными, а также в создании для них благоприятных условий, благодаря которым у тяжелобольных людей появляются желание и силы прожить отведенное им время. Однако практика показывает обратное: поскольку не каждый человек в состоянии терпеть физические и психологические страдания в результате болезни, то он может категорически отказаться от лечения и от жизни в целом. В связи с этим в последние 20–25 лет увеличивается число инцидентов, относящихся к борьбе за право на применение эвтаназии. На данный момент этот феномен получил неоднозначную оценку со стороны общественности как с медицинской, так и нравственной точек зрения.

Сам термин «эвтаназия» появился в XVII в. Известный английский философ Френсис Бэкон определил его как «легкую смерть». Он рассматривал данное явление в виде ускорения смерти неизлечимо больного человека с целью прекращения его невыносимых страданий (но только в том случае, если сам больной просил об этом) и при этом провозглашал идею права человека на выбор. В XIX в. термин был расширен и стал означать «умертвление кого-либо из жалости», а значит, не всегда на добровольный основе.

В настоящее время существует множество определений понятия «эвтаназия», но ни одно из них не является исчерпывающим [2, с. 30]. В самом общем смысле под эвтаназией (от греч. εὖ – хорошо + θάνᾰτος – смерть) понимается практика прекращения жизни человека, страдающего неизлечимым заболеванием и испытывающего вследствие этого заболевания невыносимые страдания, по его просьбе.

Различают следующие формы эвтаназии: пассивная; активная, добровольная, недобровольная (принудительная). Пассивная эвтаназия заключается в том, что пока пациент находится в сознании и способен самостоятельно принимать решение, между ним и врачом заключается (как правило, письменно) некое соглашение, руководствуясь которым врач прекращает оказывать медицинскую помощь, направленную на продление жизни, ограничиваясь лишь терапией, направленной на снятие симптомов болезни, и применяет только обезболивающие препараты, позволяющие неизлечимо больному человеку уйти из жизни естественным путем, не подвергая себя мучениям.

Активная эвтаназия предполагает введение больному каких-либо препаратов, влекущих за собой летальный исход больного. В итоге применение активной эвтаназии приводит к быстрой смерти пациента. Причем в данной процедуре врач выступает ключевым звеном, поскольку именно он прикладывает определенные усилия, чтобы прекратить мучения больного и тем самым закончить его жизнь. В зарубежных странах многие врачи, занимающиеся практикой эвтаназии, прибегают к ней лишь в тех случаях, когда будет доказано, что человек страдает от конкретного заболевания, приносящего больному непереносимые физические страдания, и которое не поддается дальнейшему излечению, а в отдельных случаях и симптоматической терапии.

Добровольная эвтаназия, как представляется, может рассматриваться как реализация права человека на смерть. Каждый вправе самостоятельно распоряжаться своей жизнью, и достойный уход – часть этого права. Добровольным такое право становится в тех случаях, когда пациент просит врача прервать его жизнь. Однако нужно понимать, что этот процесс будет достаточно длительным, так как необходимо испробовать все возможные способы излечения. Кроме того, должна пройти и обязательная работа с психиатром. Люди с психическими расстройствами вряд ли смогут убедительно аргументировать свой добровольный уход из жизни.

Недобровольная (принудительная) эвтаназия заключается в том, что человек может быть ей подвергнут без его согласия ввиду того, что не может самостоятельно выразить своего желания уйти из жизни, находясь, например, длительное время в бессознательном состоянии. И такое решение может быть принято либо врачами, либо родственниками больного, либо ими совместно. Однако в любом случае должно быть безоговорочно доказано, что нет никаких шансов возврата к полноценной жизни и болезнь неизлечима. Дополнительным фактором принятия решения в этом случае является физическая боль, испытываемая человеком.

Одной из первых стран, легализовавшей такие формы эвтаназии, как пассивная и активная, стала Голландия. Применение эвтаназии в этом государстве регламентируется уголовным законодательством и законом от 1 апреля 2001 г. «Прекращение жизни по запросу и ассистируемый суицид». Этот закон освобождает врачей, помогающих неизлечимо больным пациентам уйти из жизни, от уголовной ответственности [3, с. 54]. В нем также регламентируется процедура ухода, включающая в себя несколько этапов:

– информирование врача;

– получение разрешения комиссии по этике, в том числе если комиссия дает отрицательное заключение, то у больного имеется возможность обратиться к прокурору и в комиссию при Министерстве здравоохранения, благополучия и спорта.

В соответствии с законом активная эвтаназия допускается при соблюдении следующих условий: 1) наличие невыносимых страданий, испытываемых больным, и невозможность их облегчения; 2) личная просьба больного о медикаментозной помощи в уходе из жизни; 3) обязанность врача проконсультироваться с еще одним независимым специалистом; 4) обязанность врача сообщить в соответствующие государственные структуры о факте «неестественной смерти». Лишь при выполнении всех приведенных выше условий врач освобождается от уголовной ответственности. Если же

врачом были нарушены правила об эвтаназии, он может быть осужден с назначением наказания сроком до 12 лет лишения свободы [7, с. 25].

Анализ данного закона позволяет нам сделать вывод о том, что он не может рассматриваться как безупречный, а ряд его положений и вовсе представляются довольно противоречивыми. Так, в частности, его цель принципиально состоит не только в том, чтобы позволить больному «легко» уйти из жизни, но также и в том, чтобы освободить врачей, помогающим в этом неизлечимо больным, от уголовной ответственности. То есть право человека (в рассматриваемом контексте – пациента) на смерть не подвергается сомнению. Здесь, как представляется, просматривается желание законодателя сделать «убийство» законным, иными словами, соблюсти прописанные в законе процедуры. С одной стороны, все объясняется гуманными порывами, но с другой – встает вполне закономерный вопрос: а может ли в принципе смерть человека рассматриваться как акт проявления гуманизма? Помимо этого, не все решает врач. Кроме него, просьбу пациента, пусть и косвенно, призваны удовлетворить и ряд комиссий. Если при несоблюдении врачом указанных в законе процедур и условий он может быть подвергнут уголовному преследованию, как представляется, за убийство, то, вероятно, действия членов комиссий должны квалифицироваться как пособничество в убийстве. Такому же уголовному преследованию должен быть подвергнут и независимый эксперт (специалист), который своим заключением убеждает коллегу в правоте принимаемого решения.

Рассуждение о гуманной цели указанного закона также спорно. С одной стороны, это облегчение невыносимых страданий больного, наверное, с определенной долей условности можно объяснить гуманными соображениями. С другой стороны, участниками акта эвтаназии становятся как минимум два человека – пациент и врач. А как может себя чувствовать человек, какие испытывать душевные терзания, умерщвляя, пусть и в рамках закона, другого человека? Здесь уместно привести мнение основоположника научной медицины Гиппократа. Он категорически отрицал сам факт приемлемости эвтаназии: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла» [4, с. 87–88]. Более определенного отношения настоящего врача к дилемме – жизнь или смерть, наверное, невозможно выразить как-то по-другому.

Таким образом, принятый в Голландии закон об эвтаназии вызывает много вопросов и с правовой, и с нравственной точек зрения.

Второй страной после Голландии, совершившей 16 мая 2002 г. столь серьезный шаг в сторону легализации эвтаназии, стала Бельгия. Изначально у закона этой страны была одна специфическая черта проведения процедуры эвтаназии, отличавшая ее от Голландии, сущность которой заключалась в том, что эвтаназия запрещалась в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста (а также приравненных к несовершеннолетним по законодательству). Однако в 2014 г. в Бельгии была легализована эвтаназия детей. Часть населения, выступавшая против эвтаназии, утверждает, что принятый закон является «ничем не ограниченной лицензией на убийство». Теперь право на смерть – такое же неотъемлемое для граждан Бельгии, как и право на жизнь [6].

Вместе с нормативным правовым актом о разрешении эвтаназии в Бельгии был принят документ, в котором законодатель говорит о создании служб «паллиативного попечительства», причем в их обязанности входит не только оказание физической помощи больному (обезболивание мучений), но и предоставление психологической поддержки человеку. В случае, если врач получает просьбу о проведении эвтаназии, он обязан сообщить пациенту о существовании такой службы.

С 28 апреля 2005 г. в ряде аптек Бельгии стал продаваться набор для эвтаназии стоимостью около 60 евро. Однако купить его может не каждый человек, а только семейный врач. Это обусловлено тем, что большинство желающих смертельной инъекции хотят сделать это дома. В состав набора для эвтаназии входит масса препаратов, которые находятся под строгим контролем медицинских учреждений.

Вопрос о том, легализована ли эвтаназия в США, – достаточно спорный и неоднозначный, особенно с учетом специфичности законодательства этого государства. Закон, допускающий оказание медицинской помощи в осуществлении самоубийства больным в терминальной стадии1, в 1994 г. принят в штате Орегон, в 2008 г. – в штате Вашингтон (но уже в 2012 г. он был отменен). В штате Вермонт закон, разрешающий эвтаназию, принят в 2013 г. Закон об эвтаназии также реализуется и в штате Монтана. Диаметрально противоположное отношение к эвтаназии сложилось в штате Джорджия, где в марте 2012 г. губернатор штата подписал законопроект, запрещающий эвтаназию [8]. В Калифорнии в октябре 2015 г. принят закон «О праве на смерть», который разрешает проведение эвтаназии [1]. Таким образом, процедура разрешена в четырех штатах США.

Законом штата Орегон «О достойной смерти» установлено, что введение инъекции пациенту осуществляется им самим, а врач лишь выписывает необходимую для летального исхода дозу препарата. В Калифорнии для реализации данной процедуры больному необходимо не менее трех раз обратиться с заявлением на проведение данной процедуры. Для всех штатов, в которых пациенты могут воспользоваться «правом на смерть» должны учесть следующее: во-первых, они должны достигнуть 18-летнего возраста, во-вторых, нахо-

[1] Терминальные состояния – патологофункциональные изменения, в основе которых лежат нарастающая гипоксия всех тканей (в первую очередь головного мозга), ацидоз и интоксикация продуктами нарушенного обмена. К терминальным состояниям относят: тяжелый шок (шок IV степени); запредельная кома; коллапс; предагональное состояние; терминальная пауза; агония; клиническая смерть.

диться в здравом уме, в-третьих, данная процедура применяется лишь к тем пациентам, которым осталось жить не более полугода, причем диагноз должен быть подтвержден двумя независимыми специалистами, а свое желание закончить жизнь больной должен высказать трижды.

Эвтаназия в США осуществляется путем смертельной инъекции. Пациенту в вену вводится специальное вещество, которое вводит его в бессознательное состояние, а затем замедляет работу сердца, пока оно совсем не перестает биться.

Кроме вышеперечисленных стран, право человеку на самостоятельное решение о смерти предоставлено лишь в малой части государств. Полностью узаконена «легкая смерть» в Канаде, Швейцарии, Люксембурге. В некоторых государствах допускается пассивная форма эвтаназии. Например, нет четкого запрета на ассистирование смерти в Израиле, Германии, Албании, Испании, Франции. 9 марта 2018 г. пассивная форма эвтаназии была узаконена Конституционной палатой Индии.

В большинстве государств применение эвтаназии признается неприемлемым, более того, преследуется уголовным законодательством. К таким государствам, в частности, относятся Казахстан, Азербайджан, Российская Федерация. В России эвтаназия законодательно запрещена ст. 45 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который определяет эвтаназию как ускорение смерти пациента по его просьбе. В соответствии с указанным законом медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, т. е. ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. С точки зрения УК РФ эвтаназия карается ст. 105 (убийство).

Рассмотрение такого феномена, как «эвтаназия» и анализ законодательства зарубежных стран, в которых она легализована, позволяют сделать вывод о том, что зарубежная практика данного явления отражает попытку «обойти» противоречия между правом и морально-нравственной стороной медицины в вопросе о допустимости добровольного «права на смерть».

Предпринятая нами попытка рассмотрения проблемы законодательного регулирования эвтаназии не может быть определена как однозначная. Вопросы легализации «легкой смерти» имеют много и сторонников, и противников. В современном мире все большее распространение получают идеи о праве человека на выбор и об ответственности за собственную жизнь. Эвтаназия в XXI в. – уже далеко не новость, но пока остается революционной практикой. Тенденция к постепенной легализации говорит о том, что человечество со временем будет либо совершенствовать методы лечения, либо примет факт эвтаназии.

Противники же «легкой смерти» настаивают на том, что невозможно точно и безоговорочно определить безысходность болезни, что возможна диагностическая ошибка, и еще остаются шансы на излечение. Надежду больному на излечение оставляет также и прогресс технологий и фармакологии, т. е. то, что невозможно было вылечить еще несколько десятилетий назад, сегодня вполне излечимо. Кроме того, противники эвтаназии как альтернативу ей называют паллиативную медицину. Такое направление предполагает психологическую помощь, полную терапию симптоматики, удовлетворение всех потребностей больного, что направлено на избавление больного от мучений и призвано обеспечить максимально полную и активную (насколько это возможно в данном случае) жизнь.

Однозначно определить, кто прав, а кто нет, наверное, невозможно, так как эвтаназия – все же спорный метод избавления человека от мучений. Можно долго полемизировать по этому поводу, но все же главной фигурой в этом споре остается больной, который обращается с требованием реализовать такое право для себя. Невозможно полностью оценить эвтаназию с гуманных или преступных позиций людям, никогда не стоявшим перед таким выбором.

Немаловажно и определение взаимосвязи явления эвтаназии с правовой и медицинской точек зрения. Если рассматривать с позиции медицины, то фундаментом данной морали выступают интересы индивида с учетом сложившихся обстоятельств, и она не допускает присущего праву подхода к вопросу жизни и смерти человека. Ее отношение к такому достаточно неоднозначному феномену, как эвтаназия определяется следующим образом: сочетание свободной воли человека к своей жизни и наличие точных медицинских показаний в пользу вмешательства врачей в процесс его смерти.

Если же рассматривать эту проблему с точки зрения права, то смерть представляет собой такое же естественное явление человека, как и жизнь, но при этом возникает следующий вопрос: если право человека на жизнь официально закреплено в международных правовых актах и конституциях государств, то почему до сих пор не закреплено право человека на смерть? И можно ли вообще говорить о таком праве? Ведь жизнь конкретного человека – это все же случайное явление. Мог родиться, а мог и не родиться, и право на жизнь возникает с момента рождения (а в некоторых странах и с момента зачатия1). А смерть наступит в любом случае, т. е. с правовой точки зрения смерть можно рассматривать как обязанность. Действительно, конституционное установление права на жизнь логически означает юридическое закрепление права человека на смерть. Представляется, что в этом и заключается главное противоречие с правовой точки зрения. Смерть человека в данном случае трактуется и как право, и как обязанность. В правовом поле смерть обычно не рассматривается как обязанность (за исключением случаев применения в соответствии с законом смертной казни). В то же время смерть не расце-

[1] Речь идет о государствах, где действует законодательный запрет на аборты.

нивается и как неотъемлемое право человека. Наверное, практически невозможно отыскать в каких бы то ни было правовых нормах любого государства закрепленного права на суицид. В этом случае человек принимает для себя решение самостоятельно. Законодательное же закрепление эвтаназии в ряде государств, пусть и косвенно, с различными оговорками, основаниями, условиями и прочее, пытается легализовать самоубийство. Да, у человека может быть желание уйти из жизни, и на это могут быть веские причины, в частности, неизлечимое заболевание. Между тем, где гарантия, что в дальнейшем границы эвтаназии не будут расширены. Пока в качестве границы выступает заболевание, а в дальнейшем это могут быть депрессия, банкротство, различного рода фобии и многое другое. Ведь толерантность в демократическом западном обществе порой приобретает довольно извращенные формы.

И здесь снова просматриваются противоречия: а самоубийство ли это? Ведь «курок» все же нажимает другой человек (самостоятельно или опосредованно).

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что эвтаназия не может рассматриваться как суицидальное явление. Этот акт – ни что иное, как убийство. Пусть и законодательно завуалированное, но все же убийство. На такой позиции, в частности, стоит и российский законодатель (равно как и законодатель большинства других государств), определяя эвтаназию как убийство.

Позиция права исходит прежде всего из того, что жизнь имеет равную ценность на всех стадиях жизнедеятельности человека, вплоть до наступления его естественной смерти. Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать вполне определенный вывод – в любом случае, что бы ни произошло, жизнь выступает как абсолютное благо, и, вне зависимости от обстоятельств, смерть не может рассматриваться как наиболее приемлемый выход из сложившейся ситуации. Из этого в первую очередь и должен исходить законодатель при принятии законов, устанавливающих право человека на смерть, какой бы «легкой» и «гуманной» она ни была.

Библиографический список

1. Ассамблея Калифорнии одобрила закон «о праве на смерть». – URL: https://www.newsru.com/world/10sep2015/euthanasia.html (дата обращения: 06.06.2019).

2. *Вавилкина Т. В.* К вопросу об эвтаназии в законодательстве зарубежных стран / Т. В. Вавилкина // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 4. – С. 30–34.

3. *Золотарёва Е. А.* Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах / Е. А. Золотарёва // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2014. – № 1. – С. 53–56.

4. Клятва Гиппократа // Избранные книги / Гиппократ. – Москва : Сварог, 1994. – С. 87–88.

5. *Маркина Н.* Самоубийственный гендерный перекос / Н. Маркина. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/09/05_a_6204045.shtml (дата обращения: 06.06.2019).

6. *Сиськович А. Э.* Эвтаназия – благо или величайшее преступление? / А. Э. Сиськович, Н. А. Бутенко // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 8(12). – С. 180–184.

7. *Хамфри Д.* Что такое эвтаназия? / Д. Хамфри // Человек. – 1992. – № 6. – С. 24–28.

8. Эвтаназия – легкая смерть. – URL: https://vuzlit.ru/848914/evtanaziya_-_legkaya_smert (дата обращения: 06.06.2019).

References

1. The California Assembly has approved the right «to death law». URL: https://www.newsru.com/world/10sep2015/euthanasia.html (date of the application: 06.06.2019).

2. *Vavilkina T. V.* On the Issue of Euthanasia in the Legislation of Foreign Countries. *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo*. 2014. No. 4. P. 30–34.

3. *Zolotaryova E. A.* Legal Regulation of Euthanasia in Foreign Countries. *Vestnik Taganrogskogo Instituta imeni A. P. Chekhova*. 2014. No. 1. P. 53–56.

4. Hippocratic Oath. *Hippocrates. Selected Books*. Moscow, Svarog, 1994. P. 87–88.

5. *Markova N.* Suicidal gender bias. URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/09/05_a_6204045.shtml (date of the application: 06.06.2019).

6. *Sis'kovich A. E., Butenko N. A.* Euthanasia – Good or the Greatest Crime? *Nauchno-issledovatel'skie Publikacii*. 2014. No. 8(12). P. 180–184.

7. *Hamfri D.* What is Euthanasia? *Chelovek*. 1992. No. 6. P. 24–28.

8. Euthanasia – easy death. URL: https://vuzlit.ru/848914/evtanaziya_-_legkaya_smert (date of the application: 06.06.2019).

Библиографическое описание статьи

Шокин С. Е. Суицид или убийство? (о противоречивости законодательства об эвтаназии в зарубежных странах) / С. Е. Шокин, В. А. Андронова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 201–205.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

ГРАЖДАНСКАЯ САМОЗАЩИТА, КОНСТИТУЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ
(рецензия на кандидатскую диссертацию А. А. Газаевой
«Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика».
Москва, 2018. 214 с.)

В декабре 2018 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (далее: МГУ) состоялась защита диссертационного исследования А. А. Газаевой на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика». Защита квалификационной работы проходила по новым правилам, по новой модели аттестации научных кадров, действующей в МГУ, согласно которой ведущим вузам страны предоставлено право самостоятельно присуждать ученые степени. В защите квалификационной кандидатской работы приняли участие три официальных оппонента – два доктора юридических наук и один кандидат юридических наук.

Тема, выбранная А. А. Газаевой для исследования, безусловно, актуальна. Существует множество интерпретаций права на самозащиту, что затрудняет формирование целостного научного представления о природе и сущности этой категории. Вызывает интерес авторская аргументации при ответе на вопрос о месте права на самозащиту в классификации основных прав и свобод. Диссертант полагает, что указанное право следует относить к группе личных прав. Любая классификация носит субъективный характер и зависит от исследователя. В этой связи авторское предположение следует признать весьма интересной точкой зрения на поставленную проблему. Согласимся и с мнением о том, что «именно конституционный смысл права на самозащиту является связующим звеном между отраслевыми правомочиями по самозащите» (с. 121). С положительной стороны следует отметить практическую часть исследования, в рамках которой диссертантом проанализирован большой объем правоприменительного материала, обозначены контуры методики судебной аргументации по делам, связанным с реализацией права на защиту.

Вместе с тем, как и любой научных труд, рецензируемая работа не лишена дискуссионных моментов.

1. На с. 7 автор формулирует цель работы, которая «заключается в том, чтобы на основе комплексного правового исследования права на самозащиту теоретически обосновать ценность конституционного содержания изучаемого феномена, а также его влияние на отраслевые правомочия по самозащите и правоприменительную практику». Постановка такой цели сама по себе вызывает вопросы. Комплексной должна быть любая диссертационная работа, и в этом ракурсе данное исследование ничем не отличается от других. Автор не выявил научные труды, в которых оспаривается ценность исследуемого права.

2. Спорным видится и решение вопроса об объекте и субъекте исследования. Нормативные и теоретические источники отнесены к объекту исследования, в то время как к предмету исследования – «юридическая природа права», что не соответствует традиционным подходам к указанным категориям. Специфику же своего подхода автор не раскрывает.

В работе автор значительное внимание уделяет природе права на самозащиту как естественного права человека. «Достаточно того, что он человек и что государство уважает его достоинство», – отмечает А. А. Газаева на с. 23 диссертации. Однако далее (на с. 55–56) она говорит о самозащитной деятельности, приводя примеры из различных отраслей российского права, но не разъясняет свою позицию относительно конституционного права на это деяние.

В диссертации на с. 76 отмечено, что «целью настоящего диссертационного исследования является изучение феномена права на самозащиту именно как личного (индивидуального) права». Во введении об этом не сказано ничего. Предмет диссертационного исследования искусственно и необъяснимо сокращен.

3. Обращает на себя внимание тот факт, что на протяжении всего исследования автор вольно либо невольно противопоставляет конституционный и отраслевой подходы к пониманию права на самозащиту, указывая на «пробел в теории».

Например, на с. 65 диссертации отраслевые правомочия названы эманацией, т. е. выделениями из чего-либо более сложного, но на с. 62 сказано следующее: «…отраслевое понимание объекта и субъекта права на самозащиту представляет собой отраслевую конкретизацию конституционного смысла исследуемого феномена».

Далее, на с. 93 диссертации мы читаем: ««Отраслевые юридические конструкции права на самозащиту связаны отношениями преемственности с конструкцией основного права на самозащиту».

На с. 71 диссертации автор говорит об «отраслевых правомочиях», понимая под ними «юридические формы конституционного права на самозащиту, включенные в определенную отраслевую систему».

«Конституционное право на самозащиту выступает, таким образом, общей категорией по отношению к отраслевым правомочиям по самозащите», – указывается на с. 72 диссертации.

На с. 64 диссертации обнаруживаем еще один «поворот» темы: «В конституционном смысле право на самозащиту представляет собой монолитное правовое явление. Невозможно произвести дробление его содержания и низвести до уровня отраслевых классификаций или отраслевых правомочий».

Таким образом, не ясно, о каком именно соотношении идет речь! Это общее или частное; противоположности или синонимы; категории объективного или субъективного ряда? Широкий или узкий подходы имеются в виду; право или правомочие?

Судя по всему, автор окончательно не определился с соотношением рассматриваемых категорий. Создается впечатление, что он не признает сложившуюся систему права и считает, что существуют некие «отрасли права», а «конституционное право» представляет собой нечто иное. Даже если предположить, что это «сверхотрасль», то все равно она находится в правовой системе государства.

4. При сравнении конституционного права и прочих отраслей автором формулируются некоторые тезисы (они выступают и положениями, выносимыми на защиту), на которых целесообразно остановиться подробнее.

Во-первых, на с. 11 диссертации отмечено, что «конституционное право на самозащиту **реализуется** (выделено нами. – *Ю. З.*) в рамках общерегулятивных отношений», а это в некоторой степени противоречит действительности, поскольку для реализации права на самозащиту необходимо определенное основание – факт нарушения права, которое в последующем будут защищать. Пока нет конкретного правоотношения, мы не можем говорить о реализации самозащиты. В данных обстоятельствах допустимо вести речь о гарантии, но термин «реализация» здесь однозначно не уместен.

Во-вторых, на с. 10–11 диссертации предлагаются некоторые характеристики права на самозащиту, в частности, «наличие специальных требований к правовым качествам и свойствам субъекта». Из соотношения обозначенных подходов следует противоречивый вывод о том, что во всех отраслях права, за исключением конституционного, имеются серьезные ограничения по субъекту, а это сложно принять за истину, так как право на самозащиту в равной степени гарантируется всем людям независимо от каких-либо правовых качеств и свойств.

В целом четвертое положение, выносимое на защиту, требует уточнения: характеристики права на самозащиту с позиции конституционного права и с точки зрения отраслевого подхода сформулированы с нарушением правил элементарной логики, с «обеднением» сущности диалектики.

На с. 42 диссертации отмечается: «Установление особых процедур для реализации нельзя рассматривать как лишение человека свободы осуществления самозащиты, а следует трактовать как помощь со стороны государства». Из этого можно заключить, что сначала государство критикуют за существующую регламентацию (ограничения), а потом утверждают, что это помощь. Авторская позиция по данному вопросу неясна и противоречива.

5. Необходимо обратить внимание на трактовку автором самого понятия права на самозащиту. Так, на с. 99 диссертант утверждает: «Сущность права на самозащиту (в отраслевом понимании) заключается в том, что изначально оно не может быть осуществлено без причинения вреда». То есть для самозащиты в авторском видении важен факт причинения вреда, но как быть с авторскими рассуждениями на с. 13 и 177 диссертации о возможном предотвращенном вреде. Диссертанту следует более точно определиться с основанием возникновения права на самозащиту.

6. Некоторые суждения диссертанта тавтологичны. Например, на с. 111 диссертации автор утверждает, что «…возможность совершения действия по самозащите должна соответствовать определенной цели – защите прав».

7. На с. 103 диссертации содержится следующий тезис: «Важным условием правомерности является действительность посягательства. Это означает, что оно должно быть реально существующим, а не воображаемым. Данное условие имеет большое значение, позволяет отграничить самозащитные действия от противоправных». В данном случае диссертант, по нашему мнению, противопоставляет самозащиту и противоправные действия, хотя ранее он утверждал, что даже обращение в органы власти будет являться реализацией самозащиты. Следовательно, мы можем предположить ситуацию, когда лицо подразумевало посягательство на свои права и пожаловалось в органы власти. Если посягательство, по логике автора, не подтвердилось, то это лицо совершило противоправное деяние. Вероятно, диссертант взял частные признаки из уголовного права и экстраполировал их на общую теорию, конституционный уровень анализа, что вряд ли методологически оправдано.

И вновь на с. 120 диссертации, рассуждая о юридическом факте наличия вреда или угрозы его причинения как основания для самозащиты, автор пишет: «Во всех остальных случаях такие действия будут признаны неправомерными и будут расцениваться в качестве правонарушения».

8. На с. 179 диссертации, перечисляя свойства права на самооборону с точки зрения конституционного подхода, автор выделяет два разных свойства, а говорит об одном и том же – о неотъемлемости и неотчуждаемости.

9. Заключительный параграф диссертации посвящен преимущественно анализу судебной практики по вопросам превышения пределов необходимой обороны, а также реализации норм трудового законодательства о вынужденном прогуле. При этом выводы делаются об отраслевом подходе к исследуемому явлению в целом. Кстати, приведенный пример на с. 174 диссертации на первый взгляд касается материального вреда, но и он заимствован из области необходимой обороны уголовно-правового среза. И здесь автора можно упрекнуть в методологическом «сдвиге» – нельзя на основе анализа двух-трех отраслей права делать теоретические обобщения о всей системе права, обо всем институте самозащиты в целом.

10. Считаем необходимым обратить внимание автора на международные правовые акты о правах человека, которые были лишь упомянуты в самом общем виде на с. 27 диссертации: «Подобная мысль выражена в целом ряде правовых документов, как международных, так и национальных». Однако за этим не последовало никакого подробного юридического анализа конкретных международных правовых актов, что не может негативно не отразиться на комплексности диссертационного исследования.

11. Научная достоверность требует от исследователя знания всех работ, имеющих непосредственное отношение к выбранной теме. Без этого нельзя в полном объеме охарактеризовать степень ее разработанности, оценить вклад предшественников. Анализ текста диссертации и библиографического списка свидетельствует о том, что автор обошел вниманием целый ряд серьезных, новаторских работ. Не исследованы не только содержательные статьи[1], но и диссертации[2].

Помимо вышеуказанных замечаний, следует отметить также наличие ряда технических недочетов непосредственно в тексте работы (опечатки, грамматические, синтаксические, логические ошибки):

1) имеют место неоднократные ошибки при склонении по падежам: с. 3 диссертации: «…в качестве высшей ценностью»; с. 79: «основной целью совершения таких действий стала защиты прав и свобод»; с. 151: «Последний был незаконно привлечен к уголовной ответственности за действия, которые в свете неправильной квалификации из законно примененной самозащите трансформировались в особо тяжкое преступное деяние – предумышленное убийство»;

2) в сноске 131 на с. 59 диссертации имеет место грубая невнимательность автора, приведшая к текстовому дублированию: «Микшис Д. В. Самозащита в гражданском праве России : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С Микшис Д. В. Самозащита в гражданском праве России : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 17»;

3) на с. 60 диссертации пропущен предлог: «А. Б. Канунников и А. Б. Пастухов подчеркивают, что рамках трудового права»;

4) в сноске 368 на с. 148 диссертации электронный адрес источника оформлен ненадлежащим образом, более того, текст сноски выделен цветом, имеющим фиолетовый оттенок: «Постановление Приютненского районного суда Республики Калмыкия от 29 августа 2011. №URL:http://priyutninsky.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=88 (дата обращения: 07.09.2017).» Подобное в работе встречается неоднократно (см. с. 158, сноска 385, с. 163, сноска 392*)*;

5) неточно указана дата защиты диссертации на с. 204: «Мальцев, М. Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству: теоретико-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мальцев Максим Николаевич. – Саратов, 2007 (в то время как защита состоялась 8 декабря 2016 г.). – 194 с.»;

---

[1] *Баранов В. М.* Акты гражданской самозащиты в системе правовых отношений Российской Федерации // Правовые отношения в условиях социально-экономических преобразований. Владимир, 1997. С. 8–10 ; *Баранов В. М., Сиятскова Л. А.* Конституционное право на самозащиту в современной России (опыт критического анализа новейшего диссертационного исследования) // Юрист-Правоведъ. 2004. № 1. С. 101–107 ; *Баранов В. М.* Гражданская самозащита в правозащитной системе государства // Социология и право. 2011. № 1. С. 86–103 ; *Федоскин Н. Н.* К вопросу о самоуправстве (самозащите) в римском праве // Теория и практика юридической науки в современной России : сб. науч. ст. Смоленск, 2014. С. 45–48 ; *Яворчук Н. Н., Литвинова И. В.* К вопросу о самозащите трудовых прав // Соврем. право. 2012. № 3. С. 99–103 ; *Сахно С. В.* О защите и самозащите гражданских прав и законных интересов // Евраз. юрид. журн. 2016. № 2(93). С. 332–333 ; *Таджибова М. Д.* Самозащита гражданских прав // Аллея науки. 2018. № 11(27). С. 733–737 ; *Румянцев С. А.* Самозащита в праве: некоторые теоретические и правоприменительные аспекты : монография. Владимир, 2018. 156 с.

[2] *Страунинг Э. Л.* Самозащита гражданских прав : дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. 167 с. ; *Зиновьева О. П.* Самозащита гражданских прав в законодательстве России : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 166 с. ; *Лазаренкова О. Г.* Право удержания и самозащита в современном гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. 197 с. ; *Лебедев С. И. С*амозащита гражданских прав в договорных отношениях : дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 184 с.

6) на с. 4 и 199 диссертации неверно указана фамилия исследователя: «Гончарова, Е. И. Право на самозащиту как одна из форм защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина / Е. И. Гончарова // Известия высших учебных заведений. – 2006. – № S22. – С. 81–83», тогда как автором данной статьи является Гончаров Евгений Иванович;

7) диссертантом допущены ошибки в названии параграфов. Так, в оглавлении параграф 2 главы 3 назван «Право на самозащиту в судебных решениях Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции», а в тексте работы – «Выбор подхода и его влияние на правозащитный результат в практике Верховного суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции»;

8) в списке сокращений и условных обозначений происходит непонятное дублирование идущих друг за другом позиций:

«**СЗ РФ** – “Собрание законодательства Российской Федерации”

РГ – “Российская газета”

СЗ РФ – “Собрание законодательства Российской Федерации”

РГ – “Российская газета”».

Эти досадные технические дефекты мы приводим не для того, чтобы умалить достоинство исследователя. Дело в том, что в массовом правосознании и профессиональном юридическом сообществе уже сложился позитивный стереотип – ведущие вузы России, которым предоставлено право организовывать и проводить защиты по собственным правилам, доверено выдавать собственные дипломы о присуждении ученых степеней, призваны, что называется, «выдавать» новаторские, образцовые во всех отношениях диссертации.

Диссертация А. А. Газаевой «Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика», по всей видимости, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук (у нас, естественно, нет оснований сомневаться в объективности и профессионализме авторитетного диссертационного совета), но образцом для подражания служить вряд ли может.

Адвокат Нижегородской областной коллегии адвокатов
Зуева Юлия Владимировна
E-mail: zuevajulia2009@yandex.ru

Библиографическое описание рецензии

Зуева Ю. В. Гражданская самозащита, конституция, демократия / Ю. В. Зуева // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 208–211. – Рец. на дис.: Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика / А. А. Газаева. – Москва, 2018. 214 с.

Краткие правила опубликования статей

Журнал **«Вестник Владимирского юридического института»** включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки).

Критерии отбора статей: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению статей:

формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman;
кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см;
межстрочный интервал полуторный;
поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см;
объем – не более 1 печатного листа (22 страницы).

Статья должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, e-mail); название статьи; аннотацию; ключевые слова; основной текст; библиографический список, оформленный по ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», который должен включать в себя в алфавитном порядке источники, используемые в статье. Ссылки на источники должны быть сделаны по тексту в квадратных скобках, где указываются порядковый номер источника в библиографическом списке и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения в квадратных скобках разделяются запятой.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: **на русском и английском языках.**

В случае изменения личных данных автор обязан письменно уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К статье необходимо приложить **анкету автора публикации и оператора персональных данных** (оригинал), которая является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, основными рубриками которого являются: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «Теория и история государства и права», «Политические и правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат, имен, статистических данных, формул; за использование данных, не предназначенных для открытой печати. **Авторы гарантируют (несут личную ответственность), что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не представлен одновременно в другие журналы.**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование. Рецензирование проводится в виде двойного слепого рецензирования.

С авторами, в чьих статьях обнаружен заимствованный материал без ссылки на автора и(или) источник заимствования, журнал прекращает сотрудничество.

Материалы представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института по e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru; бумажный вариант по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, ВЮИ ФСИН России (редакционно-издательский отдел).

Статьи в журнале публикуются на платной основе. Стоимость одной публикации – 4 000 руб.

Журнал высылается авторам только **по их просьбе наложенным платежом**.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 40-45-18, 40-45-14, 8-905-649-5050, e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКТМО 17701001) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 04281175960)	Сч. №	40101810800000010002
Банк получателя Отделение Владимир	БИК	041708001
Назначение платежа (КБК): 32011301991010200130 Доход от издательской деятельности, реализация журнала Вестник		